

Л 2040
26620к

Бен Шапкин

**СЕМИРЕЧЬЕ
В ОГНЕ**

Л 2010/266 дк к

Ш 18

894,342-

Ш 329

К

Бен Шапкин

СЕМИРЕЧЬЕ В ОГНЕ

Казахское Государственное издательство
Художественной Литературы
Алма-Ата 1960

*Перевод с казахского
Василия Ванюшина*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В маленькое окно с железной решеткой видна горная вершина — белая, остроконечная, будто головной убор невесты — саукеле; заснеженные кусты можжевельника по ее склонам издали похожи на пучки перьев филина в этом свадебном уборе. Горная цепь Заилийского Ала-Тау протянулась далеко влево и вправо, а на север раскинулись необозримые степи, и по ним бегут бурливые с чистой ледниковой водой реки. Но перед Токашем только один-единственный конус горы, далекий, белый, холодный...

Вчера под вечер и сегодня утром все мелькали и мелькали в квадрате окна хлопья снега. Потом погода прояснилась. Белая гора долго светилась в лучах невидимого солнца, правая грань ее была розовой. Но постепенно синяя густая тень наползала на нее и тушила свет. Томительный день, похожий на вчерашний, прошел; надвигалась ночь, мрачная, как всегда, и страшная для одинокого в тюрьме.

Единственная спутница Токаша — мечта. Как только наступит вечер, она подходит без всякого шороха и уходит за собой. За восемь месяцев Токаш полюбил свою спутницу. Иногда он совсем забывается, весь отдавшись во власть мечты, не видит каменных стен и железной решетки. Но забвение проходит — снова мрачно и глухо вокруг, и мерещится смерть... Она уже не страшит. Токаш свыкся с мыслью о ней, как свыкся с постоянным холодом и неуютом.

И все же человек никогда не сможет смириться с

участью узника. Это знал Токаш твердо, и ни на минуту не покидало его стремление к свободе.

Тяжело в тюрьме, горько на душе! Но горько больше оттого, что Токаш непростительно легко попался в руки врагов. Раздувая пожар восстания, он знал, на что шел... Но как легко они его взяли! Обидно, тяжело. И еще тяжелее от мысли об Айгуль...

Думы об Айгуль сразу вызывают перед глазами страшную картину: аул у подножья гор охвачен пожаром; люди устремились в степь. Беззащитные женщины рыдают, плачет в страхе детвора. Визгливо лают собаки, с мычанием бегут коровы. Брошено все — имущество и скот. Отряд атамана Малышева бьет из пушек прямо по аулу...

У склона горы, на каменном выступе стоят джигит и девушка — тоненькая, почти подросток. Слезы бегут по ее побелевшим щекам, брови часто вздрагивают. Джигит крепко обнял девушку, как бы защищая ее. Взгляды обоих обращены в сторону пылающего аула...

В течение восьми томительных месяцев это видение надрывает сердце. И слышатся прощальные слова Айгуль: «Милый Токаш-жан, иди, не медли из-за меня... Останусь в живых — моя молодость принадлежит тебе, а постигнет смерть — буду дожидаться встречи на том свете. Настало трудное испытание. Счастливого тебе пути!»

Где теперь Айгуль? Слышал потом Токаш, что Аянбек перешел китайскую границу. Может быть, она уехала с отцом?

Но кто ежедневно присылает ему передачу? Утром надзиратель открывает окошечко в двери, подает, не говоря ни слова, сверток и уходит. От кого эти передачи? В начале Токаш надеялся: «Айгуль...» Надежда радовала, подобно мерцающему в темноте ночи огоньку. Однажды он обнаружил в калаче лоскуток бумаги: «Помощь от ласточки». Нет, это рука не Айгуль. Но от кого?

Токаш до сих пор не знает и не может догадаться, кто эта «ласточка».

Сейчас он снова достал глубоко запрятанную записку, придвинулся к единственному окну и при сумеречном свете попытался установить, чей же это почерк. И ни о ком определенно не мог подумать. Может быть, в Петрограде кто-то из друзей вспомнил?

Стук-стук... Кто-то стучит за стенкой. Кажется, вызывают на переговоры. Токаш стал прислушиваться: два да четыре — «К», затем четыре и три, три и три легких удара... Перевел цифры на буквы. «Кто ты?» — спрашивали за стеной.

Будучи еще на свободе, Токаш узнал о тюремной азбуке из книжки о декабристах, выдумал ее, кажется, Бестужев — он разбил весь алфавит на шесть колонок, в каждой по пять букв.

До сих пор Токашу не приходилось переговариваться с соседними камерами перестукиванием. Надо ли сейчас отвечать? Может быть, там провокатор?

В раздумье Токаш теревит усы, трет ладонью окладисто отросшую бороду. Снова послышался стук. Опырмай*, кто бы там ни был, но какой же это виртуоз!

Токаш решительно отстукал: «А ты кто?». И тут же получил ответ «Саха». Токаш даже подпрыгнул от радости — конечно, не оттого, что Саха в тюрьме, а оттого, что один из друзей жив, он рядом, за стеной.

В разговоре перестукиванием быстро пролетело время. Токаш узнал, что следствие по делу Сахи закончено, на днях будет суд. Вместе с Сахой сидят Курышпай и Сят, их перевели сюда из другой камеры. Сегодня Курышпай вызывали на допрос, допрашивал какой-то новый, очень суровый следователь. Он интересовался Токашем, все допытывался, кому принадлежит камча...

В деле Токаша камча — наиболее уязвимое место. Новый следователь сразу нащупал это место. До настоящего времени Токаш на допросах прибегал ко всяким уловкам и уверткам и не дал ни единого козыря в руки следователя. А теперь, кто знает, как дальше все повернется... Пропади она пропадом, эта нагайка, как же она попала в их руки?

А было так: на пологом склоне горы за головным арыком собрались переводчик губернатора Ибраим, сын юродивого Джайнака, волостной управитель толстый коротыш Сугурбай, долговязый со шрамом на шее Какенов и еще кое-кто — самые знатные в Верном бай. Взбалтывался кумыс, варилось баранье мясо. Шла сдержанная беседа. Узнав об этом сборище, подошел и Токаш, а за ним —

* Опырмай (апырмай, апырай) — восклицание, выражающее удивление.

Саха, Жунус и Курышпай. Баям не понравился их приход, они все нахмурились. Сначала Токаш не понял, с чего бы это? Однажды Токаш поспорил с Джайнаковым — может быть, поэтому Джайнаков посмотрел так хмуро?

Переводчик губернатора встал, приосанился, сунул руки в карманы и начал, напрягая тонкий голос:

— Получен высочайший указ. Царь требует казахскую молодежь на фронт, на окопные работы...

Смолкли разговоры. Опущены головы. Баи прячут глаза—у каждого одна мысль: «Не о моих сыновьях этот указ»...

После Джайнакова говорили Сугурбай и Какенов, они славил царя. Потом снова гробовое молчание. Таков был уговор баев: указ приветствовать и выполнить без шума. Хальфе* кивал головой, видимо, одобряя верно-подданические речи. Молчание затянулось. Токаш не выдержал, стремительно вскочил с места. То, что он сказал, было страшной неожиданностью для баев.

— Близится поворот в жизни, перед нами трудный путь. И не может, не имеет права определить судьбу всего народа какая-то кучка казахов из города и окрестных аулов. Дело это решит население всего Семиречья. А где представители уездов и волостей, где Сят и другие вожаки? Их нет здесь. Как же вы можете говорить за всех, вы разве знаете думы народа? За кого будут отдавать свои жизни казахские джигиты? Я знаю, что они думают. «Пусть лучше мы останемся на родной земле и погибнем здесь...»

Поднялся шум. Токаша поддержали Жунус, Саха и Курышпай:

— Верно!

— Не дадим джигитов!

— Чем идти на смерть с поникшей головой — лучше умереть в борьбе за свободу.

Джайнаков побледнел, толчком опрокинул стол, на котором были разложены бумаги,— они разлетелись в стороны.

— Бокин! — крикнул он Токашу дрожащим от злобы голосом. — Ты опять за свое... Не затевай смуту! Убирайся отсюда поскорей!

* Человек, строго соблюдающий законы религии.

— Не бери много на себя, — бросил Джайнакову Токаш, — не говори за всех казахов.

— Прекрати болтовню, Бокин. Указ царя надо выполнять!

— Где тебе думать о судьбе народа, — продолжал с презрением Токаш. — Тебе, слабому умом человеку. Ради своего благополучия ты пойдешь на подлость и продашь лучших джигитов.

— Проходимец! — завопил Джайнаков, потрясая кулаками. — Игрушка тебе царь? Мразь!

Токаш вздрогнул, как от пощечины, отвернулся, стиснув зубы. Тут взгляд его упал на камчу, которую держал торговец Закир, сидевший рядом. Выхватив у него нагайку, Токаш бросился на Джайнакова. Саха хотел было удержать его, но не успел. Токаш, скомкав плеть, ударил черенком невзрачного Джайнакова, и тот упал навзничь, как от удара саблей.

Токаш пошел прочь, не взглянув на Джайнакова, сжимая черенок камчи. Он думал: «Без нужды саблю не вынимают, без славы не вкладывают в ножны. Сабля вынута...»

Его догнал Курышпай. Токаш тихо сказал:

— Приходи вечером ко мне, скажи Сахе и Жунусу...

Бокин жил на квартире у часовщика Эрмиша. Он занимал просторную комнату, окна ее выходили в яблоневый сад. В летнюю тихую погоду в раскрытые окна несло журчание арычной воды, щебетание птиц, комнату наполняли запахи фруктового сада.

Вчетвером они сидели на разостланном одеяле. На почетном месте — Жунус, перед ним полная чашка кумыса. Он только что высказал все, что думал, и теперь посматривал на Токаша, ожидая его слов.

— Я с вами согласен, Жуке*. Пожелаем же счастливого исхода нашему делу. — Токаш повернулся к Сахе. — Ты останешься здесь, в Верном. Мы с Курышпаем будем в Чемолгане. Жуке поедет в Кастек. Где мы будем после Чемолгана, пока сказать трудно, сообщу потом. Твое дело, Саха, следить за действиями губернатора и сообщать нам об этом. Ну, как думаешь?

— Русские говорят: «Лиха беда начало.» Стоит нам начать, и никакая сила не остановит. Народ в движении,

* Почтительное обращение к Жунусу.

как льдины в реке — одна подталкивает другую.— Саха улыбнулся Токашу и закончил уверенно:— Я здесь найду друзей среди русских рабочих.

— Хорошо. Я дам тебе адрес одного человека. Прежде всего установи связь с ним..

Поздно вечером Токаш с Курышпаем приехали в Чемолган. Аул еще не спал. Известие о мобилизации казахских джигитов встревожило всех, люди, от мала до велика, были подавлены. Огни всюду потушены. Только в одной юрте, большой, серой, стоявшей в центре аула, сквозь решетки, не закрытые вверху кошмой, просвечивал огонь. Когда Токаш открыл дверь, свет выплеснулся на землю, как вода из ведра.

Справа на свернутом вчетверо одеяле сидел Сят: брови нахмурены, лицо в глубоких морщинках. Как он постарел! Токаш виделся с ним недавно, сразу же после возвращения из Петрограда. Тогда он удивился: молодец, совсем молодой! И состарится ли когда-нибудь этот смуглый, рослый, крепкий, как карагач, Сят! И вот...

Сят поднял голову, усмехнулся, узнав Токаша,— видеть, обрадовался.

— Тяжелое время для народа, очень тяжелое,— сказал Токаш после обмена приветствиями.— Конечно, вы все слышали. Настал момент для испытания мужества наших джигитов. Что скажете, Сят-ага?

Сят задумчиво погладил остроконечную бороду, ответил вопросом:

— А как ты сам думаешь, что на душе?

— Чем погибать на чужбине, лучше бороться на родной земле. Сколько можно терпеть произвол царя и его палачей, вроде Малышева!

Усталые серые глаза Сята засветились радостью, он протянул руку Токашу.

— Я надеялся только на тебя, верил в твое мужество. И не ошибся. Благословляю тебя, сынок. В добрый путь!

На следующий день в горах Ушканыр Токаш встретился с Бекболатом Ашекеевым. Они разослали во все концы Верненского уезда гонцов и созвали на Ушканыре совет из самых смелых джигитов, пользующихся уважением народа. Здесь было принято клятвенное обещание: «Один за всех, и все за одного». Ночью Токаш и Бекболат устроили военный совет: решили наступать одновре-

менно на Верный и Пишпек, с тем чтобы не дать противнику объединиться. Захватить Пишпек, а также районы Токмака и Иссык-Куля должно было ополчение из киргизских джигитов. Казахским джигитам предстояло перерезать тракт между Верным и Пишпек, прервать телеграфную связь и наступать прямо на областной центр Верный — оплот царизма в Семиречье. Обо всем договорились — о месте сбора людей, о начале действий, о связи между отрядами.

На следующий день восстание началось. Сигнал к боевым действиям дал Токаш, с группой джигитов он дерзко напал на село Самсы. Находившийся в селе отряд атамана Малышева бежал. Курышпай с джигитами оборвал телеграфный провод и сжег столбы. Ночь ополченцы провели в чемолганских горах. Дальше на пути наступающих лежало село Чиень. По слухам, отряд атамана Малышева, отступивший в беспорядке из Самсы, группировался в этом селе. Может быть, из Верного направлены сюда свежие силы? Токаш не имел сведений о положении в городе — от Сахи ни звука. А вести слабо вооруженных джигитов в лобовую атаку на Чиень — значило рисковать многими жизнями. Зачем?

Он решил обмануть противника, вынудить отряд атамана сдаться — тогда у повстанцев будут винтовки, пулеметы и достаточно боеприпасов.

Токаш с неразлучным, верным Курышпаем, оба без оружия, поехали в Чиень. В селе кутерьма, солдаты и казаки сновали, как муравьи в муравейнике. Не раздумывая, Токаш пошел прямо в штаб. Малышева там не оказалось, отрядом руководил какой-то офицер, молодой, все еще не пришедший в себя после вчерашнего бегства. Токаш рассказал офицеру:

— Ездили мы в горы, в сторону Пишпека, собирать лекарственные травы. На обратном пути, на перевале Ала-Тау, наткнулись на вооруженных людей. То были повстанцы — киргизы. Они устроили нам допрос, хотели задержать. Насилу отделались...

— Ах, вот с кем у нас была стычка! — оживился офицер. — Так где они, говорите?

— Пойдемте, я покажу.

Офицер собрал отряд. Токаш пошел впереди, как проводник. «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», — рассуждал он. Когда стали взбираться на высоко-

кую крутую гору, сверху на солдат лавиной посыпались камни, поднимая пыль, сотрясая грохотом воздух. Это ополченцы Бекболата Ашекеева сталкивали сверху каменные глыбы.

— Беда, горы разламываются!— крикнул Токаш, и вместе с Курышпаем они свернули на узкую тропинку.

Офицер опешил, но скоро догадался, что допустил непростительную ошибку. Он приказал солдатам стрелять в «проводников», но те уже скрылись за каменными выступами гор...

А когда Токаш и Курышпай заехали в Чемолган, то узнали, что Сят арестован.

Кто предал старика? В ауле не знали. Приезжали торгаши, спекулянты. Два дня назад ночевал какой-то человек, с черной шетинистой бородой, не то уйгур, не то узбек, бог его знает кто. Говорят, что он спрашивал о Токаше...

Кто это был — посланец от Сахи или шпион — пока оставалось загадкой.

К вечеру в аул приехал сам Саха. Оказалось, что он никого не посылал в Чемолган, а после того, как Токаш узнал городские новости, стало ясно, что в Чемолгане побывал шпион.

Недавно военный губернатор Фольбаум вел серьезный разговор с Ибраимом Джайнаковым. На вопрос губернатора: «Кто главный мятежник?»— Джайнаков, говорят, назвал имя Бокина. Губернатор дал приказ выследить и арестовать Токаша.

Токаш спросил Саху, удалось ли ему установить связь с Юрьевым, с тем самым русским большевиком, адрес которого он дал Сахе в городе. Оказывается, Саха не смог встретиться с Юрьевым. Расстроенный Токаш посоветовал Сахе непременно познакомиться с Юрьевым, соблюдая осторожность, чтобы не навлечь на ссыльного большевика беды.

— Это вернейший человек,— говорил Токаш,— он может нам помочь. Нам нужен только совет. Скажи, что оправдаем его доверие. А где сейчас Ташен, тот самый, с кожевенного завода?.. У него среди русских рабочих много закадычных друзей.

Ташена Утепова Саха разыскал и через него нашел много новых друзей, готовых помочь...

Саха уехал обратно в город. В этот же вечер Токашу

сообщили, что неподалеку, в ауле Акши, остановились на ночлег три неизвестных человека. Токаш послал туда Курышпая — разузнать, что это за люди. Курышпай вернулся встревоженный:

— Думаю, что эти трое подосланы атаманом Малышевым. Как говорится, на языке у них медок, а на сердце ледок. У одного за полой халата — кинжал..

Курышпай был хладнокровным, бесстрашным джигитом. А после поездки в Акши его будто подменили, он нервничал, не находил себе места.

Это заставило Токаша насторожиться. Подумав, он решил сам съездить в Акши. Кроме Курышпая взял еще трех джигитов.

Но тех, кого они хотели захватить, уже и след простыл. Из разговоров с жителями Акши Токаш узнал, что среди трех неизвестных был и чернобородый, ночевавший недавно в Чемолгане.

— Уж не Закир ли выдал Сята?— подумал Токаш.

В Чемолган друзья вернулись в тревоге: шпионы и предатели подбираются к Токашу. И все же он решил не отступать. Надо расправиться с атаманом Малышевым. Взяв с собой Курышпая, Токаш поехал прямо в Каскелен.

Ночь... Станица окутана тьмой, но дом атамана виден — большой деревянный дом под железной крышей, два окна его слабо освещены.

«Апырмай, как звонко цокают копыта коней по мостовой! Атаман, конечно, выставил охрану. В самом деле, вон что-то чернеет — наверняка часовой. Что же делать? Оставить коней и пойти к дому пешком? Опасно — потом не убежишь...»— думал Токаш.— А что, если... Они свернули в сторону, сняли с себя нижние рубахи, разорвали их и обмотали коньям копыта. Потом дали круг и подъехали к дому. Токаш бросил поводья Курышпаю и прыгнул через плетеный из лозняка забор. Во дворе стояли повозки и оседланные кони. Токаш вплотную подошел к дому. Окно, выходящее во двор, оказалось открытым, тихо шевелилась и шелестела колеблемая сквозняком шелковая занавеска. Токаш осторожно приподнялся на цоколе и заглянул в окно.

В комнате было двое: один в военной форме, с длинной густой бородой, с очень белым, изнеженным лицом— атаман; другой, с черной бородкой и редкими, как у ко-

та, усами — Закир Исабаев. Успел уже, предатель! Докладываешь, где сейчас Токаш!..

Двоих на мушку не возьмешь. Токаш выбрал атамана, достал из-за пазухи револьвер и дал подряд несколько выстрелов. Он не помнит, как перемахнул через забор и вскочил в седло. И тут только заметил, что потерял камчу, очень приметную, с черенком, винтообразно опоясанным узкой медной лентой, ту самую камчу, которую вырвал у Закира...

«Досадно, что я уронил ее», — пожалел Токаш еще тогда.

2

Тяжелая железная дверь камеры открывается медленно, со скрипом. Перестукивание с Сахой, воспоминация освежили Токаша, он быстро поднялся с нар.

В камеру вошел надзиратель.

— На допрос!

Все одно и то же: после полуночи — допрос до утра, а потом — не успеешь вздремнуть — подъем. До обеда спать не дают, затем опять допрос.

Токаш ослабел от постоянного недосыпания. Человек долго выдерживает голод, но без сна, оказывается, через трое суток может лишиться рассудка. Надо иметь большую силу воли, чтобы не отчаяться. Токаш делал гимнастику, думал, мечтал и этим поддерживал себя.

Надзиратель вел Токаша по темному и хорошо знакомому извилистому коридору. Вышли на свежий морозный воздух. Во дворе, в небольшом отдельном домике, находился кабинет начальника тюрьмы, напротив, тоже в особнячке, — кабинет следователя. Окна светятся, здесь не дремлют и знают свое дело. Токаш вошел в кабинет следователя.

Кроме знакомого уже помощника прокурора, человека безжалостного и черствого, в темном углу кабинета сидел еще кто-то. Лица его не было видно. Токашу запомнился только крючковатый нос: показалось, что из полумрака смотрит хищник. На столе лежала знакомая камча, рукоятку ее спиралью обвивала желтая медная лента, сейчас очень похожая на змею. Толстая плеть, из восьми полосок ремня, инкрустация золотыми колечками — все очень знакомо.

Следователь предложил Токашу сесть на какой-то треугольный стул. Это была новинка в мебелировке кабинета. Острые края сиденья так и впиваются в тело.

Вопросы начал задавать не знакомый следователь, а другой, с носом хищника, и Токаш понял, что дело идет к концу.

— Вы Токаш Бокин?— голос тихий, равнодушный.

— Да, я.

— Сколько вам лет?— этот вопрос прозвучал резко, в упор, как будто в возрасте Токаша заключалось все дело.

— Двадцать семь.

Ему задали еще несколько вопросов, на которые Токаш ответил, как и раньше, «не знаю».

— Это ваша нагайка?— опять голос тихий и равнодушный. Таким тоном говорят человеку, обронившему пустяковину: «Это ваше?..»

Токаш пожал плечами.

— Нет.

— Совершенно верно,— как будто машинально ответил незнакомый следователь, словно занятый более интересными мыслями, от которых его напрасно отвлекли. И вдруг:— Вы сами, конечно, стреляли в атамана Малышева?

— Нет,— ответил Токаш и невольно улыбнулся: уж очень часто задают ему этот вопрос и всегда получают один и тот же ответ. Но он тут же спохватился: рано радоваться, пока все в их власти, неспроста появился здесь этот долговязый с крючковатым носом. И Токаш повторил твердо:— Нет!

Они молча обменялись презрительными взглядами, причем Токаш заметил, что нового следователя не огорчил такой категорический ответ, он что-то имел в запасе.

— Эту нагайку нашли у окна, через которое стреляли в атамана,— рассматривая камчу, проговорил следователь.— Чем можно объяснить это обстоятельство?

Токаш ожидал такого вопроса и ответил так же, как отвечал раньше:

— Это нагайка Закира, многие знают ее.

— Ха!..— без усмешки в глазах фыркнул следователь.— Нагайку, говорю вам, нашли под окном. Что это значит?

Токаш снова пожал плечами.

— Не знаю, господин следователь. Я и раньше говорил и теперь повторяю: когда было совершено покушение на атамана Малышева, я находился в селе Жауыр; там в то время случился пожар и я помогал тушить его. Спросите людей...

Помощник прокурора полистал следственное дело Токаша и ткнул пальцем в какую-то страницу. Следователь, шевеля губами, молча прочитал ее. Токаш знал, что из Чемолганской волости была послана прокурору бумага за множеством подписей. В ней говорилось, что сын Джанибека-ходжи поджег русское село. Узнав об этом, Токаш собрал джигитов в ауле и помог крестьянам потушить пожар. При этом он говорил казахам, что так делать нельзя, что русские крестьяне им не враги. Население волости просило снять с Токаша обвинение в покушении на жизнь атамана.

Все это действительно было, но не ночью, когда стреляли в Малышева, а на другой день.

Следователь отодвинул бумаги.

— Что вы скажете, если я устрою вам очную ставку с хозяином нагайки?

Токаш ожидал и этого, но сердце у него похолодело. Овладев собой, он спокойно сказал:

— Пусть докажет.

Следователь кивнул помощнику прокурора, и тот вышел из кабинета. «Неужели Закир здесь, среди ночи?» — подумал Токаш. Следователь, откинувшись в кресле, закурил. С наигранной самоуверенностью он заговорил насмешливо:

— Посмотрим, что вы теперь скажете, Бокин. Упорствовать и не признаваться — это трусость, а не геройство. Вы до сих пор вели себя, Бокин, как трус и заслуживали только презрения...

Он много еще говорил обидного, но Токаш молчал. Что это за человек перед ним? Новый прокурор? Но никаких знаков отличия. Постоянно играет голосом, меняет выражение лица...

Послышался скрип, глухой стук — открылась и закрылась дверь. Кто-то вошел. Токаш не повернулся, он сидел спиной к двери.

— Садитесь, Закир-аксакал, — сказал помощник прокурора.

Токаш скосил глаза: да, это был Закир, провокатор и предатель. Закир тоже как будто не обращал внимания на Токаша, стоял хмурый, растрепанный, вероятно, оттого, что всю ночь не смыкал глаз.

— Оpoznаете эту нагайку? — спросил его следователь.

Закир шагнул к столу, нагнулся и вскрикнул:

— Ах, вот она! — лицо его оживилось. — Моя камча, неразлучный спутник...

— Я же говорил, что эта нагайка принадлежит Закиру, — сказал Токаш.

Эти слова, кажется, немного смутили следователя: правильно ли он ведет допрос.

— Нагайка в самом деле ваша, аксакал?

— Моя, моя. — Закир указал на Токаша. — Этот человек отнял ее у меня и потом не отдал.

— А этот человек не имеет ни стыда, ни совести и за деньги готов продать родную мать, — сказал в ответ Токаш.

Закир ошетинился, как пес, зарычал, взмахнул нагайкой.

— Ты, смутьян, прикуси язык!..

Помощник прокурора не успел схватить его за руку, нагайка больно стегнула Токаша по плечу и спине. Токаш решил держаться спокойно, невозмутимо: только слабонервные дают волю чувствам. Лучше мстить Закиру едким словом и насмешкой.

Закира усадили на стул, и он стал рассказывать, когда и как Токаш вырвал у него нагайку и что потом произошло. Он из кожи лез, стараясь доказать, что именно Токаш, и никто другой, стрелял в атамана — только этот смутьян способен на убийство. Но умолчал о том, что в момент покушения на Малышева сам находился в его доме. Ведь тогда пришлось бы рассказать и о том, зачем пригласил его к себе атаман.

Токаш спросил с усмешкой:

— Скажите лучше, Закир-аксакал, сколько вам заплатили за предательство?

Закир возмущенно засопел и замотал головой:

— Нет, я больше не могу оставаться здесь ни одной минуты. Если вы не уймете этого разбойника, я сам, сейчас... — и весь горящий ненавистью повернулся к Токашу.

Следователи больше не нуждались в показаниях Закира, они попросили его успокоиться и отпустили домой. После этого высокий, остроносый встал позади Токаша и сказал:

— Ну, Бокин, кончайте игру в прятки. Признавайтесь! Токаш покачал головой.

— Кого собрался дурачить! Ты еще не знаешь, кому попался в руки, — свирепея, следователь схватил за плечо, тряхнул Токаша. — Ну!

Токаш не вытерпел.

— Руки прочь!

— Эт-то еще что! — изумился следователь и резко ударил ладонью чуть пониже затылка.

Токаш свалился со стула, как мертвый.

Сколько лежал без сознания — не знал. Очнулся только в камере.

* * *

Через три дня прямо в камеру принесли обвинительное заключение. Какая предусмотрительность! Что ж, надо посмотреть.

И Токаш читал, перечитывал, обдумывал каждое слово. Ведь то, что написано на этой четвертушке бумаги, решает его судьбу. Что его ждет? Смерть? Нет, только жить... Ссылка в Сибирь? Нет, нет! Как хочется на свободу! Эх, свобода, дорогая, желанная! Есть ли на свете что-нибудь дороже свободы!

Но оставь, Токаш, несбыточные мечты. Вчера повесили Бекболата. А тебя разве пощадят? Вот что написано в обвинительном заключении:

«...Был тесно связан с руководителем Семиреченского восстания Бекболатом Ашекеевым. Показаниями свидетелей подтверждается: Бокин совместно с Ашекеевым разрабатывал план наступательных операций». Вот эти строки поведут на виселицу... «Показаниями свидетелей подтверждается...» Интересно, кто эти свидетели? Не Бекболат же... ради народа он пожертвовал своею жизнью, на допросах, конечно, молчал, никого не выдавал. «Бокин совместно с Ашекеевым разрабатывал план... Кто же мог выступить свидетелем? Провоцируют, пугают господа следователи!..»

Токаш прошелся по камере. Почему небо сегодня такое синее? Эх, свобода! Удастся ли увидеть еще род-

ные горы, вдохнуть свежий воздух степей? Может быть, во дворе уже строят виселицу?

Бойтся ли смерти Токаш? Закрыв глаза, прижал руку к груди—сердце билось резко и часто. Бойтся... Есть ли на свете человек, который не боится смерти? Разве найдется желающий добровольно расстаться с этим миром? Конечно, нет. Синее небо, чистый воздух, степное раздолье, дремучий лес гор, журчанье прозрачного ручья — кому это не дорого, кто не хочет наслаждаться весельем жизни. Эх, свобода!

Вот ты и ослаб, Токаш, покинули тебя силы и выдержка. Тоскуешь по голубому небу, по земным радостям. Разве ты знал счастье? И могло ли оно быть у тебя, если несчастен народ? Светлой мечтой твоей было — сделать жизнь народа лучше, но она так и осталась только мечтой...

Вдруг будто ледяной водой окатили Токаша с головы до ног, его начала бить лихорадка. Откуда такой пронизывающий холод, неужели от цементного пола? А согреться нечем. Вся постель — халат: одну полу постелили, другой укрылся. Присылали постель из дома, но тюремное начальство вернуло обратно: Бокину запрещено пользоваться домашними вещами. Запретили и пятнадцатиминутную прогулку. Только после того, как Токаш объявил голодовку, стали выводить один раз в сутки во двор.

У Токаша немало было недругов, не стесняющихся теперь сводить с ним личные счета. Вот хотя бы помощник прокурора... Три года назад оба они полюбили дочь преподавателя гимназии Нахтмана, миловидную, приветливую Зою. Но танцевала она только с Токашем — он был мастер танцевать. Постепенно она так увлеклась Токашем, что стала совсем пренебрегать вниманием помощника прокурора.

И теперь, конечно, он отведет душу.

Озноб не проходит. Кажется, поднялась температура — тяжело дышать. Токаш медленно встал с нар. Хоть бы раздался стук за стеной. Но вот уже два дня друзья молчат: наверное, их перевели в другую камеру. Кажется, время бы на прогулку. Медленно открылась дверь — вошел надзиратель. Куда он поведет? По лицу видно, на обычную прогулку. Токаш готов бежать, как ребенок.

Но прогулка все-таки мало радует. Постоять не раз-

решают — ходи и ходи по кругу, словно приарканенный конь. И всегда один: других заключенных в это время не выводят.

Токаш ходит по кругу и ведет счет шагам — один оборот двести шагов, как и вчера. Пошел второй круг. Рядом высокий забор из жженого кирпича — за ним вольная жизнь. Эх, свобода!.. На кирпичной стене он заметил выцарапанные арабские буквы — «Токаш» и сбился со счета шагов, повернул обратно, остановился как раз против надписи. Надзиратель, прикрыв лицо пригоршней, прикуривал, отсыревшая спичка долго не разгоралась. Токаш пристально осматривал стену. В еле заметной щели между кирпичами он заметил край бумажки и шагнул к стене. Когда надзиратель, наконец, раскурил папиросу, Токаш ходил по кругу обычным размеренным шагом. Записка жгла ему ладонь. Никогда он не торопился уйти с прогулки, а тут хотелось скорее вернуться в камеру. Что написано на этом клочке бумажки, какие новости, к добру ли? А может, страшная весть?

Как только захлопнулась дверь камеры, Токаш развернул бумажку.

«Вчера Курышная выводили на работу во двор тюрьмы. Он там встретился с одним человеком. Новости с воли: друзья шлют тебе привет, скоро состоится суд. Нужен ли тебе защитник? Саха».

Скоро суд!.. Чем он кончится? Хорошего ждать не приходится. Защитник? Нет, нанятый адвокат — плохой защитник, что он поймет в деле Токаша? Надо смело выступить на суде самому и рассказать обо всем, что наболело в сердце. Разве этого не сможет сделать Токаш? Он должен найти силы, надо найти... Ведь это последний суд. Тюрьма переполнена, в ней томятся бедняки из Чемолганской, Джайылмышевской, Кастекской волостей — неграмотные, обездоленные люди, им тоже грозит расстрел, ссылка, тюрьма на долгие годы. Кто скажет слово в их защиту? Только ты. Токаш. Родился мужчиной — будь до конца жизни мужчиной. Повел людей за собой — не покидай их.

3

Полная, с желтовато-бледным лицом старуха подошла к губернскому правлению. Опираясь на очищенную от коры лозняковую палочку, она сделала по ступенькам

крыльца два-три шага и остановилась задыхаясь. Шедшая рядом с ней смуглая молодая женщина, поддержала старуху под руку, и вдвоем они стали подниматься выше.

В это время мимо них быстро проскочил опрятно одетый человек низкого роста с черной тросточкой в руке. По одежде он совершенно не был похож на казаха: на голове — волосяная шляпа — цилиндр, смахивающая на ступу, костюм странного покроя — полы обрезаны, а сзади что-то вроде хвоста курдючной овцы. Но лицом — казах, по глазам — казах. Усы у него особенные: точно жевательная черная сера прилеплена под ноздрями.

Акбалтыр вспомнила: она встречалась однажды с этим человеком — лет пять тому назад, — когда приезжала с Токашем в город. Сомнения нет — он самый!

— Халима-голубушка, это не господин Ибраим? — с чувством сожаления спросила Акбалтыр и опять остановилась.

Молодая женщина кинулась было догонять человека в странной одежде, но он уже успел зайти в одну из комнат правления.

— Да, кажется... Он вошел в эту дверь.

— Веди — сказала старуха, тверже ступая ногами. — Пусть сопутствует нам удача! Притащиться из такой дали и не увидеть сына — не годится.

Правление размещалось в просторном высоком доме с куполом, напоминающим старинную ханскую ставку. Через весь коридор разостланы богатые ковры: даже ступать жалко. Ковры покрывали и ступени лестницы, ведущей на второй этаж. Должно быть, по этой лестнице поднимается в свой кабинет генерал.

Халима нерешительно постучала в дверь, за которой скрылся знакомый казах. Никакого ответа. Тогда ударила раз и другой по двери своим довольно внушительным кулаком старуха. Дверь открылась, и тот же казах, но без уродливой шляпы на голове вежливо сказал:

— Войдите, войдите!

Акбалтыр теперь совсем распознала его: «Да, он самый! Говорили, что Ибраим состоит переводчиком при генерале. Хорошо, если бы он помог... Но мало надежды. Среди людей ходят разные слухи. Говорят даже, что Джайнаков предал Токаша. Предал! За что? Чего не хватало этому счастливцу?»

— Светик мой, я мать Токаша. Я однажды встречалась с тобой. Имя твое мне хорошо известно. Потому я и пришла к тебе, — начала Акбалтыр, как можно приветливее, не сводя взгляда с Ибраима: бывалая старуха по выражению лица Ибраима хотела заметить, как он отнесется к ее словам.

Ибраим поднял свои тонкие брови — и только. На узком лице застыло холодное равнодушие. Потом чуть шевельнулась отвисшая нижняя губа, еле заметный признак улыбки.

— Присаживайтесь, мамаша, — сказал Ибраим, подвигая старухе стул. — Да, да, помню. Вы в том году меня своей рукой угощали. — И перевел взгляд на молодую женщину, как бы спрашивая: «А это кто такая?»

— Голубчик, со мной пришла девушка, она невеста джигита-певца Курышпая, помнишь, он всегда ездил вместе с Токашем.

Ибраим еще раз шевельнул бровями.

— Ну, мамаша, чем я могу быть полезен? — как будто вежливо, но с тем же холодным выражением лица и чуть заметной улыбкой сказал Ибраим.

— Светик мой, ты догадываешься, зачем мы пришли. Токаш-жан твой сверстник, а Курышпай — земляк.. Оба безвинно томятся в тюрьме...

Ибраим, перебив ее, быстро заговорил:

— Мамаша, вы говорите истинную правду. Да, Токаш — мой сверстник, был другом моим. Болею за него душой, тяжело переживаю горе... Я старался ему помочь, но власть не в моих руках.— И Ибраим, оказывается, мог говорить, не переводя дыхания, сыпать десятки слов. Без запинки он продолжал:—В дело Токаша я вмешивался неоднократно, но все напрасно. Видно, кто-нибудь слишком обижен на Токаша и теперь хочет отомстить... У него ведь характер неуживчивый, из-за этого и страдает...

Слова Ибраима обидели Акбалтыр — она-то хорошо знает, что Токаш с детства никогда не перечил старшим— да что сейчас скажешь?

— Голубчик, помоги мне хотя бы увидеться с ним. Истосковалась я!.. — Акбалтыр заплакала, опустила голову.

— Мамаша, не плачьте, успокойтесь! Постараюсь помочь... Возвращайтесь в свой аул. Я сообщу вам... Пусть

вечером эта девушка зайдет ко мне на квартиру! — сыпал скороговоркой Ибраим.

Старуха насилу встала с места. Уходя, она подумала о Джайнакове: «Эх, боюсь, что народ правду о нем говорит».

Погода начала портиться. С гор подул пронзительный холодный ветер. Снег, начавший было таять, покрылся ледяной коркой. Небо заволокли тучи.

Испортилось настроение и у Джайнакова. Теперь такое часто случалось с ним. Почему? Это — тайна. Никто не должен знать о ней. Для людей достаточно и того, что он сын известного на все Семиречье богача Джайнака, ученый человек, правая рука губернатора. Разве можно его поставить рядом с простым смертным? О нем в народе говорят: «хитер, изворотлив...» Сам он добавляет: «Умен, надежен...» Иначе разве доверял бы ему губернатор?

Ибраим подошел к кабинету губернатора. Показал часовому свой пропуск. Это особый пропуск, он означает: «Владельцу сего дверь днем и ночью беспрепятственно открыта».

Ибраим обменялся приветствием с адъютантом губернатора, как с закадычным другом, рассмешил его прибауткой и с самодовольной улыбкой открыл дверь губернатора.

Фольбаум, высокий, худощавый, заложив сжатые кулаки за спину, стоял перед окном в глубоком раздумье. Когда отворилась дверь, губернатор важно повернул голову. Длинные ковыльного цвета усы были туго закручены, брови нахмурены, серые глаза лезли из орбит. Ибраим даже вздрогнул: с таким пронзительным взглядом ему никогда не приходилось встречаться. Что же случилось?

Приложив правую руку к груди, Джайнаков низко склонил голову.

Фольбаум пошел к нему навстречу. Краем глаз Джайнаков заметил: губернатор все еще оставался неприветливым, мрачным и поздоровался с Джайнаковым очень сухо.

— Ибраим Джайнакович, вы осведомлены о событиях истекшей ночи? — зычно спросил Фольбаум.

Джайнаков обычно отвечал на вопросы сразу, без занннки, причем ответы его всегда бывали удачны, совпа-

дали с мыслями губернатора. Но на этот раз он несколько задержался с ответом, задумался. Ибраим ничего не знал о ночных событиях и подосадовал, что эта старуха помешала ему узнать в правлении последние новости. Он всегда перед тем, как зайти к губернатору, осведомлялся о городских сплетнях, разных слухах.

— Не осведомлен, ваше высокопревосходительство, — вынужден был признаться Джайнаков.

— В горах пожар вес еще не потушен. Мятежники-киргизы в прошлую ночь большой группой производили глубокую разведку в направлении города.

Это сообщение было страшной неприятностью для Джайнакова. Он только недавно заверял Фольбаума о том, что «киргизы теперь успокоились, трусливые из них бежали, отважные все перебиты. В ауле остались лишь забитые, тихие».

— Интересно, кто был во главе... — начал было Джайнаков, но Фольбаум, перебив его, погружаясь всем телом в мягкое кресло, обитое синим сукном, изрек:

— Надо искать корень зла!

Сцепив пальцы рук, он упер их в подбородок и уставился на Джайнакова своими острыми серыми глазами.

Кто его знает, почему он так пристально всматривался ему в лицо. Уже не подозревает ли самого Джайнакова?

— Нашел, ваше..

Фольбаум, опять перебив Джайнакова, спросил:

— Что нашел?

Ибраим пояснил:

— В качестве соучастника по делу Бокина в тюрьме сидит молодой джигит Саха Сагатов. Его отец, Жунус, руководитель Кастекского восстания, бесследно исчез куда-то. Операцией в прошлую ночь мог руководить только он... Он пытается освободить насильственным путем из тюрьмы своего сына и Бокина. Им, по-видимому, известно, что скоро состоится суд над Бокиным...

Фольбаум поднялся из кресла, прошелся по кабинету. Джайнаков продолжал стоять.

— Ибраим Джайнакович, что вам известно о той группе, которая заступает за Бокина и защищает его?

Джайнакову только этого и надо было. Склонив голову, он начал докладывать четко и ясно, по-своему объясняя факты:

— Если не считать подонков общества — конокрадов, батраков, городских бандитов, в городе нет опасных элементов. Но надо помнить о Березовском. Он через некоторых людей наводит справки о Бокине. Сплетням я особого значения не придаю—нельзя же заткнуть рот толпе. Как говорят: собака лает, ветер носит. Пусть себе болтают... Но здесь особое дело. И есть пока одно досадное обстоятельство: следствие не сумело добиться от Бокина признания в совершенных им преступлениях.

Джайнаков бросил мимолетний взгляд на Фольбаума. Губернатор слушал как-то равнодушно, без особого внимания. Может быть, ему не нравится сообщение переводчика? Обычного быстрого движения рукой, твердого бесповоротного решения со стороны губернатора не последовало. Что же случилось? Ах, да... Ведь говорили же, что губернатор болен!..

— По-моему, нельзя дальше тянуть следствие по делу Бокина. Время ненадежное. Вести из Петрограда не радуют, — сказал Джайнаков и этими словами закончил доклад.

Губернатор поднял голову. Левую руку поднес к краю стола. Зазвенел звонок. В ту же секунду отворилась дверь. В кабинет вошел адъютант.

— Предупредите прокурора. Я приму его в три часа дня.

Как только адъютант удалился, губернатор повернулся к переводчику.

— Узнайте поточнее, кто предводительствует мятежниками в горах. Посылайте в аулы тайных агентов. — И повернулся к окну.

Беседа окончена. Джайнаков, низко поклонившись, быстрыми шагами вышел из кабинета.

Поведение губернатора обескуражило переводчика. Неужели болезнь в самом деле одолевает его? Ведь совсем недавно, в первые дни восстания, он яростно носился по кабинету. Ибраим до сих пор никак не может забыть один неприятный для себя случай.

По распоряжению Фольбаума в его кабинет привели Бекболата. В тот момент там были и атаман Малышев, и полицмейстер Поротиков, и он, Джайнаков. Группа увешанных оружием солдат ввела Бекболата, на нем был внакидку халат широкого покроя с бархатным воротником. Бекболат степенно дошел до середины комнаты и

остановился. Вид у него был очень усталый, лицо бледное. Большими черными глазами он оглядывался по сторонам.

Губернатор сделал конвоирам повелительный знак рукой, и те, топоча сапогами, вышли. Затем объявил выговор своему адъютанту за то, что он всех солдат впустил в кабинет.

— Не сбежит. Чего это вы так перепугались? — заметил губернатор.

Он внимательно осмотрел стоящего перед ним арестанта, плотного казаха с примечательным лицом: у него был широкий лоб, вздернутый нос, впалые глаза, длинная черная, как смоль, борода.

Вопросы губернатора к Ашкееву переводил Джайнаков:

— Ашкеев, почему вы подняли восстание?

Бекболат ответил с чуть заметной усмешкой:

— Хотел стать правителем-ханом вместо тебя.

Ибраим почувствовал в ответе Бекболата насмешку. Губернатор же принял слова Бекболата в прямом смысле. Джайнаков хотел было сказать: «Ваше превосходительство, этот хитрый киргиз насмехается, он хорошо знает, что и правдивый ответ повлечет за собой самое тяжелое наказание».

Но не успел он раскрыть рта, как Фольбаум снова спросил:

— Кто вам советовал, кто подстрекал к восстанию? Учтите — правдивость может облегчить вашу участь.

На этот раз Бекболат не скрывал усмешки:

— Кто посмеет давать советы хану! Меня никто не подстрекал.

«А Токаша скрыть хочешь? — вертелось на языке Джайнакова. — Что если спросить его?». После непродолжительного раздумья он и задал этот вопрос Бекболату.

Бекболат, бросив на Джайнакова брезгливый взгляд, ответил:

— Не Токаш, а ты подстрекал меня на это...

У Джайнакова душа в пятки ушла. Часто моргая, он посмотрел на губернатора. Хорошо хоть, что Фольбаум по-казахски не понимает.

— Что он сказал, что сказал? — спрашивал губернатор, что-то заподозрив.

Джайнаков по-своему перевел слова Бекболата:

— Ашкеев говорит, что Бокина он не знает.

Фольбаум пристукнул кулаком:

— Ему известно, что если не сознается, то его казнят, повесят?

Как только Ибраим перевел вопрос, усмешка исчезла с лица Бекболата.

— Рано или поздно, смерти не миновать. Но за что... Вы!..

Черные глаза его засверкали.

Фольбаум подал знак полицмейстеру. Бекболата увели.

Как только Ашекеев перешагнул через порог, губернатор начал неистовствовать. Он поносил всех, похабно ругался, задыхаясь от гнева; то подбегал к двери, то убежал к дальней стене, то крутился по комнате.

— Не можете заставить его признаться? Дармоеды!

Джайнаков постарался скорее выбраться из кабинета. На душе было скверно... Чтобы успокоиться, он сел в свою таратайку и поехал к Бикен..

И сейчас настроение было такое, что ему захотелось поехать к Бикен. Но Ибраим знал, что вечером к нему на квартиру явится Закир. А для Закира есть одно серьезное поручение..

4

Бикен посмотрела в окно на улицу. Скверная погода! Как рано темнеет. Горы будто отступили, виднеются смутно. Деревья тяжело опустили обледеневшие голые ветви. Небо сплошь покрыто тучами.

И все же Бикен не сидится дома. Девушка подошла к зеркалу. Да, если говорить только о красоте, а не о сердце, она может быть довольна собой.

Голубоватые глаза — Салимгерей говорит: «Как почное небо Семиречья в ясную погоду». Черные брови, длинные и изогнутые. Тонкий прямой нос с горбинкой.

Бикен вдруг заторопилась. Она заплела в косы длинные, густые черные волосы, накинула на плечи беличью шубку и выбежала из дома.

Кучера опять нет — какая досада! У этого кучера постоянно все шиворот-навыворот. Если Бикен надо ехать, кучер куда-то пропадает, или не хочет торопиться, вынуждает ее задерживаться.

Бикен поискала его, но не нашла. Как же теперь быть? Через наружные ворота кто-то зашел во двор. Бикен огля-

нулась и увидела Салимгерей. Салимгерей — единственный сын живущего по соседству татарина — купца Бурнашева. Он появился в самый нужный момент.

Белокурый парень, с тонкими чертами лица склонился и поцеловал руку девушки. Бикен громко рассмеялась.

— Салим, ты как волшебник, знающий все заранее, пришел очень кстати.

Салимгерей просиял, улыбка получилась явно самодовольная. Он заговорил почтительно и высокопарно:

— Мое сердце, Бикен, обладает особой чувствительностью. Да, я могу предугадывать твои мысли.

— Ну, угадай тогда, о чем я сейчас думаю?

Парень без запинки ответил:

— Твоя душа хочет, чтобы Салим запряг для тебя коней.

Бикен снова радостно рассмеялась.

— Ты говоришь правду. Истинную правду! Откуда ты это знаешь?

Салимгерей, конечно, не мог тут же открыть свою тайну и сказать, что он действует заодно с кучером. Благодаря этому он может оказывать услуги девушке и надеется привлечь ее внимание. Бикен же не знала, что на душе у Салимгерей, ей нужна была только услуга, очень нужна.

Салимгерей быстро запряг коней, взял Бикен под руку и посадил в карету, а сам, вместо кучера, сел на козлы. Как только выехали за ворота, вороные закусили удила и понесли. Салимгерей старался сдерживать коней, подавшись назад, он натягивал вожжи. Карета с грохотом катилась по обледенелой дороге. На улице холодно, не видно ни души, ворота и оконные ставни во всех домах наглухо закрыты. Только собаки яростным лаем сопровождали карету.

Бикен плотно закуталась в шубу, села поудобнее и снова вернулась к мысли, беспокоившей ее. Надо узнать истинные намерения своего зятя Ибраима, иначе она ни на что решиться не сможет. С Ибраимом надо быть очень осторожной, чтобы опрометчиво не попасть в ловушку. Этот человек говорит одно, а думает другое. Он будет улыбаться пока не достигнет своей цели, а потом... Старшая сестра Бикен, жена Ибраима, однажды разоткровенничавшись, сказала Бикен: «Если жезде* твой приветлив,

* Жезде — муж старшей сестры, зять.

смеется, то остерегайся его». А кто, кроме сестры, может знать его лучше.

Ибраим сейчас добивается, чтобы Бикен заменила покойницу старшую сестру. Правда, он еще не сказал ничего определенного, но и без слов все понятно. В последнее время он часто стал приходить к Бикен и преподносить ей разные подарки. Не так давно ее старший жезде Закир при встрече говорил: «Бикен-жан, сколько же твой жезде Ибраим может жить бобылем, почему бы не заместить тебе покойницу, старшую сестру свою? Лучшей пары тебе и искать не нужно!» Хотя слова Закира не понравились ей, даже напугали, она и виду не показала, громко расхохоталась и ответила шуткой: «Жезде-жан, почему это вас так беспокоит? Уж не о себе ли вы заботитесь?» Этой шуткой она намекнула на распространяемую среди молодежи сплетню. Ибраима называли рогоносцем, мужчиной неспособным... говорили, что поэтому старший сын Ибраима так похож на Закира. Закир остался доволен шуткой Бикен, расхохотался и, обхватив девушку, провел своей щетинистой бородой по ее нежной щеке.

Если Бикен сумеет завлечь Ибраима в свою сеть и сделать из него ручного ястреба, она легко достигнет своей цели... Но это очень трудно. Ведь недаром же говорят: «Раз Ибраим смеется, то остерегайся его!»

Салимгерей резко остановил коней перед воротами большого деревянного дома на берегу реки. Соскочив с козел, он открыл дверцу кареты и помог Бикен выйти. Девушка мелкими, но быстрыми шагами поднялась по лестнице наверх.

В коридоре светло. В гостиной вполголоса разговаривали. Бикен задержалась у двери, прислушалась.

— Ты возьми с собой мелочные товары — зеркальца, мыло и прочее и скорее выезжай в аул... Узнай, кто там снова мутит народ...

Тонкий писклявый голос принадлежал, конечно, Джайнакову. Ему ответил тихий, хриплый баритон:

— На этот раз я едва ли смогу что сделать. Неужели ты думаешь, что Бокин мои слова не передал родным в ауле?.. Ты точно знаешь, когда суд? — Голос, кажется, Закира.

— Суд состоится на этой неделе... Ты не отваливай. Губернатор назвал твое имя...

Многие слова Бикен почти не слышала. Но когда до-неслось — «суд состоится на этой неделе», — сердце ее похолодело, и она крепко ухватилась за дверную ручку. Разговор идет о Токаше. Конечно, о нем... Бикен снова прислушалась, напрягая внимание.

— Пожалеешь врага — сам будешь убит. Если ты попадешься ему в руки, он отрубит тебе голову, рука у него не дрогнет.

Это опять — голос Ибраима. Похоже, что он толкает свояка на опасный для него путь, Закир боится... Бикен не раз сравнивала свояков и всегда приходила к заключению: по коварству они, пожалуй, не уступят друг другу. Младший хитрее, действует молча, исподтишка и застает своего противника врасплох; старший же — самодур, самонадеянный, не терпит чужих мнений, любит по всякому поводу спорить. Но младший постоянно умеряет пыл старшего.

Бикен внезапно отворила дверь. Джайнаков быстро вскочил с места, вроде перепугался от неожиданности. Успокоившись, он подошел к девушке и взял ее за руку.

— Неженка моя Бикен-жан, только ты одна способна на такой каприз.

Закир, сунув под мышку пуховую подушку, развалился на покрытой ковром тахте. Глаза его сузились, рыхлое лицо блестело от пота, на щеках выступил румянец — он, конечно, накурился опиума.

— Голубушка, балдыз* моя! Подойди поближе, — Закир раскинул руки для объятий.

Бикен решила пококетничать:

— Сначала пообещайте мне, что исполните мое желание. Иначе я уйду.

— О, какой может быть разговор: твои слова для нас закон. Готовы исполнить любой каприз, полезем в огонь и воду! — ответил Ибраим, хватая ее за руку, но Бикен вежливо отстранила его.

— Может быть, твои слова — закон для Ибраима. Но не для меня, — отозвался Закир не без ехидства.

— В таком случае, я напрасно приехала сюда. И сейчас же уеду! — ответила Бикен и повернулась к двери. Но ее догнал и удержал Ибраим.

* Балдыз — младшая сестра или младший брат жены.

— Бикен, я-то чем провинился перед тобой?

Закир расхохотался.

— Эх, Ибраим, слабоват же ты перед девками! Насколько я знаю эту свою балдыз, она мужчину, вроде тебя... Ха-ха!..

— Жезде, договаривай, надо сказать все, что есть на языке!

— Говоря правду, у меня есть опасение, что Ибраим будет обнимать тебя, ходить вокруг да около, а потом останется у разбитого корыта. Ты ведь любишь таких джигитов, как этот...

Раздался стук в дверь. В комнату вошел Салимгерей.

— Здрав... — Салимгерей запнулся. Ибраим, нахмурив брови, спросил:

— А ты откуда появился? — вопросительно посмотрел на Бикен.

— Это — мой спутник. Он привез меня сюда, — ответила Бикен.

Закир снова начал хохотать.

— Знаю, знаю, все знаю. Если Салимгерей не оставит Ибраима с носом, то назовите меня другим именем... — Хохоча, он стал корчиться на тахте, свалился на пол; задыхаясь, выкрикивал какие-то слова, бормотал — кажется, начинал бредить. Ибраим поспешил увести Бикен в соседнюю комнату.

Это была роскошно обставленная спальня покойницы-сестры Бикен: все стены увешаны коврами, на правой стороне, под белым шелковым пологом — никелированная кровать с горой пуховых перин, шелковых одеял и подушек, рядом большое трюмо, а перед ним — обитое красным сукном мягкое, низкое кресло.

Ибраим посадил Бикен в кресло.

— Бикен-жан, это место твоей старшей сестры. Долго ли ты будешь оставлять его пустующим?

Бикен, посмотрев в зеркало, откинула пальцами опустившийся на лоб локон, игриво усмехнулась.

— Жездетай,* просить невозможное не следует!

— Ты что — лучше своей старшей сестры?

— Нет, я...

Бикен озорно обняла Ибраима за шею. Ибраим поры-

* Жездетай — ласкательная форма обращения от слова «жезде».

висто стиснул Бикен и губами стал искать ее губы. Девушка, хохоча, увертывалась от поцелуя. Выпятив грудь, она откинула голову назад. Не дотянувшись до губ, Ибраим страстно поцеловал ее в шею. Девушка легко оттолкнула не очень-то сильного Ибраима, высвободилась из его объятий.

— Жездетай, будьте осторожны. Если я расскажу отцу...

— Отец нас благословил. Я теперь жду твоего слова! — ответил запыхавшись Ибраим.

Бикен покачала головой.

— Я на этом свете люблю только одного человека.

— Кто же он такой? — нахмурился Ибраим, вдруг охладев.

— Вам знать не обязательно.

— Не Какенов ли Габдулла?

Девушка с улыбкой опять покачала головой.

— Не этот ли татарин, который пришел с тобой вместе?

— Все они только поклонники, жездетай, — ответила Бикен, хитровато взглянув на Ибраима: ну и поиздевается же она над ним.

— Кто же этот человек?

В этот момент Закир, просунув лохматую голову в дверь, выпалил:

— Токаш! Разве ты не знал об этом?

Дверь закрылась. Закир все слышал. Повидимому, Салимгерей тоже слышал.

Бикен, бросив пристальный взгляд на онемевшего Ибраима, спросила:

— Разве он не достоин любви?

— Токаш? — переспросил пораженный Ибраим. — Достоин ли? И ты еще спрашиваешь?

— Почему же он не достоин? — допытывалась Бикен.

— Бикен-жан, баловаться можно, только надо знать меру, — овладев собой, назидательно начал говорить Ибраим. — Всему бывает предел! Надо оглядываться. Осторожно надо ступать! — Голос его приобрел угрожающий тон: — Мы умеем укрощать строптивых!

Зашел Закир, усталый, обмякший, и посмотрел на Бикен.

— Наш мирза с твоими повадками и поведением еще мало знаком. О каком желании ты хотела нам сказать?

Девушка решительно ответила:

— Теперь не скажу!

Накинув на плечи шубку, Бикен вышла из комнаты. Вслед за нею молча вышел и Салимгерей; опередив девушку, он побежал к лошадям.

На дворе было темно, после яркого света ламп ничего не видно. Потом Бикен разглядела около ворот силуэт человека. Нет, там стояли двое... И не шевелились, как будто прилипли к воротам. Темень постепенно рассеивалась. Теперь Бикен увидела ясно: у ворот стояли две женщины, у одной в руке палка.

— Кто это там? — Бикен попятилась назад, подумав: «Время сейчас тревожное, кому приятно ни за что получить увечье».

Никто не отозвался. Салимгерей возился с лошадьми на улице и не слышал ее голоса. Бикен невольно сделала назад еще два-три шага.

Ворота неожиданно с грохотом распахнулись, одна из женщин упала навзничь.

— Ой-ой!..

Другая, видимо, молодая, проворно бросилась на помощь, крикнув звонким голосом:

— Осторожней! Так ведь человека убить можно!

— Салим, осадил коней назад! — крикнула Бикен и побежала к женщинам. Девушка помогла старухе встать и озабоченно спросила: — Вас ушибло? Ах, какое несчастье! Откуда вы? Кого тут ищете?

Старуха, потирая рукой спину, болезненно морщась, ответила:

— Голубушка, я ищу своего сына... Пришла к сыну Джайнака Ибраиму.

— Сына, говорите?.. А кто ваш сын?

— Голубушка, мой сын Токаш. В неволе томится козлик мой, в тюрьме...

Бикен прикусила губу: мать Токаша!..

— Мамаша, а зачем вам нужно к господину Ибраиму?

— Он обещал мне свидание с сыном.

Показался Салимгерей и сказал, что можно ехать.

— Мамаша, идемте! Сегодня поздно. Я завтра постараюсь добиться вам свидания с сыном, — сказала решительно Бикен и повела старуху к карете. — Поедемте в

вы с нами, — пригласила она молодую женщину. — Ночь темная, холодно...

На их громкий разговор кто-то вышел из дома. Бикен посмотрела в окошечко кареты: на крыльце стоял Ибра-им, без шапки и в одной рубашке.

Он, конечно, догадался, кто приходил, и не очень удивился, когда узнал, что Бикен пригласила мать Токаша к себе в карету.

5

Всю ночь напролет Бикен не смыкала глаз. Мечты ее устремлялись все дальше и дальше, будто волны бурливой горной реки, вырвавшейся из каменных теснин на стешной простор.

Вечером она отвезла мать Токаша к Халиме и, возвратившись домой, увидела отца беседующим с Габдуллой. Как только Бикен открыла дверь, Габдулла поспешил навстречу девушке. Это был высокого роста, с тонким красивым носом и шрамом на шее смуглый джигит, на первый взгляд вполне достойный уважения. В течение двух лет он сватает Бикен и до сего времени надеется на ее согласие, хотя ни сама она, ни отец определенного ответа ему не давали. Мать как-то между прочим намекала Бикен, что отцу Габдулла нравится: ведь он работает в Пишпекке переводчиком.

Пока Бикен не прошла в свою комнату, Габдулла старался показать свою вежливость, стоял вытянувшись. Бикен это не очень понравилось. Обычно так встречают в ауле пожилых и старых женщин — хозяек богатых домов. Она удивилась: такой взрослый мужчина оказывает столько уважения юной девушке! Видать, не очень-то храбр. Бикен считает, что на слабовольных мужчин, полностью подчиняющихся женщине, надо смотреть с отвращением. Бикен уважает в мужчине самостоятельность, силу, ум... Вот Токаш...

Однажды Бикен ходила на танцы на Куликовский пруд. Молодежь веселилась: танцевали, пели, затевали разные игры. Вместе с Бикен была двоюродная сестра Ляйли. Среди танцующих ловкостью, изяществом движений выделялся красивый джигит, черноусый, с открытым чистым лицом. Ляйли восторгалась им. Она шепотом сказала Бикен:

— Какой красавец! А танцует как! Оказывается, среди наших джигитов есть замечательные танцоры.

— Это Токаш, — ответила Бикен.

Ляйли больно ущипнула руку Бикен. Она давно мечтала потанцевать с Токашем. Об этом мечтала не только Ляйли. Даже русские девушки восхищались его мастерством. Ляйли и не знала, что Бикен уже знакома с Токашем: Бикен не говорила об этом, потому что дело было не только в танцах... Как-то на одной из вечеринок Токаш оказался возле Бикен, да так, что она даже не заметила. Токаш держался непринужденно, весело. Он пригласил ее танцевать. Бикен умела немного вальсировать и вышла несмело, боясь показаться неловкой. Но оказалось, что с Токашем танцевать очень легко. За один вечер Бикен научилась, кажется, всем танцам. Впрочем, она и до сих пор не знает, умение ли это. В паре с Токашем фигуры танца получались как-то сами собой, и ей хотелось кружиться и кружиться без конца. После, на других вечеринках, когда Токаша не было, у нее эта легкость и непринужденность исчезали.

И вот они вновь встретились возле Куликовского пруда. Краснея, Бикен вышла из толпы, и Токаш ее сразу увидел. Они легко понеслись по светлому, гладкому, будто отполированному, льду. Было скользко, Бикен иногда смотрела себе под ноги. Токаш шепнул на ухо:

— Со мной не бойся! Голову держи выше. Танцевать надо с улыбкой.

Она чувствовала на себе крепкую руку Токаша и уже ничего не боялась.

Вечером Бикен обо всем этом рассказала матери. Та похвалила Токаша:

— Молодец, хороший джигит, если так заботится о девушке.

С того дня Бикен по-настоящему полюбила Токаша.

Это было в 1914 году. Вскоре Токаш уехал в Петроград. Потом поднялась страшная буря — началась война. Только появился Токаш, — началось восстание. И вот его посадили в тюрьму, как льва в клетку. Ничего не хотела знать Бикен — кто против кого, — она знала одно: любимый человек в тюрьме, его будут судить и неизвестно, что ждет его впереди.

Всю ночь не спала Бикен. Она думала о Токаше и о себе. Любит ли ее Токаш? Красавицей она себя не счи-

тает. Ей даже кажется, что Ляйли стройнее и изящнее. Но у Бикен есть другие привлекательные черты. У нее приятный, будто поющий голос. Она очень подвижна, голубые глаза всегда улыбаются загадочно и озорно. Иные почему-то думают, что она кокетничает. Не правда, просто так получается. Не потому ли у нее много поклонников, готовых исполнить любой каприз?

Самый горячий из них — Салимгерей, сын Бурнаша. Отец его — богач, на зеленом базаре имеет свой магазин. Большой деревянный дом Бурнашева, крытый железом, окрашенный в красный цвет, стоит напротив дома отца Бикен. Иной раз Салимгерей откроет окно и глазами ищет Бикен.

Салимгерей на год моложе Бикен, он еще цыпленок. Но ради Бикен готов на все. О своей любви Салимгерей еще ничего ей сам не говорил, но через людей передавал.

Другой поклонник Бикен, тот, что уже сватался и сумел понравиться отцу, — Габдулла Какенов. По слухам, он женат. Но если Бикен даст свое согласие, то он надеется уладить это дело... Бикен считает, что Салим интереснее. К этим двум в последние дни прибавился еще третий поклонник, ее младший жезде Ибраим. Поминок по покойной жене Ибраим еще не устраивал, но о своем намерении откровенно говорил Бикен.

Нет, Бикен мечтает только о Токаше. Но Ибраиму нельзя сказать прямо, Бикен должна заигрывать с ним, чтобы кое-чего добиться.

И вот, измученная бессонницей, после утреннего чая она снова направилась к Ибраиму. Бикен рассказала ему о том, что старая мать Токаша долго стояла на холоде около ворот его дома, что из жалости к старухе она, Бикен, ночью отвезла ее к себе домой. Девушка полушутя упрекала Ибраима:

— Токаш тебе на ногу наступил, что ли? Он же твоих пастбищ не травил. Неужели тебе не стыдно тягаться с человеком, который сидит в тюрьме? Подумай о старухе. Она — мать. Надо ей помочь! Она тебя за это благодарит.

Ибраим сегодня был строг и не хотел шутить. Но Бикен просила очень настойчиво, и ему пришлось добыть разрешение на свидание с Токашем.

От Ибраима Бикен пошла к Акбалтыр.

Глинобитный забор, окружавший хибарку за санным

базаром, напоминал челюсть с выпавшими зубами. В одном месте из-за желтых выщербин торчали черные уши иннака. У ворот, под ветвистым карагачом, в белом жаулыке* сидела полная женщина, перед ней стоял чайник-рукомойник. Это была мать Токаша.

Вчера в темноте Бикен не смогла как следует разглядеть ее лица и теперь внимательно смотрела на нее. Старухой назвать, пожалуй, рано. Это — пожилая женщина, с румяным лицом, с прямым носом, с ясными ласковыми глазами, от которых веером расходятся глубокие морщины.

Акбалтыр обрадовалась появлению Бикен, проворно встала.

— Голубушка, какая ты умница! Сжалилась над слезами несчастной матери! Ты, наверное, моя звездочка, посланная самим аллахом!

Бикен, улыбаясь, поддержала ее под руку.

— Апай, идемте, сейчас я покажу вам Токаша!..

У Бикен были и свои мысли. Устраивая свидание матери с сыном, она сама очень хотела повидать Токаша, взглядом передать свои чувства, хоть немного рассеять гнетущую тоску. После возвращения Токаша из Петрограда Бикен видела его только один раз.

Они пошли Ташкентской улицей и вскоре были возле тюрьмы. Перед высокими железными воротами стоял надзиратель с усами, как два кошачьих хвоста. Бикен показала ему бумагу, выданную от имени прокурора.

6

Сегодня Токаш проснулся раньше обычного с каким-то тревожным чувством. Он отбросил халат, снял рубашку и сделал гимнастику.

После этого, как всегда, выпил с кусочком хлеба пиналу мутной воды — чая и предался своим мечтам о свободе.

Но сегодня думы о свободе не успокаивали его, не доставляли никакой радости. Перед глазами одна картина сменяет другую.

... Обрывистый берег речки Чемолган. На берегу мать чистит песком ведро. Свет от солнечной реки, от блестя-

* Жаулык — женский головной убор.

ших ведер, свет на лице матери. Она смотрит прямо в глаза Токаша. В день выступления ополченцев мать сказала:

— Светик мой, пусть хранит тебя аллах! Что я могу тебе больше пожелать? Не забудь свою Айгуль!— и поцеловала Токаша в лоб.

Мечту матери Токаш знает. Она хочет, чтобы Токаш обзавелся семьей и осчастливил ее внучатами. Не раз она сетовала: «Из чемолганских джигитов только один ты ходишь холостяком. Быть холостяком до двадцати шести лет — позор для джигита. Ты что, слепой или хромой, разве ты хуже других?»

Эх, бедная мать, не можешь ты понять заветной мечты Токаша. Не только Айгуль, не один лишь Чемолган и даже не Семиречье в его мыслях. Думает он о большем...

И все же он часто вспоминает и об Айгуль.

Айгуль — единственная дочь Аянбека, близкого родственника Сята. По договоренности между матерью Токаша и Аянбеком, Айгуль давно считалась нареченной Токаша. Об этом ему было известно, хотя он и делал вид, что не знает.

За день до отъезда Токаша в Петроград Сят позвал его к себе в гости. Зарезал барана и устроил обильное угощение. Тут были старейшины аула. Задавал тон беседе Сят. Старейшины держались важно и порядком надоели Токашу. Улучив момент, он вырвался из юрты и пошел к речке.

Солнце клонилось к закату, от реки веяло прохладой. Прозрачная вода журчала в тени высоких скал. Низко над землей стелился дым и сползал в реку. С белоголовых вершин Ала-Тау потянул вечерний ветерок, и сразу похолодало.

Токаш подошел к скале. На берегу стояла девушка, тоненькая, почти подросток. С двумя наполненными ведрами в руках она пошла навстречу Токашу. Щеки ее залились румянцем, видно, застеснялась. И все же не сводила глаз с Токаша.

— Хорошая примета, Токаш-ага. Значит, вас ждет удача!— сказала девушка тонким, звонким голосом, показывая на свои полные ведра.

Токаш удивленно и с восхищением смотрел на Айгуль, как будто впервые увидел ее: «Какая девушка! А лицо — прямо кровь с молоком!»

— Пусть будут вещими твои слова, Айгуль-жан!—сказал Токаш.— Собираюсь я в далекий путь. И очень хорошо, что встретил тебя здесь.

Айгуль хотела поставить ведра на землю и случайно опрокинула их. Вода из ведер вылилась. Девушка опечалилась. Токаш взял ее за руку и утешил:

— Пролилась вода — это суюнши!* Не беспокойся!

Затем набрал воды и поставил ведра у ног девушки.

— Айгуль, мои мысли о тебе чисты, как эта вода.

В черных глазах ее заискрилась радость. Эти глаза говорили о многом. Перед тем как попрощаться, Айгуль спросила:

— Ага, скоро ли вы вернетесь?

— Не будем загадывать. Если буду жив, ради тебя непременно вернусь!

Токаш обнял девушку, губами коснулся ее губ...

На следующий день он сказал матери:

— Мама, я виделся с Айгуль, она — мое счастье...

Мать, приложив руки к груди, подняла глаза:— Спасибо тебе, мудрый аллах.— Ее доброе, в морщинках, лицо светилось, как волны реки в солнечный день...

Заскрипела дверь, и радостные мысли Токаша обрвались.

Токаш идет впереди надзирателя по узкому коридору. Выход во двор перегорожен железной решеткой. По ту сторону ее стоят две женщины. Одна из них... Мать!

За все время заключения Токаш только сегодня по-настоящему увидел солнце — оно сияло на лице матери.

* * *

Акбалтыр узнала сына, едва он показался в коридоре за решеткой. Как изменился, как похудел! Но глаза остались те же, смотрят исподлобья — это его привычка с детства. Лицо обросло бородой, усы, длинные, черные, потерялись в ней. Наверное, Бикен сразу и не узнала его.

Акбалтыр кинулась к сыну, стоявшему по ту сторону сетки. Она пыталась обнять его, но руки натолкнулись на железо. Тогда она просунула руку в ячейку сетки и стала гладить его по голове. Хотела поцеловать, но тоже не смогла — губы коснулись только железа.

* Здесь, в смысле — хорошая примета.

— Сыночек мой! Ненаглядный... Радость моя! — причитала Акбалтыр.

— Эх, мама!.. Бедная моя... — услышала она прерывистый голос сына.

Снова Акбалтыр попыталась обнять его.

— Наконец-то я дождалась дня, наконец-то увидела тебя, светик мой! Спасибо, помогла эта девушка...

Токаш только после этих слов матери посмотрел на Бикен. И удивленно поднял голову. О, конечно, он узнал под полукружьем бровей голубоватые глаза!

Акбалтыр смотрела то на сына, то на Бикен. Во взгляде сына мать прочла вопрос: «Как же она тут очутилась?» Похоже, что и девушка угадала этот вопрос. Больше того, она заметила даже усмешку.

Токаш поздоровался с Бикен кивком головы. Густые брови его надломались. Что-то ему не понравилось? Акбалтыр это почувствовала сразу.

— Токаш-жан, если бы мне случайно или по велению судьбы не встретила эта девушка, я с тобой так и не увиделась бы!

— Спасибо вам, Бикен!

Надзиратель, перебив беседу, предупредил их:

— В вашем распоряжении еще пять минут, скорее!

О чем говорил надзиратель, Акбалтыр не поняла и спокойно посмотрела на сына.

— Мама, времени осталось мало!.. Из-за меня не горюй, не изводи себя! От судьбы не уйдешь... Скоро один из наших друзей выйдет на свободу. Советуйся с ним!

Акбалтыр, вся в слезах, жаловалась на свое одиночество. В ауле почти никого не осталось, все ушли в Китай.

— И Айгуль тоже... — вздохнула Акбалтыр.

Токаш, побледнев, ухватился за железную решетку, сжал ее так крепко, что вены рук вздулись.

— Как это случилось?

— Ушла в Китай. Вместе с отцом...

Токаш опустил голову.

Бикен, желая побольше узнать об Айгуль, на обратном пути начала расспрашивать Акбалтыр:

— Я слыхала про Айгуль. Расскажите, кто она, откуда?

— Голубушка моя, она, как и ты, — одно из прекрасных созданий на этом свете. Эх, проклятая жизнь! Не повезло бедной, не повезло... — сказала Акбалтыр и про-

слезилась. Затем, несколько успокоившись, продолжила рассказ:

— Отца Айгуль зовут Аянбеком. Он славный охотник, друг известного на всю Кастекскую волость старшины Жунуса. Летом охотится с ловчей птицей, зимой с гондой собакой. Лисиц добыл несметное число. Меткий стрелок — из охотничьего ружья попадал в ухо убегающей козуле.

Когда началось восстание, стрелки-ополченцы выбрали Аянбека старшим. Много сразил он врагов. Они боялись его выстрелов, даже имя его произносили со страхом. Говорят, тут в городе живет некий Закир, чала-казах*, что ли... Вот городские начальники и приказали ему, чтобы он выследил Аянбека, поймал его и живым доставил начальству. Когда Аянбек узнал об опасности, ушел за китайскую границу. И дочь увез с собой...

Бикен изменилась в лице, побледнела и не могла выговорить ни одного слова. Бикен знала, что Закир в дни восстания разъезжал по аулам. Но она не думала, что жезде способен предать своего сородича. Можно ли верить Акбалтыр? Может быть, старуха все это говорит с чужих слов? А мало ли о чем говорят среди народа...

— Апай, покайтесь, чтобы не навлечь на себя гнев божий за злословие о Закир-аксакале! — дрогнувшим голосом попросила Бикен.

— Да, голубушка, верно ты говоришь: пожалуй, я навлеку на себя божий гнев. Что поделаешь! В наш век становится все больше подлых людей, потому что у них есть защита, — ответила старуха.

Бикен промолчала.

7

Когда Саха вышел из тюрьмы, был, кажется, полдень. Моросил мелкий дождь. На улице ни души. Не видно даже извозчиков. Безмолвие. Только в разных концах кричали петухи.

Взяв картуз в руку, Саха шел под дождем с непокрытой головой. Ноги дрожали, шаги были неровными. Прямо-таки разучился ходить. Не прошли бесследно полгода

* «Ч а л а - к а з а х и» — выходцы из Средней Азии, принявшие русское подданство и приписанные к казахским волостям на общих с казахами правах.

тюрьмы. Саха никак не думал, что ему так просто удастся выйти на волю. Свобода ему даже и во сне не снилась. А сейчас — неужели сон?

И город, и небо, и горы — все на месте, все, как было, все без изменений. По этой улице он гулял со школьными друзьями, она ведет через сад прямо в горы.

А что если сейчас встретятся прежние друзья-товарищи? Поздороваются ли они, или отвернутся, не желая знать арестанта? Раньше Саха думал, что в тюрьме сидят лишь преступники, бандиты-грабители. После того, как пришлось самому посидеть, он понял, что туда попадают и виновные и невинные...

Саха шел и шел, на радостях забыв о дожде. Вон то-ропливо перебежал улицу какой-то чернявый рябоватый человек. Он быстро взглянул на Саху, прищулив левый глаз — как будто прицелился. Саха успел заметить на левом глазу у него бельмо.

Это был первый человек, встретившийся Сахе на свободе. Он показался знакомым. Или Саха слышал о таком — рябоватом и черномазом? Может быть, и он знает Саху, но сторонится? Или сочувствует?..

Саха обернулся. Темная фигура исчезла за деревьями. Опять на улице ни души.

Саха исходил весь город. Он даже не заметил, что весь промок, холод напомнил об этом. Пора выполнить первое поручение Токаша — передать привет Юрьеву и просьбу... В тюрьме Токаш отстукал Сахе через стену: «Если вырвешься отсюда, иди к Петру Алексеичу. Он живет один. Квартира у него просторная».

Саха никогда не встречал Юрьева и знал о нем только со слов Токаша, который заверил, что Петр Алексеич — надежный товарищ; он испытал все горечи и невзгоды жизни. Совсем молодым человеком участвовал в революции 1905 года, был осужден на ссылку в Сибирь. С тех пор прошло двенадцать лет. Юрьев побывал во многих местах Сибири и вот нашел себе пристанище в Верном. Он садовод, любит деревья, цветы.

Саха вошел в сад Рафикова. Голые деревья с едва набухающими почками под дождем были особенно неприглядны.

Юрьев жил в казенном деревянном домике, построенном для садовников. «Нет ли у вас продажных яблок?» — повторял про себя Саха условный пароль.

Постучал в окно. Никто не откликнулся. Снова постучал. Через некоторое время приоткрылась дверь, высунулась голова и неприветливо спросила:

— Кого надо?

— Петра Алексеевича.

— Ну что?

— «Нет ли у вас продажных яблок?»— спросил Саха, вытаращив глаза.

— Есть. Входите! — произнес Юрьев уже приветливым тоном.— Ну рассказывай, откуда явился? Но сначала раздейся! Ты же, дружок, весь мокрый!

Юрьеву было, вероятно, около сорока лет, но выглядел он много старше. Еще бы — двенадцать лет сибирской ссылки! Лицо его было сухим, в морщинах; редкая прозрачная борода не скрывала морщин и худобы лица. А руки теплые, ласковые и очень крепкие — это Саха почувствовал, поздоровавшись с Юрьевым, — такие руки могут осторожно, с внимательной ласковостью прикасаться к цветам и безжалостно вырывать чертополох.

Саха уселся возле круглого низкого стола и начал рассказывать, как его арестовали за отца, как уговаривали, заставляли написать отцу письмо, посоветовать, чтобы он одумался пока не поздно и покаяться, сдал бы свое оружие и сам сдался. Просили в письме особо подчеркнуть, что зря проливать кровь не следует, восстание ни к чему хорошему не приведет. И все-таки Саха не согласился написать отцу такое письмо, хотя ему и пришлось вынести многие мучения и пытки.

— Дядя Петя, я с вами еще плохо знаком. Но такое дело... — замылся Саха.

— Говори начистоту.

— Жизнь Токаша висит на волоске, на днях хотя бы судить. Ему грозит смерть. Как его спасти?

Петр Алексеевич помолчал, хмурия брови.

— Об отце что-нибудь известно?

— Нет.

— Слушай, что я знаю. Восстание не подавлено, повстанцы скрываются в горах. Два дня назад к воротам губернаторского дома приклеили записку: «Освободи из тюрьмы Токаша с Сахой. В противном случае, господин Фольбаум, ты лишишься своих детей».

Саха не мог усидеть на месте. Неужели в этом участвовал его отец?

— Да! А потом?

— Потом... Мне думается, что ты освобожден из-за этого предупреждения.

— Тогда выходит, что Фольбаум в самом деле боится, что ли?

— Кто его знает... Нам надо сходить к Березовскому. Но ты прежде поешь.

Впервые за долгие месяцы Саха ел не по тюремному уставу. Потом Петр Алексеевич взял зонтик и повел Саху на другой берег реки Алма-Атинки. Дождь перестал, когда они подошли к низенькой землянке, стоявшей на берегу речки. Человек, который никогда здесь не был, пожалуй, не нашел бы этой землянки. Вокруг было множество таких же хибарок, без улиц, без номеров, Петр Алексеевич три раза стукнул в подслеповатое окошко. Дверь открыл высокий мужчина с седеющими длинными усами. Он был не моложе Юрьева, но усы, аккуратно расправленные и подкрученные, придавали ему молодецкий вид.

— Это ты, Петр! — улыбнулся усатый, показав мелкие и желтоватые от табака зубы. — Пришел звать, чтобы я помог яблоки собирать? Яблоки еще, наверное, не поспели...

— Сторожа я нашел. Вот он!

— Где же? Подведи-ка сюда... Очень хорошо. — Хозяин пригляделся к Сахе, пожал руку.

Это был Березовский.

Набив трубку табаком, он закурил, и маленькую комнатку заполнил дым. Юрьев заложил руки за спину, ходил вокруг стола короткими, но быстрыми шагами и говорил:

— Под Бокина подкапываются эти два зятя Кардена. Недавно я точно узнал. Атаман Малышев хвастал: «За меня отомстят Закир-аксакал и Ибраим Джайнаков!»

Березовский курил и молчал. Саха, слушая Юрьева, вставил:

— Закир разбогател во время восстания. Он стал чуть ли не богаче купца Габдуаллиева. Как же ему не подхалимствовать... Говорят, завладел всем имуществом и скотом откочевавших в Китай казахов.

Березовский словно и не слышал, о чем шла речь; он вынул трубку изо рта и, погладив пальцами усы, начал о другом:

— Бокина я не помню. Перед тем, как сослали меня в Сибирь, он был еще юнцом. Но, судя по рассказам, человек он дельный. В такие трудные времена не всякий решится поднять восстание.

Березовский говорил неторопливо, поглядывая на свою трубку, с которой, видать, не расставался.

— Э, Александр! — воскликнул Юрьев. — Ты говоришь — дельный... Он геройский человек — спроси у этого парня. Андрей Малышев не зря точит зубы на Бокина. В ту ночь, когда сорок тысяч казахов перешли границу Китая, Токаш прискакал в Каскелен прямо к дому атамана и стрелял в него. — Юрьев резко взмахнул рукой, глаза его сверкнули; он даже помолодел. Но тут же опустил голову, как старик, и пожалел: — Лишь случайность спасла Малышева от верной смерти — пуля только слегка задела висок.

— Жаль! — Саха с досадой хлопнул себя по колену.

— До сих пор ходит с забинтованной головой, — сказал Березовский и начал раскуривать трубку. Пустив клубы дыма, он, медленно и немножко запинаясь, проговорил: — Атаман хочет мстить... Что ж, кроме Бокина, есть еще один человек, который давно ищет случая схватиться с атаманом, скрестить с ним сабли. Будет видно, чья сталь крепче, чье сердце слабее. А Бокина мы не дадим. Надо подумать, как спасти его.

Саха догадался, кто этот человек, давно желающий схватиться с атаманом, но больше пока ничего не узнал. Разговор окончился, потому что Юрьеву надо было уходить.

8

Сахе очень понравился Березовский. За его спокойной медлительностью скрывались сила, ум, предусмотрительность и большой опыт жизни и борьбы. К восторженному рассказу Юрьева о выстреле в атамана Березовский отнесся равнодушно, зато он с уважением говорил о Бокине, поднявшем народ на восстание.

И Березовскому Саха понравился. Он сразу решил, что этот юноша, с живыми смелыми глазами, уже побывавший в тюрьме, со временем будет хорошим бойцом революции. Березовский пригласил Саху заходить к нему, но наказал соблюдать осторожность.

На следующий раз Саха пришел к Березовскому в полдень.

— Почему ты пришел днем? — спросил строго Березовский и внимательно посмотрел в лицо Сахи — что он ответит?

— Мой старший брат говорил, что лучше приходиться не ночью, а в полдень.

— А кто твой брат?

— Токаш... Токаш Бокин.

Березовский невольно улыбнулся. Джигит оказался находчивым и смысленным.

Опять поползли по комнате сизые клубы дыма. Отгоняя их взмахами руки, Березовский спросил:

— Что хорошего надумал?

Он расспрашивал о том, как спасти Токаша. Саха много думал и кое-что нашел. Он осмотрелся — Березовский проследил за его взглядом. Сначала Саха посмотрел на дверь, ведущую в смежную комнату. Закрыта ли она? Есть ли кто-нибудь в этой комнате? Затем бросил взгляд на окно, завешанное синей тряпкой. Березовский кивнул головой, одобряя предусмотрительность Сахи и разрешая говорить без опасения.

— А что если попросить Закира сменить гнев на милость... Я об этом уже говорил дяде Пете...

— А он что?

— Это, говорит, возня, напрасная трата времени...

— Ты хочешь действовать, как отец, — заметил Березовский. — Ультиматум... Но здесь это пользы не принесет. Закира и Ибраима защищает один человек. Разве не так говорят казахи?

— Откуда вы это знаете? — спросил Саха, удивленный тем, что Березовский так хорошо говорит по-казахски.

Березовский не ответил; потянув подряд два раза из трубки и весь скрывшись в дыму, продолжал:

— Присмотрись к другим людям... У Андрея Малышева есть дочь. Вы, кажется, вместе учились в гимназии?

— Да, вместе.

— А свояченицу Джайнакова тоже знаешь?

— Видал.

— Если бы ты установил дружеские отношения с этими двумя девушками, то мы смогли бы выяснить многое...

Саха понял свою роль, план Березовского ему понравился.

— Говорят, что дочь Малышева умница и красавица. Правда? — спросил Березовский и закашлялся.

— А вы разве не видали ее?

— Я? — он помолчал. — Нет. Говорят, она — вылитая мать.

И тогда Саха узнал, что его новый друг ненавидел атамана не меньше, чем Токаш, решившийся на отчаянно смелый поступок.

Березовский, рассказывая о своих отношениях с Малышевым, болезненно морщась, как будто у него срывали бинты с незаживающей раны.

Андрей Малышев — потомственный атаман, отпрыск известных на все Семиречье Малышевых. Он во всем следовал своим предкам, был хитер и коварен — голыми руками не возьмешь.

Березовский знал всю подноготную Малышева. Мальчишками росли они вместе, любая их игра заканчивалась дракой. Когда подросли и стали ходить в школу, вражда между ними не прекратилась. Они по-прежнему спорили, ссорились и пускали в ход кулаки.

Андрей полюбил ту же девушку, что и Александр. Они стали соперниками. Ни тот, ни другой добровольно отступить не хотели. Но девушка отдала предпочтение Александру: он был высокий, плечистый, с кудрявыми волосами. Ей понравилась подкупающая нежность, с которой относился к ней Александр, не в пример грубоватому Андрею Малышеву. Не один долгий вечер провел он с любимой девушкой на утесе, на берегу речки Каскелен.

Но уже в то время сердце Александра билось не только ради девушки. Иная дорога лежала перед ним, дорога борьбы с угнетателями бедных людей. Среди трудового казачества и солдат он нашел единомышленников. Группа их постепенно росла.

Андрей Малышев, зорко следивший за каждым шагом Березовского, подставил ему хорошо замаскированный капкан... Александра арестовали. Малышев после ареста Березовского женился... и жестоко мстил жене за прежнюю ее любовь. Вскоре она умерла...

Александр Петрович принялся снова набивать свою трубку, поглядывая на Саху, словно желая проверить: не считает ли он, что все сводится к личным счетам.

Саха нахмурил черные брови.

— Я учился вместе с дочерью атамана. Говорили, что она уехала в Петроград.

— Нет, она здесь... Нам нужен сейчас человек, который знал бы замыслы атамана и его окружения. Иначе мы не сможем заступиться за Токаша и спасти его.

Сегодня солнечно. Тают остатки снега. С крыши падают капли, и повисают на ветках карагача.

По улице проехала скрипучая двуколка. Березовский насторожился. Привычка. Так и проходит жизнь: приходится считать каждый шаг и всегда оглядываться. Раскурив трубку, Березовский неожиданно спросил Саху:

— Почему тебя выпустили из тюрьмы?

Саха изменился в лице: «Не верите, что ли?»

— Я сам удивлен... — вымолвил Саха.

— Интересно... Ты старайся поменьше попадаться на глаза людям. Будь осторожен. Посмотрим, что тут кроется...

9

Распростившись с Березовским, Саха пошел разыскивать квартиру Акбалтыр. Он слышал, что мать Токаша поселилась в доме, где раньше жил Курышпай, возле сеного базара. По словам Юрьева, именно невеста Курышпая Халима сумела добиться свидания Акбалтыр с Токашем. Видать, умница эта Халима!

Услышав конский топот, Саха оглянулся. Мимо, закусив удила, промчалась запряженная в карету пара вороных коней. В карете сидела смуглая красивая девушка. Они обменялись взглядами. Уж не Бикен ли? Да, она. Как похорошела за год!

Снег на обочинах улицы ослепительно блестит, как будто его обсыпали бисером. Даже глазам больно. Саха привык к тюремному полумраку. Он шел, спотыкаясь, иногда попадал ногами в подтаявший снизу сугроб, проваливался и набирал в сапоги воды. С трудом разыскал он дом уйгура Махмута, где жила Акбалтыр. Саха немного знал Махмута: отец Сахи, Жунус, до восстания, приезжая в город, останавливался у него.

Хозяин сам открыл дверь. Здесь Саха увидел Халиму, она оказалась сестрой Махмута.

Махмут распорядился поставить самовар и варить

мясо. Стараясь угодить сыну Жунуса, он даже купил вина. На слова Саха: «Не пью» Махмут только махнул рукой:

— Вино пил и сам пророк Магомет... Пей! — сказал он громко, погладил усы, прищурился и понизил голос: — Знаешь что-нибудь об отце?

— Нет.

— Я знаю, где он.

— Правда? Расскажите, что знаете, — попросил Саха, схватив за руку Махмута.

Махмут плотно закрыл дверь.

— Наша Халима не умеет хранить тайн, ляпнет, где не следует... Ты слыхал про храбрость своего отца?

— Кое-что... Он жив?

— Жив. В горах. Может быть, ты пожелаешь поехать к нему?

Не зная, верить Махмуту или нет, Саха ответил:

— Трудно решить сразу, не посоветовавшись. Можно ли установить с ним связь?

Махмут широко улыбнулся, показывая белые зубы.

— Это можно. Я завтра все сделаю.

В комнату вошли Акбалтыр, Халима и еще две женщины. Стало тесно, и Махмут ушел.

Узнав, кто такой Саха, старуха расплакалась навзрыд, запричитала. Видать, ей было невыносимо тяжело. Она долго всхлипывала и не могла успокоиться.

Саха, обняв грузное тело Акбалтыр, тоже всхлипнул. Он передал привет Токаша и просьбу вернуться в аул.

Но разве мать согласится?

— Голубчик, до суда я никуда не уйду отсюда. Мне и Бикен так советует. — Сняв обувь, Акбалтыр расположилась на тахте. Саха удивленно посмотрел на нее: «Бикен советует... Вот как! Откуда Акбалтыр знает Бикен?» Он хотел спросить, но решил пока помолчать. Акбалтыр продолжала: — Светик мой, в этом городе добрую услугу мне оказала только одна Бикен... Она дочь торговца Кардена. Ты разве ее не знаешь?

«Мм... Значит, Березовский не зря имел в виду ее. Быть удаче!» — подумал Саха.

Неожиданно отворилась дверь, и вошла Бикен.

Шею ее закрывал высокий воротник беличьей шубы, на голове шапка из выдры, щеки пышут здоровьем, черные, как смоль, брови тонко изогнуты.

— Голубушка моя, Бикен-жан, проходи сюда, ко мне! Мы только что говорили о тебе,— сказала Акбалтыр подобострастным тоном и предложила ей место возле себя. В эту минуту из другой комнаты вышел Махмут. Он также радостно встретил Бикен.

— О Бикен, желаю тебе удачи в жизни! Пройди на почетное место!

— Говорят, из тюрьмы вышел один джигит,— сказала Бикен.

— Вот он сидит!..— не дожидаясь, что скажут другие, ответила Халима.

Только после этого Бикен посмотрела на Саху.

— Вы — Сагатов? Не узнаете меня?

— Если вы не узнали, я тоже...— усмехнулся Саха.— Говорят, из тюрьмы человек выходит с рогами. Кто может за него поручиться, а вдруг забодает.

Бикен откинула голову, повела гнутой бровью.

— Я не робкого десятка, никого не боюсь.

— Золотые слова!— поспешно отозвался Махмут. Было видно, что смелый ответ девушки он одобрил, однако Саху немножко обидел — это все заметили и громко рассмеялись.

Вначале Махмут не понял, почему люди смеются. Затем смекнул, что смеются над ним, и сам начал хохотать вместе с другими.

— А ты меня не забодаеть, Саха?— смеялся Махмут, и этим еще больше развеселил гостей. Потом разом все стихли, словно спохватились: к добру ли этот смех? Рано, очень рано смеяться—грозовые тучи над головой... Разговор долго не налаживался.

Бикен и Саха обменялись взглядами: девушка что-то хотела сказать наедине. Они вышли из комнаты. Скамейка под яблоней во дворе была сухой. Они сели.

В горы шли раздернутые черные тучи. Не в силах преодолеть высокий каменный барьер с острыми вершинами, они застревали в предгорьях, расползались вправо и влево завлакивали все небо над городом.

Саха с безразличным видом посмотрел в лицо Бикен.

— Мы с вами мало знакомы,— начала Бикен,— но мой отец всегда хорошо отзывался о вашем отце, называл его своим другом. Надеюсь, и вы не станете чуждаться, правильно поймете меня...

Саха подумал: «Ну, теперь твой отец уже так не ска-

жет о моем отце. Но говорит она напрямик. Пожалуй, прав этот хитроумный Курышпай, что Бикен решительная, откровенная девушка». Вслух же Саха кратко ответил:

— Конечно.

— Жив и здоров!

— Как дела у Токаша?

Саха хотел было сказать «Привет передает», но воздержался — не рано ли об этом... Но вспомнил совет Березовского: «Быть в хороших отношениях с Бикен» и произнес тихо, с улыбкой:

— Просил передать вам привет...

Смуглое лицо ее просияло. Но глаза по-прежнему были печальными.

Саха, вспомнив русскую поговорку «игра стоит свеч», пошел еще дальше:

— Он мечтает увидеть вас.

Девушка тихо вздохнула.

— Знает ли он, что у меня на сердце?

— Знает, но что он может сделать? Как говорится, одной ногой стоит на земле, а другой — в могиле.

Саха, кажется, приближался к цели разговора. Еще немного — и он скажет прямо.

— И никак нельзя его спасти? — спросила девушка, будто чувствуя недосказанное Сахой.

— Может быть, вы придумаете?

— Кто? — Бикен бросила быстрый взгляд на Саху: не смеется ли?

— Вы! — ответил Саха без колебания. Он подумал: «Пусть поймет так, как ей хочется. Ясно одно: она сильно любит Токаша. И если она смелая и решительная, как говорил Курышпай, то... Но чем она в самом деле может помочь?»

Бикен не сказала больше ни слова. Лицо ее было печальным, хмурым, как это небо, покрытое тучами. Она поднялась со скамейки, сдержанно попрощалась и, не заходя в дом, пошла прямо к воротам.

Глафире непонятно многое в поведении отца.

После ранения он переехал в Верный в собственный дом. В Каскелен же приезжал изредка для разбора тяжб

и спорных дел между казаками и то лишь днем; побыв в станице час — другой, он засветло уезжал обратно в Верный.

В народе говорят, что атаман напуган, опасается нового выстрела...

Доля правды в этом, возможно, есть, но людям, интересовавшимся причиной пребывания его в городе, он всегда отвечал одно: «Лечусь».

Но лечение затянулось. Атаман вызвал из Петрограда дочь, и та должна была бросить учение и приехать. Со времени кончины жены прошло много времени. Не раз менялось отношение Андрея Васильевича к дочери — любовь, отчужденность, опять любовь, какая-то покаянная, с ревностью к окружающим. Теперь, если Глафира вздумает пойти к подругам и вместе с ними прогуляться по улице, он устраивает скандалы. День ото дня характер его становился все невыносимее: он стал ворчливым раздражительным стариком.

Поначалу Глафира думала, что это из-за ранения. Хотя пуля и не повредила кость, но все же вырвала большой кусок кожи. Прошло уже больше полугода, а рана все еще не зажила. Говорят, что пуля была отравленной.

Народная мудрость гласит: «Гнев народа — гнев божий». Возможно, что атаман своими омерзительными поступками навлек на себя божий гнев. Сколько несчастий принес он людям! Он послал вооруженных казаков против беззащитных детей, женщин и стариков, вынудил людей покинуть родную землю, уйти в Китай. Так думает Глафира. И не раз говорила об этом отцу, спорила с ним, доказывала, что он несправедлив. Но разве ему докажешь? Он и слушать не хочет, еще больше свирепеет и твердит одно: никакой пощады, надо истребить всех поголовно!..

Вот и кажется Глафире, что они с отцом разные люди. Отец знал об этом и потому стал подозрителен, недоверчив к дочери. Дома она была словно под арестом. Почему он не выпускает ее на улицу, от чего оберегает? Он не хочет, чтобы дочь встречалась с подругами из бедных семей? Он оберегает ее от нехороших слухов об атамане? Выходит, эти слухи — правда? Правда и то, что отец, ревнуя, свел в могилу свою жену — мать Глафиры? Это ужасно!.. Об этом прямо никто не говорил, но отго-

лоски женских пересудов доходили до нее. И слышала однажды Глафира, что отец — вовсе не отец ей...

Об этом лучше не думать, не мучить себя — все равно ответа не найдешь. Но в одиночестве много появляется разных мыслей — от них не отмахнешься. Правда, казхи ни разу ее не оскорбили. Наоборот, она даже подружилась с одним казахом-гимназистом, он нравился ей за мягкий характер, вежливость и одаренность.

Многое передумала и вспомнила Глафира, сидя у окна. Стройные ряды тополей, веселый бег воды в арыках, редкие прохожие на улице — ничто не привлекало ее внимания. Красивыми казались только бело-розовые облака, освещенные на горизонте. Они были похожи то на чугунные ограды, занесенные снегом, то на многоэтажные роскошные дома Петрограда. Зачем она покинула этот красавец-город — столицу России, где многое узнала и нашла хороших друзей, зачем приехала сюда, в Верный? Ради отца, что ли? Но разве отец заслуживает этого? Вот пришел врач, сейчас сделает ему перевязку, и отец задаст обычный вопрос: «Заживет когда-нибудь эта проклятая рана?!» Старик-врач сквозь зубы процедит: «Заживет. Вокруг раны образовалась корка», или еще что-нибудь, попросается и уйдет. Вздохнув тяжело, отец сядет на диван и начнет читать газету. Все это повторяется ежедневно.

Кто-то, проходя по улице, остановился у окна, сделал Глафире знак рукой — обратите, мол, внимание!.. Кажется, это тот самый казах-гимназист... Да, он. Какой смельчак! Откуда он взялся?

Выйти или нет? Надоело сидеть у окна, думать об одном и том же. На крыльцо выйти можно. Отец почитает газету и уснет.

Глафира выбежала на крыльцо. Вихревой ветер-озорник взбил, растрепал ее волосы, подхватил платье. Придерживая одной рукой подол, а другой поправляя волосы, немного смущенная Глафира сказала:

— Здравствуй, Саха!

Саха вырос, конечно, но лицо его осунулось, нос заострился. Что с ним стряслось?

— Я недавно из Петрограда. Отец прислал телеграмму: «Приезжай, болен». Оказалось, он ранен. Так это неожиданно. Кто мог подумать, что в тихом Семиречье разбушует огонь. Ну, а ты как? Чем занимаешься? Где

друзья по гимназии? — Глафира задала Сахе сразу несколько вопросов. — Пойдем ко мне, расскажешь.

Саха боязливо посмотрел на окна. Глафира поняла его опасение.

— Отец спит. Пойдем в мою комнату.

Сидя на стуле в маленькой комнатке с одним окном на улицу, Саха обдумывал, с чего начать свой рассказ. Оживившаяся Глафира рассуждала:

— Да — жизнь загадка. Я о многом думала. Странно: смирный ваш народ вдруг разбушевался, как море в бурю... Как же это так? Я сочувствую...

— Из-за этих событий и мне пришлось отсидеть в тюрьме шесть месяцев, — начал вдруг со всей откровенностью Саха. Если бы Глафира сама первая не заговорила с искренностью, в которой нельзя было сомневаться, он не открылся бы ей.

— За что тебя посадили в тюрьму?

— Из-за отца. Он командовал отрядом повстанцев. У нас говорят: «Когда коровы из проруби пьют воду, то телятам достается лизать лед». Вот досталось и мне...

Глафира добавила:

— У нас говорят: «Лес рубят — щепки летят». Ничего.

— Вы говорите: «Ничего?..».

Такое успокоение со стороны Глафиры немножко задело за живое Саху. И он решил высказать свое мнение до конца.

— Известно, с чего все началось. Указ о мобилизации... Мирный степной народ отказался послать своих джигитов на убой. И с ним решили расправиться. По вашему, это ничего? Отец мой не подчинился насилью и повел за собой казахских джигитов. За это меня посадили в тюрьму и мучили. По-вашему это тоже ничего? — В голосе Сахи чувствовалась большая обида. Глафира не могла ничего возразить. Она только спросила:

— Кто стрелял в моего отца?

— А что, если я?

Глафира пристально посмотрела в глаза Сахи. Неужели? Нет, тогда он не посмел бы смотреть так открыто. Правда, в первые минуты он чувствовал себя неловко, это она заметила. Может быть, его мучила совесть? И все же нельзя поверить...

— Нет, не ты! — сказала она. — Я слышала, Токаш...

— А почему бы и не я? Считаете неспособным на такое геройство?

— Геройство?!— удивление Глафиры росло. И это слово без всякого стеснения произносит ее друг по гимназии! Будто стрелять в отца Глафиры и убить его — геройство! Да еще и говорит об этом прямо в глаза. Не удивительно ли?

В соседней комнате послышался скрип сапог, шаги. Затем раздался стук в дверь. И Глафира и Саха вскочили с места.

— Да, папа!

Атаман обеими руками открыл двустворчатую дверь сразу настежь. Нахмурив густые светло-желтые брови, сморщив остренький нос, он уставился на Саху.

— Кто такой?

— Это мой знакомый Саха Сагатов, учились вместе в гимназии.

— Сагатов?— рявкнул атаман.— Щенок этого смутьяна, главаря бунтовщиков?

Разгоряченный разговором с Глафирой, Саха не сробел, ответил с достоинством:

— Милостивый государь! Я — такой же человек, как и вы!

Глафира заступилась за Саху.

— Папа!.. Он — мой гость, вы обязаны оказать уважение!

Малышев, сильно хлопнув дверью, ушел.

Теперь и Саха не захотел оставаться.

— Глафира Андреевна, если вы разрешите, я пойду. **Быть** незванным гостем весьма нежелательно!

Саха вежливо поклонился.

В доме зажгли свет. Отец позвал дочь к ужину.

В столовой просторно и светло от висящей под потолком позолоченной люстры.

Отец сидел с повязкой на голове, в халате со слегка засученными рукавами. Перед ним — неполная бутылка вина. Глафира села на свое обычное место — с правой стороны отца.

Обед прошел молча.

— Ну, Глафира Андреевна, рассказывай!— отец искоса посмотрел на дочь.

— О чем?— подняла голову Глафира.— О беззащитном кочевом народе, к которому вы применяете насилие!

— Раньше ты не так говорила. Тебя научил этот сопляк.

— Отзыватья о нем так вы не имеете оснований. Если хотите знать, он честнее и вежливее, чем... ваш друг офицер Загоруля!

Атаман швырнул ножом и разбил графин с виноградным соком. Янтарная жидкость залила скатерть.

Петровна, старуха-прислуга, с досадой вскрикнула. Глафира заплакала и ушла в свою комнату. Атаман, прикусив губу, отвернулся к окну.

Если у человека испортилось настроение, то это легко заметить, как трещину на стекле, но настроение — пустяк. Отец с дочерью разошлись во взглядах. Однако своим поведением атаман и сам недоволен. Чересчур горячился, вел себя легкомысленно. Надо было не придавать значения словам дочери. Со временем поумнеет...

Глафира обиделась на Саху за то, что выстрел в отца он посчитал «геройством». И эта обида осталась в сердце. Но после нового раздора с отцом она решила, что ведет себя правильно. Тогда в чем вина Сахи?..

И долго перед ее глазами стоял образ юного джигита с широким лбом, со слившимися на переносье бровями, смело осадившего атамана разумным замечанием...

К утру отца будто подменили, он стал ласковым, что-то обещал Глафире, она слушала его плохо. Это был очередной приступ любви и нежности. Воспользовавшись переменой его настроения, Глафира вышла на улицу.

Зима стояла мягкая, без сильных морозов. Приближение весны почувствовалось рано. Бывало, в это время ветви карагачей гнулись к земле под тяжестью снега, а нынче от него не осталось и следа. А в парке совсем тепло. Неподвижный воздух влажен. Глафире вспомнилось, что вот такие теплые сырые дни бывали зимой в Петрограде. Но там тепло ненадежное — подует с моря ветер, и сразу наступает пронизывающий холод.

Возле церкви она неожиданно увидела Саху, идущего ей навстречу с каким-то русским — высоким, пожилым, с длинными усами. Поравнялись. Но Саха не удостоил ее даже взглядом: видно, очень обиделся.

— Здравствуйте, — сказала Глафира, остановившись.

Саха обернулся, стыдливо покраснел, кивнул Глафире и потом что-то сказал усатому. Тот остановился и дол-

го рассматривал Глафиру. На его суровом лице появилась растерянность. Глафире стало не по себе: чем она могла смутить их?

II

Саха сказал Бикен: скоро суд, жизнь Токаша висит на волоске. Чем ты можешь ему помочь?

Бикен поехала к Закиру.

Дом Закира — просторный, с большим вестибюлем. Дверь напротив ведет в контору. С правой стороны — гостиная, с левой — комнаты жен Закира. У Закира три жены: самая старшая из них — сестра Бикен, средняя — татарка, а младшая — узбечка. Узбечка свое лицо никому не показывает, ходит постоянно под паранджой, ни с кем никогда не разговаривает. Она очень молода, примерно, ровесница Бикен.

Бикен, открыв без стука дверь, смело вошла в комнату. На почетном месте на тахте сидел Закир, перед ним — бутылка коньяку с длинным горлышком. Лицо вспотевшее, глаза прищуренные, опять, видно, одурманил себя опиумом. Но сегодня с ним что-то особенное... Даже тени нет того Закира, которого знала Бикен. Никаких признаков улыбки.

Удивленная Бикен на миг задержалась у порога. «Очевидно, старость подходит», — подумала она и шагнула к Закиру. Висевший возле двери медный чайник упал с грохотом, должно быть, Бикен задела его. Вот беда! Закир оберегает этот чайник, доставшийся от прадедов, как сувенир-талисман.

Закир резко вскинул голову, густые брови нахмурены. Бикен громко хохоча, приблизилась к нему.

Закир, скрежеща зубами, уставился на Бикен.

— Дурак! — произнес он хриплым голосом, в котором слышалось сожаление.

— Жездетай, что вы сказали?

— Нет, не ты, а Ибраим этот... Надо было давно приучить необъезженного жеребенка к седлу... А он все вокруг да около... Дурак!

Бикен жеманничая обняла его за шею.

— Почему дурак?

Закир шепнул на ухо...

— Фу, бесстыдник! — притворно возмутилась она.

Закир обхватил девушку, повалил ее на тахту. Засучил рукава, потер руки — будто готовился свежевать овцу. Бикен поняла, что кокетничать дальше опасно.

— Жезде! Подождите... Отпустите! — отбивалась она. — Я кричать буду. Жамал позову!

Закир устал, он задыхался и все же не отступал:

— Выходи за меня замуж! Золотом осыплю!..

В комнату зашла третья жена Закира — узбечка, покрытая паранджой, стазиком и чайником-рукомойником.

Закир, опасливо озираясь, отодвинулся в сторону. Потом, громко хохоча, обратился к жене:

— Турсын-ханум, эта девушка хочет выйти за меня замуж, хочет быть младшей женой. Тебе нравится она?

Турсын-ханум стояла молча, опустив голову. Кто знает, о чем она думала?

А Бикен уже приняла свой обычный вид человека независимого и знающего себе цену. Она подошла к окну, возле которого сидел в полудремотном состоянии филин. Глаза у филина навывкате, сам ярко-желтый. Филин — новая забава Закира, он недавно привез его из аула. В трудное время кому нужен филин, кто будет дорожить им, когда решалась судьба целого народа, лилась кровь беззащитных людей...

Закир, помыв руки, подошел, пошатываясь, к филину и вырвал пучок перьев.

— Не трогайте его, жезде! Ведь ему больно! — проговорила девушка, но поздно. Закир уже протянул ей перья, подмигнул:

— Приколи, к сердцу приколи!.. Потом взял Бикен под руку и привел в гостиную. Там, на круглом низком столе, накрытом скатертью, стояло полное блюдо горячих мант. Рядом не было ни вилки, ни ложки.

Закир, засучив рукава, начал пальцами проталкивать в рот манты; он моментально проглатывал их.

«Как только рот не обожжет?» — удивлялась Бикен.

Закир ел с жадностью. Когда мант осталось совсем немного, он взял со стола салфетку, вытер себе руки и рот, затем скомкал ее и бросил стоящей перед ним Турсын-ханум.

— Девушка, — обратился Закир к Бикен. — О чем ты думаешь, чего хочешь от меня?

— Вот думы мои: вчера приезжала мать Токаша Бокина и со слезами уехала обратно... Жаль ее, жаль

Токаша. Ведь он наш единоверец-мусульманин, казах...

Закир рассердился.

— Я ведь тебе говорил: не водись с ними! Смотрите, вернется отец из Ташкента, попадет тебе.

— Жезде, почему вы ненавидите Бокина?

Бикен видела, что на помощь Закира надеяться нельзя, и ей захотелось позлить его разговором о Токаше, отомстить за свою неудачу. Когда началась вся эта заваруха, в аулах прошел слух: будто Закир чуть не попался в руки Бокину, еле ушел от него. Без огня дыма не бывает: возможно, это и правда. Одно слово «Токаш» приводит Закира в трепет.

— Бокин — мой заклятый враг, — прохрипел Закир. — Пока у меня бьется сердце в груди, жизни ему не дам!

Да, упрашивать Закира бесполезно: за Токаша он не заступится. Наоборот, при случае сам будет топить его.

— Как бы то ни было, разве он не джигит из джигитов? Жезде, перед смертью не бывает таких грехов, которых нельзя было бы простить...

— Хватит, перестань! — Закир, с трудом подняв свое грузное тело, встал. — Чем меня уму-разуму учить, пошла бы лучше к старшей сестре, поговорила бы с ней, утешила. Она со вчерашнего дня лежит и жалуется на головную боль.

12

«Ничего со мной не сделается, если схожу на базар пешком. Это даже полезно», — решил про себя Закир.

Закир не хотел быть полным. Он считал, что тучность — от нездоровья. В городе немало крупных торговцев: Габдуалиев, Ордабаев, Пугасов, Иванов... Все они, как на подбор, толстопузые, еле переставляют ноги. У каждого жирный затылок, как верблюжий горб. Закир тоже не из худосочных, но с ними ни в какое сравнение не идет.

Магазины Закира на Зеленом базаре расположены рядом: один мануфактурный, в другом — обувь и мелкие товары. Народу мало. Изредка заглянет парочка и, не вадерживаясь долго, уходит. Степняков, в особенности мужчин, совсем не видно.

Приказчики за прилавками позевывают и скучают от безделья. Война и восстание ударили по карману торговцев, они лишились прежних прибылей: нет покупателей.

Недавно Закир открыл продажу седел, сбруи и других шорных изделий. Этим товаром он обзавелся в аулах. Отступавшие в Китай казахские джигиты бросали все. А почему должно пропадать добро? Закир отправлял его в город возами.

По богатству Закир может сравниться с Исааком Габдуалиевым. В городе у него два больших дома, но он хочет построить еще один, на берегу речки, и отдать его Турсын-ханум.

Да, Закир может быть доволен своей судьбой. Правда, злые языки распускают сплетни и небылицы, пытаются опорочить его имя, унижить разговорами о предках, Напрасен ваш труд, завистники! Любите деньги, будете уважать и Закира. А что касается предков, то Закир и сам не скрывает, что его прадед — выходец из Намангана. Когда возникает разговор о родословной, то Закир относит себя к «чала-казахам».

Обойдя владения, Закир направился в свою контору, расположенную в мануфактурном магазине. Это была просторная полутемная комната. Закир раздернул синие бархатные занавески на окнах — стало светлее. Скинув выдровую шапку, он надел андижанскую разноцветную тюбетейку.

В это время кто-то въехал во двор.

— «Кто это тут хозяйничает?» — недовольно подумал Закир.

— Господин атаман, удачи вам в жизни! — донесся голос приказчика.

Закир надул губы и издал непристойный звук, сам не зная, что хотел выразить этим: неудовольствие или удивление.

Приказчик отворил дверь, и в контору зашел атаман Малышев.

Закир встал с места, чтобы встретить атамана, как полагает. Иначе нельзя — Малышев не только атаман, но и сосед, друг.

— Добро пожаловать, Андрей Васильевич!

— О, Закир-аксакал!.. Наконец-то удалось мне увидеть тебя! Соскучился, — произнес атаман и широко раскинул руки. Закир нырнул в богатырские объятия, голова его исчезла, прикрытая сверху широкой бородой атамана.

— Хе-хе! Одна копейка в расход, две копейки в приход...— смеялся Малышев.— Так что ли, аксакал?

Закиру этот наигранный смех не понравился: когда атаман приходил просить что-нибудь, он обычно прикидывался лисой. Но Закир ничем не выдал себя, только бросил зоркий мимолетный взгляд на атамана. По облику тот не отличался от казахов из рода канглы, кочующего вокруг Узун-Агача. Среди них часто встречаются вот такие тучные, синеглазые блондины. Одет был атаман в халат из темно-синего сукна с черным бархатным воротником, на голове папаха.

— Вы сегодня похожи на нашего Жанибек-хаджи!— сказал Закир. За насмешку он решил отплатить насмешкой.— Может быть, хотите собирать налог? Кто вас знает...

Малышев понял купца, громко засмеялся.

— Почтенный аксакал, не угадали!— казахский горланый звук «К» атаман произнес точно, без искажения.— На этот раз я приехал не для того, чтобы брать, а дать!

— Никогда не слышал, чтобы атаман давал, — хитровато улыбнулся Закир.— Видно, не зря в народе говорят: «Век живи — век учись!»

Атаман покосился выпученными глазами на дверь и изменил голос.

— Садись, аксакал!— он дернул Закира за рукав, усадил к столу.— Ты не шути и не извиняйся ужом! Я был сегодня у наказного атамана. Он сообщил мне одну весьма неприятную новость. Ты сколько скота откочевавших в Китай казахов присвоил в прошлом году?

Закир вздрогнул.

— Какой скот? Сколько там могло его быть?

— Фольбауму все известно. Зачем тебе лезть на рожон?

— Разве не ты мне советовал взять его?— Закир понял, что проигрывает, а потому стал прямо напирать на атамана.— Разве я не оставил половину всего поголовья у тебя на заимке?

Малышев сразу изменил тон, помотал бородой.

— В этом-то и дело! Фольбаум все знает... Кто мог наболтать ему об этом?

— Попробуй узнать! Всем рты не заткнешь.

— А вот и узнал!— грохнул кулаком по столу ата-

ман. — Это опять Бокин. Он написал заявление на имя Туркестанского генерал-губернатора и назвал нас обоих грабителями мирного населения.

— А как же их не грабить, если они выступают против самого царя?

Малышев ладонью закрыл рот Закиру.

— Замолчи! Это слова Бокина...

Закир притих и стал безмолвно слушать, о чем говорил Малышев.

— Бокину сейчас грозит смерть. Его изобличает в покушении твоя камча, найденная у меня под окном. Но Бокин вывернется, если скажет об ограблении мирного населения. На суде поднимется шум...

Атаман говорил уже спокойно, играя своей пышной бородой. Закира все больше охватывала тревога, он бо-язливо посматривал по сторонам.

— Вот теперь и подумай, Закир, будет ли иметь вес свидетельское показание на суде? — сказал Малышев.

Закир понял, что надо искать выход. И нашел. Даже весь востепенулся от радости.

— Есть человек, который выручит...

Малышев приветливо похлопал Закира по плечу.

— Ну, вижу — молодец ты! Вот такой человек нам и нужен. Кто же он?

— Дунганец Яшайло!

Прищурив глаза, Малышев долго смотрел на Закира, в его взгляде были и недоверчивость и удивление.

— А кто такой Яшайло?

— Он объездил всю Индию, Афганистан, Синьцзян, прошел огонь, воду, и медные трубы. Бывалый человек!

Малышев пожелал познакомиться с ним. Закир послал приказчика искать Яшайло. В ожидании «нужного человека» аксакал и атаман сели пить вино. Закир достал лучшее, что было у него в разноцветном деревянном сундуке. Опрокинув вместительный бокал прекрасного «Абрау-Дюрсо», Малышев повеселел. Закир налил второй. После третьего бокала атаман стал более доверчивым. Он даже поделился с Закиром одной своей тайной, которая постоянно вызывала у него тошноту.

Человек иногда не замечает, что допустил ошибку. Обдумывает как будто каждый свой шаг и все-таки порой не видит вырытой на пути ямы.

Недавно из тюрьмы был выпущен гимназист Саха

Сагатов. Думали на эту приманку поймать его отца. Жунус, один из главных руководителей восстания, в плен не сдался. Сейчас он снова раздувает пожар восстания в горах. Не так давно в доме Малышева оказалась записка такого содержания: «Атаман! Освободи моего сына из тюрьмы, в противном же случае заберу дочь твою как заложницу!»

Но Малышев не из робкого десятка. Он решил перехитрить Жунуса. Саху выпустили, в надежде, что он сразу же начнет искать встречи с отцом, покажет дорогу к нему — и тогда оба попались бы в ловушку.

Однако замысел атамана пока не осуществляется. Юноша оказался смышленным. Кроме того... Нет не стоит вдаваться в подробности. Зачем в разговор с Закиром впутывать дочь. У атамана достаточно сообразительности и настойчивости. Он ждет: все равно либо Жунус выйдет к сыну, либо Саха пойдет в горы к отцу — и тогда им конец.

В комнату странной манерой зашел какой-то человек: сначала просунул голову, затем половину корпуса, наконец показался весь и толчком левой ноги закрыл дверь. Коренастый мужчина, смуглый, рябой, горбоносый, левый глаз покрыт тонкой пленкой бельма.

— Здрав...

— Садись, садись! — сказал Закир, не дав вошедшему докончить приветствие.

— Значит, это и есть Яшайло? — Атаман продолжал рассматривать «нужного человека». На голове — чалма, одет в полосатый халат, на ногах ичиги — настоящий бухарский узбек.

Яшайло, прижимая руки к груди, низко поклонился.

— Исмаил, ты знаком с атаманом? — Закир кивком указал место возле себя.

Яшайло, опускаясь на одно колено, ответил:

— Кто его не знает? Когда назовут имя атамана, по всему Семиречью унимаются дети. Неужели я хуже детей соображаю?

Атаман нахмурил белесые брови: слова Яшайло ему не понравились.

— Как же это понять: бояться что ли?... — рассмеялся Закир, подобострастно посматривая на Малышева.

— Хватит болтать о детях! — оборвал атамана и нагнулся к Яшайло: ...

— Мне говорили: что ты занимаешься контрабандой и спекулируешь золотом. Я все знаю про тебя...

На грубом, шероховатом, как терка, лице Яшайло появилось подобие улыбки. Закир сказал:

— Да, он тоже был богатым торговцем, лихим малым.

Яшайло, прищурив бельмастый глаз, посмотрел на Малышева:

— Господин атаман, вы ходите вокруг да около, напуская на себя суровый вид. Если вам что нужно, скажите прямо. Я, склонив голову, стою перед вами. Только, атаман, не забывайте, что палка всегда о двух концах! Наступите на один конец палки,—что сделается со вторым концом?

— Ты мне угрожать? — цыкнул атаман.

Закир ткнул в бок Яшайло, и тот опять склонил голову. Препирательство кончилось.

— Ты, оказывается, видел, когда Бокин уронил камчу перед моим окном? — спросил Малышев.

Яшайло подумал и кивнул головой.

— На суде надо выступить свидетелем! — атаман следил за выражением лица Яшайло.

Исмаилу Яшайло явно не понравился приказной тон атамана. Закир поспешил помочь делу и вступил в разговор, соблазняя Исмаила деньгами. Яшайло сидел молча. Часто мигая, он дал понять, что тут надо все хорошо обдумать. Закиру эта повадка хорошо известна: Яшайло хочет получить хорошую мзду. Купец достал из кармана золотую монету и подкинул ее на ладони.

— Я слышал, что у тебя издох осел и ты без поддержки не можешь купить другого осла. На, возьми! — Закир бросил монету. Яшайло поймал ее; он подул на ладонь, будто золото обожгло руку, и быстро сунул монету в карман.

— Можно и свидетелем, что же тут особенного! — проговорил Яшайло, усаживаясь поудобнее. Не спрашиваясь, он взял лежащую сзади Закира табакерку с серебряной инкрустацией и, насыпав на ладонь понюшку табаку, заложил ее в свою широкую ноздрю.

Атаман взглянул на Закира и мигнул ему. Тот понял, что Малышев хочет говорить с Яшайло наедине, поднялся и вышел в магазин.

Приказчики от скуки позевывали. Даже сбрую ни-

кто не покупал. Кому нужны седла, если в ауле не осталось джигитов?

Неужели и дальше так пойдет торговля? Неправда! Настанут дни, когда понадобятся и седла и все другое.

Закир, погруженный в невеселые размышления, вышел во двор, дал кое-какие распоряжения и вернулся в контору. Он уловил последнее слово, сказанное атаманом Исмаилу: «Сагатов...»

13

Из магазина Закира Яшайло направился на Зеленый базар. Солнце клонилось к закату, базарная площадь пустела. Задерживались только русские женщины — торговки всякой всячиной да узбеки, надеявшиеся продать подороже сохранившиеся за зиму яблоки. Праздношатающихся людей почти не было. На краю базара группа дунган, уйгур и татар играла в кости. Они увлеклись игрой, напирали друг на друга, спорили, поднимая шум на всю площадь.

Яшайло незаметно подошел к этой группе и примостился с краю. Неподалеку от играющих стояли, тихо разговаривая между собой, безусый юнец-казах и высокий, с длинными выгнутыми усами русский. Юного джигита Яшайло узнал сразу: это Саха! Атаман сейчас дал поручение следить за ним? Но Яшайло не сказал атаману, что он по заданию полиции уже установил слежку за Сахой, едва тот вышел из тюрьмы.

Сейчас сыщика интересовал больше долговязый с серповидными усами. А у Яшайло отличная память, метанный глаз, он опознал русского сразу. Это — казак, вернувшийся недавно из сибирской ссылки.

Яшайло новострил уши. О чем же они говорят? Уловить хотя бы одну фразу! Но ничего не слышно. Кося глазами, Яшайло стал приближаться к Сахе и Березовскому и нечаянно толкнул одного из игроков.

— Слепой, что ли? — закричал тот и оттолкнул его плечом.

— Прощу прощения! — сказал Яшайло и замер на месте, прикинулся интересующимся игрой, но глаз с Березовского и Сахи не сводил.

Вскоре они покинули базар, вышли на Торговую ули-

цу. Яшайло последовал за ними, держась на таком расстоянии, чтобы не потерять из виду. Березовский и Саха прошли в парк и остановились перед деревянным домом. Постучались. Им открыли дверь. Оба зашли в дом.

Надвигались сумерки. В парке было тихо, безлюдно. Яшайло крадучись приблизился к домику и спрятался за ствол дерева. В домике разговаривали, но слов нельзя было разобрать. Яшайло обогнул домик и прильнул к сенцам. Дверь из комнаты, вероятно, была приоткрыта, тянуло табачным дымом. Он уловил три слова: Бокин... Суд... Горы... Яшайло плохо знал русский язык. Слово «Юрьев» не понял: фамилия это или название какого-нибудь предмета?..

Не отрывая уха от тонкой стенки, он продолжал прислушиваться. Вдруг где-то вблизи раздался топот конских копыт. Яшайло оглянулся и увидел: всадник ехал прямо к этому дому. Остановив лошадь, он спрыгнул с седла и камчой постучал в окно. Постучал тихо, только три раза. Ему сразу же открыли дверь.

Яшайло успокоился: его не заметили. Стало еще темнее, можно продолжать слежку.

Что делать аульному казаку в русском доме? Он приехал неспроста. Яшайло завернул за другой угол дома: там фруктовый сад. Осторожно ступая, он подошел к окну, выходящему на южную сторону. Занавеска была чуть приподнята. Яшайло заглянул и увидел сидящих за круглым столом четырех человек: там были Саха и долговязый с серповидными усами, русский с редкой окладистой бородкой — хозяин дома, он в одной рубашке, и только что приехавший аульный казах.

Хозяин дома не сводил глаз с приехавшего казаха. У Сахи радостный вид. Лица Березовского не видно, потому что он сидит к окну спиной. Яшайло замер, напрягая слух. Разговор был слышен хорошо.

— А Жунус что намерен делать?

— Жунус собирался ехать в Туркестан, но, получив весть об освобождении сына, поездку пока отложил. Пожелал меня точно узнать, правда ли это..

— А в Туркестане он что намерен делать? — спросил хозяин дома, перебив джигита.

— Отслужить молебен в мечети аллаху и его пророку Магомету,

— Вот тебе и на! Полюбуйтесь на нашего героя!— воскликнул хозяин дома.

Эта насмешка, видимо, не понравилась сыну Жунуса: он довольно хмуро посмотрел на джигита. Джигит понял свою опрометчивость и тут же поправился:

— Теперь узнает точно, где сын, и, конечно, в Туркестан не поедет.

— Что у вас говорят о Токаше?— спросил усатый, беспрерывно куривший трубку.

— По слухам, скоро должен состояться суд.

Джигит хорошо знал русский язык. Не дожидаясь перевода вопроса бородача: «Спроси, Березовский, что они намерены делать, если его осудят на смертную казнь?»,— он ответил:

— Мы готовы! Жунус поручил мне узнать ваш совет...

У Яшайло сердце стучало все чаще и чаще. Дело тут затевается серьезное. Нельзя пропустить ни единого слова. Пусть-ка теперь атаман не исполнит своего обещания!..

— Вооружения достаточно,— докладывал джигит,— но мало ополченцев! Многие, не выдержав трудностей, уходят в сторону Балхаша и Туркестана...

Яшайло осенила блестящая мысль: «Сейчас же пойди к атаману, рассказать...» Он, крадучись, обогнул угол. Подошел к забору. Надо было перескочить, чтобы напрямую быстрее добраться до дома атамана.

Но тут откуда-то взялась маленькая дворняжка, она подняла залиvistый лай. Яшайло прыгнул на забор, и все же собачонка успела цапнуть его за ногу. Яшайло стряхнул собачонку, спрыгнул с забора и побежал.

14

Противоречивые чувства боролись в сердце Глафиры, она не находила себе места. А тут еще вдобавок настроение испортил Загоруля, приехавший вчера из Петрограда. Он долго рассказывал о своей жизни в столице, о сверкающем Невском проспекте, как будто Глафира не бывала в Петрограде. Ей стал еще больше ненавистен захолустный Верный, ненавистен Загоруля, такой нетактичный и грубый. Разве это офицер! Сутулый, голова продолговатая, как дыня.

В прошлом году в Петрограде Загоруля удрюсил Гла-

фиру пойти на благотворительный вечер, устроенный в пользу фронтовиков. На вечере оказался и Токаш Бокин, казах-переводчик из Верного. До этого Глафира не раз встречалась с Бокиным. Токаш оказался большим любителем танцев. Он очень обрадовался, увидев свою землячку. Они долго танцевали. Потом подружки Глафиры посмеивались над ней, называли ее кавалера азиатом. Глафира горячо защищала Токаша, доказывая, что он ничуть не хуже любого европейца. Подруги считали Глафиру провинциалкой, она чувствовала себя немножко одинокой и была очень рада знакомству с Токашем. Говоря о Токаше только хорошее, она защищала от насмешек и свое родное Семиречье. Токаш понял чувства девушки и старался быть возле нее, готовый всегда прийти на помощь.

И на этом благотворительном вечере Токаш сразу же подошел к Глафире и пригласил танцевать. Загоруля возмутился, стал привязываться к Токашу, потом они куда-то вышли. Токаш вернулся возбужденный, слегка побледневший. «Этот Загоруля трус», — сказал он Глафире. Весь вечер ей было очень приятно рядом с Токашем, который не побоялся постоять за нее и за себя...

А теперь что же получается? Бокин стал ее кровным врагом? Ведь он покушался на жизнь отца!..

Загоруля вчера долго толковал с атаманом о том, как лучше расправиться с Бокиным, настаивал поторопиться, потому что в Петрограде неспокойно. При этом он посматривал на Глафиру: глаза его злорадно поблескивали. Глафира догадалась, что Загоруля больше думает о своей мести за стычку с Токашем и меньше всего об ее отце. Она почувствовала, что хотят мстить и ей. А за что? За увлечение Бокиным? Но это не увлечение, а совсем другое...

Стук-стук. Кто-то стучится в дверь. Глафира прислушалась. Может, Саха? Но почему — Саха и в такое позднее время? Саха не придет, Глафира, кажется, потеряла еще одного друга юности. Опять стук! Стучатся в окно отца. Кто же это?

Глафира встала и, накинув халат хотела выйти. Но отец уже открывал дверь.

— Извините, господин атаман! — начал было говорить на ломаном русском языке пришедший, совершенно незнакомый человек, отец шепотом предупредил: «Тсс!»

Они, тихо шагая по коридору, прошли в гостиную. Глафира осторожным движением приоткрыла дверь своей комнаты и вышла в коридор.

— В саду Рафикова, на квартире сторожа-садовника собрались люди. Решили освободить Бокина из тюрьмы,—торопливо, коверкая слова, докладывал пришелец.

— Кто да кто?

— Русский. Он недавно вернулся из Сибири... Усы вот такие...

— Березовский. Еще кто?

— Другой русский, хозяин дома, садовник. Фамилию не знаю.

— Юрьев. Еще кто?

— Саха Сагатов!

Глафира чуть не вскрикнула. А из-за двери гостиной слышалось:

— Если сейчас окружить дом, можно всех арестовать... Еще среди них — джигит-казах, приехал от повстанцев с гор!

Глафира вернулась в свою комнату, быстро оделась и тихо вышла на улицу.

На дворе темно, хоть глаз выколи. Глухая, тяжелая тишина. Повалил хлопьями снег. Глафира пошла к парку. Зачем она идет туда? Что сделает? Этого она сама еще точно не знала. Было одно желание — предупредить Саху. Успеть, пока отец придет в парк с вооруженными казаками. Глафира не хочет, чтобы Саха попал в беду, не хочет, чтобы его опять посадили в тюрьму. Он честный, прямой, смелый... ведь соучастие... Нет, она не будет. Нет, она тоже поступит честно. До других ей дела нет, но Саху надо спасти. Ведь он был хорошим другом, не скрывал ничего. Он намерен спасти Токаша...

Мысли снова начали путаться. Токаш был ее другом и он стрелял в ее отца... Глафире не хочется верить в это. А почему бы Токашу и не стрелять в того, кто причинил столько бед казахам? Глафира сама говорила отцу, как он несправедлив...

Но вот и домик садовника. Надо решиться...

Пока она раздумывала, как поступить, к ней привязалась пушистая белая собачонка. Дворняжка злобно лаяла. Глафира пятилась, опасаясь ее. Открылась дверь — из домика свет хлынул в сад. На крыльцо вышел пожилой бородатый мужчина.

— Дик, пошел прочь!

Собачка, завиляв хвостом, повернула назад.

— Вам кого надо?

— Мне?.. Мне Саха Сагатов нужен,— дрожащим голосом насилу выговорила Глафира.

Мужчина, окинув девушку взглядом, сказал: «Идемте», и повел ее в дом. В хорошо освещенной комнате за круглым столом сидели двое: Саха и еще тот самый русский усач, которого Глафира видела в парке вместе с Сахой. Увидев Глафиру, Саха вскочил с места.

— Глафира!

— Саха, тебя сейчас арестуют. Убегай!

Мужчины удивленно переглянулись. Саха довольно наивно спросил:

— Кто тебе сказал?

Глафира не могла спокойно рассказывать; поспешно, скороговоркой она сообщила все, что знала.

— Ну, что ты скажешь на это, Березовский?— сказал бородач усатому.

«Так вот он какой, Березовский!— подумала Глафира.— Отец называет его бандитом. Нисколько не похож...»

Березовский с радостным блеском в глазах протянул Глафире руку:

— Спасибо, дочка!— потом показал на стул.— Проходите сюда. Петр, давай чаю! Дочка озябла. Ночь стоит холодная.

— Нет, нет! Спасибо...— у Глафиры путалось в голове: «Грозит опасность, она уж в дверь заглядывает, а тут — часпитие... Странные люди! Не перепутал ли что шпион отца? Почему Саха сидит так беспечно, почему не убегаст?»

Стол был моментально накрыт. Появились фрукты — яблоки, кишмиш, изюм, бутылка с вином. На краю стола уже пофыркивал никелированный самовар.

Березовский налил каждому по рюмке вина, неторопливым движением расправил усы.

— Дочка, все это тебе, возможно, покажется довольно странным. Тем не менее, привыкай. Самое интересное в жизни еще впереди!.. Этот бокал я поднимаю за твою чистосердечность, за твое будущее счастье.

Он выпил вино залпом до капли. Хозяин дома тянул вино медленно, смакуя каждый глоток. Саха только

пригубил и поставил рюмку обратно на стол. У Глафиры дрожала рука. Станные мысли кружились в голове: «Дочка... Обыкновенное обращение пожилого мужчины к девушке. Но почему так необыкновенно ласково произносит он это слово..?» Она так и не успела поднести рюмку к губам.

Послышался неистовый лай собаки и топот копыт.

— Саха, спрячься, убегай!— вскрикнула Глафира и, пролив вино, вскочила с места.

Березовский, взяв за руку, усадил ее.

— Садись, дочка! Не суетись! Все обойдется...

К комнату с грохотом ворвались полицейские во главе с самим атаманом. Никто из сидящих за столом не шелохнулся; у атамана глаза вылезли из орбит, он только и смог вымолвить:

— Глаша!

Глафира подняла рюмку и чокнулась с Сахой.

15

Токаш очнулся от крепкого сна: загремела и заскрежетала железная дверь. Ее долго не могли открыть, в заржавевшей замочной скважине ключ повертывается с трудом. Этот лязг и скрип отдается в голове, вздергивает нервы.

Токаш поднял голову. Опять на допрос, что ли? Ведь следствие уже закончено...

На пороге — начальник тюрьмы, Токаш прозвал его «Торчком ус». Этот самый «Торчком ус», оглядев Токаша, сказал:

— Одевайтесь быстрее!

Опять торопят! Куда торопят — на свободу, на расстрел? Разве на расстрел тоже торопят?

— Вещей своих не оставлять!

Токаш молча собирается. Он привык без крайней нужды ничего не отвечать: молчанием он изводит их. «Торчком ус» выходит из себя, злится.

Из вещей у Токаша только халат и жестяная кружка. Накинув халат на плечи, Токаш молча и пристально смотрит в лицо «Торчком уса».

Начальник шипит что-то вроде: «Ты еще получишь от меня».

Впереди идет надзиратель, сзади — «Торчком ус». Ку-

да они ведут? Во двор? Нет, повернули направо. В этом ряду — общие камеры...

Надзиратель открыл дверь одной из камер, «Торчком ус» втолкнул туда Токаша.

— О, Токаш-жан!

— Легок на помине! — с радостными возгласами встретили Токаша Сят и Курышпай.

Токаш поочередно обнял каждого из них, прижимая к груди. Впервые за эти восемь месяцев на глаза его вернулись слезы. От одиночества это, или от переутомления, или от тоски по родному народу?..

Заговорили все трое, громко, наперебой. Каждый хотел сказать о самом наболевшем. Курышпай звонким голосом заглушал низкий голос Сята. Сят еще больше постарел: его и так худошавое лицо совсем осунулось, скулы заострились, Курышпай только похудел немного, но особенно не изменился — остался тем же балагуром.

— Как же тебя пустили в свой «косяк»? — сострил Курышпай, как всегда без признака улыбки на лице.

Токаш и сам удивлен этим.

— Наверное, на суд поведут...

Сят, вздрогнув, поднял голову. Насупив брови, он изрек:

— По-моему, дело наверняка прекратят.

— Почему? — спросил Токаш, заранее зная, что Сят будет предсказывать только благополучный исход.

— Лишь один сатана не питает надежды на будущее...

— Сят-ага говорил, что у нас есть сознательные люди, которые заботятся о народе. Он надеется на них, — сказал Курышпай и краем глаз посмотрел на Сята.

— Недостойны они имени сынов народа, если обрекут нас на смерть, — произнес Сят.

Токаш быстро повернулся к Сяту.

— Ну, расскажите, аксакал, на каких это сыновей народа вы надеетесь?

— Я питаю надежду на нашего Мухамеджана, сына Тынышпая. Когда его выбирали в Государственную думу, я сам давал за него поручительство... Еще я питаю надежду на Ибраима, сына Джайнака.

Токаш, не выдержав, громко расхохотался. К нему присоединился и Курышпай. Послышался глухой звук

шагов коридорного надзирателя. Он вплотную подошел к двери камеры и ключом постучал по ней.

— Что за смех?! Прекратить!

Сят недовольно посмотрел на Токаша и Курышная.

— Хватит вам! Или в карцер хотите?..

Токаш понизил голос.

— Ну и нашли же вы сыновей народа! Если вы ждете добра от козьеголового Джайнакова, то не скоро придется нам распрощаться с тюремной баландой!

Курышпай хотел что-то вставить, но Токаш, горячася, перебил его:

— «Любимые сыны народа» пожертвовали вами, чтобы выслужиться перед царем, пожертвовали казахской молодежью. Неужели вам не понятно? Иначе, почему они не выступили вместе с Бекболатом?

— О них и говорить-то не стоит, — заметил Курышпай, вытаскивая из кармана роговую табакерку с насыбаем*.

— Вот именно, — подтвердил Токаш. — Эти отщепенцы разве когда-нибудь пойдут вместе с народом? Эх, Сят-агай, наивно вы мыслите!

— Ну и оставь их в покое! — обиделся Сят. — Зачем тебе они? Ты завидуешь их званию. Через каждое слово говоришь о них... Что они — поперек дороги тебе стали? Или думаешь, что они посадили тебя в тюрьму?

— А кто же еще? — допекал Сята и Курышпай.

Но Сят на замечания Курышпая не отзывался: они стали для него привычными.

Токаш понимал, что трудно в один разговор развеять заблуждения Сята. Странно, что этот бывалый человек, способный с закрытыми глазами отличить добро от зла, не мог раскусить Ибраима Джайнакова. Не одряхлел ли он и умом? Токаш молчал, раздумывая, стоит ли тратить слова на объяснения Сяту? Жизнь покажет правоту... Курышпай тоже замолчал, не желая вызывать раздора. Зачем ссориться? Надо радоваться, что теперь все трое вместе...

С закоптелого потолка камеры, вытягивая вниз паутину, спускался паук и, дойдя до глаз Сята, остановился, покачиваясь из стороны в сторону.

* Н а с ы б а й — особо приготовленный табак, закладываемый в рот.

— Смотрите! Это доброе предзнаменование, — радостно сказал Сят.

— Где это вы увидели такой признак? — сплюнул табак Курышпай.

— А вот паук! — указал длинными, тонкими, сухими, как камыш, пальцами Сят.

Курышпай посмотрел на паука и на этот раз поддержал Сята.

— Либо мы все, либо один из нас будет освобожден. Токаш фыркнул:

— «Верные сыны народа», конечно, аксакала не забудут.

— Голубчик Токаш, надо знать меру... Не набрасывайся ты на меня.

— И у стен, говорят, есть уши. Давайте прекратим! — сказал Курышпай тоном миротворца. — Нас здесь всего три человека, и мы не можем между собой договориться, спорим. А нужно радоваться, что мы вместе. Как-то один хороший человек Тюлемиш Карымшаков подтрунивал надо мной: «Один казах — крик, два казаха — драка, три казаха — родовое деление». Пожалуй, его устами говорил аллах.

Но Токаш не хотел уступать и примиряться.

— В споре рождается истина... Старейшина рода, подобный вам, Сят-ага, должен уметь различать друга от врага. Ничто не вечно под луной. И если в будущем власть окажется в наших руках, вы, Сят-ага, должны стать другом...

Теперь рассмеялся Сят.

— В народе говорят: «Мыши самой деваться некуда, а ведет за собой целый табун». Так и ты, — стоишь на краю могилы и еще говоришь о власти. Забавно!

— Меня казнят, хотите сказать? — Токаш положил руку на плечо Курышпай. — Меня не будет, останется Курышпай, Саха, и другие... — голос его дрогнул. — Но умирать не хочется. Останутся несвершенные замыслы...

— Эге, смерти боишься! — не удержался от шутки Курышпай. — Вот домбры нет — плохо...

Но Токаш не обиделся на неуместную шутку, он верил Курышпаю, знает его истинные мысли.

— Жаль что не удалось добиться цели. Все оказалось напрасным! — тяжело вздохнул Токаш.

Сят потупился: да, неудачно он сказал Токашу —

не надо было напоминать о могиле... Старик поднял голову.

— Ну, голубчик, зачем же так?.. Мудрец Жиренше говорил: «Бессмертным является имя героя, а также творение акына». Никогда не умрет имя, если оно на устах у народа.

Но и этим не утешил Токаша.

— Мы не акыны, подобно Джамбулу, и не было у нас такой хорошей славы, как у вас... — он не договорил.

В двери открылось маленькое окошечко, кто-то торопливо окликнул: «Бокин! Бокин! — и спустил сверток. Окошечко закрылось. В свертке оказалась буханка хлеба, завернутая в газету «Туркестанские ведомости».

— Вот тебе и паук... Удивительно! — рассмеялся Курышпай.

— Хлеб! — Токаш осматривал буханку с разных сторон. Мать передала бы мясо, масло. А неизвестный друг — сахар, кишмиш... Эта передача, по всей вероятности, от русских друзей.

— Сят-агаю всегда присылали жирную конину, а тебе буханку хлеба. Значит у каждого человека — своя доля. Отломил-ка мне кусочек! — сказал Курышпай.

Токаш разломил буханку пополам и в середине ее увидел бумажку. Вот почему именно буханка!

«Дорогой Токаш!

Завтра состоится суд. Нужен ли адвокат? С одним мы договорились. Не думай, что ты одинок! Есть же друзья, которые заботятся о тебе. Паренек нам обо всем рассказал. До свиданья».

Токаш безмолвно посмотрел в окно. Паренек — это Саха. А кто написал записку? Не Юрьев ли? Конечно, он!

— Ну, расскажи, ну читай, о чем там пишут? Что ты медлишь? — торопил Курышпай.

— Завтра суд... Скажите! Будем ли мы нанимать адвокатов?

— У меня нет денег! — буркнул Курышпай.

— А вы как, Сят-ага?

— Возможно, будет польза...

— Нет, в адвокате я не нуждаюсь. Я сам себя буду защищать, — Токаш долго ходил по камере взад-вперед. Сят и Курышпай молчали.

Занималась заря, в камере постепенно светлело: полумрак с углов камеры переместился под деревянные топ-

чаны. Стало хорошо видно лицо Сята — он сидел напротив окна. Какой изнуренный вид!.. Курышпай лежал на спине, заложив руки под голову. Он посмотрел на Токаша и затянул тихим голосом:

Человек с неволею не венчан,
Он ни в жизнь с тюрьмою не сродится —
Сердцем рвется в степи, словно птица,
К своему народу, с ним — навечно,
Даже и могилы не страшится.
О заря — предвестье благодати!
Ждет тепла и света мир телесный.
Я хочу, как солнце, быть полезным.
Так зачем же камни и железо,
Чем прогневал я тебя, создатель?!

— Эх, была бы у меня сейчас домбра! — скрипнул зубами Курышпай, перевернулся и лег ницком, чтобы скрыть слезы.

16

Итак, завтра — суд! Какие-то новые события заставили врагов поспешить. Токаш догадывался об этом.

Теперь надежды на милость совсем не оставалось. От суда не жди добра. Закон подобен ястребу-перепелятнику: схватит жертву когтями — не вырваться! В обвинительном заключении преступление Токаша квалифицируют по восемьдесят седьмой статье. Страшная это цифра. Она беспощадна. Токаш хорошо знает, какое наказание ждет обвиненного по этой статье человека: он работал в окружном суде переводчиком и хорошо изучил ее...

На другой день в камеру явился опять сам начальник тюрьмы. Узников отвели в караульное помещение. Позади — побои, оскорбления, издевательства. Теперь это уже не казалось таким страшным. Что впереди? — вот мучительный вопрос без надежды на спасение от цепких железных когтей закона. Что же — чему быть, того не миновать.

Всех троих заковали в кандалы и под усиленной вооруженной охраной вывели на улицу.

Город показался им необычайно оживленным. На улице — толпы людей. Но ни одного знакомого лица. Что привело сюда этих людей? Сочувствие, любопытство? Позади конвоиров шумной ватагой идет детвора, показывает на узников руками.

А день выдался изумительный. Какая ранняя в этом

году весна! Изобилие тепла и света. Снег растаял, на улице сухо. На деревьях распускаются почки, появляется зелень, цветы. Совсем весна! Всегда радовался Токаш наступлению весны, и сейчас сердце его стало биться учащенно.

И Курышпай идет повеселевший, соколом поглядывает по сторонам. Его зоркий взгляд отыскивает в толпе знакомых девушек-уйгурок, Курышпай подмигивает им, кивает головой.

Только Сят понурил голову, идет ничего не видя. Волосы его белы, как снег вершин Ала-Тау.

А улицы становятся все многолюднее. И шуму стало больше. Токаш глазами ищет знакомых. «Где же Саха, где Юрьев?»

Когда они подошли к парку, послышался громкий плач с причитанием. Токаш вздрогнул — звон кандалов и этот плач сначала напомнили ему какой-то заунывный мотив. Затем он узнал голос матери.

Пройдя немного дальше, Токаш увидел ее. Мать стояла на середине улицы, опираясь на палку, лицо ее было все в слезах, бешмет расстегнут, она выронила палку и протянула руки:

— Токаш-жан! Сын мой!.. Подойди, прижмись к моей груди...

Возле нее стояли две женщины: одна в красном бархатном бешмете, на голове выдровая шапка с пучком перьев филина; вторая одета скромно.

Горький плач матери вызвал слезы у самого Токаша, никогда не плакавшего, и у многих людей в толпе. Вооруженный конвой напирал на старуху, но, доведенная до отчаяния, она не могла сдвинуться с места.

— Прочь с дороги!— кричали конвоиры.

— Заберите ее.

— Стрелять будем!

Токаш не вытерпел, кинулся, задел плечом Курышпая,— тот, звеня кандалами, упал.

— Стоп!— крикнул начальник конвоя и подбежал к ним. Он, суетясь, стал поднимать закованного в кандалы Курышпая. Но сделать это было нелегко. Курышпай упал, вероятно, умышленно, он путался в цепях, представлялся беспомощным. В этот момент доведенная до крайнего отчаяния мать бросилась к сыну. Она не побоялась ни грозных окриков, ни наведенных прямо в грудь винто-

вок. Рыдая, она обняла Токаша и стала торопливо целовать его лицо. Конвоиры насилу разняли их.

Токаш, оказывается, недоглядел: в свалке к Курышпаю подбежала одна из женщин, стоявших рядом с матерью,— та, что одета победнее. Токаш не знал ее.

— Эта Халима,— шепнул Курышпай.— А вон ту, в красном бешмете, ты не узнал?

— Нет.

— Это же Бикен!

Токаш не поверил. Что за кокетство? На свадьбу идет, что ли?

Перед зданием суда толпа еще больше, стоят кареты, повозки, оседланные кони. Узников ввели в зал и поместили за перегородкой под охраной солдат. Сейчас начнется... Токаш не слышал, над чем посмеивался Курышпай, не слышал полных горечи слов Сята. Он думал об одном — с чего начать свою речь.

В зале пусто. В окна льется свет. Солнечные пятна на полу дрожат, переливаются с места на место, как ртуть. То и дело хлопают двери. С улицы волнами доносится шум и говор.

Курышпай дернул Токаша за рукав:

— Видел?

— Кого?

— Ослеп, что ли? Конечно, его прислали утопить нас... Ух ты, злодей!

Токаш только теперь узнал Закира.

Курышпай крикнул Закиру:

— Эй ты, пройдоха!..

Закир весь почернел от злости. Конвоир цыкнул на Курышпая, но Курышпай все-таки сказал, что хотел.

— Мало награбил скота по аулам, теперь явился сюда нашу кровь пить?

Токаш рассмеялся:

Ему этого и надо!

Закир не успел слова сказать: в зал суда вошел атаман Малышев. На голове его все еще белела повязка. Он никого не удостоил своим взглядом. Вошел еще кто-то.

— Встать! Суд идет!— раздалась команда.

Три офицера, блестя погонами, быстро заняли свои места за столом. Секретарь принес кипу бумаг и разложил перед ними. Подошел еще Загоруля: у него важный замедленный шаг, надменный взгляд. Он сел так,

что можно было все время смотреть на Токаша, не поворачивая головы.

За столом поднялся старший из офицеров с рыхлым белым лицом, с маленьким вздернутым носом и объявил заседание суда открытым. Огласил фамилии членов суда. Первым вызвали Сята.

— Сят Ниязбеков, признаете ли себя виновным?

Сят ответил коротко, виновным себя не признал.

Загоруля задал Сяту несколько заковыристых с хитроумным замыслом вопросов. Сят, не зная русского языка, ответил через переводчика. Нет, Сят еще не одряхлел умом, он не попал в ловушку, замаскированную хитрым Загорулей. Затем вызвали Курышная, тот упорно молчал. Токаша почему-то не стали допрашивать, а сразу вызвали свидетелей. Стало ясно, что суд задался целью сначала подобрать какой-нибудь ключ для обвинения Токаша и взять «не мытьем, так катаньем». Первым свидетелем, как и следовало ожидать, оказался Закир..

— Закир Исабаев, вы узнаете эту нагайку?— спросил Загоруля, показывая Закиру его камчу.

— Это моя нагайка.

— Мы знаем, как она попала в руки Бокина. Скажите, откуда вам известно, что эту нагайку Бокин обронил перед окном атамана Малышева?

— Эй, пес, сколько тебе заплатили, чтобы ты ответил ложью на такой вопрос?— Курышная вскочил, но солдат толчком усадил его на место. Председательствующий побренчал колокольчиком.

— В ту самую ночь мы возвращались из села Богородского и заночевали в Каскелене. Мой кучер вышел на двор покормить коней и все видел своими глазами.— Закир указал на сидящего рядом с ним чернявого, рябого мужчину. Тот с готовностью поднялся со своего места.

— Вы подтверждаете, что сказал Закир-аксакал?

— Конечно!— ответил рябой.

Председатель суда вызвал Токаша. Но Токаш не слышал своей фамилии. Он видел, что судьи страшно спешат скорей покончить с процессом. Кто подгоняет их?

Снова председатель суда назвал его фамилию. Токаш встал, звякнув кандалами, произнес твердым голосом:

— Виновным себя не признаю. Об этом я говорил и на предварительном следствии.

— А кто стрелял в меня? Кто взбудоражил все насе-

ление, кто поднял бунт?— выкрикнул, не выдержав Малышев, хватая руками забинтованную голову.

Судья для порядка тряхнул колокольчиком.

— Господин атаман, вам слово будет предоставлено!

Токаша так и подмывало дать бой атаману. Сейчас он смотрел только на атамана, но видел больше: горит аул, люди с воплями бегут, куда глаза глядят. Атаман взмахом руки отдал приказ пулеметной команде. Пули сыплются градом... Возле охваченной пламенем юрты лежит мальчик, лицо его залито кровью.

— Да, были совершены страшные преступления, и за них перед судом сегодня должен был отвечать не я, а вы...— Токаш указал на Малышева. Вы предали огню и мечу беззащитное население — женщины, детей, стариков!..

Председатель суда опять взялся за колокольчик. Но Токаш не посмотрел в его сторону, продолжал, взмахивая рукой,— кандаальный звон заглушал жалкое звяканье судебного колокольчика.

— Атаман Малышев ограбил казахское население и разбогател. И если он не получил заслуженной кары от рук повстанцев, то ради справедливости суд должен был сегодня приговорить его к смерти. Но суд, я знаю, этого не сделает. Разве это суд!?

Члены суда, как по команде, вскочили с мест, председатель крикнул раздраженным голосом:

— Прекратить!

Но Токаш не обратил внимания на его истеричный выкрик. Он видел, что слово его разит метко, подобно острой пике, и глаза его отыскивали новые цели. Вот сидит Загоруля; бледный, прикусив губы.

— Этот помощник прокурора!— Токаш тяжело поднял обе руки, закованные в железо.— Он — палач, давно потерявший облик человеческий!.. Он брал от казахских баев крупные взятки, скрывал их преступления.

Председатель суда тряс колокольчиком, что-то говорил, сляясь перебить Токаша, заглушить его слова. Токаш повысил голос:

— Этот выставленный вами свидетель, Закир,— злодей, предатель!

— Заткните ему рот, заткните!— крикнул Закир.

— Прекратить! Это безобразие...

Открылись двери, послышался топот ног. Полицейские вытаскивали кого-то. На дворе шум усилился.

Возле крыльца Юрьев сказал Сахе:

— Токаш там кроет всех подряд. Молодец!

Саха побледнел: что же это? Токаш сам идет на смерть!

— Считаю, что теперь все пропало,— повесил голову Саха.

— Токаш правильно делает. Еще не все потеряно! — Юрьев оглянулся вокруг. Тут толпились казахи, уйгуры, русские, живущие в пригородных селениях, рабочие шерстомойки и табачной фабрики. Приехало много родственников Сята; они в огромных, надвинутых на лоб, шапках дулатовского покроа.

Никого не пускали в зал суда. И разговор шел о том, что там делается.

— Ах, бог ты мой, о чем ты тут толкуешь?

— Говорят, Токаш там устроил перепалку...

— Бог ты мой, с кем же он?..

— С кем же? С судом, конечно...

— Перестань, пожалуйста! С судом!.. Не мели всякой чепухи! — раздавались недоверчивые голоса доброжелателей Сята.

— Эй, что сгрудились возле окна, отойдите!

— Дальше отойдите, стрелять буду!

Конвоиры кричали Юрьеву, пытавшемуся заглянуть в окно. Он не отошел. Подобные окрики — для него не новость. В Сибири, на Нерчинском руднике, Юрьев наслушался их вдоволь. Сейчас он даже не взглянул на конвоиров. Беспокоила одна мысль: Березовского все еще нет. Почему он запоздал? Из Ташкента привез один человек. Говорят, привез интересную новость. Березовский намеревался пойти к нему. Может быть, он к нему и пошел?..

Но почему вдруг зашумели люди? Вывернув из-за угла Торговой улицы, бежал во весь дух подросток. Он махал рукой, в которой белел листок бумаги, и что-то кричал. Из ворот высывались люди, переспрашивали мальчишку, но он не задерживался, бежал прямо к зданию суда...

Юрьев узнал подростка. Это был Егорка-почтарь... Он бежал и повторял только два слова:

— Телеграмма! Царь! Телеграмма!..

Все повернулись к нему.

— Что он говорит?! Царь?

— Очумел, что ли?

— Помоги нам, милосердный аллах!

— Направляй всегда, аллах, раба твоего на праведный путь!

Егорка подбежал, — глаза выпучены, на лице — не то радость, не то страх.

— Телеграмма! Царь свергнут с престола!

Все затихли, как громом пораженные. Во сне это или наяву? Как же небо держится на месте, не разорвется? Почему тишина? Почему никто ни с места? Царь свергнут?! Нет, это — ложь! Кто может свергнуть царя, ставленника самого бога?

Юрьев, расталкивая еще не очнувшихся людей, схватил Егорку, который чуть не проскочил в здание суда.

— Дай сюда телеграмму!

Егорка старался было увильнуть, но Юрьев вырвал из его рук телеграмму.

— Мне велено доставить председателю суда! — чуть не плакал мальчишка. — Отдайте!..

— Подожди! Я прочту и потом верну.

Юрьев громко прочитал телеграмму:

«Николай второй отрекся от престола...»

Стражники у входа в зал суда разинули рты и словно окаменели; у одного с грохотом упала винтовка. Мимо них в зал суда повалил народ.

— Ура! Царь свергнут!

Загоруля, вытащив револьвер, дал подряд несколько выстрелов — с потолка посыпалась сухая глина, запахло пороховым дымом. Члены суда хватали со стола бумаги. Нажимая друг на друга, с криком и шумом люди рвались в зал. Стиснутый со всех сторон атаман Малышев пытался вытащить револьвер.

— Это смута! — кричал он, но сбитый с ног рухнул, исчез в толпе.

Группа джигитов во главе с Юрьевым, пробилась к Токашу. Никто из охранников и не подумал остановить их. Тут же Токаша, Курышная и Сята освободили и вынесли на руках. Юрьев хотел было произнести речь, но из этого ничего не получилось: люди плакали, смеялись, обнимались. Всем хотелось говорить, но нужных слов пока не находилось.

Даже Юрьев, и тот, обнимая Токаша, сказал только:

— Ну, счастливый ты...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Рано пришла в этом году весна в Семиречье. Первый признак ее — сырая, мягкая, будто шелковая, мгла; по утрам она сползает с вершин Ала-Тау и повисает над городом. А когда взойдет из-за гор солнце и мгла рассеется, станут видны во фруктовых садах красноватые, как угольки, точки — первые робко распускающиеся цветы. С каждым днем их больше и больше, они пестреют, переливаясь перламутром, и уже куда ни глянешь — всюду цветы: бело-розовые, сине-голубые, всевозможных оттенков.

Токаш стоял на вершине пологого холма за Головным арыком и любовался весенним великолепием. Все еще не верилось, что тюрьма позади. Все еще по ночам мучили Токаша кошмарные сны. Проснувшись, он сразу же шел за Головной арык, на высокий бугор, чтобы насладиться свежестью утра, освободиться от тяжелых воспоминаний. Но не всегда это удавалось. Вот журчит в арыке чистейшая, как слеза, вода; прислушаешься — будто песня жаворонка, а задумаешься — монотонное журчание ее навеет грусть и даже страх: вспоминается однообразие тюремных дней и ночей.

На этом холме произошла стычка, с которой все началось. Токаш сказал себе: «Сабля вынута...» Потом схватки с врагами, тюрьма и вот — свобода. Что же дальше?

Токаш сел на плоский камень и задумался.

Сят вчера уехал в свой аул. Наверное, уже доехал. Сегодня вместе с домочадцами и родными отпразднует свое

освобождение. Еще бы — на старости испытать такие мучения! В последнее время он совсем было пал духом. Частенько обращал взоры к небу, молил бога, говорил об Ибраиме Джайнакове... Да, старика не надо терять из виду. А Курышпай!.. Эх, Курышпай, Курышпай — джигит из всех джигитов! Этот благодушествует у домашнего очага возле своей Халимы... О Сахе ни слуху, ни духу, не показывается и Жунус. Вчера Юрьев говорил, что Саха намеревался съездить в горы, разыскать там отца. Может быть, он туда и уехал?

Токаш с горечью должен был заключить, что его друзья разобщены, каждый занялся своими личными делами. А время беспокойное...

Накормленный досыта беркут, говорят, не станет охотиться за зверем. Как бы друзья Токаша не уподобились такому беркуту! Они, видно, думают, что теперь можно наслаждаться свободой. Понимают ли они, в чьих руках находится власть? Сейчас ухо и глаз надо держать остро, иначе — только и видели свободу, снова в юрту, Акбалтыр вломится беда и схватит Токаша за шиворот.

Токаш встал и быстро пошел в город. Дома за накрытым столом ждала мать. Хозяин квартиры Эрмиш был уже на работе, жена его ушла на базар. Токашу не хотелось чаевничать одному, без компании.

— Мама, ты собираешься ехать в аул? — спросил он.

Акбалтыр не сводила с сына глаз. Она смотрела на него с великой радостью.

— Да, родной мой, всемилостивый аллах внял мне, мои горькие слезы не зря были пролиты: желание мое исполнилось. Теперь я думаю вернуться в аул. — Акбалтыр налила в чашку густого крепкого чаю и спросила тихо: — Светик мой, скажи, правда ли это, что царя нет, совсем нет?

Токаш рассмеялся.

— Да, правда. Недаром народ его называл кровавым царем. Одно имя его наводило страх на простых людей. Вот вам даже не верится, что царя нет. Если бы царь сидел на троне своем, разве могли бы мы спокойно распивать чай?

— Кто же теперь будет править народом? — быстро спросила Акбалтыр.

— Власть оказалась в руках богачей. Таких, как Джайнаков...

— А тебя снова не арестуют? — встревожилась мать. — Ведь ты не из богатых.

Токаш хотел было ответить: «Возможно», но воздержался, не желая преждевременно огорчать мать, засмеялся наигранным смехом.

— Нас ведь много, мама. Всех нельзя арестовать.

— Как сказать, светик мой, — покачала головой Акбалтыр, — не все тут понятно, и сердце не на месте... Я спросила у тебя неспроста: мне хочется подыскать тебе невесту, хочется, чтобы ты женился, порадовал меня на старости лет...

Он только теперь понял, что поступил опрометчиво, сказав о возможности спокойно пить чай. Как объяснить матери, что время сейчас тревожное трудное и с женитьбой надо подождать. Ведь он сам только что успокаивал ее!

— Мне кажется, еще рано, мама.

— Кому? Тебе, что ли? Как можно так говорить? Скоро тридцать лет, а ты все еще холостяк. Нет, голубчик мой, приезжай в аул и устроим свадебный пир.

— Сразу свадебный пир? — удивился Токаш, радостно блеснув глазами. — Разве Айгуль вернулась?

— Айгуль — в Китае. Всю жизнь что ли ее ждать? Да и жива ли она, кто знает...

Токаш отвернулся к окну, помрачнел. Слова матери больно кольнули сердце. Он раньше и мысли не допускал, что мать может быть такой черствой, сказать так об Айгуль. Нет, Токаш унесет образ Айгуль с собой в могилу...

Акбалтыр ласково тронула плечо сына.

— Светик мой, ты, вижу, обиделся на мои слова. Что же делать, видно так было угодно аллаху. Ты не сочетался браком с Айгуль, и тебя ни бог, ни люди не осудят... Тут есть одна девушка, когда ты был в тюрьме, она часто помогала нам. Очень приглянулась мне.

Мать помолчала, ожидая, что Токаш, может быть, спросит: «Кто она такая?» Токаш чувствовал, каких слов ждет мать, и нарочно ничего не сказал.

— Она — дочь знатных родителей. Сама красавица. Чего еще искать?

Токаш нахмурил брови — верный признак того, что сердится. Акбалтыр поняла его и стала разливать чай. Разговор так и остался незаконченным.

Вечером Токаш сходил на собрание в недавно открытый «Дом свободы». Вернулся еще более хмурый, чем-то недовольный. Акбалтыр этого не заметила, она радостно сообщила:

— Приходила Бикен поздравить тебя. Она долго ждала и только недавно ушла домой!

— Какая Бикен?

— Светик мой, разве ты забыл Бикен? Она дочь этого богача Кардена. Умница такая и с добрым сердцем — умудрялась посылать тебе передачу в тюрьму.

Токаш вспомнил:

«А, добрая «ласточка»! Да, умна и хитра: нелегко передать в тюрьму передачу. Отзывчивая, щедрая душа, с богатого стола — бедному джигиту, томившемуся в тюрьме... гм!.. Чем отблагодарить ее за такую помощь и благородство? Если верить матери, лучшей пары не может быть... Ха-ха! Ерунда какая!.. Между мной и Бикен — пропасть».

Сын молчал, думая про себя, и матери стало неловко. Она подошла к сыну, посмотрела в лицо, чтобы узнать, сердится он, или нет.

— Светик мой, ты может быть, проголодался?

— Мама, я вижу, ты хочешь что-то сказать мне. Я слушаю!

Мать обняла его, прижала к груди и поцеловала.

— Сгинь эта тюрьма! Она виновата в том, что ты стал неговорчивым, не слушаешься добрых советов матери... — Старуха по-своему пошла на хитрость: ласками хотела сначала смягчить сердце сына, а затем сказать прямо.

Акбалтыр достала из кармана свернутую треугольником бумажку.

— Бикен оставила вот это письмо. Прочитай его и подумай...

У Токаша дрогнули руки, он медленно развернул бумагу.

«Токаш-агай! Я вас от чистого сердца с искренней радостью приветствую. Желаю успеха в дальнейшей жизни. Приходите завтра к нам в гости. Вместе со мною вас приглашает и отец. Считайте, что это будет нашим семейным праздником в вашу честь!

Бикен»

Токаш скомкал и бросил письмо. Нет, он не допустит насмешки над собой. Подумать только, нашли простачка!

Акбалтыр сделала вид, что ничего не понимает.

— Светик мой, она лишнее написала что-нибудь?

— Нет, я не могу быть у них в гостях и сидеть за одним столом с Закиром и Ибраимом!

Заклятые враги Токаша хотят поймать его на удочку. Они намерены руками Бикен накинуть петлю на шею Токаша, а затем обуздать его. Нет, он не подставит им шею.

— Закира, видимо, в гости не пригласят. Бикен говорила так!

— Все равно не пойду!

— Голубчик мой сходи!— стала уговаривать Акбалтыр. — Твои прадеды говорили: будешь пренебрегать приглашением, то после и захочешь, да не пригласят. Пойди, только свои сокровенные тайны не открывай и держись неприступно.

Эти слова матери показались Токашу разумными и убедительными. «В самом деле, чего мне там бояться! Порвать с ними открыто я всегда успею. Не лучше ли сначала кое-что выведать,— размышлял он.— В этом есть резон».

2

Хотя мать и советовала ему пойти в гости, но потом сама же пожалела: «Напрасно я уговаривала его. Это же гнездо коварства и зла. Таким людям доверяться нельзя. Добра от них не жди».

Тревожные мысли не давали ей покоя всю ночь, утром она встала с головной болью. Токашу сказала:

— Я не смогу пойти в гости вместе с тобой, у меня сильно разболелась голова, но ты один не ходи, возьми с собой Курышпая.

Токаш не боялся идти один, но не хотел тревожить мать и отправился за Курышпаем. Халимы дома не было. Курышпай и Махмут играли в карты. На низеньком столе лежала куча медяков и мелкие вещи. Махмута не узнать: бывало, усы торчком, смотрит весело, героем, а тут сидит сгорбившись, усы обвисли, глаза, как у сумасшедшего.

Началось с шутки, играли для времяпровождения, а

потом заспорили, кто лучший игрок. Решили играть «на интерес». Зять быстро обыграл шурина, выиграл у него все движимое и недвижимое имущество: дом, фруктовый сад, единственную лошадь. Токаш в тюрьме из уст самого Курышпая слышал: в бытность в Сибири Курышпая приходилось встречаться с разными картежниками, он всех обыгрывал. И уверял, что никогда не прибежал к шулерским приемам, ему просто везет. Теперь Токаш воочью убедился, что Курышпай говорил сущую правду. Он сидел совершенно спокойно, с легкой улыбкой.

Пальцы его работали быстро: миг — и карты розданы.

Посеревший лицом Махмут следил за каждым движением, как кошка, подстерегающая мышь.

Курышпай сверх той карты, которая лежала перед ним, кинул еще одну, взглянул на нее и положил на место. Ухмыляясь, спросил:

— Сколько надо?

Махмут дрожащими руками поднес к глазам свои карты.

— Если у тебя больше девятнадцати — выигрыш твой.

— Выигрыш мой, — спокойно сказал Курышпай и раскрыл свои карты. Двадцать очков!

Махмут с досады плюнул на пол.

— Ну, Токаш-жан, — начал торжественным голосом Курышпай, — ты один из казахских джигитов, с которым мне пришлось вместе отсидеть немало дней в тюрьме. Будь же свидетелем! Начиная с сего часа, этот дом, фруктовый сад, игреневая лошадь принадлежат мне. Так ведь, Маха? — повернулся Курышпай к Махмуту.

Оставшийся у разбитого корыта, Махмут кивнул головой, снова плюнул и вышел во двор.

Токаш расхохотался. Курышпай он знает хорошо: Курышпай — большой шутник. Наверное, заметил скупость Махмута и решил проучить его.

— Смотри, Курышпай, ты обидел шурина и рискуешь вызвать ярость Халимы. Будь осторожен, уйгурки — народ отчаянный! — шутливо заметил Токаш.

— Среди казахских джигитов ты балагуром не считался.

— Видимо, от тебя заразился.

Токаш рассказал Курышпаю, зачем пришел. Разве Курышпай когда-нибудь откажется пойти в гости! За-

хватив под мышку свою домбру, он последовал за Токашем.

В гостиной Кардена они застали многих из казахской знати. Кроме самого Кардена, пузатого, как самовар, тут сидел долговязый Габдулла Какенов, со шрамом на шее, работавший переводчиком в Пишпеке, но теперь проживающий в Верном,— по рассказам Акбалтыр, за него намерены выдать замуж Бикен; еще был коротыш, заплывший жиром, Сугурбай, чемолганский волостной управитель; и молодой джигит, сын татарина-торговца Бурнашева; на самом почетном месте восседал Ибраим.

При появлении Токаша с Курышпаем все поднялись, во главе с самим Карденом, и встретили их стоя. Карден поцеловал Токаша. Джайнаков тоже потянулся с распростертыми объятиями, но Токаш посмотрел на него так, что тот опустил руки. Воцарилось неловкое молчание. Его нарушил Сугурбай.

— В народе говорят: «Родные могут быть в обиде друг на друга, но они никогда не отрекутся друг от друга». Обиду твою, Токаш-жан, принимаем без упрека,— он громко рассмеялся и этим немного оживил компанию.

Токаш поздоровался за руку со всеми подряд, кроме Джайнакова, и поцеловал руки Бикен, которая как раз в этот момент вошла в гостиную. Джайнаков, весь побледнев, не знал, что делать — уйти, или остаться.

— Голубчик, удачи тебе в дальнейшем, достаточно ты настрадался! — сказал Карден, когда Токаш сел возле него.

— Да что и говорить, аксакал. Благодаря молитвам господина Ибраима вернулся из настоящего ада.

Сугурбай опять фальшиво засмеялся, стараясь вызвать у всех благодушное настроение.

— Мы господина Ибраима принимаем только за учебного человека, а он, оказывается, и мулла к тому же, — подмигнул Сугурбай насупившемуся Ибраиму.

— Господин Токаш умеет остро шутить. Его слова нельзя принимать всерьез! Я не ездил в Мекку и не принадлежу к числу благочестивых. Поэтому не мог возносить молитвы и никого не благословлял.— Ибраим окинул взором всех присутствующих, ожидая поддержки.

Токаш понял, что Ибраим намерен еще потягаться с ним. «Эх, бессовестный! — прикидывается в глазах людей скромным человеком! На же тебе...»

— Вы, господин, хотя в Мекку и не ездили, но зато были верноподданным рабом царя... Или думаете, народ ничего об этом не знает?

Снова тягостная, как перед грозой, тишина. Даже горланивший без умолку Сугурбай стих. Разговор с подтрунивания друг над другом перешел в острый спор. Карден многозначительно взглянул на свою дочь. Сметливая девушка сразу поняла смысл взгляда отца и пригласила всех в столовую.

Просторная, с высоким потолком столовая была убрана на диво. Всюду ковры. Над столом висела огромная люстра с позолотой. Длинный стол заполнили тарелки; тут были горячие манты, татарские беляши; из холодных закусок — казы, карта; вина разных сортов, фрукты.

Бикен встречала гостей в белом шелковом платье с оборками снизу, а сейчас вышла в столовую в пестром из тонкого шелка платье узбекского покроя, из-под платья видны красные шаровары; на голове — тибетейка с позументами, мелкосплетенные длинные косы свисали ниже колен.

Балованная с малолетства отцом, Бикен держала себя не как казахские девушки — стесненно скромно, а свободно, самостоятельно, как хозяйка. По ее знаку молодой джигит-татарин стал разливать вино, а она принялась накладывать в тарелки кушанья.

— Токаш-агай, этот пир мы устроили в вашу честь, — ярко улыбнулась Бикен. Проворными движениями гибких, белых пальцев она приблизила к Ибраиму блюдо с казы и карта.

— Жезде, вы же любите карта...

Ибраим уперся взглядом в ее полную грудь, причмокнул, будто попробовал какого-то кушанья. От Ибраима девушка подошла к Какенову, сказала тихим безразличным голосом:

— Пожалуйста берите, что вам из закусок нравится! Я ведь не знаю, что вам нравится.

С левой стороны Токаша, через одного человека, сидел Курышпай, а рядом с ним молодой татарин — блондин. Разливать вино он уже кончил и теперь внимательно следя за каждым движением Бикен, выполняя все ее указания по обслуживанию гостей. Курышпай — никому не даст посидеть спокойно — толкнул блондина локтем.

— Закрой рот!

Блондин покраснел и отвернулся.

Карден и Сугурбай, указывая бровями на Токаша, вели между собой шепотом беседу. Бикен мимикой подала отцу знак: пора начинать.

Карден заговорил, поглаживая бороду:

— Почтенные сородичи! Время сейчас неустойчивое, изменчивое. Вся наша сила — в единении. Если мы будем между собой дружны и едины, то никакой враг не страшен нам. Вот сегодня мы ради достижения этого единства пригласили сюда господина Токаша. Поговорим. Забудем обиды друг на друга и не станем угрожать друг другу! Не будем обращать внимания на всякие сплетни, шушуканье людей...

Токаш таких слов не ожидал. Он думал, что Карден и другие заставят Ибраима признать свою вину, а вместо этого они хотят нажать на Токаша... Как же, дожدهшься извинений от Ибраима. Он и раньше с пренебрежением относился к Токашу, лишь холодно кивал при встречах, а теперь разве склонит голову перед Токашем? Ах, подлецы. Когда они убедились, что за Токаша заступается народ да и сам он может постоять за себя, они начали говорить о единении...

Все, одобряя слова Кардена, выпили вино, только Токаш не поднял бокала. Он знаком руки попросил внимания.

— Почтенные сородичи! Старейшина Карден говорил о единстве, дружбе. Но при Закире и Ибраиме наш народ не может быть единым.

Кто-то крикнул, выражая недовольство, все задвигались беспокойно, поглядывая друг на друга.

Токаш воскликнул, подняв бокал:

— Кончим этот бесполезный разговор. Джигиты, я предлагаю выпить за здоровье Бикен — украшение дома!

— Удачно! Молодец, Токаш,—поддержал его Курышпай.

— Спасибо, Токаш-ага! — Бикен чокнулась с Токашем и, обращаясь к остальным гостям, сказала: — Ну, джигиты, кто за меня не хочет пить?

Все выпили без особой охоты. Больше тостов не произносили. Вечер тянулся в разговорах соседа с соседом по столу. Токаш подсел к Бикен. В обычные дни он не употреблял вина, в гостях, на пирушках выпивал, но не

больше одной рюмки. От этой своей привычки он никогда не отступал. Сколько Бикен его ни упрашивала, он пить не стал.

Карден и Сугурбай быстро расправились с поданным в блюде казы и теперь принялись за манты. Курышпай, оказывая внимание своему соседу, молодому татарину, все подливал ему вина. Блондин был уже навеселе. Глаза у него посоловели, лицо залил румянец. Он смотрел на Бикен и на Токаша, во взгляде угадывалась зависть и злоба. Токаш отвечал насмешливым взглядом. Молодой джигит еще больше свирепел. Это заметили Ибраим и Габдулла. После ужина все снова перешли к гостиную. Бикен ушла в свою комнату, оставив дверь открытой, и села за рояль. Токаш подошел к ней.

— Я так соскучилась по танцам! — Бикен, не отнимая пальцев от клавишей, повернула голову к Токашу.

— В тюрьме у меня все мускулы затвердели, ноги не подчиняются, — засмеялся Токаш.

Курышпай, подмигнув сам себе, закрыл дверь комнаты Бикен, уселся на полу гостиной и начал играть на домбре. Он спел несколько песен, потом встал и, играя, начал приплясывать, вызывая смех. Особенно громко хохотал, забыв обо всем, Бурнашев. Какенов с Ибраимом стояли возле окна, курили и вполголоса разговаривали. Как только затихли звуки рояля, они подошли к двери комнаты Бикен и распахнули ее настежь. Все увидели, что Бикен и Токаш стояли обнявшись. Восторженный молодой татарин онемел. А Курышпай пробормотал ругательство: «Я же закрыл дверь, неужели они не могли догадаться запретить ее изнутри?..»

Токаш однако не растерялся. Он снял руки девушки со своих плеч, подошел вплотную к Габдулле и сказал тихо, но внушительно:

— Закрой дверь!

— Убирайся вон отсюда! — прохрипел Какенов и скрипнул зубами.

— Господин Какенов, не забывайтесь — хозяйкой дома являюсь я! — сказала Бикен.

Какенов опешил. Бикен смотрела на него в упор, то краснела, то бледнела. Он не выдержал острого ненавидящего взгляда и отвернулся.

Токаш поклонился Бикен, потом взглянул на Курышпая и энергично махнул ему рукой — пошли домой!

На двери домика Юрьева висел огромный черный замок. Березовский пошел в беседку, находившуюся в глубине фруктового сада — и там никого. Он присел на лавочку и стал ждать хозяина.

Был весенний вечер; тепло, тихо. От земли поднимались испарения, и в саду стояла сизая дымка.

Да, рано пришла в этом году весна. Но в Семиречье ранний ее приход может предвещать немало перемен в природе. Бывает, совсем установится теплая погода, оденутся в зелень деревья, и вдруг дохнет с севера холодом, повалит снег и прижмет мороз. Уж одевшиеся в листву ветви ломаются под тяжестью толстого слоя снега. Свежая зелень и снег на ней! — как это странно, необычно, жутко...

Но пока что весна радовала. Она принесла с собой не только тепло, но и свободу. Весна 1917 года показала Березовскому счастливой. Как-то сразу грудь расширилась, дышать стало легче, и мечты устремились далеко, далеко... Но это ощущение счастья было очень недолгим.

Кто пользуется плодами свободы? В чьи руки перешла власть в центре России? Кто должен управлять такими отдаленными краями России, как Семиречье? Мысли тревожили, мучили, заставляли вскакивать среди ночи с постели и сжимать кулаки.

Наказной атаман Семиреченского казачества военный губернатор Фольбаум скоропостижно умер от разрыва сердца. Вчера его похоронили. В городе появилось очень много сторонников разных нововведений. Ими кишат городская площадь, клубы и мечети. Откуда они появились? Из-под земли, что-ли, повывлезли? Ведь только вчера и духу их не было тут.

В бывшем доме губернатора, теперешнем «Доме свободы», ежедневно дискуссии, споры. Ораторы-краснобай, где-то уже научившиеся демагогическим приемам, не дают никому говорить. Только и слышно от них: «временное правительство, временное правительство». Бьют в ладоши и кричат до хрипоты...

Нет, если и дальше сидеть сложа руки, то, похоже, вся власть окажется у этих демагогов...

Стуча палкой, кто-то подошел к домику. Лязгнул открываемый замок. Наконец-то появился!..

В эти дни Юрьев, беспокоясь, метался по городу, бывал всюду. Он натер ногу и без палки ходить не мог; стал сильно прихрамывать и теперь смахивал на старика.

— Долго пришлось ждать? Идем — есть дело. — Юрьев вошел в комнату, стал торопливо жечь спички, они ломались. Березовский достал свои, осторожно шаркнул спичкой о коробок.

Зажгли лампу. Юрьев начал рассказывать, торопливо и сразу обо всем:

— Я только что из «Дома свободы»... Эсеры на словах строят земной рай. Любым путем норовят обмануть народ... Ты где сегодня пропадал? Я кое-что сумел сделать. Мы действуем разрозненно, это не годится. Пора взяться серьезно. Директив пока нет; что ж, будем делать то, что говорит совесть, долг... Давай-ка, посмотрим, какие у нас силы? Надо создать свою крепкую организацию.

Юрьев умолк, ожидая, что скажет Березовский, и ждал немало. Березовский не скажет не подумав. Он всегда придерживается правила: семь раз отмерь, один раз отрежь.

— Люди найдутся! — ответил Березовский.

— Давай!..

— Есть надежные товарищи в типографии, на почте... Много сочувствующих среди казахов и уйгур.

— Ты Бокина видел на этих днях?

— Нет. Запропастился куда-то. Может быть, в аул уехал.

— Вот видишь!.. Так не годится. Бокин должен быть все время с нами. Это очень нужный, верный человек, среди казахов пользуется большим уважением. Я давно знаю его. Он, когда был в Питере, установил там связь с большевиками, привез мне от них привет и письмо моего хорошего друга, старого питерского рабочего Столярова. Столяров писал, что Бокин произвел в Питере очень хорошее впечатление. Да что говорить! Вспомни дни восстания. Настоящий вожак! А как на суде выступал! Природный трибун...

Березовский кивнул головой, соглашаясь с Юрьевым, и добавил:

— Очень горячий. Язык, как бритва. Но горячие —

опрометчивы. Ты прав, Петр: Бокин должен быть всегда возле нас. Его надо удерживать от необдуманных поступков, помогать, научить работать по-партийному. — Березовский вынул из кармана трубку, стал набивать табак закопченными желтыми пальцами.

— Я разговаривал с одним товарищем с телеграфа, — сообщил Юрьев. Он только что вернулся из Ташкента.

— С Емелевым.

— Да, да. Он заставил меня над многим задуматься.

Юрьев на несколько минут прервал рассказ: налил в пузатенький самоварчик воды, положил горящие угли из печки, надел трубу. Подготовив таким образом чаепитие, он продолжал:

— На почту поступают телеграфные сообщения из разных городов. Телеграммы проходят через руки Емелева, он в курсе событий... В Ташкенте, как и в Петрограде, среди народа нет единого мнения: одни поддерживают Временное правительство, другие решительно против. Идет борьба. У нас положение труднее. Семиречье — глушь, далекая окраина, здесь мало рабочих, к тому же мы, большевики, до сих пор, как видишь, не смогли организовать и объединить свои силы.

Зашумел самовар. Юрьев подошел к нему, поправил трубу. Не отходя от самовара, продолжал:

— Нужна организованная сила, чтобы повести за собой массу. Ведь людская масса неустойчива, как ртуть, — то сольется воедино, то распадется на капли. Протяни руку, укажи русло — и польется за тобой. Или — как вот этот пар: бурлит, шумит, расползается по щелям, выдыхается, а направь на дело — начнет турбину ворочать, только держись...

Самовар вскипел. Юрьев налил два стакана, поставил на стол. Прихлебывая горячий чай, он развивал свою мысль дальше:

— Нужно раскрыть людям глаза и показать, что эсеры болтовней прикрывают господство богатых, убедить, что правильный путь только у большевиков — тогда все обездоленные пойдут за нами. Но хватит ли у нас сил повести за собой массу? — вот какой вопрос остро возник у меня после разговора с Емелевым.

Березовский все слушал, не перебивая своего друга. Он вообще не отличался словоохотливостью и несколько завидовал красноречию Юрьева, который в увлекатель-

ном разговоре внутренне загорался, весь преобразался, молодец, а летами был он немного старше Александра. Березовский помнит себя в юности проворным, расторопным и довольно языкастым, способным не только без конца шептать на ухо девушке ласковые слова, но и схватиться в споре с каким-нибудь одноклассником-станичником. Тюрма и длительная ссылка сделали его молчаливым. Он приучился больше думать и меньше говорить. Зато каждое слово его было верным.

И сейчас он сказал Юрьеву:

— По-моему, нам надо избрать эту телеграфную контору центром, местом сбора и объединения своих сил. По телеграфу можно установить связь с городами России, и знать обо всех событиях.

Юрьев сразу одобрил эту мысль:

— Кроме того, мы будем ходить и в «Дом свободы», потому что там собирается много народа,— сказал он.

Начиная с этого вечера, Юрьев и Березовский уже не знали отдыха. Они исходили весь город, повидали всех старых знакомых и приобрели много новых друзей. Там, куда приходил Юрьев, в долгих разговорах выпивался до наклона самовар, и хозяин становился сторонником Юрьева; где бывал Березовский, оставался еще один преданный человек — разговор тут шел короткий, ясный, напрямик,— и долго еще плавали по комнате клубы табачного дыма, и рука хранила ощущение крепкого молчаливого пожатия Березовского.

Один в поле не воин. Надо иметь истинных друзей, с которыми можно смело, рука об руку, пойти дальше в революцию. Такие друзья нашлись.

Поначалу Юрьев и Березовский полагали, что местное население — казахи, киргизы и уйгуры — в подавляющем большинстве неграмотное, мало интересуется текущими событиями, его трудно приобщить к активным действиям: люди помнят, с какой жестокостью было подавлено восстание. Но это было ошибочное предположение, в чем Юрьев и Березовский скоро убедились.

В «Доме свободы» — неумолчное гудение, как в пчелином улье. Сизый дым — столбом, хоть топор вешай.

Такая картина представилась глазам Березовского, когда он впервые переступил порог этого учреждения. Зал переполнен — яблоку негде упасть. Березовский так и остался стоять у порога, у раскрытых настежь дверей.

Кого только не было в этом «Доме свободы», который обалдевшие от радости эсеровские краснобаи иногда называли даже «Дворцом свободы!» Завсегдатаями его стали шатающиеся обычно на базаре пройдохи и мещане, живущие в домах под железной крышей, с зелеными деревянными ставнями на окнах. Одни смеются, неистово бьют в ладоши, свистят, сунув пальцы в рот, другие спокойно курят, шелкают семечки.

За столом президиума сидели: пожилой мужчина в очках с небольшой остроконечной бородкой, солдат в шинели, крестьянин в отороченной мехом громадной шапке.

На трибуну один за другим выходили ораторы. Они не говорили, а кричали до хрипоты, до пены у рта, видимо, от избытка чувств.

Березовский начал искать глазами среди публики своих знакомых. Возле окна сидели Юрьев, кудрявый Емелев и рабочие табачной фабрики. Пробриться к ним сквозь плотную массу людей было невозможно.

На трибуну скорым шагом вышел шегольски одетый казах в черном сюртуке, в пенсне, с тросточкой в руке. Это был Джайнаков. Оратор неторопливым движением вынул из кармана белый шелковый платок и протер им очки. Голос у него писклявый; говорил он по-русски свободно, без акцента:

— Временное правительство — наше желанное правительство. От имени казахского и киргизского народов я приветствую это правительство, мы едины с ним.

— Болтовня!

— Слезай с трибуны!

— Он правильно говорит!

— Ортак*, продолжай!..

— Ипташ** Ибраим, скажи...

* Ортак — товарищ (по-узбекски).

** Ипташ — товарищ (по-татарски).

— Пошел к черту!

За выкриками прокатилась волна смеха. Джайнаков говорил еще что-то, но слабый голосок его потонул в шуме и гаме. К трибуне пошел стройный казах, широкий в плечах, резкий в движениях, он на голову выше Джайнакова. Со спины Березовский сразу не узнал его. Еще не окончивший свое выступление Джайнаков как-то ступевался перед новым оратором.

— Бокин! Токаш Бокин!— стали шепотом передавать друг другу люди, толкавшиеся в дверях, они вытягивали шею, поднимались на носках. Березовский стал приглядываться и убедился, что поднявшийся на трибуну джигит был действительно Токаш Бокин. Где же он пропадал до сих пор?

— Товарищи!— крикнул с трибуны Бокин звонким голосом.— Знаете ли вы этого красная?

— Знаем!

— Бокин, не ругайся!

— Крой, Токаш, крой!

Бокин поднял правую руку, чтобы успокоить крикливых, и продолжал:

— Нет, вы не знаете его. Он — предатель, приспешник вчерашнего царского генерала Фольбаума.

От неожиданности Джайнаков оторопел и не знал, то ли спуститься вниз со сцены, то ли бросить Токашу реплику, боязливо озирался на сидящих в президиуме людей. А что они могут сказать? Только пожалы плечами: свобода слова, говори, что хочешь...

— Господину Джайнакову никто из казахов не верит,— продолжал Токаш.— Киргизско-казахский комитет, кучка людей не может представлять весь казахский народ Семиречья. Наш народ политику Временного правительства не поддерживает. Настоящей свободы еще нет!

— Долой, долой!— надсадно ревели несколько глоток.

Токаш повысил голос:

— Джайнакова, Закира Исабаева, атамана Малышева не следует и допускать сюда. Исабаев — тайный агент полиции, его надо бы стереть с лица земли, немедленно заключить под стражу! Руки Исабаева Закира в крови многих мужественных сынов Казахского народа!

— Верно, стереть с лица земли Исабаевых!

— Ну, молодец Бокин!

— Долой! — хрипели глотки.

— Никто тебя сюда не приглашал!

— И наш черед настал. Будем беспощадны...

Токаш сошел с трибуны под гром аплодисментов. Березовский проталкивался ему навстречу, издали протягивая руку.

5

В эту ночь они собрались в домике Юрьева. За гостями с большим вниманием ухаживала жена соседа, пожилая женщина, бойкая, с беззаботно веселым характером. Она ходила проворной, неслышной походкой. Вмиг появилось на столе вино домашнего изготовления из сока яблок, фрукты, чай. Очень легкое вино пили охотно, безбоязненно все, кроме Токаша — он и здесь ограничился одной рюмкой.

Возбужденный, радостный Юрьев обратился к Березовскому:

— Ну, Александр, расскажи, что мы сделали за это время, где наши силы, сколько их?

— Сила не в количестве, а в биении сердца... — ответил осторожный Березовский. — Надо суметь разгорячить это сердце... Спроси-ка у Бокина, достиг ли он цели численностью повстанцев?

Набив трубку табаком, Березовский чиркнул спичку. Токаш ответил вопросом:

— Александр Петрович, вы хотите сказать, что казахи напрасно поднимались?

— Как хочешь понимать, так и понимай. Заветной цели не достигли. А почему?

— Я и хочу знать от тебя — почему?

Березовский сильно потянул в себя из трубки — она разгорелась.

— Не смог завладеть сердцами людей, разжечь их....

Бокин резко повернулся к Березовскому.

— Если ты мог сделать это, чего ждал у моря погоды? Я сюда присылал вести, чего же вы ждали?.. А сегодня изображаешь из себя пророка!

Березовский удивленно посмотрел на Бокина.

— Ладно. Допустим, говоришь правильно, Бокин. Но в таком случае, можешь обойтись без меня.

Юрьев вскочил с места, схватил его за руку.

— Эх, Александр! И ты, оказывается, такой...

— Какой же?

— Наподобие прыгающего с крутизны барса.

Все рассмеялись. Только Березовский даже не улыбнулся. Затянувшись несколько раз из трубки, он сказал тихо и веско:

— Есть искра, которая воспламеняет сердца людей. Это — марксизм. А ты, Бокин, изучал эту науку? Ты повел народ за собой, но не смог ему указать конечной цели. Вот твоя ошибка!..

Юрьев, не желая, чтобы беседа приняла обостренный характер, воспользовался тем, что Березовский приложился к своей трубке.

— Бокин может снова воспламенить этот костер, еще не поздно! Если казахский народ последует за нами, мы будем сильны. Мы победим!

Токаш забыл о споре с Березовским и внимательно слушал Юрьева.

— Вы можете снова организовать и повести за собой народ?

Такой вопрос заставил Бокина задуматься. На лбу залегли глубокие морщины, брови согнулись. Трудно ответить на этот вопрос сейчас. Токаш после освобождения из тюрьмы еще не ездил в аул и не знал, кто остался там из вчерашних преданных друзей? Он чистосердечно сознался в этом.

— Как ты мог забыть людей, которые вчера следовали за тобой на смерть?— с нескрываемым упреком сказал Юрьев.

Токаш даже покраснел. Против правды возражать не будешь.

— Съезди в аул, собирай силу! Как говорится в народе: батыру на родной земле каждый куст помогает!— Юрьев посмотрел на Березовского и сообщил:

— Александр хочет газету выпускать. Послушаем его... Огонь, о котором говорил он сейчас, разожжет эта газета.

Они начали обсуждать план издания газеты. Токаш слушал плохо. Он глубоко задумался. Да, надо непременно поехать в аул, к народу, надо собирать силы на борьбу. Это будет не повторением прежнего, а продолжением борьбы. Надо идти вперед, прокладывая путь по целине.

Домой он возвращался поздно. Город спал. На востоке уже брезжил рассвет.

Умница этот Юрьев. Сразу нащупал главное. «Как ты

мог, Токаш, забыть тех, кто вчера следовал за тобой...» Действительно, как мог?... Двадцатисемилетний Токаш оказался похожим на жеребенка по третьему году, которого после езды пустили в косяк. И этот жеребенок, задрав хвост, помчался вскачь, радуясь своему освобождению от узды. Токаш после тюрьмы забыл обо всем: и о родном ауле, и о вчерашних преданных друзьях. Он ходил в гости к Кардену, сидел за одним столом вместе с Джайнаковым! Какой позор! Но что он мог поделывать, если пригласила девушка?.. А пропади пропадом и девушка эта и угощение! Завтра — в аул.

6

Но на следующий день он опять не смог поехать в аул. На пути опять встала девушка, от нее не так-то легко отмахнуться...

Началось с того, что приехал Курышпай. Было уже к полудню, но Токаш еще лежал в постели — не то спал, не то дремал. Курышпай сдернул с него одеяло, звонко рассмеялся. И без того узкие глаза его превратились в щелки.

— Токаш, что это с тобой стряслось? Спидь, как убитый.

Токаш не пошевелился. Он лежал голый до пояса — всегда спал без нижней рубашки. Курышпай, разглядывая могучую грудь, развитые мускулы, удивился: нельзя и подумать, что Токаш недавно из тюрьмы...

— Ты, случайно, не борец?— Курышпай начал надавливать мускулы руки, но они не поддались нажиму, упруго поднимались.

— Бороться, что ли хочешь?— улыбнулся Токаш, зная, что Курышпай не откажется.

Недолго думая, Курышпай встал, расправив толстые ноги, сказал:

— Ну, давай!

Они схватились. Курышпай пытался применить обычный прием казахской борьбы: притянуть противника к себе с правой стороны и затем порывистым броском положить на обе лопатки. Но Токаш, изловчившись, прижал голову Курышпая под мышкой, принуждая его коснуться земли. Курышпай изо всех сил старался высво-

бодить голову и крепко обхватил Токаша, тот изгибался продолжал клонить противника к земле.

В таком положении застала их вернувшаяся с базара Акбалтыр. Подумав, что тут драка, она крикнула испуганно:

— Бог ты мой, что за срам?!

Из сеней выглянула супруга Эрмиша.

Курышпай первым отпустил Токаша, который от стыда постарался скорее выскочить на двор к умывальнику. За ним последовал и Курышпай.

— Курыш-жан, сегодня едем в аул, готовься!

Курышпай ответил твердо:

— Нет, сегодня не поедем!

— Почему?

— Ты сегодня пойдешь к нам в гости. Халима говорит: с какими глазами я буду на него смотреть? До сих пор не смогли пригласить Токаша!..

— Ладно. Халима права. В аул мы поедем ночью.

— А зачем так торопиться?

— А затем, что пока мы разъезжаем по гостям, Джайнаков и его единомышленники захватили всю власть в свои руки. Скоро начнут охотиться за нами и снова упрячут в тюрьму.

— А ведь ты прав, Токаш. Знаешь, по пути я зашел в «Дом свободы». Там были и Джайнаков, и Закир, и Какенов. Ругали тебя на чем свет стоит... Ну, и я перед ними в долгу не остался: начал задираться и довел дело до скандала.

— Зачем они там собрались? Ты узнал об этом что-нибудь?

— Хотят сколотить войско, что ли...

Токаш, отбросив полотенце, переспросил:

— Войско говоришь?

Курышпай, подумав, что Токаш откажется идти в гости, постарался успокоить его:

— Болтали такое... Ничего не выйдет. Тут появились рабочие во главе с Утеповым, и мы разогнали всю компанию Джайнакова.

Вместе с матерью Токаш направился в гости к Курышпаю. Он не мог не уважить друга, хотя и сожалел, что отложил поездку в аул. «Ну, ладно, — думал он, — не все ли равно — поехать днем раньше, или днем позже?» Этот внутренний голос перекликался с голосом матери. Перед

тем, как пойти в гости к Курышпаю, Токаш сказал ей: может быть, мы лучше отправимся прямо в аул? Акбалтыр возразила: «Больше полгода просидел в тюрьме! Теперь на один день отложить поездку в аул — ничего не значит. В гости идем, не куда-нибудь...»

Переступая порог Курышпая, Токаш дал себе слово: быть в этом доме веселым, оставить о себе хорошую память.

Курышпай схватил домбру, прозвенел струнами и запел:

Вам, Токаш, почет и уважение!
Скуку — прочь, прими увеселения.
В этом бренном мире счастья мало —
Пей, гуляй и не кажись усталым.

Веселый голос Курышпая заполнил низенькую избенку, в ней стало светлее и радостнее. Токаш обнял своего друга и поцеловал его. Махмут, засучив рукава, принялся расставлять уйгурские блюда. Халима помогла Акбалтыр снять верхнюю одежду и усадила ее на почетное место.

Курышпай крутился возбужденный, не находя себе места, и звенел домброй.

Раньше пел я больше от печали,
Сердце горю песней отвечало.
Я помолодел душой и телом,
Пусть домбра звучит иным напевом.

Токаш схватил Курышпая, усадил возле себя.

— Даю обещание не поддаваться усталости, если ты будешь продолжать свои песни в том же духе и не устнешь сам.

Курышпай покачал головой и ответил:

— Ну, Токаш-жан, навалил же ты на меня ношу! Тяжело твое условие.

Как только гости, помыв руки, расселись за столом, кто-то постучал в дверь. Курышпай многозначительно посмотрел на Халиму, она торопливо вышла за дверь и с кем-то заговорила.

По голосу слышно, пришла какая-то женщина, она, смеясь, толковала о чем-то Халиме. Слов Токаш не разобрал, но голос показался ему знакомым. Курышпай, недовольный тем, что Халима замешкалась, вышел во двор. Смех возобновился. Потом Курышпай с Халимой почти силком ввели за руки еще одну гостью.

— Вы, оказывается, плохо думаете о нас,— укорял Курышпай.— никого чужих у нас нет...

Токаш очень удивился, увидев Бикен. Бикен тоже удивленно посмотрела ему в лицо. У нее стесненно-настороженный вид. Она была в голубом платье, в ушах сверкали и горели большие золотые серьги.

Бикен скоро успокоилась, взяла себя в руки. Токаш поймал себя на том, что он больше, чем следовало бы, смотрит на нее. И это заметили все, хотя говорили о другом.

— Как хорошо, что ты пришла, золото мое! — ласково сказала девушке Акбалтыр.

Курышпай подхватил:

— Мамаша, снаружи мы видим только серьги, больше никакого золота нет! А что внутри, это ей только самой известно.

— Курыш-ага, не все то золото, что блестит. Говорят, золото у человека лежит в уголке сердца и увидеть его не так-то легко,— ответила Бикен.

Халима с Махмутом, видя, что Курышпай замешкался с ответом, начали над ним подтрунивать:

— Ну, что теперь скажешь?

Курышпай уже открыл рот, но его одернула Акбалтыр:

— Против мудрого изречения может возражать только пустомеля.

Во время обеда Токаш молчал. Как только стали убирать посуду, он встал с места и ушел с Махмутом в другую комнату. Они заговорили о положении в городе и ауле. Базары пустуют: ни хлеба, ни мяса в продаже нет. Крестьяне, очутившись в затруднительном положении, все попрятали. Старые деньги совершенно потеряли цену. Ходят слухи, что скоро выпустят новые.

Махмут, чтобы купить барана, ездил на Бурундай, в аул Джайнакова. В городе мясники продают мясо из-под полы и только своим знакомым, насмеваются над ними или напускают на себя важность, будто делают им большое одолжение...

Токаш знает хорошо, что хозяйство аула Джайнакова на Бурундае полностью уцелело. Ибраим Джайнаков сохранил все, вплоть до паршивого козленка. А что касается казахских аулов Чемолганской, Каскеленской, Кастек-

ской, Нарынколской и прочих волостей, то там положение очень тяжелое...

Беседу Токаша с Махмутом перебил Курышпай:

— Бикен хочет идти домой. Пойдешь проводить ее?

— А мать?

— Останется ночевать у нас. Не могла отказать Халиме. Будь и ты вежлив. Все считают тебя вежливым джигитом. Ну?

— Ладно! — ответил Токаш. Вежливость, обязывает проводить девушку. Он с семилетнего возраста воспитывался в «казахско-киргизском пансионе» при Верненской мужской гимназии. Юность Токаша прошла тоже в городе. Кроме того, он некоторое время жил в столице России. Токаш знает, что такое хорошее воспитание.

Если бы кто-нибудь другой, а не Курышпай сказал Токашу «будь вежливым», он рассердился бы, а слово Курышпая без подковырки.

Наступил уже вечер. На улице темно. Луна еще не взошла. Токаш и Курышпай шли, взяв Бикен с обеих сторон под руки.

Бикен дорогой, не стесняясь Курышпая, посвятила Токаша в одну свою тайну.

Оказывается, в тот раз после ухода Токаша в их доме произошел крупный разговор и обмен мнениями о дальнейшей судьбе Бикен. Габдулла Какенов негодовал: «Не будем говорить обо мне, но какая умная девушка может отдавать предпочтение Токашу перед Ибраимом?» Тут появился пьяный Салимгерей, он стал привязываться к Какенову и затеял с ним драку. На другой день Карден и Закир, посоветовавшись, объявили Бикен свое окончательное решение: пусть она остановит выбор либо на Ибраиме, либо на Габдулле, а Токаша навсегда выбросит из головы. Бикен схитрила и сказала, что поскольку ей все же предоставлен выбор — Ибраим или Габдулла, — она подумает, кто из них больше понравится, за того и выйдет. Теперь Ибраим и Габдулла так и вертятся возле нее. Закир, понятно, настаивает на Ибраиме, но отцу ее, кажется, по душе больше Габдулла. Отец рассуждает так: «Я одну дочь свою отдал за Ибраима, он не смог уберечь ее. Пусть теперь пеняет на себя». Об этом Бикен рассказала ее старшая сестра — жена Закира...

Рассказывая, Бикен посматривала на Токаша: как он отнесется к этому? Токаш молчал.

Подошли к крыльцу большого, окрашенного в сине-голубой цвет дома Кардена. Бикен настаивала: если Токаш взялся провожать, пусть проводит до самых дверей комнаты. Ключ от наружной двери у нее в кармане. Токаш ничего не смог возразить.

Курышпай остался на крыльце. Он тихо замурлыкал песенку, потом смолк, посмотрел вокруг. Темень. Тишина...

* * *

Курышпай очнулся и не сразу сообразил, где находится. Оказывается, он спал, сидя на крыльце. И сколько спал — сказать невозможно.

Где Токаш? Может быть, прошел мимо, не заметив в темноте Курышпая? Или у Бикен? А если его схватили Закир и Ибраим?

Осторожно открыв дверь, Курышпай вошел в дом, ступая неслышно, как кошка. Комната Бикен — он помнил — была справа. Вот — двустворчатая дверь, она закрыта неплотно, через щель свет узкой полоской косо падает на ковер. Курышпай, сделав глубокий вздох, приложился глазом к щели и заглянул в комнату. Он увидел сверкающую никелем спинку кровати. Бикен сидела, опустив голые выше колен ноги. Токаш стоял перед кроватью на коленях, прижимая к губам руку девушки. По щекам Бикен катились крупные слезы, они падали на шею склонившегося Токаша...

Пятясь, Курышпай вышел на крыльцо.

7

На следующий же день после известия о свержении царя Саха отправился в Коратюбе к отцу. Он был вне себя от радости и ехал в приподнятом настроении. Но отца там не застал. Оказывается, Жунус все же отправился к Агзаму, имаму мечети Ходжи-Ахмед Яссави. Он уехал как только узнал о падении престола, и понял, что сыну и Токашу теперь не грозит опасность. Ближайшие соратники отговаривали Жунуса, но он не послушал их.

Поведение Жунуса было непонятным, странным. Саха сначала возмутился. Потом глубоко задумался: что-то случилось с отцом. Зачем ему понадобился имам Агзам?

Саха решил дождаться отца.

В Коратюбе была пещера со множеством разветвлений. В пещере — полумрак; у входа стоят часовые.

В честь приезда Сахи джигиты-повстанцы сварили бесбармак. Всю ночь напролет шла оживленная беседа. Повстанцев интересовало многое.

— Царя нет, что же дальше, кто будет править народом? — спрашивал джигит из аула Акши, Чемолганской волости.

— Не иначе, как атаман и Джайнаковы, — ответил недовольно другой джигит с большой родинкой на щеке.

— В таком случае, разве можем мы вернуться в свои аулы и жить спокойно?

— Все остается по-прежнему, так что ли?

— Выходит, народу еще долго терпеть кровопийц?

Не на все эти вопросы Саха мог дать вразумительные ответы, но кое-что знал твердо. Разве Джайнаков и ему подобные будут защищать и отстаивать интересы трудового народа? Если бы во главе правительства стали преданные сыны народа, такие, как Токаш, то было бы другое дело.

И все же повстанцам надо вернуться в свои аулы, восстановить разоренные царскими палачами родные гнезда. Ведь ничто не вечно под луной: возможно, настанет день, когда и атаману некуда будет деваться от суда народа.

Что происходит сейчас в центральных и больших городах России, Саха, не знал, — он поспешно выехал из города, чтобы повидаться с отцом...

Но Саха так и не дождался отца. Он прожил у повстанцев три дня, потом уехал к матери в Кастек, а оттуда вернулся в город. Здесь он узнал, что Бокин поехал к себе в аул на Чемолган. Тогда Саха направился к Юрьеву, но его тоже не застал дома. Все друзья куда-то исчезли. Чтобы собраться с мыслями, Саха остался побродить в парке.

Стоял один из теплых весенних дней, а в парке было прохладно. Саха сел на скамейку под раскидистым карагачом. Прилетели два голубя пепельного цвета и, трепеща крыльями, смело опустились на землю возле самой скамейки. Голубь с хохолком, должно быть самец, сделав несколько шагов вперевалку, принялся ковырять клювом землю. Саха с тихой улыбкой, не двигаясь, стал наблюдать. Самец копошился в земле долго, неотступно, будто

натолкнулся на клад. Вот он откопал что-то; подошла самка, он положил ей в рот свою находку, затем расправив крылья, начал ворковать и кружиться вокруг нее.

Саха не сводил глаз. Любовь!.. Сердце его сжалось от тоски. Он вспомнил Глафиру. Давно он не виделся с ней. Где она сейчас?

Эх, мечты, мечты! Разве от избалованной дочки атамана можно ожидать серьезного чувства! Непостоянная, взбалмошная девчонка! И все же Саха не может забыть ее. Часто видится ему лицо Глафиры, ковыльного цвета волосы, тонкая фигура.

Судя по тому, как горячо хотела она спасти Саху и его друзей, она не согласна с бесчеловечной жестокостью атамана. Но можно ли верить ей? О себе Глафира открыто не говорила, но случай в домике Юрьева говорит яснее слов. Если бы не она, то сидеть бы ему снова в тюрьме.

С того вечера Саха не видел Глафиру. На следующий день город облетела весть о революции, народ праздновал свободу. Перед отъездом в горы Саха ходил к дому атамана. Ставни были закрыты наглухо, двери заперты. Возможно, атаман бежал, захватив дочь. Но куда он мог уехать от своих казаков?

Саха поднялся со скамейки, хотя не знал, куда идти, что делать. Здесь, в парке, однажды он встретил Глафиру и, кажется, не поздоровался с ней. Было стыдно. Березовский, шедший рядом, узнав, что это Глафира Малышева, как-то неожиданно растерялся, долго смотрел на нее и потом сказал: «Очень похожа на мать». Саха стал припоминать подробности этой короткой встречи. Ему показалось, что Глафире хотелось поговорить, она поздоровалась приветливо, а Саха что-то буркнул в ответ. Как это глупо, невежливо!

Саха подумал и решил сходить к Березовскому. В это время кто-то прошел мимо быстрыми шагами. Саха вздрогнул: неужели Глафира? Светлые волосы, стремительная походка... Кажется, она.

Саха хотел было окликнуть, но сдержался: а вдруг не она! Саха последовал за девушкой. Она пересекла парк, прошла перед зданием гимназии. Если на том квартале свернет влево, то это Глафира: там дом Малышева. Девушка повернула налево. Саха ускорил шаг, догнал, кашлянул. Она мгновенно оглянулась.

— Саха! — с улыбкой произнесла Глафира. — Ты с неба свалился или из-под земли появился?

— Я сошел с гор! — ответил Саха.

Глафира, кажется, похудела, лицо бледное. Но это было первое впечатление Сахи. Видно, что Глафира рада встрече, она улыбалась, и лицо засветилось румянцем.

— Глаша, какие новости? Никого из знакомых и друзей!.. Сидел в парке и думал... Вдруг мимо прошла ты, но меня не заметила...

— Почему же ты молчал? — удивилась девушка.

Саха покраснел. Конечно, не мог же он ответить: «Сомневался — не разошлись ли наши пути...»

— Я сначала не узнал...

— Вот как! Не верю. Идемте к нам!

Саха топтался на месте. Встречи с атаманом не хотелось.

Глафира поняла его и рассмеялась.

— Видно, долго будешь помнить атамана. Не бойся, идем!

Она поднялась по ступенькам парадного крыльца, достала из сумочки ключ, открыла дверь.

Усадив Саху в гостиной, Глафира начала подробно рассказывать о своих переживаниях, начиная с того вечера, когда они расстались. Дома она сразу же легла в постель. Потом появился отец, он метал громы и молнии, еще в коридоре был слышен его голос:

— Позор, отступничество от родных!..

Глафира, конечно, поняла, что речь идет о ней. Вероятно, отец в ярости и не подумал, что дочь может быть дома. Он так и не заглянул в ее комнату.

Объясняться пришлось на следующий день. Глафира за ночь кое-что придумала и сказала так: она бродила в парке Рафикова и встретила с Сахой; вдвоем они зашли в дом садовника за яблоками. Поверил этому отец или нет, но свой разговор закончил строгим приказом: не встречаться больше с Сахой.

После неудавшегося суда над Токашем отец, забрав с собой Глафиру, переехал в Каскелен. Сейчас он там. Революция сбила ему спесь: в первые дни он совсем было пал духом, ничего не ел, лежал, не поднимая головы. Потом приехал из города Загоруля, отец после разговора с ним воспрянул...

Глафира находилась там под домашним арестом. Отец

не разрешал никуда отлучаться. В город она приехала по его поручению. Надо навести порядок в доме...

Саха спросил прямо:

— Глаша, ты с нами или с отцом?

Лицо девушки опять стало бледным, худым. Она долго молчала.

— Видишь ли, Саха, на это не легко ответить. Вам показался мой поступок неожиданным... Только Березовский, кажется, понял... Я не хочу, чтобы лилась кровь, чтобы невинных сажали в тюрьмы, особенно если это касается близких мне людей. Я таким пойду на помощь, не раздумывая...

— Березовский говорил, что ты лицом очень похожа на мать. Он думает, что ты ничем не можешь быть похожа на отца — это его слова, — осторожно напомнил Саха.

Глафира обиделась:

— Я отца не люблю и, не скрывая, говорю ему, что осуждаю его действия. Чем же я могу быть похожа?

— Не сердись, Глаша, — Саха протянул обе руки, — Давай вместе пойдем...

Тихо скрипнула дверь. Саха и Глафира обернулись. В дверях стоял Загоруля.

— Так, так, так... — улыбался он. — Извините, если я помешал. Но я должен, Глафира Андреевна...

— Шпион! — выкрикнула с презрением девушка. — Ты следовал за мной из Каскелена? Убирайся вон! Как вы надоели!..

— К сожалению... — Загоруля развел руками. — Я должен остаться, — таков приказ вашего отца.

8

Пара вороных рысью вынесла бричку на гребень горки. Сидящий на козлах молодой русский парень, с большим красным родимым пятном на лице, натягивая вожжи обеими руками, насилу остановил лошадей. Токаш спрыгнул на землю. Он указал матери рукой куда-то вдаль.

— Вон там, в долине «Бозой» течет наша река Чемолган.

Старуха, загородясь рукой от солнца, пристально всматривалась в движущиеся волны миража на горизонте. Увидела там речку или нет, но кивнула головой.

Охваченные миражем зимовки вокруг долины виднелись отчетливо, казалось, они стоят очень близко. Обгорелые деревья, скотные дворы без крыш, пустующие дома — все это последствия недавнего восстания. Поодаль от зимовок, в редкой березовой роще, виднелся большой дом с крышей. Он качался в волнах миража, то поднимаясь, то опускаясь. Это была летовка управителя Сугурбая, аул богача Кардена.

Широкая долина зеленела, струила аромат, она меняла оттенки, как зеленый бархат, когда по нему проводят рукой. Два года назад в этой долине располагалось на летовку множество аулов, паслись несметные стада и табуны. Теперь она опустела.

— Жаль тебя, бедный, обездоленный народ! — прослезилась Акбалтыр.

Расстроился и Токаш. Вспомнилась Айгуль... Он вскочил в бричку.

— Погоняй! — сказал он кучеру.

На версту впереди верхом ехал Курышпай. Вспыхивала под копытами желтая пыль, тянулась ввысь. А мысль Токаша, опередив Курышпая, добралась уже до аула...

Река возле аула Акчи разветвляется на два русла, затем снова сливается, образуя остров. В детстве Токаш, засучив штанишки, переходил речку вброд, пробирался на остров, поросший высокой травой. Там ловил не умеющих летать и путающихся в густых зарослях солодки, лебеды и полыни утят. Связав им ножки бечевкой, приносил домой в аул и потом усердно ухаживал за ними — поил, кормил. Даже тогда, когда он начал пасти ягнят у богача Кардена и с детством надо было прощаться, им овладевало непреодолимое желание пробраться на этот остров. Токаш оставлял ягнят и предпринимал любимое путешествие. Ягнята в это время самовольно припускались к своим маткам, и Токашу крепко доставалось от хозяина...

Недалеко от этого острова Токаш в первый раз встретился с Айгуль.

Куда теперь унесли ее волны жизни?..

Иван, как ни старался, не смог догнать Курышпая. Курышпай раньше их прискакал в аул и сообщил, кто за ним едет.

Аул уже приобрел жилой вид. На левом берегу реки

стояли землянки жатаков*. Правда, изредка попадались пустые глазницы окон, зияли дверные проемы и чернели обгорелые деревья — следы бедствия.

На правом берегу стояли юрты. Над ними вился сивый дымок, там лаяли собаки, играли дети — вот картина родного аула, который давно не видел Токаш.

Завидев бричку, дети с криками пустились к ней впергонки. Группами показались девушки и молодухи аула. В прохладной тени поднялись старцы и, опираясь на палки, медленным шагом направились к перекрестку дороги. Увидел все это Токаш, и сердце у него встрепенулось.

Да, вот это и есть родной аул!

Для встречи Токаша собрались все от мала до велика. Невозможно было разместить всех в закоптелой юрте Акбалтыр. Пришлось для молодежи и детворы разостлать под кустом возле юрты кошму и домотканый ковер.

В родное гнездо вернулся воскресший сын народа, гордость аула. К приезду Токаша тут готовились. Когда кончились традиционные приветствия и все почетные старцы расселись, началось угощение: сперва стали потчевать кумысом, принесенным из соседних юрт в больших деревянных чашах; потом приступили к чаепитию. В больших котлах варилась жирная баранина.

После чая Курышпай взял домбру, и после каждой песни раздавался дружный возглас одобрения «Ау-ой!»

А Токаш смотрел на лица аулчан и думал, думал. Как изменились, постарели все! Было много сверстников, а теперь никого нет. Где они: скитаются ли на чужбине, или навсегда распрощались с этим миром?

После свирепой бури остается поредевший лес. Вот они — уцелевшие после неистовой бури, пронесшейся вчера над аулом, — старцы и джигиты. Они встретили Токаша с чистым сердцем, с распростертыми объятиями. Тяжело им, но сейчас никто не хмурился и ни единым словом не обмолвился о наболевшем. Не хотят омрачать радостную встречу. Видимо, не иссякли силы души. Да, на них можно надеяться — поддержат, выручат, пожертвуют жизнью. А раз так, значит уважают, любят. А почему?

* Ж а т а к и — оседлое бедное население; они, как правило, оставались в зимовках, не откочевывали на джайляу, потому что у них не было лошадей.

На этот вопрос Токаш сам себе не мог ответить. Чем он заслужил такую любовь народа?

Подали на деревянных казахских блюдах только что сваренное и все еще отдающее паром свежее мясо. После обеда те, что помоложе, затеяли было состязания по казахской борьбе. Но это мало кого увлекло — тяжесть на сердце давала себя чувствовать. Будь здесь все джигиты, оттесненные в Китай, какое бы разгорелось торжество — пир на весь мир, конская скачка, кокпар!

Повеяло предвечерней прохладой. Народ стал расходиться по домам. Токаш, взяв с собой Курышпая, направился к речке.

С берега они увидели стоящего в воде кучера Ивана Покудина, он плескался, как ребенок, шлепал ладонями по воде, забавлялся сам с собой. Кони были стреножены и паслись.

— Токаш, для чего ты взял с собой этого русского Ивана? Неужели в городе не нашел ни одного казаха, годного в кучера? — спросил Курышпай, указывая подбородком в сторону Покудина.

— Он мой друг.

— Друг? Как же это?

Токаш неожиданно повернулся к Курышпаю, чтобы застать врасплох и проверить — шутит он, как обычно, или спрашивает серьезно. По выражению лица Курышпая было видно, что спрашивает он всерьез.

Токаш ответил не сразу. Он взял Курышпая за руку, повел берегом речки к большому камню, сел и указал Курышпаю место возле себя. Потом пояснил:

— Надо тебе подробно рассказать — иначе не поймешь. Слушай.

Лет пять назад довелось мне быть очевидцем одного спорного дела. Урочище «Карой», где сейчас стоит заимка отамана Малышева, было исконным местожительством одного аула жатаков, хозяев закоптелых юрт из рода Шапрашты. Атаман Малышев подстрекал Кардена пожаловаться губернатору на самовольный захват этими бедняками его наследственной летовки Карой, он хотел выселить их и вернуть землю себе. Фольбаум распорядился переселить жатаков с Кароя, а землю зачислить в фонд государства. Так Малышев оставил Кардена в дураках и вместо земельного угодья показал ему кукиш. Жатаки были вынуждены, навьючив свои закоптелые

юрты и весь домашний скарб на верблюдов и ишаков, перекочевать в «Сартаукум»... На суде по этому делу я должен был выступать в качестве переводчика со стороны бедняков и хотел отстоять их интересы. Я предупредил богача Кардена, что Малышев поддерживал его с корыстной целью. Эти мои слова подхалим Карден немедленно передал атаману.

Малышев вызвал меня один на один для беседы, выложил сто пятьдесят рублей и предупредил: «Если жить еще не надоело, то держи язык за зубами, веди себя тише воды, ниже травы, а то угодишь в Сибирь».

Не смог, конечно, я стерпеть такой наглости и, не скупясь на выражения, разнес атамана по косточкам, а под конец сказал: «Атаман, оказывается, вы мастер и брать взятки и давать их. Хорошо, посмотрим — кто из нас завтра будет краснеть перед народом!»

Вечером ко мне на квартиру пришел этот самый Иван. Я знал его и раньше: мы с ним не раз вместе выезжали в аул. Он был бледный, вызвал меня за дверь и сказал: «Будь осторожен! Атаман дал задание двум головорезам учинить над тобой расправу, чтобы ты завтра не смог явиться в суд, — я слышал своими ушами...»

В ту ночь я никуда ни на шаг из дому не отлучался. На следующий день собрался на работу пораньше. Перед выходом на улицу поглядел через щели ворот и вижу: на углу против квартиры стоят два человека. Замечаю, что они не собираются уходить, часто смотрят в мою сторону — следят... Я перелез через забор соседнего дома и пошел в суд другой улицей. Подошел к крыльцу, и в это время над моей головой просвистел увесистый камень. Враг швырнул его издалека и не попал.

Токаш посмотрел в сторону Ивана: он уже вылез из воды и одевался. Положив руку на плечо Курышпая, Токаш продолжал:

— Не только этот Иван — друг. Когда я был в Петрограде, русские сделали для меня много добра. Деньги у меня кончились, есть было нечего. Город — не аул... О той жизни можно долго рассказывать — это уж как-нибудь после, в другой раз. Главное вот что: в таком большом, многолюдном городе, где судьбу человека решают только деньги, меня поддержали, мне протянули дружескую руку. Это сделали русские рабочие. Они повели меня с собой на завод, дали в руки молоток, я забивал там

ящики с продукцией. Так я заработал деньги и на хлеб, и на обратный проезд. Дело, как видишь, дорогой Курышпай, не в том, казах или не казах...

Покудин, подойдя к ним, скрутил папироску. Зарево скрывшегося солнца золотом выстлало дно реки. Ветер уже стих. Кругом безмолвие, только изредка доносился со стороны аула шум и гам детворы. На небе стали зажигаться звезды. Где-то неподалеку взлетел перепел,—вестник наступления ночи.

9

С восходом солнца люди из окрестных аулов двинулись к юрте Токаша. С гор поодиночке возвращались джигиты — повстанцы. Они все еще сомневались в том, что царя действительно нет. Первым пришел к Токашу Кырбай, громадного роста джигит. Он рассказал, каков у них был план спасения Токаша, если бы суд состоялся. Они решили держать постоянно в засаде в разных местах города вооруженных верховых, которые должны были совершить стремительный налет на конвоиров, когда те поведут Токаша в тюрьму или на виселицу, и увезти его в степь.

Токаш обнял Кырбая:

— Спасибо вам. А где сейчас Жунус?

— Жунус уехал в Туркестан. Приезжал к нему в горы посланец мечети Ахмеда Яссави и пригласил его туда. Скоро Жунус должен вернуться.

Опираясь на костыли, в юрту зашел Ахан, смелый джигит, который получил за свои отважные дела прозвище «алатауского барса». Это он в день набега повстанцев на станцию Самсы подрубил телеграфные столбы и порвал провода на линии между Верным и Пишпекком.

Токаш вскочил навстречу Ахану. Тот протянул руки, костыли упали, он повис на груди Токаша.

— О, храбрый барс мой! Остался живым, но лишился ног...

Ахан заплакал.

— Наконец-то я дождался... Я так хотел увидеться с тобой!

Токаш усадил Ахана между собой и Курышпаем. Ахан жаловался:

— Ноги — что поделаешь... Но мне жить не дает Су-

гурбай. Была единственная дойная корова. Недавно он угнал и ее.

— Сугурбай? Как, он все еще правителем?

— А кто же его отстранял от этой должности?

Токаш, стиснув зубы, промолчал.

— За что же он взял? — вмешался в разговор Курышпай.

— Говорит: ты сжег мельницу Тыртышного. Если не заплатишь, тебя арестуют и сошлют в Сибирь...

— Ничего,— процедил Токаш,— мы постараемся бодливому быку обломать рога.

— Я ожидал, что ты, Токаш-жан, заступишься.

— А рога его дай мне. Я из них сделаю табакерку,— сказал Курышпай, рассмешив всех, особенно обиженных Сугурбаем джигитов. Только Токаш не рассмеялся, он собирался поговорить серьезно.

— Каждый из нас чувствует, что настало новое время. Да, это так: новое время подобно луне — от новолуния идет к полнолуннию. Воспользуемся первым светом, будем искать и добиваться, чтобы сбылись народные чаяния. Джигиты, нам надо, засучив рукава, всерьез приняться за дело, иначе мы ни свободы, ни счастливой жизни не увидим. Нам их никто не принесет. Сугурбай и ему подобные нам дорогу без боя не уступят... Последние вести из далекого Петрограда говорят о том, что там идет непримиримая борьба. На одной стороне — весь угнетенный люд под руководством большевиков — во главе с Лениным, на другой — капиталисты, дворяне, купцы, они хватаются за Временное правительство, потому что не хотят лишиться богатств, добытых руками рабочих и крестьян. У нас здесь свои богачи, и мы будем с ними драться.

С Токашем все соглашались; Ахан, посматривая на свои костыли, сказал:

— В аулах настоящих джигитов мало. Лучшие люди погибли, много ушло в Китай. Как же после этого не обнаглеть Сугурбаю? Что могут сказать беззубые старики или этот малыш Рахмалы, у которого еще молоко на губах не обсохло. Взять меня, так я безногий. Какая уж тут сила: Сугурбай меня одним ударом свалит! Токаш, один в поле — не воин, надо тебе иметь сильных, преданных друзей! Надо бы вернуть из Китая джигитов-ополченцев!

Слова Ахана заставили Токаша задуматься: в самом деле, если вернуть эмигрантов, то они окажут надежную поддержку? О, тогда можно бы воспламенить пожар революции в Семиречье! Тогда другим голосом запели бы Закиры, Малышевы и Сугурбай... А пока надо действовать иначе.

Токаш послал к Сугурбаю джигита с поручением передать: «Бокин просил приехать к нему. У населения аула много неотложных нужд и дел, о них следовало бы поговорить».

Но Сугурбай не приехал, хотя аулы были поблизости, их разделяла только речка. Посланец, привез от Сугурбая такой ответ: «По правилу Токаш должен первый приехать ко мне с приветом. Если он это сделает, то в чине не понизится».

Токаш безмолвно выслушал ответ и оседлал своего коня. Но он поехал не в аул Сугурбая, а в аул Сята, который был в трех верстах. Он отправился туда один, даже без Курышпая.

Деревянный дом Сята — очень просторный, в нем пять комнат. Поднявшись по ступенькам парадного крыльца, гость попадал сначала на веранду, застекленную с одной стороны. Тут есть широкие, покрытые ковром нары и стоит низенький круглый стол. На веранде Сят обычно пьет чай и отдыхает в послеобеденное время. Потолок дома, высокий, куполообразный, напоминает свод юрты. Вокруг дома — фруктовый сад, в арыке журчит вода.

Токаш привязал коня в тени карагача и пошел по тропинке к знакомому дому. Ему навстречу попала Малике, дочь Сята, сверстница и подруга Айгуль. Айгуль узнавала через Малике все, что Токаш сообщал Сяту в своих письмах из Петрограда. Ласковые слова, которые Токаш говорил Малике, целиком относились к Айгуль. Об этом знала на свете только одна Малике. Но Сят это понимал по-своему.

Токаш обнял Малике. Она показалась ему очень похожей на Айгуль.

— Маликеш!

— Тока! — Малике закрыла лицо ладонями, расплакалась, всхлипывая, как ребенок.

Токаш знал — Малике горюет без ровесницы-подруги. Давно мечтал он увидеть Малике, поговорить с ней по

душам об Айгуль, успокоиться. Перед выездом из города в аул он купил для Малике кое-какие подарки — душистое мыло фирмы «Гульжихан», роговой гребень, круглое маленькое зеркальце, шелковый носовой платок. Все эти покупки он завернул в платок и положил себе в карман и сейчас вручил Малике свой подарок.

— Это тебе, Малике-жан! Чем богат, тем и рад.

Малике, прижимая к груди дорогой для нее подарок, вбежала по ступенькам крыльца, открыла дверь и радостно крикнула:

— Папа, Токан* пришел!

Сят лежал на нарах и читал книгу. Опустив книгу и сняв очки, он поднялся и раскинул руки для объятий.

— Один едешь? Когда приехал? Почему заранее не известил нас? Мы бы встретили тебя! — сыпал Сят, радуясь и обижаясь.

— Говорили, что вас нет дома...

— Меня нет, так были дома твоя женге** и младшая сестра..

Токаш сказал наугад, но, оказывается, угадал: Сята вчера дома не было.

— Кто из нас выехал из города позже, пусть тот и будет виноват.

Сят громко расхохотался.

— Да, юнец, победа твоя. Но я в городе искал тебя, был на квартире, так что и у меня вины особой нет.

Дальше Сят не без гордости сообщил, что он назначен членом казахско-киргизского комитета. Комитет этот будет подчиняться комиссару Временного правительства по Семиреченской области. Председателем комитета, как известно, назначен Ибраим Джайнаков.

— Значит, вы своей цели достигли. Помните, вы мечтали об этом в тюрьме? — Токаш с горечью улыбнулся.

— Кого не назначили, тот, конечно, будет говорить так.

Токаш разозлился.

— Не могу я быть членом комитета, где председателем сидит Ибраим Джайнаков. Мы с ним никогда не сойдемся. В этом вы на деле убедились. А подхалимничать я не могу...

* Токан — почтительная форма имени Токаш.

** Женге — жена старшего брата.

Сят вытаращил глаза, подбоченился.

— Выходит, я подхалим?

— Иначе вы не попали бы в этот комитет. Теперь будете служить злодеям, которые вас держали в тюрьме.

— Я еще раз повторяю тебе: меня предал не казах.

— А кто?

— Русские.

— Сят-ага, вы пошли по неправильному пути. Одумайтесь, пока не поздно! Вас предали торгош Закир и Джайнаков. Если сейчас не верите, то со временем убедитесь. Тогда поговорим еще... Прощайте! — Токаш. Быстрыми шагами направился к двери.

Сят совершенно не ожидал такого оборота дела, опешил и, не находя что сказать, растерянно озирался вокруг. Выбежавшая из кухни Малике схватила за руку Токаша.

— Что случилось?

Токаш так и не смог успокоиться. Черные густые брови его вздрагивали, ноздри раздулись, лицо побледнело.

— Малике-жан, в этом доме я не могу больше оставаться. Я приехал сюда с чистым сердцем и открытой душой, а тут хвалят моего заклятого врага. Лишь потому, что этот дом не чужой мне, я не разрушаю его! — он выбежал на двор, увлекая вцепившуюся в рукав Малике.

— Ничего не скажешь — молодец! Но ты еще покаешься!.. — крикнул позади Сят.

Токаш не расслышал, он был уже возле своего коня. Малике со слезами на глазах ухватила за стремя.

— Про Айгуль, видно, забыл. Как же так?.. Ни единым словом не вспомнил о ней!

— После поговорим. С тобой, Малике, мы непременно встретимся, жди. — Токаш тронул повод.

10

Время — полдень. На лужайке возле речки собрались люди из всех трех близлежащих аулов. Здесь были люди и из аула Сята. Но не пришел сам Сят, так же, как и Сугурбай. Курышпай напрасно искал их глазами. Токаш подошел к Курышпаю и сказал строго:

— Возьми с собой двух джигитов и приведи сюда аксакала Сугурбая. Езжай скорее, его ждет народ!

Курышпай в ауле места себе не находил от безделья. Поручение Токаша его обрадовало. Взяв с собой Ивана и еще одного джигита, он поехал за реку. Выбравшись на противоположный берег, они пустили мокрых коней вскачь. Возле юрты Сугурбая Курышпай, не слезая с седла, громко крикнул:

— Господин управитель, вас просит народ! Все давно собрались и ждут только вас!

— Что это за невежда такой?— послышался из юрты хриплый бас.

Курышпай спрыгнул с коня и, передав поводья Ивану, быстрым шагом вошел в юрту. Управитель полулежал на подушках и смотрел исподлобья. Курышпай приложил руку к груди:

— Аксакал, прошу прощения! Меня послал Токаш и просил сказать вам: народ собрался и ждет вас. Токаш со своей стороны также просит вас, чтобы вы прибыли туда.

— Человек, который без меня созвал народ, пусть сам и разговаривает с народом! — ответил Сугурбай, не поднимая головы.

— Ваша воля управитель. Как гласит поговорка: «Пучина может поглотить и удалого пловца, народ укротит любого строптивца».

— Все равно, я по своей воле туда не поеду. Местную власть представляю я. Я собрания не созывал.

Курышпай, повернувшись, крикнул:

— Иван, иди сюда!

Рослый Покудин явился моментально.

Курышпай указал на Сугурбая:

— Аксакал, видимо, отяжелел, без посторонней помощи ему трудно подняться с места и двигаться. Придется его вести, иначе он не дойдет. Возьми-ка его с той стороны!

Не обращая внимания на вопли домочадцев управителя, Курышпай с Иваном подняли Сугурбая за руки и поставили на ноги, затем накинули халат на плечи и, подталкивая с двух сторон, вывели во двор. Там, подняв его, как ребенка, посадили на лошадь.

Сопротивляться и кричать для Сугурбая было делом бесполезным. В ауле остались только женщины да детвора. Все взрослые уехали на собрание.

Когда Сугурбай в сопровождении Курышпая и Ивана

подъехал к месту собрания, разговор сразу смолк. В тишине, под взглядом сотен глаз Сугурбай пробрался между сидящими людьми, к почетному месту. Он отряхнул подол халата и важно сел в группе аксакалов.

Партизан Кырбай, хромой Ахан и другие повстанцы сидели обособленно, поглядывали на почтенных аксакалов и тихо переговаривались.

На середину круга вышел Токаш.

— Дорогие старцы и джигиты! Это собрание у нас не обычное. Люди сами решили собраться здесь.— Токаш окинул взором всех сидящих в кругу людей.— Царь свергнут с престола, народ свободно вздохнул. Сейчас ключ новой, свободной жизни находится в руках самого народа. Ему предоставлено право избирать власть. Вот старый царский управитель Сугурбай, оказывается, до сих пор не смещен, он по-прежнему притесняет и угнетает трудовой народ...

Люди слушали молча, удивленные такой речью. А Сугурбай просто растерялся, он сидел, потупив взор, и ковырял пальцем землю.

Голос Токаша звучал все громче; сердца людей то замирали от необыкновенной смелости его слов, то билась сильнее и радостнее.

— Гнусным поступкам Сугурбая не было предела. Он даже не постеснялся обирать джигитов, смело выступавших против царского самодержавия. Кого же он защищал? О мерзких делах этого человека вы знаете, конечно, больше, чем я. В дни восстания казахского народа против самодержавия Фольбаум без всяких выборов сам назначил его управителем, сместив с этой должности Сята. Сугурбай был правой рукой Фольбаума, он и теперь сосет, как пиявка, кровь трудового народа!

— Замолчи, вероотступник!— закричал очнувшийся Сугурбай и вскочил с места.

— Поттише, господин управитель! Покричал, хватит!— сказал Ахан, стукнув костылями о землю.

Аксакалы потянули Сугурбая за полы халата и усадили на место.

— Почтенные старцы и храбрые джигиты,— продолжал Токаш,— нам нужно выбрать волостного комиссара, достойного человека на этот пост. Прошу называть имена кандидатов.

— Ахана!— крикнул Кырбай.

— Правильно, Ахана!— обрадовался Курышпай.— Ахана!..

Сугурбай поднялся было и хотел уйти. Но Токаш мигнул Курышпаю, и тот преградил ему путь.

— Господин управитель, народное изречение гласит: «У человека гнев обычно предшествует разуму». Горячиться не следует. В единении вся сила, не так ли? Нам надо объединить свои усилия и выступить вместе!— с издевкой говорил Курышпай, он заключил Сугурбая в объятия и заставил присесть.

Когда шум и гам стихли, Токаш объявил:

— Кто желает избрать Ахана волостным комиссаром, поднимите руки!

Голосовали несмело. Но когда Токаш высоко поднял свою руку, большинство последовало его примеру; как будто они только этого и ждали.

Сугурбай не выдержал:

— Ты не имеешь права производить выборы! Мы знаем закон. Кто ты такой, откуда взялся, чтобы назначать выборы? Правильно я говорю, аксакалы?

Аксакалы согласно кивнули сивыми бородами. Они начали шушукаться. Сугурбай, чувствуя поддержку аксакалов, закричал Токашу:

— Убирайся отсюда подобру-поздорову!

Курышпай снова усадил Сугурбая. Аксакалы подняли палки. Словесная перепалка переходила в драку. Ее начал Сугурбай, хлестнув Ахана по спине камчой. Ахан замахнулся костылем на Сугурбая, но его остановил вразумительный голос Токаша:

— Ахан, народ только что выбрал тебя волостным комиссаром. За тебя голосовало большинство. Вся власть теперь у тебя в руках. Наведи порядок.

В горячке Ахан, кажется, совсем забыл, что теперь он здесь самый главный. Голос Токаша напомнил об этом. Не следует волостному комиссару лезть в драку. Опираясь на костыли, он выпрямился и громко сказал:

— Джигиты, надо арестовать Сугурбая и отправить в город. Он первый поднял камчу.

— Вот это верно!— одобрил Токаш.

Несколько джигитов во главе с Кырбаем крепко взяли Сугурбая за руки.

В сумерках Токаш, попрощавшись с матерью, поехал в город. Курышпай остался в ауле. Верховую лошадь дал Токашу Кырбай. Это был сивый скакун, длиннокорпусный, с гордо поднятой головой — красавец жануар*. Скоро Токаш поравнялся с аулом Сята. Из-за туч выплыла луна и при ее свете Токаш увидел на берегу реки маленькую фигуру. Не Малике ли это? Токаш уезжал от Сята сильно рассерженным. Но при чем здесь Малике? Они условились встретиться, чтобы поговорить об Айгуль.

Да, это была Малике, она ждала Токаша.

— Умница, сестричка моя, большое спасибо тебе, что сдержала свое слово. Я боялся, что не увижу тебя... Во всем виноват сам Сят-агай, — сказал Токаш.

— Что вы говорите, Тока! — воскликнула девушка. — Он ваш сородич, старший брат, в трудные минуты жизни вы были вместе и теперь не следовало бы ссориться друг с другом на радость врагам...

Слова девушки задела Токаша за живое.

— Малике-жан, посуди сама: в чем может быть моя вина? Сят-агай подружился с моими врагами и предпочитает быть под их покровительством, чем дружить со мною!...

— Наверное, он не хочет раздора.

— Что бы обо мне Сят-агай ни думал и ни говорил, а с Ибраимом Джайнаковым я помириться не могу.

— Ну, тогда надо было поговорить об этом с моим отцом спокойно, убедить его. Зачем же ссориться с ним?

— Нет, Малике-жан, это напрасно. Я пытался убедить его, когда мы еще сидели в тюрьме. Не стоит нам об этом говорить. Сейчас я еду прямо в город. Когда мы с тобой увидимся — трудно сказать. Что ты знаешь об Айгуль? Расскажи мне, Малике-жан!

Малике вздохнула, подняла уроненный к ногам помятый тюльпан, ответила:

— Токаш-ага, что говорить об Айгуль? Я мечтаю о ней...

Малике что-то таила, не хотела сразу сказать. Вероятно, получила нехорошую весть.

— Рассказывай все начистоту, — потребовал Токаш.

* Жануар — непереводаемое ласкательное обращение ко всякому животному.

— Был слух, что Айгуль сейчас в Кульдже, ее там видели вместе с отцом на улице.

— Кто тебе это сказал?

— Эту весть мой отец привез из города. Кто-то приехал в Верный из Кульджи. Этот приезжий делился с Ибрагимом новостями...

— А он откуда знает Айгуль?

— Там ему называли имя ее отца, и сам Аянбек прислал сюда привет своим родным и знакомым.

Токаш не знал — верить или нет? Кто этот человек из Кульджи? Поговорить бы с ним, услышать все самому. Надо во что бы то ни стало разыскать этого человека.

— Почему она уехала в Китай? Почему ты отпустила Айгуль?— Токаш спросил Мелике о том, чего никак не мог объяснить себе.— Отец ее — я понимаю — вынужден был, как и тысячи других джигитов... А она почему уехала?

— На это может ответить только один управитель Сугурбай. Нет конца его гнусностям... В те дни, когда в степи повсюду рыскали карательные отряды, Сугурбай намеревался насильно взять Айгуль у Аянбека...

— Что ты говоришь? Я ничего такого не слышал!— Токаш пожалел, что узнал об этом поздно.

— Аянбек как-то схватился с Сугурбаем и разбил ему голову. Потом Аянбеку пришлось скрываться в горах. В те черные дни, когда каратели сжигали аулы, наводили всюду страх, управитель принуждал Айгуль стать его второй женой. Айгуль видела, что Сугурбай житья ей не даст и ночью перебралась к отцу в горы... Оттуда они потом уехали в Китай.

— Айгуль ушла в горы после моего ареста или нет?

— Да, после. Когда мы узнали о вашем аресте, Айгуль упала в обморок. Она все твердила: «Мы его больше не увидим, его казнят!».

Токаш не стал больше спрашивать Малике, поцеловал ее, сел на коня и рванул поводья.

Конь помчался вихрем. До Токаша донеслось: «До свидания, агатай!»

12

Сегодня утром Березовский ни минуты не задержался дома: умылся и сразу же пошел в сад Рафикова, в редакцию.

Солнце только что взошло, и в его лучах засверкали снежные вершины Заилийского Ала-Тау. На небе — перистые облака. В воздухе аромат цветущих садов — по утрам, в безветрии, он особенно яркий и устойчивый. Но Александр Петрович, кажется, не замечал прелестей раннего утра, сердце его волновала иная радость жизни. Он шел, улыбался сам себе и что-то невнятно бормотал.

Он на ходу делал в уме основные наброски статьи для газеты.

Ленин возвратился из-за границы, Ленин после долгих лет изгнания снова вернулся в Россию.

Телеграмма, полученная из Петрограда, была очень короткой, но она вызвала много радостных мыслей, которыми хотелось скорее поделиться.

Да, пусть узнают все об этом большом событии — большевистская газета расскажет семиреченцам о приезде Ленина в Петроград. Пусть радуются все друзья! А каково почувствуют себя эсеры? Слышно, Ленин на вокзале им даже руку не подал.

Александр Петрович достал из кармана ключ, осторожно открыл дверь и спустился в полуподвальное помещение. Юрьев, вероятно, еще спит — он работал всю ночь. Но Петр Алексеевич скоро появился. Он заглянул в подвал; увидев Александра, задал обычный вопрос:

— Ну, что нового?

Березовский поспешил обрадовать друга.

— Замечательная весть! Ночью Лука Потапович получил телеграмму. В ней сообщается о прибытии Ленина в Петроград!

— Ленин! — Глаза Юрьева занеслись, он обнял Березовского.

— Да, он провозгласил лозунг о переходе ко второму этапу революции.

— Практически это будет означать...

— Переход власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Понятно. Цель ясная. Люди до сих пор ломали головы, а он сказал прямо и просто.

— Я хочу написать об этом статью.

— Садись. Мешать не буду, — Юрьев поднялся наверх.

Необыкновенно легко, вдохновенно работалось сегодня Березовскому. Хорошо обдуманые мысли подгоняли

руку и перо — только успевай писать. Вскоре пришел Орлов — спокойный не словоохотливый человек. Он надел фартук и стал к наборной кассе. Александр Петрович передавал ему страницу за страницей.

— Александр Петрович,— раздался сверху голос Юрьева,— пришел Саха. Послать его к тебе?

— Посылай!— ответил Березовский, продолжая писать.

Саха, согнувшись, спустился вниз — лицо бледное, глаза усталые, волосы взлохмачены.

— Что с тобой? Похоже, не спал всю ночь. Гулял или делом занимался? — в вопросах Александра Петровича чувствовалась шутка.

Саха ответил нехотя:

— Читал книгу.

Березовский дописал последнюю страницу, положил ручку.

— А где Глафира?

— Не знаю...

— Ты сейчас пойди, разыщи Глафиру и возвращайтесь вместе. Вам обоим есть срочное поручение,— Александр Петрович, как и всегда, был краток в разговоре.

Саха, кивнув головой, молча ушел. Александр Петрович с тихой улыбкой посмотрел ему вслед. Он вспомнил свою молодость. Вот так, как Саха, он еще в молодые годы бесповоротно отрешился от благ мирной, спокойной жизни и начал свой тернистый и трудный путь революционера.

... В сосновом бору на склоне гор спрятался деревянный дом — дача учителя Лебедева. Темная ночь. Хлопьями идет снег. Оконные ставни наглухо закрыты. Саша Березовский один во всем доме. Он печатает листовку: «Царь проливает кровь безвинных рабочих. Даже всякое животное защищает своих детей от опасностей. О чем же думает царь, называющий себя отцом народа?..»

В следующую ночь Александр осторожно ходил по улицам и переулкам и на видных местах разбрасывал напечатанное им воззвание. Вскоре после «Кровавого воскресенья» Андрей Малышев праздновал свои именины. В его доме гремела музыка, Малышев веселился, он был пьян и доволен жизнью. Но, казалось, больше всего радовался он расстрелу рабочих...

Березовский незаметно достал из кармана листовку и

показал Малышеву. Тот, пробежав глазами до середины листка, побледнел.

— Где ты взял это?

— На твоём столе.

— Сволочь! — прошипел Малышев и, стиснув зубы, отвернулся.

Он догадывался, что это сделал сам Березовский. Но как докажешь? Дело произошло в его собственном доме, к тому же в разгар веселья.

Он отомстил после, подослав Березовскому тайного агента. Березовский попался в ловушку и был арестован.

... Колонна ссыльных идет этапным порядком под усиленным конвоем через глухую бесконечную тайгу в Иркутскую губернию. Рядом с Березовским оказался громадный человечина — рабочий одного Московского завода. Он не унывал в тяжелом пути, то и дело подтрунивал над Березовским:

— Говоришь, что атаман опешил от неожиданности?! Можно себе представить... Но все же не следует забывать, что такое геройство — от легкомыслия.

Березовский сам хорошо понимал, что это — горячность... Он был тогда как раз в возрасте Сахи. Потом остепенился, хорошо узнал, когда надо рисковать, научился обдумывать все...

Следует помогать Сахе — пусть из него выйдет настоящий революционер!..

Березовский поднялся в верхний этаж; условился с Юрьевым встретиться в «Доме свободы» и пошел домой...

С утра во рту хлебной крошки не было, а сейчас — полдень. Очередь за хлебом надо занимать затемно, — а разве есть на это время?

Голод семиглавым драконом из старинных сказок тихо пробрался в город и схватил за глотку. Он схватил сначала тех людей, которые меньше всего думали о себе. Настоящие же хозяева, имеющие под домами глубокие погреба, давно стали закрывать ворота на крепкий засов.

Александр Петрович остановился у растущего подле дома карагача и закурил трубку. Но есть все равно хотелось.

Идти в пустую хижину не было смысла. У соседа на двери замок, и ставни все еще закрыты. Но там не спят. Сосед, должно быть, еще с зарей поехал на свой огород в горы. В прошлую ночь Александр долго беседовал с ним.

Он здешний старожил — в Верном провел полвека, помнит, в каком году судили и сослали Березовского в Сибирь. Это — человек степенный, ленивый собеседник, любит больше слушать, чем говорить. Но вчера почему-то разговорился.

— В городе разброд,— разводил он руками,— неразбериха, как в разворошенном муравейнике. Мне это не нравится. Всем известно: царь свергнут. Приходится мириться с этим. Ну, а что дальше? Какой толк от этих бесконечных споров разных горлохватов? Кто же одержит верх? Как я понимаю, население города сейчас объединилось вокруг пяти групп. Первая группа — это горлохваты-краснобаи, проныры — они теперь заняли места в правительственных учреждениях и жаждут всей власти и почестей. Вторая группа — ого, с ней не шути! — это русское казачество, их станицы оцепили город; в руках казаков огнестрельное и холодное оружие. Атаманы, похоже, готовятся к бою и намерены установить свою власть. Обособленно держатся мусульмане, эти будто белены объелись и в одурении бьются, как рыба об лед. К следующей группе относитесь вот вы... Засучиваете рукава. А кого хотите напугать.

— А кто же составляет пятую группу? — с улыбкой спросил Березовский. Сосед без всяких колебаний ответил:

— Эту группу составляем мы! Мы, горожане, никому из перечисленных групп не сочувствуем, мы ждем, посмотрим, чья возьмет, какой порядок установится. Мы поддержим правильный порядок.

Вот так группа! Следовало подумать о ней. Березовский присел на ступеньку крыльца. Но тут послышался скрип открывающейся калитки. Он оглянулся и увидел Бокина.

Вот он, герой необдуманных поступков! Но где он пропал?

Березовский встретил Токаша довольно холодно. «Где ты был, чем занимался?» — говорил его недоброжелательный взгляд.

Бокин же, угадав мысли Березовского, тем не менее радостно улыбнулся, приветливо поздоровался с Александром Петровичем и спросил шутливо:

— Что так уставился, не узнаешь, что ли?

Березовского обезоружил этот дружеский тон. Осмотрев Токаша, он заметил:

— Ты поправился, начинаешь толстеть. Я подумал: не Временное ли правительство тебя подкармливает?

Токаш расхохотался. Александр тоже не мог удержаться от улыбки.

— Ну, что ты делал в ауле? — спросил он уже строго.

Складка огорчения пролегла между бровями у Токаша.

— То, что искал, не нашел. В ауле джигитов почти не осталось. Они в Китае. Что будем делать?

— Что делать? Работать с теми, кто остался. Если хочешь знать, в таких многонациональных краях России, как Семиречье, установить народную власть одни русские не могут. Судьба революции в Семиречье зависит от того, примет в ней активное участие казахский народ или нет. Надо уметь находить людей. Беркут, который не способен приучить и повести за собой своих птенцов, не может ловить зверей!

Хотя Березовский говорил уверенно, слова его не убедили Токаша. Тратить время на подготовку детворы и оставшихся в ауле калек — это просто бессмысленно. Вот если бы возвратить на родную землю казахских джигитов и дать им в руки оружие, — это было бы дело...

— Я думаю поехать в Китай. Надо вернуть беженцев, — сказал Токаш.

— А как их через границу проведешь?

— Только бы договориться с местными представителями Временного правительства и получить от них мандат. А дальше я сам знаю, что надо делать...

Березовский задумался. Предложение Токаша дельное, но осуществимо ли?

— Трудно с ними договориться, — покачал он головой.

— Завтра заседание комиссаров Временного правительства. Я пойду туда и поставлю вопрос о возвращении откочевавших в пределы китайского государства казахов, — сказал Токаш.

— Если они согласятся, то потом постараются взять беженцев под свое влияние. Выставят себя благодетелями, отцами родными и возьмут ополченцев под свое крылышко. — Березовский говорил это не потому, что сомне-

вался. Как всегда осмотрительный, он хотел, чтобы Бокни не горячился, обдумал все хорошенько.

Токаш не согласился с доводами Березовского. Он сказал, что сорок тысяч джигитов — целая армия. Надо бороться за эту армию. Она будет наша и тогда Временное правительство станет вести себя тише, воды, ниже травы.

Открыв калитку, во дворик зашел еще один человек.

Саха! Токаш обрадовался другу и обнял его.

Саха рассказал Березовскому, что встретиться с Глафирой ему не удалось. Он несколько раз прошел перед ее окном, но Глафира не показалась: видимо, нет дома. Во дворе на привязи стоят лошади: у атамана гости.

— Ты еще не получил сегодняшней номер газеты? — спросил Березовский у Сахи.

— Ах да, ведь у нас есть газета! — обрадованно заговорил Токаш. — Я читал. И сегодня будет второй номер.

— Ты слышал, что происходит сейчас в Петрограде? — спросил Токаша Березовский.

— Нет. Я заходил на телеграф, но Емелева там не было.

— Из-за границы прибыл Ленин.

— Ленин?! — воскликнул Токаш. — Чего же ты молчал до сих пор? — Теперь сорок тысяч джигитов вернутся из-за границы, я расскажу им об этом. Ленин вернулся, а вы что думаете? — спрошу их...

— Пойди в редакцию, возьми сегодняшней номер газеты. Там есть статья о Ленине. — Березовский не сказал, чья статья. — Прочти, подумай и не забудь — сегодня заседание большевистской группы.

31

Встречи Глафиры с Сахой сильно обеспокоили Малышева. Дочь атамана и какой-то киргиз... Тьфу! — думать противно.

Дом в Каскелене казался тесным — атаман почувствовал себя медведем в клетке, ходил по дому, заложив руки за спину.

Дочь окончательно отбилась от рук. Чуть что — сразу спорить! В станицах нет казаков, которые не уважали бы его, а она вот не хочет и слушать отца.

И в кого уродилась? Покойница-мать была не из богатой семьи. Видимо, в нее пошла... Разве можно жалеть человека, которому наплевать на казачью честь и гордость? В припадке бешенства атаман готов был собственноручно застрелить дочь.

Сейчас должен явиться каскеленский хорунжий Сотников. Это — настоящий казак, человек с твердым характером! В шестнадцатом году в Беловодской резне он показал киргизам, как остра его сабля... Посланы нарочные к верным людям в Талгар и Узун-Агач.

Кто-то подъехал на рессорной бричке. Атаман быстро повернулся и взглянул в окно. Плотный, с белесыми усами казак соскочил с брички и привязал коня к забору. Сотников! Хорунжий хриплым голосом спросил кого-то во дворе: «Хозяин дома?» Смело открыл дверь и с уважением поклонился атаману.

Сразу же заговорили о деле.

— У наших казаков не стало прежней гордости. До чего дошло? У кого власть? У жуликов! Так жить невозможно, атаман! — Сотников говорил с жаром, ноздри его раздувались, глаза налились кровью; Малышев не перебивал, дал хорунжему выговориться до конца. — В Семиречье не будет порядка, пока поводыря не перейдут в руки казачества.

— Как же установить этот порядок?

— Только силой.

Послышался конский топот. Прискакал верховой. Разговор прервался. В гостиную вошел, помахивая нагайкой, Загоруля.

— Алексей Федорович! — Малышев погладил длинные красивые усы, — как раз вовремя прибыл. — И сказал Сотникову: — Наверное, привез новости. Сначала выслушаем его.

В самом деле, стоит Загоруле побывать в городе и он начинает сыпать новости, как из мешка. На этот раз он привез газету «Крестьянин», развернул ее и положил перед Малышевым.

«Ленин требует передачи власти рабочим, солдатам, крестьянам!» — прочитал вслух атаман и выругался.

— Кто это пишет?

— Березовский, — ответил Загоруля.

— О черт! — атаман отшвырнул газету, подошел к столику у стены и опрокинул в рот рюмку водки.

— Бокин намеревается поехать в Китай и вернуть оттуда сбежавших киргиз,— сообщил Загоруля.

— Да?

— Похоже на то, что эти дураки из Временного правительства дали ему мандат.— Загоруля выкладывал новости не торопясь, отчеканивая каждое слово.

— Как только беженцы вернутся в Семиречье, произойдет большой скандал! Неужели у временных не хватило ума понять это? — Атаман налил еще рюмку.

— Были люди, которые выступали против, но, как его, Совдеп, что ли, да разные проходимцы, видимо, настояли, — с презрительной гримасой пояснил Загоруля.

— Надо во что бы то ни стало помешать их возвращению! — предложил хоруний.

Атаман топнул ногой.

— Это правильно. Зачем они здесь? Мы должны в ближайшее время взять власть в свои руки.

К дому атамана стали подъезжать казачьи офицеры. Приехал в коляске епископ Туркестанский и Ташкентский Пимен, давний друг Андрея Малышева. Совещание затянулось до поздней ночи.

Атаман говорил о положении в Центральной России. Там настоящее светопреставление! Другого слова найти невозможно. Казачество Семиречья не допустит к власти всякую чернь.

Офицеры заявляли в один голос: взять власть силой оружия, установить военную диктатуру. Некоторые сторяча призывали завтра же вынуть сабли из ножен. Их успокаивали: «Не будем торопиться, надо собрать все казачество и посадить на коней».

Атаману очень понравилось предложение Пимена. Епископ метил далеко: «Нужно послать в Китай человека, связаться с бывшим царским консулом в Кульдже Любой и просить через него у англичан оружие, поддержку. Люба поможет и в другом — помешает возвращению киргизов».

Атаман любовался богатырским телосложением и широченной бородой Пимена, удивлялся глубине его мысли. Конечно, поддержка из-за границы нужна, иначе завтра навалится бесчисленная чернь и все Семиречье окажется в ее руках.

Атаман спросил офицеров:

— Кто поедет?

— Я! — тотчас отозвался Загоруля.

Атаман кивнул головой. На Загорулю можно положиться: он хочет свести старые счета с Бокиным. Пусть!

После совещания все пошли в церковь, стоявшую в центре станицы Каскелен. Там отслужили молебен: целуя образ Иисуса Христа, клялись: «Вынем сабли из ножен!»

* * *

Дела заставили атамана переехать в Верный. Приехал он рано утром, стараясь не попадаться людям на глаза. Загоруля предупредил: в «Доме свободы» Березовский и Бокин требуют ареста атамана и Закира: надо быть осторожным.

Атаман сам открыл ворота. Ввел коня во двор. Тихо ступая, вошел в дом и увидел Петровну, — она сидела на кухне со спицами в руках. Давно живет Петровна в доме Малышева и стала как родная. Она и в самом деле не чужая — старшая сестра матери Глафиры.

— Доброе утро, Петровна! — Малышев поздоровался внезапно, будто появился из-под земли.

— О господи! — Петровна вздрогнула и подняла седую голову. — Напугал-то как!..

Малышев рассмеялся довольный.

— Что, не ждала меня? — он оглянулся по сторонам и спросил: — А где же эта стрекоза?

— Да здесь она, только недавно вышла на улицу.. — Петровна вздохнула, осуждающе покачала головой.

Малышев понял: опять что-то неладно...

— Куда она ушла в такую рань? В чем дело?..

— Сам избаловал, так и расплачивайся за все...

— Что случилось, говори же?! — Атаман смял в руках фуражку, сделал шаг вперед.

— Каждый день куда-то уходит с этим киргизом. Говорю — отправь ее из города. По мне отправь хоть за семь морей, но чтобы не было этого позора...

Атаман опустил на стул, нахмурился. Непослушная... Петровна, пожалуй, права. Надо отправить Глафиру. Но куда? Во взбудораженный Петроград? Не годится...

Решения пока не было.

От Коргаса, что на границе, до Кульджи — всего двенадцать верст. Если ехать даже мелкой рысью, то через час можно быть там. Под Токашем серый скакун Кырбай, крепкий выносливый конь, к тому же Курышпай, готовясь к отъезду, в течение трех дней заботливо ухаживал за лошадьми, и пройденный путь мало отразился на них, особенно на сером.

Вот и река Или. Она огибает склоны Заилийского Алатау и течет далеко, в Балхаш, расположенный в родной стране. Дорога идет зеленым берегом реки, и в воде четко отражаются силуэты двух всадников.

Становится жарко. Раскаленное небо будто осело на землю. На вершинах оставшегося позади Ата-Тау белеют редкие клочки облаков. Ветра нет, тишина. Только слышны заливыстые голоса жаворонков.

Пересекая границу, Токаш сказал себе: «Да, без риска нельзя! Если сумеем благополучно вернуть друзей, то старания наши не будут напрасными». Он ехал с благородной целью и смело ступил на китайскую землю. Ведь эти казахи, что ушли за границу, не бай, которые ищут землю для своих несметных табунов. Они поневоле оставили насиженные родные места, спасаясь от пуль, от смерти. Вооруженные дубинами и пиками, они выступали против белого царя. А теперь царя нет, им можно вернуться домой. Довольно скитаться на чужбине, терпеть все невзгоды бродячей жизни! Среди беженцев много друзей Токаша, среди них — его любимая девушка..

Токаш, как только подумает об Айгуль, невольно прищипоривает и без того резвого коня.

Завиднелись очертания Кульджи. Торчат трубы высокого дома, стоящего на бугристом берегу реки Текес, купол мечети, вышки стен, окружающих город.

Приблизившись к городу, Токаш и Курышпай увидели около стен множество шалашей, двуколок. Голоса плачущих детей и матерей, проклинающих все на свете.. Взволнованный Токаш посмотрел на Курышпай; тот угадал настроение Токаша и кивнул ему.

— Да, они! Те, кто оставил родину и скитается на чужой стороне! — произнес Курышпай скорбным тоном.

Токаш смотрел до боли в глазах. Группа людей стоит на берегу реки. Прикрыв ладонями глаза, они всматрива-

ются в сторону города, видимо ждут парома. Кричат: «Ау-у!» Опырай, тот высокий, что стоит в середине толпы, кажется, знакомый. Кто же это?

Подъехав ближе, Токаш и Курышпай окончательно узнали в них семиреченских казахов: в шапках дулатовского покроя и широких халатах. Беженцы тоже обратили внимание на подъезжающих всадников и повернулись лицом к ним.

— Ой, боже, это ведь Токаш!

— Да, он. А с ним Курышпай!

Токаш спрыгнул с коня. Казахи кинулись ему навстречу. Объятия со слезами и причитаниями... Собрался мигом весь табор, оставив свои шалаши. Каждый старается опередить другого. Шум и гам. Вопросы сыплются со всех сторон. У многих родители и дети остались там, в Семиречье. И вот теперь каждый молит сказать о них что-нибудь утешительное. «Живы ли? Какова их судьба?»

Токаш смотрит на возбужденную до предела толпу затуманенными глазами. Нет, плакать для мужчины — позор. Зачем слезы? Ведь эти люди могут подумать, что впереди нет ничего хорошего. Токаш пересилил себя, с вниманием посмотрел на толпу несчастных. Все они страшно исхудалые, оборванные, в лохмотьях. Но многих он узнал сразу. Вот этот высокого роста джигит с горбатым носом, стоящий в центре толпы, — Бакен. Он из аула Жунуса, бывший его соратник, один из отчаянных джигитов. Как он похудел! Рядом с ним — Касым, доблестный сын рода албан. Токаш смотрит на женщин, глаза беспокойно отыскивают знакомое милое лицо... Но среди женщин не видно Айгуль.

Курышпай, жестикулируя, подобно человеку, приехавшему с базара и раздающему гостинцы из развязанного мешка, успевает ответить на вопросы каждого, говорит безумолку. А вокруг возгласы:

— Блажен мир, неожиданная радость! Царь свергнут с престола.

— Свобода!

— Если мы теперь вернемся на родину, нас не тронут?

Токаш снял фуражку, поклонился. Люди плогнее придвинулись к нему. Замерли, ожидая, что он скажет. У всех в блестящих нетерпением глазах вопрос: «Можно ли вернуться на родину?»

Токаш сказал о свержении власти тех, у кого руки в крови народа, о том, что дух трудового народа поднялся и каждый получил право свободно говорить все, что он хочет сказать.

— Для доблестных джигитов, испытывающих беды изгнания, путь к возвращению теперь открыт. Я приехал сообщить вам это... Однако равенства пока еще нет, потому что власть находится в руках богачей!..

— О, зачем тогда нам возвращаться? — с горечью воскликнул Бакен, сдвинув на брови свою шапку.

— В Россию приехал Ленин! — выкрикнул Токаш. — Он поведет бедных на битву за свои права.

Может быть, многие не знали этого имени, но по толпе волнами полилось короткое, но большое и ласковое слово — Ленин.

— Ты, Бакен, видать потерял свою секиру — сказал язвительный Курышпай, и все дружно засмялись.

Токаш сообщил, кто жив и кого уже нет у них на родине, о том, что Жунус ушел в Туркестан; сказал и о Сяте, который сейчас начал лстыть Ибраиму Джайнакову, о борьбе двух группировок в городе.

Потом он выслушивал жалобы скитальцев. Выяснилось, что все сорок тысяч казахов, перешедших в Китай, разбрелись по Илийскому валияту: они ищут себе пристанище, пропитание, каждый обеспокоен за дальнейшую судьбу. Они кочуют в окрестностях Кульджи, Чугучака и других крупных городов. Некоторые осели в здешних казахских аулах. А те, у кого ничего нет, работают на кожевном заводе в Кульдже или развозят пассажиров по городу, впрягаясь в двухколесную тележку. Есть и такие, которые ушли во внутренний Китай, занялись там работой на чайных плантациях. А вот группа кочевников подошла к Кульдже с наступлением весны. Есть нечего: щеки высохли, на скулах, как на бруске, можно точить ножи.

С парома сошло несколько женщин, возвращавшихся с базара, и здесь тоже не было видно Айгуль. Токаш не стал расспрашивать о ней: при виде обездоленных, несчастных людей нельзя было думать о личных делах. Взяв с собой Курышпая и Бакена, он зашел на паром.

Волны Или, пенясь, били о борт, паром дрожал. Вдали виднелись зубчатые белые вершины Тянь-Шаньских гор. Построенный на высоком обрывистом берегу, город

был окружен каменной крепостью. Бакен рассказал, что под обрывом прокопана в направлении к городу пещера и что прокопана она давно Садыр-батыром. Токаш знал об этой пещере. Он читал в Петербурге книгу, написанную казахским ученым Чоканом Валихановым. Чокан был в Кульдже и подробно описал этот город. Токаш рассказал о войне манчжур против уйгур и дунган.

— Вот тогда Садыр-батыр, говорят, и прорыл эту пещеру. Она помогла овладеть крепостью,— добавил Бакен.

Паром подошел к противоположному берегу и остановился.

15

По обеим сторонам улицы густо росли деревья, ветви их сомкнулись вверху, а внизу журчит арык. Низкие с плоскими крышами домики, глинобитные дувалы — все очень напоминает улицы Верного.

Токаш видел и уйгур, и дунган, и узбеков, и казахов, и китайцев. Наряду с тымаком* можно встретить тибетейку, остроконечные китайские головные уборы соперничают с белыми войлочными колпаками.

Они дошли до центра бурного базара и остановились. Народу — не протолкнешься. Неумолчный многоголосый шум. На устах у каждого «шен» — деньги, в руках — вещь; будто один отобрал что-то у другого.

Проголодавшиеся за дорогу Токаш и Курышпай — о Бакене нечего говорить, он был давно голоден — первым делом стали искать чайхану. Она стояла на краю базара, не особенно бросаясь в глаза. В ней сидело несколько уйгур и узбеков; они никак не могли напиться чаю.

Токаш с друзьями занял свободные места у окна. Повар-узбек принес им три порции китайского фан-фана. Интересно было попробовать блюдо, о котором они ничего не знали.

Во время скромной трапезы Бакен рассказывал о синьцзянских казахах: живут они богато, в горах несметные стада скота, но проку от этих казахов мало. Семиреченцев они встретили холодно, не помогли, прибывших

* Тымак — казахский теплый головной убор (с большими ушами и надплечьем).

к ним джигитов превратили в своих слуг и пастухов. Разве свои люди так поступают?

— Ты знал Аянбека-охотника?— решил наконец спросить у Бакена Токаш, он боялся услышать нехорошую весть и долго не решался завести разговор с Бакеном об Айгуль.

— Еще как знаю.

— Где Айгуль?— Токаш тревожно взглянул на Бакена, опустил голову и заметил, как дрожит в руках деревянная ложка.— Жива ли она?

— Жива...

Токаш облегченно вздохнул.

— Айгуль здесь, в Кульдже...

— Да? Ну, говори же, не тяни!— нетерпеливо потребовал Курышпай, жалея Токаша. Но Бакен не стал торопиться, он начал восторгаться Айгуль.

— Это не девушка, а луна на небе. Что там говорить, красавица! А характер — шелковый. Я не акын, и у меня не хватает слов...

— Ну, и хитер ты, Бакен! Расхвалил — дальше некуда! Хватит, рассказывай дальше,— уже злился Курышпай.

— Нет, подожди. Представьте такое... Беженцы кое-как перешли реку Текес. Были убитые и раненые... Плачут дети и женщины, старики проклинают злодеев — все слилось вместе и усилило страх и отчаяние. В этот момент Айгуль взяла в руки домбру и запела песню. Она успокаивала людей: «В те далекие времена, когда происходило великое переселение народов, народ остался живым. Придет время, и мы все заживем новой жизнью».

Павшие духом, услышав голос девушки, подняли головы, приободрились... Так вот, Айгуль в ту страшную ночь помогла людям. Ее очень уважают.

— Но где же она?— видя, как нарастает нетерпение Токаша, спросил Курышпай.

— Айгуль живет в доме богача Бабашева. Живет как рабыня...

— Выходит, отец отдал ее Бабашеву?..— Курышпай опередил друга, высказал готовые вырваться из уст Токаша слова.

— Нет. Аянбек ухаживает за его конями. А Айгуль — одна из многочисленных служанок. Кто знает, чем это кончится? Недавно, одна наша девушка Шарипа, не же-

лая терпеть дальше издевательства бая Мусабаяева, утопилась в реке...

Токаш долго молчал. Потом сказал Бакену:

— Ты проводи Курышпая в дом этого Бабашева. Устрой ему свидание с Айгуль... Курыш, ты разузнай все... А меня проводите к китайскому генерал-губернатору.

— Здесь не знают слова «генерал» и называют «вали», — пояснил Бакен.

Когда пришло время рассчитываться, Токаш сунул руку в карман и тут же быстро вынул обратно — что если заплатить николаевскими серебряными монетами?

— Ну, Курыш, денег нет. Закладывай свою одежду в залог.

Курышпай громко расхохотался.

— Я слуга, а ты господин. Плати сам!

— На! — предложил Токаш серебряные монеты узбеку-официанту. — Российские деньги.

Узбек покачал головой — эти деньги здесь не в ходу.

Вчера в Коргасе Токаш обменял некоторую сумму николаевских денег на урумчинские ланы, на кашгарские сары и на илийские тензы. Кто знает, может быть, в поисках скитающихся казахов придется побывать и в других валиях. Пришлось заплатить обмененной монетой, напоминающей конскую подкову.

Когда они вышли на улицу, уже смеркалось. Теперь в валият идти поздно. Втроем они направились к дому Бабашева.

Дом был двухэтажный, каменный, огорожен высоким забором. Большие ворота крепко закрыты. Да, из этого дома выбраться Айгуль нелегко. И хотя мучила Токаша тревога, он сдерживал себя, стараясь быть спокойным.

— В этом городе вечером окна и ворота всех домов наглухо закрываются — такой порядок, — пояснил Бакен.

Курышпай недолго задумывался над порядками в Кульдже. Он вскочил на плечи Бакена, перелез через забор и открыл калитку. Во дворе — сад. Слева — ступеньки, ведущие в дом. Они поднялись по ступенькам. Токаш вдруг резко остановился.

— Пожалуй, неудобно вваливаться всем сразу. Пусть сначала зайдет один Бакен. Если не встретится Айгуль, пусть приведет Аянбека!

Бакен вошел в дом, а Токаш и Курышпай углубились в сад и сели на скамейку под деревом.

— Над Тянь-Шанем, над городом нависли черные тучи. На вершинах гор часто вспыхивали и гасли молнии. Вот-вот хлынет дождь.

Бакен что-то задержался. Токаш начал беспокоиться, время от времени бросая тревожные взгляды на Курышпай. Курышпай тихо мурлыкал про себя песенку, и задумчиво рассматривал загадочный каменный дом. По лицу его можно было догадаться, что он вот-вот пойдет в этот дом и устроит там скандал.

Когда ждешь, каждая минута кажется бесконечной! Они думали, что уже прошло много времени. А между тем Бакену хватило на все трех минут. В дверях появились двое: Бакен и коренастый, с клинообразной бородой... Аянбек!

Аянбек кинулся обнимать Токаша.

— О, родной! — из глаз его покатались слезы, он не мог даже спросить о здоровье приехавших.

— Айгуль... Где она? — голос Токаша дрожал.

— Айгуль-жан здесь.

У Токаша мелькнула страшная догадка. «Здесь, значит, вышла замуж...» Но спросить об этом не было силы.

— Ты говорил, что сейчас Айгуль будет петь? — напомнил Бакен.

«Значит, правда...» — подумал Токаш.

— Да... Сегодня придут гости... — Аянбек все еще всхлипывал, не находил себе места.

— Э, Аянбек, не суетись, сядь! Ты, кажется, лишился рассудка, бедный? — Курышпай потянул его за полу. — Ну, расскажи спокойно: что делает Айгуль в доме этого уйгура и что сам делаешь?

— Ох, что там говорить! — Аянбек махнул рукой. — Жизнь хуже собачьей... Я ухаживаю за конями. Айгуль... — и зарыдал совсем по-детски.

Токашу показалось, будто чья-то скользкая рука пробралась к сердцу и сдавила его. Бесчестие хуже смерти! — но этого он не осмелился сказать прямо и решил во что бы то ни стало поговорить с Айгуль.

Гости не заставили долго ждать, они прибывали один за другим, поднимались по ступенькам вверх. Все в широких дорогах халатах, все толстые, с подкрученными усами. Аянбек то и дело открывал тяжелые ворота и провозжал гостей в дом.

Курышпай, Бакен и Токаш сидели под деревом и на-

блюдали за ними. Аянбек исчез надолго. В доме слышался смех — там пировали.

Когда перевалило за полночь, в сад пришел Аянбек и подал им знак — «идемте». Они поднялись по ступенькам, прошли полутемным коридором. Заглянули в дверную щель: на полу полукругом сидели торговцы — улыбались, говорили вежливо, иногда дружно смеялись.

Токаш искал глазами Бабашева. Стоящий рядом с ним Аянбек, как бы угадав его мысли, шепнул на ухо:

— Тот, что на тахте у окна, и есть сам бай...

На тахте лежал пожилой мужчина, горбоносый, весь заросший черным волосом, он высокомерно поглядывал вокруг — никого не признает и не считает себе равным. Весь его вид говорит, что для него не может быть ничего недозволенного. Вдруг бай быстро взглянул направо: Токаш тоже посмотрел в ту сторону. О, судьба! Там сама Айгуль! Она появилась в белом шелковом платье, на голове тубетейка, разукрашенная позументом, в руках — домбра. Лица ее не было видно: Айгуль повернулась к баю.

Токаш начал борьбу со своим сердцем. Что если войти, схватить и увести Айгуль? Но голос рассудка возражал: «Нет, нужна изворотливость. Здесь — чужая страна. Терпение, Токаш, терпение».

Но вот зазвучала какая-то беспокойная мелодия. От нее веет холодом — будто дохнул осенний ветер Семиречья... Айгуль нежным голосом запела песню, Токаш никогда ее не слышал:

Я скучаю, я тоскую день и ночь не по тебе ль,
Край родной мой, Семиречье, золотая колыбель?
Я скитаюсь на чужбине — такова судьба моя.
Лишь одну храню надежду, в своем сердце затая...

Это не песня, а плач! Разве могут понять эти толсто-брюхие жалобу и мольбу юного сердца? Им нужен смех, веселье, развлечение. Хозяин, скаля зубы, говорит: «Пой, веселее пой!»

Но Айгуль не поет, а плачет.

Токаш крепко схватил за плечо Курышпая, который стоял согнувшись рядом.

— Терпение, терпение! — шепнул Курышпай и потянул его за рукав. — Пойдем, выйдем... У меня появилась мысль.

Тучи рассеялись, и небо стало ясным. Луна села на Тянь-шаньские вершины. Замигали звезды. Сад был окутан зеленым светом, он застыл в дремоте.

Токаш и Курышпай углубились в сад. Бакен остался ждать Аяибека.

— Птичка, попавшая в клетку...— прошептал Токаш. — Надо освободить ее.

— Самое главное, сможет ли Аяибек позвать Айгуль.

Да, это самое главное. Уж если отец не может позвать свою дочь, разговаривать с ней, значит хозяином ее стал Бабашев. Расстроенный Аяибек ничего толком не смог объяснить, или боялся сказать все до конца...

Показался Бакен. Гости стали расходиться. В комнатах Бабашева погасили свет. Дом погрузился в сон. Вероятно, и все слуги тоже пошли на покой. Аяибека и Айгуль все еще нет.

Токаш сидел под деревом, крепко обхватив колени, положив подбородок на руки, и смотрел на замерший байский дом. Горькие думы взвинтили нервы. Порой ему казалось, что вот-вот задохнется, сердце замрет и думы навсегда исчезнут...

Неужели Айгуль позабыла о своей клятве, потеряла надежду? Что она сейчас пропела под домбру? «Если жив и мог приехать...» Разве мог Токаш не приехать в Кульджу? Лишь бы сама не нарушила клятву...

Со скрипом открылась дверь. Кто-то, накинув на голову халат, идет прямо в их сторону. Неужели Айгуль?

Токаш поднялся с места. Не торопясь, Курышпай тоже встал. Бакен не пошевелинулся. Не выдержав, Токаш шагнул навстречу. Но какая-то необычная, вдруг вспыхнувшая мысль заставила его попятиться. Он остановился и застыл на месте. Скинув с головы накидку, Айгуль бросилась к Токашу.

Токаш молча прижал ее к груди.

— Айгуль-жан моя!..

Не в силах сдержать рыдание, девушка еще крепче прижалась к Токашу. Радость и страх одновременно охватили ее сердце.

— О господи!.. — вырвалось, наконец, у нее. — Уже не было надежды увидеть вас, Токаш-ага!

К ним подошел Курышпай.

— Вы в своем уме? Разве тут место для объяснений? Айгуль, скажи-ка прямо: ты не связала свою жизнь с Ба-

башевым? Если нет, ты свободна. Поехали! Чего тут стоять? Вот уже начинается рассвет.

Токаш только теперь опомнился. В самом деле, чего стоять? Такой удобный случай больше не представится. Полупьяный торговец, наверное, ничего не почувствует, если даже перевезти полдома. Токаш спросил Айгуль:

— Где Аекен?*

— Стоит у крыльца и караулит!

— Почему караулит?

— Хозяин дома держит всю Кульджу в своих руках. Если он что узнает, может обвинить в чем угодно, и тогда гибель всем нам...— быстро объяснила Айгуль.

— Бакен,— Токаш говорил теперь тоном приказа.— Пойди и позови Аянбека. Поедем!.. Веди нас, Курышпай, тихо открой ворота!

По-одному они вышли на улицу. Тьма рассеялась, начинало светать. Ясно видны ветви деревьев. Бакен шел впереди, остальные за ним, — к берегу реки. План Токаша: с первым утренним паромом переправить Айгуль с Аянбеком на тот берег. Там среди казахов их можно скрыть и приютить. Надо ожидать, что Бабашев пошлет погоню...

16

Загоруля прибыл в Кульджу раньше Бокина. Он сразу же разыскал бывшего консула царского правительства Любу и вручил ему письма атамана Малышева и епископа Пимена. Загоруля изложил цель своего приезда: власть Временного правительства в Семиречье едва-едва держится — она подобна льдине во время шторма. Не сегодня, так завтра развалится. В чьи тогда руки перейдет власть? Уважаемые люди Семиреченского края обращаются к вам: «Пусть Люба не останется в стороне от этого дела и подаст руку помощи семиреченскому казачеству. Ведь Семиречье — ворота, открывающие путь на Москву. Если английский лев, прикрываясь здешними камышами, подойдет к границе, разве не встретят его достойным образом семиреченские казаки, возглавляемые атаманом Малышевым?»..

* Аекен — вежливое обращение к старшему. Здесь речь идет об Аянбеке.

Другая просьба Загорули к Любе — о скитающихся казахах. Если бродяги, похожие на голодных волков, возвратятся, они уничтожат Семиречье, как саранча уничтожает посевы. Они могут попасть под влияние большевиков.. Вскоре к ним сюда в Китай приедет посланец бунтовщиков, Люба должен быть готовым к этому...

Бывший консул слушал внимательно; у него продолговатое смуглое, как у цыгана, лицо и выступающие вперед зубы. Говорил он мало: да, Люба всем существом против изменений, происшедших в России. Мечта его — старые царские порядки. Все, что сейчас в его силах, он уже сделал: тайно связался с английским консулом в Кашгарии полковником Эссертоном — он осторожно дал понять об этом Загоруле... Но ему, Любе, здесь очень тяжело, он одинок и некуда податься. Именне отца, что в Саратовской губернии, разгромлено, разграблено. А жена не дает покоя, соскучилась по родным местам...

На другой день Загоруля познакомился с городом. На базаре, на перекрестках улиц, перед мечетью, даже в пещерах вдоль берега реки он видел скитающихся казахов. Загоруля вступал с ними в разговор, чтобы выведать их мысли и настроения. Но эти несчастные оказались очень упрямыми и скрытными. Не говорят ни слова, хоть ты что с ними делай. Пробовал было расспросить о Бокине, ничего не получилось, у всех один ответ: «Не знаем». Если дело и дальше пойдет так, то Загоруля может проиграть.

Вместе с Любой он пришел в валият.

Когда они, поднявшись по каменным ступенькам, подошли к дверям так называемой «круглой комнаты», где обычно сам вали принимал посетителей, из нее вышел человек, за которым Загоруля охотился и которого боялся,— Бокин! Токаш не заметил спрятавшегося за колонной Загорулю и быстро прошел мимо. Загоруля тихо выругался: какая досада? Что если Бокин уже успел получить разрешение на вывод казахов?

Люба зашел к вали, Загоруля остался ждать его. Подойдя к окну из разноцветных стекол, он задумался.

«Как бы там ни было, а Бокин не должен вернуться из Кульджи в Верный! Пусть даже он получил разрешение вали, казахам не легко вернуться на родину. Если завтра Люба даст телеграмму — «казахи настроены мстительно, подумайте о предотвращении кровопроли-

тия» — что тогда скажут представители Временного правительства? Им останется только выставить артиллерию по ту сторону реки Текес и не пускать беженцев».

Пока Люба находился на приеме у главы Кульджинского ваялята. Загоруля вспоминал о Семиречье. Атаман Малышев, его избалованная дочь Глафира, епископ Пимен... Образы, заслоняя друг друга, проходят перед его глазами. — один улыбается, другой смотрит хмуро, третий бросает на него грозный взгляд. Глафира просто легкомысленная девчонка. Но Загоруля не может отвлечься от мысли о ней. Как глупо, раболепно он влюблен! А она, гордая, даже не подпускает его к себе. И ради кого! Ради мальчишки-киргиза!

Открылась дверь кабинета вали, показался Люба. Спускаясь по ступенькам, он сказал:

— Только сейчас, видимо, был на приеме у вали представитель Временного правительства в Верном...

— Он дал согласие вернуть казахов обратно? — торопливо спросил Загоруля.

— Ваши опасения подтвердились.

У консула есть свой рикша, на котором он ездит постоянно. Рикша ждал у выхода. Люба сел и укатил. Загоруля остался ждать рикшу. К ставке вали подъехал высокий с горбатым носом уйгур. Он бросил на толпу посетителей презрительный взгляд и важно прошел в дом. Люди расступались перед ним, передавая друг другу: «Бабашев!» Не обратив внимания на это слово, Загоруля подбежал к рикше и спросил, свободен ли? Тот покачал головой. Вокруг дружно засмеялись: кто это такой, захотевший сесть на рикшу Бабашева?.. Но Загоруля не понял значения этих слов, по-русски крепко выругался и пошел пешком по направлению к базару.

В детстве Загоруле приходилось видеть разлив ярких пестрых цветов по берегам озера Иссык. При ветре они колыхались, шевелились, как живые. Вот это и вспомнилось ему при виде кульджинского базара — плотная толпа в разноцветных одеждах колыхалась точь-в-точь как те цветы вокруг озера Иссык.

Недалеко от центра толкучки Загоруля заметил группу казахов. Среди них был Бокин. Рука Загорули инстинктивно пощупала в кармане шестизарядный револьвер. Он подошел к арбе, в которую был запряжен верблюд, и

стал прислушиваться к разговору. Ничего нельзя было понять. Вероятно, он уговаривает вернуться в Семиречье.

Когда опустились сумерки, Загоруля вернулся в дом консула.

— Ну, гость мой, мы тебя потеряли.— Люба, взмахнув полой черно-пестрого халата, шитого по-китайски, сел в мягкое кресло.

— Ходил, осматривал город. Видел своих земляков-киргизов... Похоже, что они готовятся к возвращению на родину. Видимо, представитель из Верного — деловой, активный человек. Что вы слышали о нем?— Загоруля посмотрел на консула, желая угадать его мысли по выражению лица. Но Люба оказался, как обычно, немногословным. Он лишь сообщил последнюю новость.

— У богатого торговца Бабашева сбежали работники-киргизы.

Загоруля сначала не понял Любу — подумаешь новость! Бокин всех сагитировал.

— Бабашев поднял шум: он заявил вали, что его обокрали. Беглецов ищут.

Это было то, чего хотелось Загоруле. Он искал повода для скандала, чтобы предать Бокина в руки властей и суда.

— Я знаю, кто обокрал Бабашева. Сейчас слышал об этом разговор на базаре.

— Правда?

— Я не требую платы за свои слова.

— Кто это сделал? Говорите быстро! — торопил Люба, внезапно оживившийся.— Бабашев — один из моих уважаемых друзей. Он назначил крупное вознаграждение тому, кто найдет воров.

Загоруля понял, что он сможет извлечь немалую пользу для своего дела. Ладно! Любе он скажет, что пришло сейчас же в голову.

— Кажется, это дело рук того, кто приехал сюда за эмигрантами.

— Это верно?

— На базаре он всем казахам раздавал деньги. Некоторые шептали друг другу: «Вот нашел выход! Наш джигит!» Эти слова я слышал своими ушами,— Загоруля врал так, что иной и правды не скажет с такой убежденностью.

Люба, приказав запрячь коней, сразу же отправился в дом богатого торговца. Загоруля остался ночевать в доме консула.

17

Вали Кульджинского валията — разжиревший черный китаец — подобно раскапризничавшемуся мальчику надул щеки и во второй раз принял Бокина холодно. Он не тратит слов. Разговаривает с посетителями в большинстве случаев движением руки и мимикой. Стоит ему сморщить нос или поднять ресницы, как переводчик сразу же ловит его ответ — решение.

Токаш сказал: «Несколько казахов безвинно сидят в тюрьме. Справедливость требует выпустить и вернуть их на свою родину». Переводчик перевел эти слова на китайский язык. Вали кивнул головой — это означало: «Не возражаю». Переводчик обратился к Токашу: «Еще какую просьбу имеете?»

У Бокина была просьба. Власти препятствуют собрать беженцев вблизи города. Мало того, грабят, отбирают последнее. Нужно всем им вернуться на родину. Это просьба не Бокина, а требование новой власти России.

Вали поднял ресницы. Переводчик пояснил Токашу: «Будет дано соответствующее приказание». Затем вали сморщил нос. Переводчик склонил голову перед Токашем и приложил руку к груди — аудиенция окончена. Бокин поклонился и вышел.

Поместив часть людей на паром, Токаш пошел на базар. Там его соотечественники продавали свое тряпье, готовясь к отъезду. Надо было поторопиться. По городу шел слух: «Казахи возвращаются на родину. Русский царь свергнут с престола. Пользуясь этим, скупщики разного барахла давали самую низкую цену.

Столпившиеся на каждом перекрестке улиц казахи не торговались — только бы продать лишнее.

Когда Токаш подходил к базару, неожиданно совсем рядом раздался выстрел, и тотчас же кто-то вскрикнул и взвыл от боли. Вырвавшись из суতোлки, в сторону побежал какой-то человек с уродливо торчащими ушами. Токаш стал следить за ним. Но разве он будет ждать? Протиснулся в движущуюся массу людей и скрылся из глаз.

— Он стрелял! — Кто-то схватил Токаша за рукав.

Токаш оглянулся. Ба! Загоруля! Откуда он взялся здесь?

Подошли полицейские и заломили Токашу руки.

— Он лжет!— вспылал Токаш и шагнул к Загоруле. Но полицейские не пустили его.

— Покажи документ!— потребовал у Бокина один из полицейских.

— Это известный бунтарь в Семиречье — Бокин. Никакой он не представитель. Прикрывается фальшивым удостоверением, грабитель!— говорил Загоруля.— Я видел своими глазами, как он стрелял!..

Токаша арестовали.

Вид у начальника полиции был суровый. Он сказал что-то полицейским, Токаша отвели в подвал и закрыли дверь на замок. Здесь не было и щели, не говоря уже об окне. В темноте Токаш ощущал руками землю и не нашел места, где можно было бы сесть — везде сыро. Злость, негодование разрывали его сердце. Как жаль, что он не догадался подставить ногу человеку с торчащими ушами! Наверняка, все это дело подстроено и полиция подкуплена. Теперь отсюда, пожалуй, не вырваться. Ни Курьшпай, ни Бакен не знают, что он здесь...

Сколько времени прошло, Токаш не знал, кажется, он задремал. Открылась дверь, вызвали на допрос. Во дворе темным-темно; должно быть, полночь.

Перед начальником полиции горела трехфитильная лампа. Это был тот же китаец, узколицый с косыми глазами; он сразу приступил к допросу: «Откуда приехал? Кто такой? Чего здесь нужно? Знаешь ли раненого на базаре китайца? Записав все, что сказал Токаш, он отправил его обратно в темницу.

Прошло три дня. Никто не появлялся...

Эта темница — сущая могила для живых! По сравнению с ней верненская тюрьма Токашу казалась раем.

Открылась дверь — Токаш вздрогнул: будто пригоршней брызнули ему в лицо светом. Он зажмурил глаза. Вошли два полицейских, снова повели на допрос.

Начальник полиции концом ручки из птичьего пера почесал за ухом, сказал:

— Вы обвиняетесь в двух преступлениях: вы забрались в дом известного кульджинского торговца Бабашева, украли его золото, увели с собой его девушку-служанку. На следующий день стреляли в известного ки-

тайского мастера-часовщика Лю-ли с целью ограбить его, взять золотые часы. Вот эти часы! — начальник полиции положил на стол большие карманные часы.

Конечно, все это подстроил Загоруля, это месть Бабашева. Загоруле надо, чтобы Токаша не выпустили из тюрьмы. Стерегущий враг всегда подстережет. Кто теперь протянет руку помощи Токашу? Какой прок от заступничества тех казахов, которые ведут бродячий образ жизни! Разве один Курыш может что-то сделать?

— Господин начальник, это клевета! — Токаш начал говорить смело. Разве можно согласиться с такими обвинениями, умереть без сопротивления и без попыток освободиться! На шею надели петлю, вот-вот задушат!..

— Как же это так?

— Я посланник нового правительства в России. Почему же вы поверили клевете?

— Свидетелями выступают люди, хорошо знающие, кто вы такой.

— Кто они?

— Бывший консул России и советник этого консула, приехавший недавно из России!

— В России сейчас новое правительство. Прежнее, царское правительство свергнуто. Если Кульджинский валият не признает новое правительство России — дело другое!.. Люба — бывший консул, он — беглец. А человек, который находится с ним — перебежчик, он скрывается от нового правительства!

Начальник полиции дернул плечом.

— Мы, кажется, лучше вас знаем консула.

— В таком случае... — начал было Токаш, но не договорил. Он хотел сказать: «Дайте телеграмму новому правительству в Верном и узнаете, кто я!» Но что тогда? Джайнаков и представители Временного правительства, конечно, не будут защищать его, они постараются утопить... Удостоверению не верят, считают фальшивым... Нет, надо выиграть время. Пусть дают телеграмму в Верный, а тем временем Токаш постарается найти какой-нибудь выход и освободиться...

Токаш начал доказывать свою правоту, вступил в спор. Теперь все равно, — как говорят, «раздетый воды не боится».

Начальник полиции стал возражать реже: ему кое-что в обвинении показалось странным.

Опять отвели в темницу — могилу для живых. После окончания следствия, вероятно, переведут в большую кульджинскую тюрьму. А дальше что? Опять ожидание смерти?

18

По базару распространили слух о том, что приехавшего из Верного казаха арестовали! Мигом собралась огромная толпа казахов-беженцев. На базар пришел Курышпай — он только что устроил на том берегу Айгуль и Аянбека.

— Что случилось, джигиты? — Курышпай, проталкивался в середину толпы; тут он увидел Бакена.

Бакен рассказал, что знал. Курышпай побледнел и нахмурил брови.

— Пусть пойдут со мной трое, хорошо знающие город.

Взяв с собой трех джигитов во главе с Бакеном, Курышпай явился в Кульджинский валият. Подал жалобу. Переводчик валия, парень-уйгур пообещал помочь им.

Протекли три томительных дня. Курышпай не отходил от ворот валията. Ответа не было. Тогда он стал собирать деньги в надежде, что удастся подкупить кого-нибудь из стражи...

* * *

В темницу к Токашу посадили молодого уйгура. Этот джигит работал на кожевенном заводе английского богача Арнольда. Недавно обозленные рабочие устроили забастовку. Главный мастер цеха постоянно недописывал выработку. Возник скандал. Мастер указал на зачинщиков смуты, и полиция арестовала Валикула, — так звали молодого уйгура.

Токаш выслушал его молча, воздержался от открытого разговора, но словоохотливый, с общительным характером молодой уйгур невольно заставил Токаша проникнуться доверием к нему. После того, как Токаш рассказал о себе, Валикул заволновался и стал спрашивать о положении в России.

— Агай, правда, что в России царь свергнут? — спросил он. Большие карие глаза его в темноте блестели по-кошачьи.

Токаш сказал, что революционная буря, разыграв-

шаяся в Петрограде, достигла и Семиречья: буря и сейчас не стихла. Такие же рабочие, как сам Валикул, собираются взять власть.

— В России есть очень большой человек,— говорил Токаш.— Его имя Ленин. Он рожден для счастья народов всей России. Ленин организовал единомышленников, верящих ему людей, в отряд, в партию, она долгие годы вела борьбу против царя. Я тоже верю и иду за этим человеком. О нас ты еще услышишь, только чаще обращайся в нашу сторону!.. Главное вот что: если у тебя есть верные друзья, ты никогда не останешься в беде, в одиночестве. Русские люди говорят: «Один в поле не воин». Если бы все бедные люди действовали сообща,— как говорят казахи: собрав все руки в один рукав, а все головы в один воротник,— то Арнольд не сладил бы с нами. Не унывай, джигит! Разве буря, разыгравшаяся у нас, не надвигается сюда!? Завтра же дойдет! Жди!—Токаш ободряюще похлопал Валикула по плечу.

Валикул слушал, не сводя с Токаша глаз. Иногда он, подобно человеку, коченеющему на морозе, съезживался и озирался по сторонам.

Они беседовали, как друзья, потом надолго замолчали. Положение заставило Токаша подумать о себе. Как освободиться из этой клетки? Валикул почувствовал подавленное настроение Токаша.

— Агай, как вы думаете, освободят вас?— спросил он и, не дожидаясь ответа Токаша, сказал с тоской:— Если в дело вмешался Бабашев, значит ваше положение безнадежное. Тюрьма, в которой сидим мы,— полицейская махалла, в ней больше трех дней не держат. После допроса отправляют в городскую тюрьму. Тот, кто попадет туда, вряд ли когда-нибудь выйдет на свет. Человек лежит и заживо гинет. В Кульдже законов нет... Если хотите освободиться, то действуйте в этой махалле!— закончил Валикул.

У Токаша сдавило дыхание, и он расстегнул воротник рубашки. Стало жарко, будто в холодной темнице кто-то развел огонь.

— Валикул, ты китайский язык знаешь?

— Знаю!..

Долго обдумывал Токаш все способы освобождения, все они были очень рискованными, ненадежными. Но и сидеть в бездействии — все равно смерть...

После полуночи Валикул, визжа, начал стучаться в дверь. Старик-тюремщик открыл замок. Заключенные в ожесточенной драке катались по полу, старший, подмяв под себя молодого, душил его. Надсмотрщик вошел в камеру, поднял вверх фонарь, крикнул — «Прекрати!» или что-то в этом смысле. И тут же грохнулся сам: Токаш, бросив Валикула, всей силой дернул старика за ногу. Старик упал, как подкошенный, фонарь вылетел из рук. Валикул зажал старику рот. Вдвоем они быстро раздели старика. Токаш обрядился в его одежду; закрыв дверь и повесив замок, он погнал впереди себя Валикула. Нужно было пройти через комнату, где сидит дежурный полицейский. Валикул бросил ему в глаза горсть земли. Токаш кинулся на него с быстротой тигра. Связав полицейского по рукам и ногам, они выскочили на улицу и нырнули в ночную мглу...

Пляшущая дикая Или, маленькая лодочка зарывается в волнах. Луна еще не взошла. Токаш и Валикул гребли изо всех сил. Вот и берег... Они вышли, оттолкнули лодку, ее подхватило и повесело течение. Токаш и Валикул распрощались. Уйгур пошел искать убежища у своих друзей.

Токаш сразу же созвал всех старейшин аула.

— Родные мои! — говорил шепотом — Царские палачи, преследуя меня, прибыли и сюда, в Кульджу. По ложному показанию арестовали и держали в тюрьме. Удалось бежать. Будет погоня, и мне нельзя здесь задерживаться. Вы трогайтесь в путь с рассветом, вас поведет Бакен. Говорите всем казахам — пусть возвращаются на родину!

Токаш повернулся к Аянбеку.

— Где Айгуль?

— Она еще спит.

— Разбудите! Курыц, мы едем немедленно.

Пока Аянбек лихорадочно налаживал подволю, Токаш мучился беспокойными мыслями. Да, путь оказался неудачным. Приходится бежать, не доведя дела до конца. Бродят еще по другим вазиятам бездомные казахи — с ними не удалось и не удастся встретиться. Надо спешить... Хорошо, если люди правильно поймут... А если посчитают трусом, спасающим собственную шкуру?..

Больше всего в жизни Токаш боялся такого мнения о себе.

Подошла собравшаяся в дорогу Айгуль. Сердце ее беспокойно стучало. Нет, недаром оно так беспокоилось... Айгуль предчувствовала несчастье — разве Бабашев отступится!

— Токаш-агай! — тихо произнесла Айгуль.

Токаш круто повернулся, прижал ее к груди.

— Айым* Гулим!**..

А табор уже весь зашевелился. Слышен шепот людей, задыхающийся плач детей, окрики. Звон бьющейся посуды. Скрип колес, фыркание лошадей...

Токаш простился с Бакеном и старейшинами, и они вчетвером — он, Курышпай, Аянбек и Айгуль — сели в повозку и поехали в сторону Коргаса. Пара коней Аянбека рысила все двенадцать верст.

— Токе, может быть, остановимся в Коргасе пообедать? Покажешь правительственный мандат... — начал шутить Курышпай.

Но Токашу было не до шуток, однако он понял, на что намекал Курышпай. «Как будем переходить границу — как представители Верненского правительства или скрытно, по-волчьи» — вот о чем спрашивал Курышпай, время ли думать о еде. Возможно, из Кульджи пришла телеграмма, и охрана уже поджидает их. Нужна осторожность, лучше всего подъехать вон к тому казахскому аулу, разведать путь, если надо — повременить, а с наступлением темноты перебраться в Семиречье...

Аул только что просыпался — кое-где вился дымок. Заливисто лаяли собаки. Людей пока не видно.

А если этот аул выдаст правителю Кульджи! Как говорят, не подходи сзади к коню, которого не знаешь.

Они подъехали к аулу с тыльной стороны. Токаш зашел в крайний дом, Аянбек слез с повозки и отряхнул полы халата из верблюжьей шерсти. Курышпай поближе подвинулся к Айгуль и сказал:

— Айгуль, я уверен, что тебя повез в Кульджу не Ходжа Насреддин, с ним было бы проще, — закинул бы свою удочку и сразу поднял тебя на небо. Видимо, тебя увез в Кульджу такой же шалопай, как и я.

Айгуль улыбнулась.

— Потихе вы! — цыкнул на них Аянбек. — Как бы

* Айым — луна моя.

** Гулим — цветок мой.

плакать не пришлось. Услышит хозяин дома и посчитает нас неучтивыми.

— Вполне возможно!— согласился Курышпай.

— Курыш-ага,— тихо сказала Айгуль — меня в Кульджу повела моя честь.

— Ну, если это такая штука, что заставляет бросать родные места и скитаться на чужбине, то я не знаю, что с нею сделал бы...

— Разве герои не умирают за честь?

— Ого! У тебя, Айгуль, оказывается, язычок подвешен хорошо.

— Это наследство отца...

Вышел Токаш. Вместе с ним показался широкоплечий молодой человек.

— Этот радушный хозяин приглашает нас. Давайте быстренько зайдем в его дом. Дорогу дальше он сам покажет,— произнес Токаш, помогая Айгуль сойти с повозки.

В доме, по правую сторону, на стеганом одеяле сидела старуха. Молодая женщина молча подала гостям по чашке кумыса. Старуха начала разговор:

— Счастливого пути! Видно, что направляетесь в Большой аул.— Это близко. За рекой уже Большой аул...

Айгуль поняла, что означает слово «Большой аул»,— так здесь называют землю казахов. У Айгуль радостно забилось сердце и в руках задрожала чашка с кумысом: неужели она сегодня увидит родную землю?..

— Да, близко, но мы не знаем дороги, байбише*, и просим этого молодого джигита провести на ту сторону,— произнес Аянбек, шевеля черной клинообразной бородкой.

— Что же, он проведет...

Попрошавшись, беглецы вышли на улицу. Хозяин дома быстро оседлал вороную кобылицу, привязанную у входа. Повозка Аянбека последовала за ним. Когда аул скрылся за взгорьем, джигит придержал свою кобылицу и поехал рядом с подводой.

— Не иначе как везете в большую страну украденную девушку, да?— джигит с улыбкой посмотрел на Курышпая.

* Б а й б и ш е — вежливое обращение к пожилой женщине.

— Какие же мы казахи без этого! Наш удалой джигит, — Курышпай кивком показал на Токаша, — приехал за девушкой из Семиречья. Дело сделано... Только опасаемся, не будет ли погони. Мы просим вас найти тропу, по которой не ходит никто, кроме черта!

Они подъехали к реке, скрылись в зарослях камыша.

— Если увидят солдаты — плохо нам придется. Побежим, как коровы от овода, — сказал Курышпай.

— Тут все известные переправы под охраной, — сообщил джигит-проводник.

— В пути всегда бывают трудности. Но позор тому, кто их боится, — сказал Токаш.

— Да, да... — джигит смутился.

— Этим же путем будут возвращаться в большую страну казахи-беженцы. Постарайся помочь им...

Айгуль не особенно прислушивалась к их разговору, она смотрела на Токаша. Все еще плохо верилось, что он тут, рядом. Изменился ли он? По-прежнему бросаются в глаза густые черные брови. С небольшой горбинкой нос... Красивые черные усы... Но что-то изменилось в Токаше. Нет, он дорожит ею, уважает всем сердцем, любит! И все же есть в нем что-то новое, другое, что не видно глазу и нельзя передать словами.

Издали донесся шорох камыша, шаги...

— Не человек ли это? — тихо произнес Аяубек, приподнявшись и по-охотничьи зорко всматриваясь. — Что-то чернеет...

— Это, наверное, стража обходит границу! Что теперь будем делать? — перепугался джигит-проводник.

— Надо уйти дальше в камыши. А ты, — обратился Токаш к джигиту, — прикинься ищущим свою лошадь. Заговори с ними и дай нам спрятаться подальше. Ну, а если они начнут разыскивать людей, выход из этого найдет Курышпай...

Аяубек вел лошадей под уздцы. Курышпай шел позади. Вокруг высились густые заросли камыша. Сначала земля была сухой, а дальше появилась вода. Поднялся ветер. Сильнее зашумел взволнованный камыш. Из-под ног иногда взлетали птицы и снова садились неподалеку.

Настороженной Айгуль казалось, что по их следам идет много вооруженных людей. Неужели несчастную девушку постигнет новая беда? Неужели придется опять вернуться в дом Бабашева, терпеть его насмешки и из-

девательства? Нет, Айгуль верит в ум Токаша, он спасет...

Позади частые шаги... Или это стучит напуганное сердце, готовое вырваться из груди? Нет, это идут люди. Слышны голоса. Говорят по-китайски. Джигит-проводник ответил по-казахски.

«Не знаю!»

Это слышали и Айгуль, и Токаш. Кажется, китайцы говорили спокойно, без окриков. Наступила тишина. Не увела ли стража проводника, почему он не подает голоса?.. Затаив дыхание, Токаш вслушивается, он изменился в лице, бледный-бледный. Изредка поглядывает на Айгуль: его взгляд говорит: «Моя душа с тобой, что бы ни случилось — будем вместе».

Зашевелился камыш. Джигит подал голос:

— Друзья, где вы?

— Ух, пронесло, кажется! — повеселел Курышпай.

С лица проводника исчезло выражение растерянности, он улыбался.

— Китайцы — спокойный, добрый и мирный народ. Когда нет начальства, рядовые не придираются... Многие переходят на ту сторону. Теперь и вы можете идти смело.

На радостях Айгуль обняла джигита и поцеловала в щеку.

— Спасибо вам, агай! Прощайте!

Проводник погладил щеку, улыбнулся:

— Вот это и потянуло молодого человека из Большого аула...

Курышпай не удержался от острого замечания:

— Да, эта девушка доставила нам столько хлопот, что для перевоза их потребуется если не сорок ишаков, то верных двадцать.

Все засмеялись и Айгуль — тоже: разве можно принимать в обиду слова Курышпая?

Повозку оставили проводнику. Сели по двое на лошадь.

Река тут оказалась не особенно глубокой — ее перешли вброд. Как только переехали на другой берег, Айгуль соскочила с коня, и, рыдая, бросилась на землю.

— Милая страна! Родная земля, принявшая прах моей матери!..

Токаш, улыбаясь, приподнял Айгуль за локоть и вытер платком ее лицо.

— Айым, что это такое! Слезы... А ты смейся, радуйся, пой! Разве сейчас можно плакать?

Токаш и Айгуль взобрались на большой камень. Уже вечерело. Внизу виднелся буйный Текес. По ту сторону замигали огни — это аул джигита-проводника: дальше — огни Коргаса. Полчаса назад Айгуль находилась в чужой стране. И люди, и земля там неприветливы, суровы. Теперь она стоит на родной земле, и рядом с ней любимый человек. Какое это большое счастье!

Одного Айгуль не может понять. Почему бог создал и землю, и людей разными? Почему все они не могут жить одной страной, одной землей, одним народом, без всякого разделения?

— Айым, почему ты невеселая? — спросил Токаш. — У тебя есть какая-то печаль. Ты расскажешь мне?

— Токаш-агай!

— Милая, оставь теперь слово «агай»!

Айгуль улыбнулась.

— Ну, Тока!*

В тихом воздухе бархатного вечера нежный голос Айгуль отдался эхом от скалы. Со скалы взлетела какая-то птица.

— Нет, Токаш-жан! — Токаш, обняв, поцеловал ее. — Расскажи! Мне кажется, у тебя есть на сердце горе... Я вижу на лице печаль. Или это тень от того облачка, что набежало сейчас на луну? Нет, я знаю, твое сердце болит и страдания отражаются на лице.

Айгуль не отрывает глаз от диких волн Текаса, эти волны похожи на жизнь — одна поглощает другую... Айгуль в водовороте жизни могла исчезнуть, как одна из этих многочисленных волн, которые то возникают, то пропадают...

Она ничего не может скрыть от Токаша — все равно узнает, но как трудно рассказывать об этом!.. Лучше бы он ударил, нанес рану, выстрелил в сердце... А он опять умоляюще просит. Нет, лучше рассказать.

— Тока... Токаш-жан! Вы слушайте, слушайте внимательно, не перебивайте меня — сама расскажу, сама.

...Кочуя, прибыли в казахский аул. Аянбек остановился у крайней юрты. Это была отау** известного бая, ста-

* Тока — вежливое обращение к Токашу.

** Отау — выделившаяся семья, юрта молодых.

рейшины аула. Недолго пришлось тут жить. Бай обратил внимание на Айгуль, стал преследовать ее. Он говорил: «Будь одной из жен, иначе не ходить вам по земле, не жить в этом ауле». Аянбек запретил коней и возвратился в Кульджу. А разве легко жить в городе? В кармане ни гроша, руки не знают никакого ремесла. Что теперь делать? Несколько дней он возил разные грузы. Беда не приходит одна — приводит и другие беды. Издох конь.

Они жили на окраине города у одного дунганина — снимали шалаш во дворе. Айгуль кое-что шила и пробовала это продавать на базаре. Но разве она могла соперничать с искусными и тонкими китайскими мастерицами? Однажды, не продав вышитый платок, уставшая Айгуль собиралась возвращаться, как, откуда ни возьмись, на рикше подъехал здоровенный черный уйгур. Не сходя с тележки, он поманил ее пальцем.

— Иди сюда!.. Сколько просишь?

— Сколько дадите. Оцените сами...

Заплатив двойную цену, он увез платок. Через день этот господин опять купил. Что за чудо! Как в старинных сказках. Нет это была не сказка, а хитро расставленная сеть. На третий день тот же рикша приехал с пустой коляской и сказал: «Девушку вызывают в «байский дворец!» Айгуль здумалась: надо ли ехать? И отец не знает, что посоветовать. Наконец Айгуль согласилась. Ее привезли в «байский дворец». Это — большой богатый дом, внутри все блестит. Дорогие ковры. Такого богатства Айгуль никогда еще не видела. Тот же здоровенный уйгур — в халате с блестящими позументами, усы и борода подстрижены, — с заискивающим видом встречает девушку.

Бай водит Айгуль по дому, угощает и показывает все. В доме она не увидела никого, кроме старика-узбека, который приготавливал кушанья. А где же дети, разве их нет?

— Ты оставайся в этом доме. Будешь убирать в комнате, где я веду счета и расчеты. В остальное время ты свободна! — говорит бай.

У Айгуль появилось подозрение: почему он так добр к ней? Стараясь избавиться от него, Айгуль нерешительно ответила:

— Посоветуюсь с отцом... Завтра на базаре получите ответ!

Вечером она разговаривала с отцом. Тот — против... Но бай не отступал. Нужда в конце концов заставила согласиться. Аянбека взяли на работу конюхом, на двоих выделили комнату.

Так на голову Айгуль надели хомут. О, создатель, какие унижения приходится переносить человеку в жизни! Один за другим проходили черные дни и ночи, полные горести и мучений.

Бабашев — крупный торговец, знатный бай Кульджи, каждое движение котрого кует деньги. Целыми днями девушка подметает в его конторе, вытирает столы и находится около него. Бай щелкает костяшками. Люди приходят и уходят — казахи, китайцы, уйгуры, дунгане. Одни выходят из дома со слезами на глазах, другие улыбаются. Но больше плачут. Почему они плачут? Айгуль не всегда понимала. Один просил, другой давал — деньги сыпались, как листопад.

В полдень бай пообедал и немного отдыхал. Тогда он бросал на девушку жадные взгляды, и она вся замирала от страха.

Айгуль узнала еще об одной стороне жизни этого дома. Семья Бабашева, дети и другие домочадцы, живут в верхнем этаже. Летом они выезжали из города — иногда ставили юрту возле аула казахов, иногда жили в доме, построенном в саду на берегу Или...

Однажды бай пригласил в гости трех человек: один был русский — российский консул в Кульдже, второй — дунганин с красными глазами, а третий — американский торговец Бренер. В эту ночь по желанию бая Айгуль прислуживала им. Жена бая нарядно одела ее. Айгуль подала на стол и вышла. Вдруг она услышала:

— Ай-ай, где ты нашел такую красавицу? Продашь? — спросил дунганин. Дальше Айгуль не смогла расслышать. В разговор вступил американский торговец. Дружный хохот...

Через некоторое время Бабашев вызвал Айгуль и попросил спеть песню.

Айгуль запела «Елим-ай». После двух-трех песен пьяный Бабашев схватил Айгуль. Девушка вырвалась из объятий и в эту ночь больше не появлялась. На следующий день она рассказала обо всем отцу и со слезами умоляла уехать. А куда? Аянбек знал, как длинна и сильна рука бая.

Отец и дочь поняли, что попали в крепкие сети. Как освободиться из них?

Бабашев начал наглеть и уже не скрывал своих намерений. Он дарил девушке дорогие платья, ценные вещи. Купил гармонь и заставил научиться играть на ней. На увеселительных вечерах требовал песен.

Однажды бай вызвал Айгуль очень поздно, когда в доме многие легли спать. Айгуль заподозрила неладное. Что если не пойти? Уведет силой! Или она понадобилась по какому-нибудь делу? После третьего вызова девушка поневоле пришла. Пришла и увидела — бай пьян. Айгуль круто повернулась, но дверь кто-то быстро закрыл. Девушка бросилась к окну. Бай, громко хохоча, кинулся ловить ее. Схватил, поднял на руки и кинул на кровать. Выбиваясь из последних сил, Айгуль укусила ему руку. Бай не выпустил ее. Кровь из руки полилась струей и испачкала все платье. Айгуль, отбиваясь, обессилела, и дальше не помнит... Очнувшись, она в отчаянии бросилась в окно, упала в сад, вывихнула руку и целый месяц лежала в постели.

— Только за день до вашего приезда поднялась на ноги...

Вот моя печаль, разве она могла не отразиться на лице!

Айгуль заплакала. Токаш, закусив, губу, долго стоял молча, потом отвернулся и тихо пошел прочь, исчез в темноте.

Луна зашла за облака. Может быть, ей тоже хотелось скрыться? Только что отчетливо виднелись скалы и берег реки, а сейчас на землю напоззла густая тень. Такая же мрачная тень легла и на сердце девушки. Посмотри, Айгуль, воды Текеса дрожат, как твое сердце. Какая геперь у Айгуль жизнь? Ее мечтой было вернуться на родную землю и умереть здесь. Что, если броситься с утеса? Взмах руками, толчок — и схлестнутся над головой волны и навсегда забудется эта жизнь...

Внизу шумел Текес, ждал ее... Больше никому она не нужна. Айгуль уже хотела подняться с камня, но тут слышались шаги — твердые шаги Токаша.

Он быстро схватил Айгуль и поднял. Горячие слезы из глаз девушки упали ему на руки.

На следующий день Токаш купил в ближайшем ауле телегу и отправил Айгуль с Аянбеком в аул, а сам с Курышпаем явился в пограничную комендатуру, чтобы там встретить казахов, возвращающихся на родину.

Офицер, сидевший в комендатуре, сказал жестко:

— Граница закрыта. Ни один человек оттуда не пройдет! Таков приказ!

Токаш вспылил и пробовал доказать офицеру: «Вот удостоверение, выданное Временным правительством, я уполномочен возвратить беженцев». Офицер махнул рукой.— «Временное правительство!.. Вы опоздали. В Верном власть взял атаман Малышев!»

Вот оно что! Пока Токаш находился в Кульдже, в Семиречье произошел переворот. Кто такой атаман Малышев, Токаш знает лучше всех. Хотелось узнать подробности переворота. Но офицер не стал много распространяться. К сказанному он добавил: атаман с казаками захватил власть за один час.

Токаш вышел из комендатуры с опущенной головой. Стоявшему у входа Курышпаю всю тревогу передал одним словом: «Пропали!»

Что теперь с друзьями и соратниками, оставшимися в Верном? Возможно, атаман посадил всех в тюрьму, расстрелял? Если Токаш попадет в руки Малышева, — конец. Пожалуй, самое скверное то, что не удалось вернуть с собой джигитов. Если бы во главе их двинулись в Семиречье, как почувствовал бы себя атаман?

В самом деле, плюнуть на приказ атамана, провести всех джигитов через границу, создать армию, вступить в бой и довести дело шестнадцатого года до победного конца!

К полудню на тот берег прибыла первая кочевка. Токаш видел их, несчастных людей, путь которым на родину закрыт атаманом Малышевым. Он с жаром вступил в перебранку с представителями погранохраны. Те стояли на своем: таков приказ...

Кочевники все прибывали и прибывали, к вечеру они обступили Коргас как пчелы улей. Город скрылся в пыли. Оттуда изредка доносились выстрелы.

Токаш измучился.

— Курыш! — обратился он к товарищу, лежащему около него лицом вниз. — Перейдем на ту сторону, попробуем переправить их тем путем, которым шли мы.

Курышпай ничего не ответил.

— Почему молчишь? Не хочешь идти?

Курышпай рассмеялся. Токашу не понравился этот неуместный смех. Он строго посмотрел на друга.

— Тебе хочется опять занять почетное место в кульджинской тюрьме? — Курышпай поднялся с земли. — Пойду я один.

— Пойдем оба.

— Нет. Я пойду!

Вдвоем сев на лошадь Аялбека, они вернулись к месту вчерашней переправы — проехали лесом, прячась от пограничников. Текес — река свирепая, да и воды в ней, кажется, прибавилось. Переправляться вдвоем на одной лошади все равно нельзя.

— Ну, Курыш, езжай один. Счастливого тебе пути! — сказал Токаш.

— До благополучной встречи! — они обнялись.

Конь фыркал, не хотел идти в реку. Курышпай огрел его нагайкой, серый бултыхнулся в воду.

Стемнело. Лес окутан мглой. Одна за другой стали появляться звезды.

Токаш сидел у скалы на камне, обхватив руками колени, — он не сводил глаз с Курышпая, переплывающего реку. Хоть бы дозорные не заметили! Вот уже достигает берега. В темноте Курышпая не видно; белеет только голова и узкая полоса спины коня — похоже, плывет белая гусыня с выводком гусят позади. Не выстрелил бы кто, приняв за птицу. Нет, нет, откуда такие мысли! Вот уже переправился... Вышел на берег, выжимает одежду... Молодец, Курыш!

Токаш немного успокоился, мысли вернулись к родному Семиречью.

Значит, атаман снова вынул саблю из ножен. Где же сейчас Юрьев, Березовский, Саха? Атаман будет беспощадеп. Семиречьем он намерен управлять по старым законам. Кто не согласен — того рубить...

Токаш облизывает губы — они засохли. С самого утра он в рот ничего не брал. Можно бы пойти вон в тот ближайший аул и подкрепиться. Этот аул, кажется, единственный, уцелевший после шестнадцатого года. Утром

Токаш купил там телегу и отправил Айгуль с Аянбеком домой. Люди все суровые, неразговорчивые. Может быть, поэтому и уцелели...

Токаш не ушел от реки, не сомкнул глаз, все ждал Курьшпая. В полночь с той стороны тайком переправилось около ста семей беженцев.

21

Андрей Васильевич подошел к зеркалу, зачесал светлые волосы, в которых почти не заметна проседь. Кажется, он помолодел, выглядит здоровяком; на широкие плечи могли бы сесть по человеку. Атаман доволен собой; повернул голову направо и налево, посмотрел на свои эполеты, красующиеся на плечах: не отличить от генеральских, какие носил сам Фольбаум.

Настроение атамана было бы отличным, если бы не поведение дочери.

Последние дни он видит ее редко: Глафира с утра уходит куда-то, говорит — в парк, а возвращается в полночь. Объяснять отказывается. Петровна тоже ничего толком сказать не может.

Что если отправить Глафиру в Пишпек? Там живет ее дед. Нужно разлучить дочь с этим киргизом. Как бы она не связалась с большевиками. Избалованная, не следит за своими поступками. Эту мысль поддержала Петровна.

Утром Малышев пригласил дочь и объявил ей свое решение.

— Не поеду! — ответила девушка.

Атаман сначала уговаривал, потом закричал, сотрясая весь дом.

— Опять против воли отца? Пойми, дед с бабушкой приглашают тебя. Они старые люди, нужно уважать их, слушаться. Неблагодарная ты!

Глафира молчала. Отец не отменил своего решения, но отъезд пока отложил. На следующий день произошло событие, заставившее его ускорить отправку дочери в Пишпек.

Второй семиреченский полк, на протяжении всей войны находившийся в Персии, возвращаясь, в Ташкенте поддался большевистской агитации — сдал оружие Советам рабочих и солдатских депутатов и арестовал полковника ИONOва, который был доставлен в Верный под

конвоем. Узнав об этом, атаман рассвирепел, приказал загнать всех казаков в казармы и никого не выпускать. Малышев сам явился туда.

В казармах было беспокойно. Атаман в сопровождении адъютанта пошел к коменданту. Комендант в страхе: сегодня у одного из казаков обнаружили листовку. Вот она.

Малышев взял листовку без особого интереса, но, прочитав несколько строк, побагровел.

«... Атаман у власти — значит снова будет литься кровь невинных, снова старые порядки беспощадного угнетения». Кто это писал? Скорее всего, опять Березовский, который выпускал газету. Ту газету атаман закрыл сразу же, как захватил власть, но Березовский, видать, не отступил, он выпускает листовки.

— У кого обнаружили? Знаешь его.

— Конечно. Записал фамилию...

— Вызвать!

Ввели невысокого роста казака с бегающими глазами, он сказал:

— Ночью была одна хорошо одетая русская девушка, раздавала листки и ушла.

Атаман вздрогнул, но не подал виду, сдержал себя и скрыл охватившее его тревожное чувство.

— В лицо ее узнаешь?

— Может быть... Но не приглядывался.

— Посадить его в карцер на десять суток! Смотри у меня...

Атаман уехал. Казаки, узнав об аресте своего товарища, взбунтовались. «За что дали карцер? Пусть освободят!» — кричали они и вызвали коменданта. Перетрусивший комендант помчался к атаману. С трудом удалось водворить порядок.

Атаман не допытывался больше, кто была та девушка, раздававшая в казармах листовки? В тот же день он отправил Глафиру в Пишпек.

А на следующий день издал приказ, запрещающий хождение людей после семи часов вечера без специального разрешения. Под этот приказ попались многие и одним из первых — Джайнаков: вечером его, дрожащего с перепугу, привели в штаб...

Ибраим Джайнаков ездил на совещание алаш-ординцев в Семипалатинск. Вернулся из дальней дороги ра-

достный. Его встречали близкие во главе с Закир-аксакалом. Устроили той.

Джайнаков отпустил бороду — получилась остроколючая, похожая на козлиную. Посмеиваясь, он рассказывал о встречах в Семипалатинске. Имена называл вежливо: «Ахан, Алекен...» Участники беседы Закир, Габдулла Какенов, Салимгерей Бурнашев, Бикен — все слушали, разинув рты. Далекий город на берегу Иртыша с песчаными улицами напоминал им сказочный город Шам царя Арун-Рашида...

— Есть там молодой казахский акын по имени Султан-Махмут, — рассказывал Ибраим. — Смелый, а язык, что сабля. Однажды Султан-Махмут решил посмеяться над главным имамом Алашского города. Я подумал, что он безбожник, как наш шалопай Бокин. Мне не понравилось, что он привязался к имаму... Мюриды имама хотели избить Султан-Махмута. Акын перебежал на другую сторону города. Там наш вождь Алекен вызвал к себе акына и за одну ночь так отделал его, как отделывают кожу, и он стал мягоньким. На следующий день герой, который кидался на имама, сбежал к себе на родину в Баян-аул. Ха-ха! Какова сила Алекена!

— Эти разговоры потом, — прервал его Закир. — Как будем дальше жить — решили там?

Ибраим заверил: алаш-ординское правительство не даст в обиду казахов, избавит их от красных.

— Ты слышал о событиях в Коканде? — спросил Габдулла, с трудом оторвав взгляд от Бикен.

— Говоришь, нет? Мухамеджан и Мустафа организуют Кокандское ханство. Недавно приезжал от них уполномоченный и передал: «Если Семиречье хочет объединиться с Кокандским ханством, то пусть пошлет своего представителя». Я присоединяюсь к мнению о создании самостоятельного Средне-Азиатского ханства! — продолжал Габдулла, задирая горбатый нос. — Это единственный путь к тому, чтобы не оказаться в такое смутное время под чьим-нибудь сапогом.

— Кто это передавал?

— Мухамеджан. Он из Ташкента перебрался туда... Дела в Ташкенте, говорят, плохи. Большевики взяли власть, всех сажают в тюрьму.

— Атаман тоже рассвирепел. Запретил хождение по улицам, — сообщил Закир.

— Бокин еще не вернулся?— краешком глаз Ибраим взглянул на Бикен. Она нахмурила брови: видимо, еще не перестала думать о нем.

— В Кульдже Бокина посадили в тюрьму. Говорят, он забрался в казну одного бая и украл золото,— передал Салимгерей услышанное от Яшайло.

— Ха-ха! Вот когда он нашел подходящее для себя дело! — Джайнаков закатился истощным смехом.

Закир до того обрадовался сообщению, что дал Салимгерей суюнши — золотую монету. Бикен покраснела и вышла из комнаты.

— Это тебе вознаграждение. Подарю и стригуна. Только выясни, откуда узнал об этом Яшайло! — сказал Закир, принимаясь за кумыс. Он глотал его, как воду. Закир бросил пить водку, пригубляет ее только в кругу людей, подобных атаману. В остальное время пьет осенний кумыс.

Гости разошлись по домам поздно. Закир не отпустил Бикен, он обещал подвезти ее в своем экипаже. Отца дома нет — кто ее встретит?

Услышав эти слова, Ибраим пристал к ним с просьбой: «Оставайтесь ночевать, я ведь не чужой для вас человек».

Не желая слушать пустые разговоры, Бикен ушла одеваться.

Ибраим глазами спросил Закира: «Что будем делать с этой девушкой?»

— Устраивай той,— посоветовал Закир,— иначе в один прекрасный день ее кто-нибудь подцепит. Вот уже два года Габдулла сватается к ней. А этот рыжий мальчик потерял рассудок... Сам-то знаешь, что она думает о тебе?

Джайнаков мигом осунулся и показался намного старше своих лет.

— Раззява! — пробормотал Закир,— Девушка тебя не любит. Это ты сам знаешь. Она влюблена в другого. Это ты сам слышал. Что еще тебе ждать? Увези в аул и устрой той. Немного попрыгает, а потом куда денется от отца, от меня?

— Ты же знаешь одну сплетню...

— Какая сплетня? Это про Токаша? Брось ты слушать всякую чепуху. Если даже и было это, ты ничего не теряешь.— Закир беззвучно посмеялся. Ибраим поморщился — свояк всегда говорит грубо и резко, не жалует. Думает ли он когда-нибудь, что делает больно?

Закир открыл дверь и позвал Бикен.

— Гордыня, ты нас не признаешь, да?

— Вы, жезде, уже стары... Ибыш-ага — ученый человек, мысли его летают высоко над облаками, как птица...

— Ибыш-ага давно обратился к тебе с просьбой, а ответа нет до сих пор.— Закир бросил взгляд на Джайнакова, торчавшего у окна.

Девушка заговорила вначале серьезно:

— Ответ я дала давным-давно. Его слышали и вы... Стать другом жизни Ибыш-ага — мечта каждой казахской девушки. Если нужно, я завтра же могу привести в этот дом самую красивую девушку, она окажется в десять раз лучше меня.— Бикен рассмеялась и, подобно ветру, развеяла сгустившиеся над своей головой тучи. Ибраим бонется этого смеха девушки. Начнешь разговор серьезно, степенно, а она тут же превратит его в шутку и вывернется...

Закир не сдавался:

— Ты одна из тысячи. Милая, кого же ты хочешь сделать хозяйкой очага, принадлежавшего только вчера твоей родной сестре?

— Вы задержали меня здесь, чтобы сказать это? Я думала, что мы пришли сюда поздравить Ибыш-ага с благополучным возвращением из дальней поездки.

— Шутки брось, детка. Бог даст, скоро устроим той,— сказал Закир и, не давая девушке возразить что-либо, повел ее на улицу. Ибраим вышел вместе с ними.

Ночь. В городе ходить запрещено. Ибраим снова предложил заночевать, Бикен не соглашалась. Она таила обиду на Ибраима: из-за него Токаш, может быть, никогда больше не придет к Бикен...

А случилось вот что: однажды появился Ибраим, как всегда, с подарком. На этот раз он принес золотые серьги. Откровенно говоря, Бикен обрадовалась такому дорогому подарку. Ибраим, видя это, обнял девушку, пытался поцеловать. Она, шутя с ним, вырывалась. Ибраим бежал по дому и ловил ее. В гостиной Бикен зацепилась за край ковра и упала. Ибраим повалился на нее, стал целовать в щеки и шею. В это время открылась дверь. Разгоряченный Ибраим даже не обернулся. А Бикен, лежавшая на спине, увидела, как из-за огромного — перед самыми глазами — уха Ибраима выплыло лицо

Токаша. Она с силой оттолкнула жезде и вскочила. Но поздно. Токаш, бросив на нее презрительный взгляд, повернулся и ушел. В этот день и на другой день Бикен искала встречи с Токашем: надо было объяснить, что с Ибраимом она только шутила. Напрасно. Токаш уехал в Китай. И теперь — как знать — встретится ли она с ним? И все это из-за Ибраима...

23

Проводив Закира и Бикен, Ибраим возвращался домой. Тут его задержали вынырнувшие из темноты солдаты.

Джайнаков поискала в карманах удостоверение руководителя комитета алаш, но не нашел. Доказывал на словах — не поверили и отвели в комендатуру. Он просидел там до утра и о многом передумал. Недавно в Семипалатинске на заседании алаша Казахстан был провозглашен самостоятельной страной, и вот пожалуйста — вернулся в Семиречье, а тут ярмо на шею. На чью шею накинули? Разве он игрушка для них?.. Нет, если не собрать свое войско, можно остаться под ногами. Кто-нибудь наступит и переломит хребет... Но следует ли сейчас отворачиваться от атамана и окончательно рвать с ним? Разве вчера Закир не говорил: «Первейшие враги — большевики, а затем — русские. Но в трудные минуты опорой могут оказаться руководители казачества».

Ибраим потребовал от коменданта свидания с атаманом. В тот же день он встретился с ним. Только недавно приветливый атаман встретил его важно, высокомерно. Видимо, он позабыл события шестнадцатого года, когда они действовали заодно. Или же он изменился после того, как сам стал наказным атаманом?

— Был слух, что вы сбежали... — ироническим тоном произнес атаман на казахском языке.

— Ложь, ваше благородие! — Джайнаков понял, что эту версию сочинил сам атаман. — Я ездил в Семипалатинск.

— Зачем?

— Это что, допрос? — Джайнаков впервые в жизни начал резко говорить с русским начальником. Он не заметил, как это соскочило с языка. Жаль...

— Кто же ты такой, которого нельзя проверить?

— Я член Временного правительства, руководитель комитета алаш.— Джайнаков решил держаться с достоинством, иначе атаман может просто дать по морде.

— Временное правительство я распустил! А если комитет алаш не сможет вести себя как следует, то и его разгону.

— Ваше благородие, вы знаете, кто составляет большинство населения Семиречья?

— Господин Джайнаков, я вижу, у тебя развязался язык. При белом царе ты лизал полу генерала Фольбаума. Ты осмелел после революции! — Малышев повысил голос.— А не подумал, чем может кончиться революция?

— Кажется, не я один лизал полу Фольбаума.

— Я могу вбить тебя в землю, как вбивают кол. Для этого у меня хватит сил. Ты знаешь об этом?

— Как бы я, подобно кости, не стал поперек вашего горла. Может быть, обратно отрыгнете? А может быть... Атаман вскочил с места и крикнул адъютанту.

— Посадить его! Посмотрим, как запоеет через неделю.

Адъютант вынул револьвер и повел Джайнакова.

* * *

О том, что Джайнакова арестовали, Закир узнал от самого атамана. Когда он вечером сидел в своей «загадочной комнате» и производил подсчеты, атаман прислал к нему своего курьера. Закир отбросил счета и, степенно шагая, пришел в дом атамана. С порога Закир начал славословить: вернулась прежняя мирная жизнь, которая была при белом царе. Что можно сказать иное, кроме слов благодарности атаману!

— Закир-аксакал, прошу! Я сегодня посадил в тюрьму господина Джайнакова,— сразу выпалил Малышев.

— Да за что же?— глаза Закира полезли на лоб.

— Не волнуйся! Нет ничего такого, чтоб волноваться. Прошлой ночью патруль встретил и задержал его. Он ошметинился на меня, всячески оскорбляя. Что с ним случилось? Не сошел ли с ума господин Джайнаков? Или думает, что теперь самостоятельность, своя страна... Скажи, он же свояк тебе?

Закир был удивлен: он не поверил, что атаман поссо-

рился со своим близким другом, единомышленником Джайнаковым. Наверно, атаман пошутил... Нет, он смотрит хмуро, сурово.

— Ваше благородие, сейчас для нас ссора равносильна смерти. Ибраим — авторитет, честь страны, как вы могли поступить так опрометчиво? Разве завтра казахи протянут вам руку помощи? Разве они не вонзят нож в спину, как это было тогда?..

— Я нарочно посадил, — успокоил его атаман. — Пусть образумится. Что у меня на сердце, знаешь только ты...

— Ваше благородие, тебя и бога прошу об одном: пусть об этом случае никто не узнает. Сейчас возьму повозку и увезу Ибраима, не показывая никому. Поговорим наедине, я напомню ему его обязанности. А завтра вечером приходите ко мне в гости. Нам нужно согласие, единство, ваше высокоблагородие, — иначе мы погибнем! Вы же сами часто повторяете казахскую пословицу: «гнев всегда предшествует разуму!» — Закир поклонился атаману, показывая свое уважение к нему.

* * *

Хотя вечер был посвящен их примирению, однако между Джайнаковым и атаманом осталась тайная вражда. Эта вражда ошутимее жила в сердце Ибраима.

Правда, он попрощался с атаманом за руку, говорил о дружбе, но внутренне послал ему вслед проклятие. В ту же ночь он написал письмо в Коканд Мухамеджану Тынышпаеву.

Семиречье ближе к Коканду, чем к Семипалатинску. Пока сарыаркинские алаш-ординцы встанут на ноги, утечет много воды и пройдет немало времени. Живущий сам по себе и существующий кое-как алаш вряд ли может оказать покровительство Семиречью. По географическому положению Семиречье едино с Кокандом. Пусть Коканд возьмет под свое крыло! С атаманом жить под одной крышей невозможно. Волк не будет в дружбе с овцой, сколько его ни корми.

В Коканд он отправил Габдуллу, а Салимгерее послал в Чемолган за Сугурбаем.

Месяц назад комитет алаш принял решение о создании своих войск. Но вскоре Джайнаков уехал в Семипалатинск, а Какенов без него не смог организовать даже

отряда. Теперь Ибраим сам взялся за это дело. Он рассылал нарочных во все стороны. Татарские, уйгурские, казахские, киргизские мечети стали местом сбора джигитов. Ибраим вызвал в Верный одного из ревностных последователей пророка Магомета, всей душой служившего религии, — кастекского хальфе, который к тому же был остер па язык. Джайнаков собрал городских и степных баев вместе с служителями мечети. Совещанием руководили Закир и Карден, Джайнаков выступил с речью. Потом вышел с кораном в руках хальфе:

— Непослушный отлучается от веры. Тот, кто окажется непослушным, навлечет на себя проклятие всевышнего! — взвыл он. Все имамы крикнули в один голос: «Аминь!»

Через посредство Закира атаман дал кое-какое оружие, надеясь, что войско алаша будет послушно ему. Полумесяц сделали эмблемой, на минаретах мечетей подняли белый флаг алаша.

Джайнаков пригласил Бикен и поручил ей организовать для молодежи увеселительный вечер в «Доме свободы». Он всерьез взялся за дело и находил работу для всех своих близких.

Следующей его мыслью было перевести центр алашского комитета в свой аул, недалеко от города в просторных рубленых домах создать штаб. Это позволит уйти из-под власти атамана и жить свободно, по-своему. В городе же — войска атамана: слова не скажи, ногой не ступи. Если собрать молодежь в ауле Ибраима, подучить ее, укрепить в сознании национальные чувства, разве не взойдет его луна с правой стороны? На кого же Ибраим может опереться, если не на эту молодежь? Особенно нужно заняться гимназией. Вчера Салимгерей говорил: «Похоже, что некоторые молодые люди находятся под влиянием большевиков. Только и слышно: Бокни, восстание шестнадцатого года, революция»... Ибраиму давно нужно было взяться за гимназию. Сколько времени ушло попусту! Зря он понадеялся на Какенова.

Сменив одежду, снова отпустив бороду, Токаш вечером прибыл в город. Куда пойти? Дом Юрьева, конечно, под наблюдением... Или к Махмуту? Больше нет никого,

заслуживающего доверия. Нельзя не обрадовать и Халиму, с нетерпением ждущую Курышпая. Окраинными улицами Токаш пробрался на уйгурскую сторону.

Халима, открывшая дверь не узнала его и не хотела впускать.

Мало ли ходит аульных казахов, одетых в ситцевые халаты и войлочные колпаки?

— Халима, в самом деле не узнаешь?— Когда прозвучали эти слова, Халима выронила из рук ведро и на только что вымытый пол вылилась грязная вода.

— Да неужто это вы, Токаш-ага! Где Курыш?— встревоженный голос Халимы заставил выглянуть Махмута, находившегося в другой комнате.

— Завтра придет твой Курышпай. Он уехал в аул.

— Ой! Только теперь я успокоилась...

Махмут поздоровался довольно холодно,— это удивило и насторожило Токаша.

— Вы, кажется, не рады мне, Махмут?

— Конечно. Разве чета тебе человек, который служит кучером у атамана?— Махмут бледен, ни один мускул не двинулся на его лице.

Шутки Махмута Токаш понимает не так быстро, как если бы разговаривал с Курышпаем. Он принял это за шутку и стал раздеваться.

После трапезы, Махмут увел Токаша в отдельную комнату и там сказал:

— Токаш, сейчас я тебе говорил правду. Но ты не поверил. Теперь я сокол, попавшийся тебе в руки. Пойми, пока тебя не было, мы всякое пережили.— Махмут рассказал о том, как атаман за одну ночь заполнил город конными казаками из Талгара и Каскелена. Представители Временного правительства разбежались кто куда, спасая свою шкуру. Друзей Токаша преследуют. Они сейчас скрываются. Палачи атамана рыскают по ночам, выслеживая их. Махмут точно знает — ведь он действительно кучер атамана. Почему атаман нанял именно Махмута?

— Атаман похлопывает меня по спине, называя своими ушами среди мусульман. Это правда. Что я вижу или слышу — доношу ему,— закончил свою исповедь Махмут.

— Почему же ты доносишь?

— Долг платежом красен, он тоже кое-что сообщает мне.

— Я тебя понимаю. Но учти, дорогой, не продавай окончательно свое сердце и не окажись предателем своего народа!

Ночь Токаш спал, несмотря на усталость, беспокойно. Он не верил Махмуту. Может быть, атаман специально подослал его? Нужно быть осторожным.

Утром Токаш протянул руку Махмуту:

— Теперь меня не ищи. Если что нужно — передашь через Халиму, она скажет Курышпаю...

Токаш вышел из дома Махмута, не зная, где искать друзей — ни одного адреса. Хоть бы Саху найти. Махмут сказал, что не видел этого парня...

Надеясь, что Юрьев оставил что-нибудь, напоминающее о себе, Токаш направился в сад Рафикова.

Погода стояла пасмурная. Вершины Ала-Тау закрыты туманом. Сизый туман полз по улицам, окутывал деревья, и вершины их были похожи на головы в белых шелковых чалмах. Люди встречались редко — это было на руку Токашу: он не хотел, чтобы его узнали.

Двери деревянного дома в саду были наглухо заперты — поперек прибиты широкая доска. Куда же мог деться Юрьев? Где его искать? Но если долго ходить по улицам, можно попасться на глаза врагу. Токаш повернул назад. В раздумье, опустив голову, он пришел к дому Березовского на берегу Алма-Атинки. И здесь на дверях замок. Токаш вернулся в парк. Он решил просидеть тут до сумерек.

За деревьями мелькнула фигура человека и исчезла. Токаш присмотрелся; человек спрятался за толстым деревом. Неужели Махмут успел донести о Токаше? Или подстерегают Юрьева? Токаш пошел прямо на неизвестного, тот перебежал за другое дерево. Что-то знакомое было в его худенькой фигуре.

— Эй, чего прячешься? — крикнул Токаш. Неизвестный бросился бежать. Токаш кинулся вдогонку. — Стой! Стрелять буду!

Тот остановился. Подошел ближе — это был Саха!

Они обнялись, обрадованные встречей.

— Вы не слышали, что произошло? Вернулись благополучно? — спрашивал Саха.

— Не могу вас разыскать. Давай заберемся в чащу...

Они вошли в глубь сада. Саха вначале рассказал, зачем пришел сюда. Два дня как исчез Юрьев, заколотив

дверь. Соседка ничего не знает... Атаман запретил газету. Березовского хотели арестовать, об этом узнали через Глафиру, и он успел скрыться. Саха знает его нелегальную квартиру. Александр Петрович полагает, что Юрьев арестован, иначе он дал бы о себе знать. Березовский наказал Сахе наблюдать за домом Юрьева, он и пришел сюда.

— Ну, дружок, тут ты сам можешь попасть в лапы. Если Юрьева арестовали, неужели ты думаешь, что они позабыли об этом доме?— Токаш беспокоился и посмотрел по сторонам.— Они будут искать Березовского и всех нас. Понимаешь? А ты очень уже не осторожно ходишь по земле. С Глафирой ты встречаешься?

Саха сказал, что он, простудившись, долго лежал в постели. В это время отец отправил Глафиру в Пишпек.

— Она передала, что будет писать письма. Но пока никаких вестей нет,— Саха покраснел.

Токаш улыбнулся, похлопал Саху по плечу. Эх, мальчик мой!..

Туман рассеялся, забелели вершины Ала-Тау. Лишь внизу лежала серая полоса, и в саду было сыро. В этой прохладной сырости угадывалось наступление осени...

Токаш с Сахой прошли по окраинным улицам к речке Весновке. По берегам ее, прижимаясь друг к другу, стояло множество саманных домиков. В речке чернели огромные камни, на них брошены доски для перехода. Кое-как они перебрались на другой берег, Саха остановился у саманного домика, наполовину вросшего в землю. Огромный пестрый пес, звеня цепью, встретил их громким лаем. Из домика вышла женщина в накиннутой на плечи шали. Она узнала Саху, прикрикнула на пса. Токаш, пригнув голову, шагнул в низенькую дверь. В маленькой без окон комнатке он увидел Березовского. У Александра Петровича отросла борода, глаза впалые; он поднялся с табуретки и ждал гостей с вопрошающим видом: «Кто же пожаловал?» И вдруг:

— Вот это радость! Оказывается, ты жив и здоров! Здесь распространяли слух, что ты в Кульдже попал в тюрьму... Вернулся? Это очень хорошо.— Березовский указал на ящик у стены.— Садись. Живем бедно... Даже нет стульев.

Токаш обвел взглядом комнату, улыбнулся:

— Может быгь, пока так и надо...— потом начал рассказывать о своих злоключениях:

— В казахских легендах есть остров «Барса кельмес»; тот, кто попадет туда, не возвращается. А в действительности этим «барса кельмесом» является Кульджа. Удалось тайком вернуть с той стороны всего пятьсот человек. Ну, а у вас как идут дела?

— Ты слышал, что произошло в Петрограде?— спросил Березовский, прищурив глаза.

Токаш уловил в его голосе скрытую радость. Он ничего не знал о Петрограде, ни с кем не разговаривал об этом. Что там могло быть? Ну и выдержка у этого Березовского! Щурит себе глаза, усмехается.

— Ты, брат, словно медведь, прославший зиму. В Петрограде, Москве победила революция, а последняя новость — то же и в Ташкенте. Всюду в России провозглашается Советская власть.

У Токаша глаза заблестели, он сорвался с места, закружился по маленькой комнатке словно в танце. Потом остановился перед Березовским, спросил в упор:

— Правда?

— Правда, правда, Токаш,— стал уверять и Саха.— Ты в это время сидел в тюрьме, там, в Кульдже.

— А почему ты эту правду не сказал мне при встрече?— повернулся к нему Токаш.

— Ну, я подумал, что ты узнал здесь...

— От кого? Эх ты, малыш!— рассмеялся Токаш.— Ты же взял бы с меня суюнши, а теперь не получишь. Я дал бы тебе вот это,— он вынул из кармана маленькую костяную табакерку с китайским орнаментом.— А теперь ее получит Александр.— И подал ее Березовскому.

Березовский долго, с вниманием рассматривал миниатюрную табакерку, похожую на бабочку.

— Что ж, пусть останется память об этой встрече, о твоей поездке в Китай.

— Расскажите, как все это произошло?— попросил Токаш.

— Подробности пока не известны,— сказал Березовский.— Телеграфные сообщения обычно кратки. Хорошо, что они попадают в руки Емелева... Зимний дворец был взят штурмом. Это произошло в ночь на двадцать шестое октября. Главари Временного правительства бежали.

Ленин провозгласил победу власти Советов. Принят декрет о мире, о земле.

— Земля теперь принадлежит народу, — добавил Саха.

— Ага! — воскликнул Токаш. — Вот о чем мы должны рассказать каждому казаху. — Земля — наш козырь, мы должны этим бить алашевцев и всех врагов революции. Наш народ давно мечтал иметь хорошую землю, чтобы жить на ней. Именно — жить! — Токаш присел к столу. — Ну, с чего мы начнем? Рассказывайте, как идут дела, какое здесь положение?

— Сам видишь. Атаман разыскивает нас. Исчез Юрьев. Не можем разыскать. — Помолчав, Березовский сообщил далее, что атаман стал особенно беспощаден после того, как в Ташкенте установилась Советская власть. В Верном большевики находятся в подполье. Сейчас связь с Ташкентом осуществляется через Емелева, но он на подозрении. Большевики действуют успешно и в этих условиях, созданы организации в крепости среди солдат, в типографии, на кожевенном заводе и на почте. Токаш прибыл вовремя. Надо развернуть работу среди мусульман.

Березовский набил трубку табаком.

— Но сперва подумаем о Петре. Мусульманами займемся потом... — Токаш беспокоился не напрасно. Его сердце чувствовало, что над Юрьевым нависла серьезная опасность. Враг жесток и неумолим.

— Хорошо, займись Петром, — согласился Березовский. — Но помни: с мусульманами работать только тебе. Тут есть одно обстоятельство: казахи еще не признают атамана правителем. В комитете алаш два лагеря: одни поддерживают атамана, другие — против него, идет борьба. Сейчас тебе легко войти в их среду. Можешь действовать открыто. Многие обрадуются твоему появлению. Не попадись только на глаза атаману и его агентам.

Предложение было заманчивым. Токаш вначале может показать себя нейтральным; ведь он все лето провел в Кульдже как представитель Временного правительства, был оторван от событий в Верном. Да, Березовский подал хорошую мысль.

Александр Петрович спросил у Сахи, пишет ли Глафира. Она пока не писала. Березовский долго сидел за-

думавшись. Лицо его то светлело, то омрачалось. Потом он сказал Сахе:

— Узнай ее адрес. Я вот что решил: надо Глафире перебраться в Ташкент, пусть устроится работать, лучше всего на почту. Нам нужна связь с Ташкентом. Положение Емелева ненадежно...

* * *

Побрившись и сменив одежду, утром Токаш вышел на улицу. У входа в «Дом свободы» он встретил Сята.

— Сят-ага! — не успел он произнести слово приветствия, как Сят, видно соскучившийся по Токашу, обнял его и прижал к груди. Как будто и не было между ними раздора.

— Вернулся, дорогой? Куда путь держишь? Как дела в Кульдже?

— Только что прибыл... Атаман закрыл границу, казахов не пропускают. Напрасно съездил. Переправил только немногим больше ста семей.

— Тут, в комитете, я тоже добивался их возвращения, но, известное дело, атаман не захотел и слушать.

— Разве казахами должен управлять атаман? Где же свобода? — Токаш говорил с издевкой. Сят ничего не ответил.

Они поднялись по ступенькам и вошли в коридор. Справа над дверью Токаш прочитал вывеску: «Семиреченский комитет алаш» и хохотнул. Значит, Сят на старости лет окончательно избрал себе приютом контору алаш-ординцев.

— Если орел стареет, то он питается мышами. Заблуждаетесь, Сятеке! Почему алаш-ординцы — эти покровители казахов не протянут руку помощи бедным скитальцам, оторванным от родной земли?

Опять ничего не ответил Сят. Токаш вошел вслед за ним в комнату. Она битком набита народом. Джайнаков стоял перед окном, на нем синий военный китель, на плечах погоны, в руках белые перчатки; рядом с ним — одетый в офицерскую форму Бурнашев. Наряду с заправилами города здесь были и мелкие торгаши. Бросались в глаза белые чалмы — оказывается, здесь нашли пристанище муллы и ишаны. И еще много было гимназистов.

Неожиданное появление Токаша вызвало замешательство в конторе. Джайнаков как-то неудачно взял

протянутую Бурнашевым бумагу и выронил ее. Закир поморщился и натянул глубже свою шапку. Все зашумелись.

— Бокин!

— Разве он жив?

— Будто с неба свалился!

Протискиваясь между людьми, Сят устремился к передним рядам. Токаш двигался вслед за ним, бросая взгляды по сторонам. Он сел недалеко от Сята. Токаш держался смело, как ни в чем не бывало. Озадаченный Джайнаков поздоровался с ним кивком головы. Токаш ответил тем же и посмотрел в сторону Закира. Тот сразу отвернулся. Токаш после суда впервые сейчас встретился с Закиром. Ожирел Закир, как свинья, еле дышит...

— Дорогие граждане! — нарушил тишину Джайнаков.

Токаш усмехнулся глазами: «Ого, даже голос изменился, с властными нотками...»

Совет алаш-ординцев открыл свое заседание. Председателем избрали Сята. О политическом положении доклад сделал Джайнаков.

— Над страной опять нависла опасность. С запада надвигается красная саранча, губит народную жизнь. Где она проходит — там ничего не растет. Сейчас она достигла Ташкента, часть ее повернула на Семиречье. Мы знаем, что последует за этим. Начнется отречение от веры. Мы на это не пойдем. Мы будем твердо стоять под знаменем «Алаша» и победим, ибо нам светит солнце!

Токаш слушал с удивлением. Джайнаков не тот, что был, он стал опытнее. И речь складная. Аксакалы кивают, одобряя его слова. Джайнаков распаялся, он все злее ругал красных.

Токаш сдерживался. Надо молчать, иначе нельзя!

Джайнаков продолжал:

— Наши соседи, мусульмане-кокандцы, создали самостоятельное государство, подняли свой шанрак.* Но дела у них плохи. Они со всех сторон окружены врагами. Посланный нами представитель вернулся (по случаю болезни он сегодня здесь не присутствует). Я сообщил вам привезенные вести. Что будем делать? Пока мы вот

* Ш а н р а к — буквально купол юрты. Здесь в смысле «стали хозяевами своей земли».

так сидим, враг не дремлет. Что скажете, дорогие аксакалы?

Джайнаков закончил речь и сел за стол рядом с Сятом.

— Кто поделится мыслями?— спросил Сят тихим голосом, не вставая с места.

Закир крикнул:

— Пока для нас нет надежнее правителя, чем атаман!

— Так провозгласим его ханом!— раздался насмешливый молодой голос. Молодежь засмеялась. Закир всем телом повернулся назад. Возле дверей стихли.

— Еще кто скажет?

— Скажу от имени веры,— поднялся хальфе из Кастека, выдвинув остроконечную бороду. Сначала он пошевелил губами, видимо прочитал молитву, затем провел ладонями по лицу.— Атаман — иноверец. Мы должны держаться подальше от него, чтобы не навлечь немилость господ бога. Если мало Кокандского эмирата, есть старая Бухара. Чего нам бояться? Посылай туда послов, сын мой! Амины! — хальфе опять провел ладонями по лицу и сел.

Токаш удивился и обрадовался: алаш трещит по швам, подобно халату, сшитому неумелыми руками.

— До Бухары очень далеко, святой отец! Чего мы боимся Ташкента — он под боком? — слышался тот же знакомый молодой голос.

Токаш не видел смельчака, но уже догадался, что это голос Сахи. Еще не стих смех молодежи, поддержавшей эти слова, как поднялся незнакомый аульный казах. Наступив на полу своего поношенного халата, он споткнулся. Мерлушковая шапка слетела с его головы и упала к ногам Токаша. Смущенный этим, казах поднял шапку, заговорил с трудом — бусинки пота катились по его щекам.

— Я житель Илийской волости, приехал сюда на базар! Те слова, которые вы здесь произносите, для меня непонятны. Только вчера наших плачущих детей пугали словом: «атаман», а здесь говорят о надежном правителе... непонятно! — Капелька пота покатила по морщинистому лбу. Казах стер ее и сел.

Токаш решил, что молчать он тут не будет, однако и не скажет всего сразу. Он попросил слова. В зале опять установилась тишина. Джайнаков съезжился, ничего хоро-

шего не ожидая, ближе подвинулся к Сяту. Токаш внимательно посмотрел в лица тем, кто находился поближе — одни отводили глаза в сторону, другие краснели.

— Вот что, родные!.. В пути встречается много неровностей, в жизни много непознанных тайн, человек открывает их не за один день. Сколько он живет, столько же и спотыкается, ищет новые пути. Перед смертью он сожалеет, что чего-то не знал, а если бы знал, то не допустил ошибки. Мы испытали горечь такого сожаления во вчерашних кровопролитиях, когда не смогли отличить друзей от врагов. Мы тогда попали в беду, а потом досадовали и сожалели. Но видно, вы не извлекли пользы для себя из этого урока и сегодня опять слушаете пустые разговоры. Как же это так? Неужели хотите споткнуться на том же месте, хотите снова пролить кровь? Не лучше ли посмотреть, что делает передовой народ и брать с него пример? — Токаш повернулся, окидывая всех взглядом. Его слушали молча, кое-кто с любопытством. — Давайте же поступим разумно, чтобы потом не сожалеть. Атаман только вчера проливал, как воду, кровь казахского народа. Вы, аксакал, правильно сказали, что при слове «атаман» дети в аулах переставали плакать. Как же можно забыть об этом? Если Закир поддерживает атамана, то нет в этом ничего удивительного, он — его друг. Вчера они были заодно...

Закир встал с места и, пробормотав: «Ах, чтоб тебе!», пошел к двери. Сят хотел его остановить:

— Закир-аксакал, куда вы?

— Наверное пойдет к атаману и донесет на меня. Это ему не впервой. Пусть идет! — Токаш чуть заметно улыбнулся, а группа молодежи, стоявшая у входа, поддержали его, дружно засмеялась и загородила дорогу Закиру.

— Заканчивай, Токаш! — насупился Сят. Ему не понравились слова Токаша о Закире. Пусть! Токаш не мог отказаться от удовольствия кольнуть Закира.

— Уважаемый хальфе назвал Бухару. Все это чепуха, помутнение в глазах... По моему мнению, нам не нужна никакая опека. Мы сами можем создать самостоятельное правительство.

— Правильно сказано.

— Bravo, джигит!

— Мы тоже за это!

Это загудела молодежь. Сят уснокаивал, призывая не

шуметь. Его не слушали. Джайнаков закурил папиросу. Богачи бросали на Токаша злобные взгляды, но выступить не решались. Некоторые стали протискиваться к выходу.

Поднялся Сят — он говорил мягко и долго. Под конец поддержал мысль о создании самостоятельного управления, высказанную Токашем. И ни одним словом не обмолвился об атамане и Бухаре. Он следовал своей давней привычке — лисьей повадке: не портить отношения с другими. Когда дело дошло до голосования, большинство было за самостоятельность.

С собрания Токаш вышел с группой молодежи.

25

Если бы Токаш прямо предложил протянуть руку советскому Ташкенту, муллы в чалмах и бородатые богачи стали бы голосовать за союз с атаманом. Лучше всего держаться подальше от атамана и ждать удобного момента. Он уже недалеко!..

Токаш начал сколачивать группу молодежи. Кроме Сахи, тут был Ораз, большеголовый парень с острыми глазами, кудрявый Жакупбек, смуглый уйгур Абдулла в тюбетейке.

В маленькой комнате полумрак. Свеча начинает тухнуть, кончик фитиля обуглился. Ребята спорили. Токаш пока не вмешивался.

— Вы думаете, атаман будет любоваться на этот алаш? Как бы не так! Он арестует всех и посадит в тюрьму! — горячился Саха. Ораз толкнул его локтем, разговор пошел тише.

— Почему же он не трогает тебя и дает возможность расхаживать по городу?

Жакупбек тоже старался поймать Саху на слове.

Токаш посматривал на них, как бы оценивая каждого. Все они, четверо, одинаковы ростом, но в то же время разные: Ораз — уравновешенный, вероятно, смелый; Абдулла — верткий, горячий; кудрявый Жакупбек — шумный, сорви-голова. Все они еще не окрылившиеся птенцы-соколята. Если их правильно приручить, из них получатся настоящие соколы.

В следующую встречу Токаш завел разговор об установлении Советской власти в Петрограде и Ташкенте. Мо-

лодежь заинтересовалась, каждый хватался за кончик мысли и тянул в разные концы. А стремление у всех одно — жажда новой жизни.

— Вы слышали о Ленине? — спросил Токаш.

— О Ленине? Я слышал, — ответил Ораз.

— Я — тоже... — Саха, конечно знал больше Ораза. Токаш посмотрел в сторону Жакупбека и Абдуллы. Те кивнули головами.

— А кто он? — спросил Токаш и ответил: — Имя Ленина я впервые услышал от нашего Петра Алексеевича. Он революционер, высланный из России. Он многое знает. Про такого человека казахи говорят: «То, чего он не знает, находится только под землей». Я встретился с ним в саду. Разговор начал он сам: его интересовала жизнь казахов. Выяснилось, что мнения наши совпадают. Мы подружился, стали встречаться. Однажды Петр Алексеевич и рассказал мне о Ленине. И до Ленина были герои, боровшиеся за счастье народа, но среди них самым выдающимся, самым стойким борцом за народное счастье является он! — так говорил Петр Алексеевич. После, в 1914 году, в Петрограде я познакомился с учением Ленина. Я ездил в этот большой город по совету Петра Алексеевича, читал там книги Ленина...

— Значит, Петр Алексеевич очень умный человек. Сажал цветы в саду, гм... Кто бы мог подумать?... — Жакупбек тихо улыбнулся.

— Неужели его арестовали? — высказал Саха давно тревожившую его мысль.

— Вероятно, да... Если не поспешить ему на помощь, агаман расправится с ним. — Токаш сделал небольшую паузу, задумался и вдруг поднял голову. — Сможете ли вы быть мне верными товарищами?

— А что ж, можно! — сказал Абдулла раньше других.

— Если в наших силах... — добавил Ораз.

— Я готов! — вызвался Жакупбек.

Саха промолчал. Он давно заодно с Токашем.

— Я дам вам маленькое задание. Вам приходилось бывать в мечети?

— Я был. Там полно солдат, — ответил Ораз.

— Тогда втроем, кроме Сахи, войдите в их среду, прислушайтесь ко всему. Осторожно постарайтесь выведать намерения. Если предложат вступить в армию —

вступайте. Вы грамотные, можете стать у них офицерами. Ораз, ты будешь старшим, присматривайся и давай в случае необходимости советы. Со мной будешь держать связь только через Саху...

Когда молодые парни ушли, Токаш, лежа в маленькой комнате Сахи, забеспокоился. Поверили ли джигиты в слова Токаша? Можно ли надеяться на них? Или он ошибся? Алаш-орда не смогла распространить свой яд на этих молодых людей. Чистые юношеские души! Джайнаков, конечно, старается собрать молодежь вокруг себя, расставляет приманки, вроде увеселительных вечеров; для молодых джигитов шьют красивую военную форму. Развешивающийся флаг алаша, покровительственные речи о казахском народе. Все это увлекает. А что противопоставит этому Токаш? Слова правды, веру в справедливость. Вон птица счастья летит, приближается, опустилась в Ташкенте. Будет удача, и она не сегодня-завтра прилетит в Верный.

23

Робко открыв калитку, вошли три парня. Подталкивая друг друга вперед, они сделали два-три шага и опять остановились.

Возле ступенек, ведущих в мечеть, стоял Габдулла Какенов, рядом с ним — Салимгерей. Оба они в расшитых золотом мундирах. На белых рукавных повязках изображение полумесяца и звезд. Габдулла распекал двух солдат алаша:

— Распушенные, невоспитанные степняки! Вы забыли, что служите в войске алаша? Что, были в гостях у дедушки? Пропадали всю ночь?

Те молчали.

Габдулла, увидев трех вошедших, дал знак Салимгерейу:

— Что им нужно? Узнай!

Прижав саблю к бедру, Салимгерей прыгнул со ступеньки, подошел к сробевшим парням. Какенов, пробрав как следует «гостивших у дедушки», стал наблюдать за Салимгереем. «Настоящий адъютант», — улыбнулся он.

— Ни кирак? (Что нужно?) — иногда, забывшись, Салимгерей говорил по-татарски, и на этот раз он начал по-татарски, но закончил по-казахски: — Кого вы ищете?

— Нам нужен Какенов.

Степенно шагая, Габдулла подошел.

— Я Какенов! Что хотите сказать?

— Мы хотим вступить в войска алаша! — произнес большеголовый и сухопарый.

— Как тебя зовут?

— Ораз Жандосов.

— А тебя? — Какенов обратился к другому.

— Жакуп Сулейменов.

— Эй, уйгур, тебя как зовут?

— Розбакиев.

— Что вы умеете? Чему учились?

— Сейчас школы закрыты. Выдали свидетельство, что окончили... Но мы не хотим быть просто солдатами, — заявил Ораз.

— Кем же вы хотите быть?

— Офицерами!

— Ого! Какие хитрые! — рассмеялся Салимгерей.

— Ты вот — офицер, а мы что, думаешь, хуже? — вступился Жакупбек. Салимгерей открыл было рот, чтобы наругать, но Какенов осадил его. Ребята понравились Какенову. Грамотные и, видать, смелые. Вот обрадуется Ибраим!

— Идемте! — Какенов вошел в мечеть. Высокий зал гудел. Сидевший у входа старик не пропустил их дальше.

— Снимай, снимай сапоги!.. Куда идешь?

Какенов, скинув галоши, обернулся:

— Такой порядок. Разувайтесь!

Молодые люди разулись и вошли в мечеть босиком.

Справа, в комнате имама совещались Джайнаков и хальфе. Увидев Какенова с тремя молодцами, он повеселел. Какенову хорошо известна слабая струнка Ибраима, не раз заявлявшего с гордостью: «Войска алаша — мое родное дитя». Разве не угодит он «отцу войска», если скажет, что сам привел трех джигитов.

— Наши ряды растут, господни!.. Вот привел ребят, особенно нужных для нас.

— Э, да ведь это сын непутевого Какымы! Отец его был работником на занжке атамана Малышева. Упрямый был казах... А это отпрыск Сулеймена из рода аргын... Коварные казахи! — Джайнаков посмотрел на Розбакиева: — Ты уйгур? Ну ничего, лишь бы не пожалел для алаша сил и души...

— Они хотят быть офицерами.

— Для этого нужно учиться, идти в школу прапорщиков. Атаман открыл школу, готовящую офицеров. Вы можете выйти оттуда прапорщиками.— Джайнаков, хвастаясь, с особым ударением произнес слово «прапорщики».

— Надоело учиться. Испытайте нас сначала на деле, — сказал Ораз.

— Вот бестолковый, темный казах! Отказывается от учебы! — Джайнаков засмеялся, тряся плечами. Хальфе тоже развеселился, вытер выступившие от смеха слезы.

— Ладно. Габдулла, назначь всех троих офицерами, дай солдат! — Ибраим лениво махнул рукой.

Какенов повел новоиспеченных офицеров во двор.

Саха встретился с Оразом и передал вопрос Токаша: «Верят ли молящиеся в мечети солдаты в бога?»

Смышленный Ораз ответил: «Здесь немало джигитов, отрекшихся от бога».

Это шифр. Он означает: «Джигиты не верят в то, что алаш-ординцы могут установить такое спокойствие, когда над овцами будут носиться жаворонки». Короче: не верят, что из алаша будет толк.

Теперь Токаш захотел схватиться с врагом лицом к лицу и испытать, на что способны его джигиты. Его цель была — ослабить Джайнакова и оставить одного. Он передал Оразу: «Если джигиты захотят встретиться с неверующим человеком, пусть ждут!»

Осенний дождь перестал, и выдался ясный день. На улицах еще грязно. Прохожих немного. Лишь иногда проскачет конный патруль.

Токаш вместе с Сахой пришел в мечеть. У самых ворот, греясь на солнце, группами толклись джигиты алаша. Глаз Токаша сразу отыскал Ораза — он стоял в группе джигитов. Токаш подошел к этой группе.

— Здравствуйте, ясны соколы! — весело произнес Токаш. Все мигом повернулись к нему. Он быстро поднялся на штабель леса, взмахнул рукой.

— Ибраим Джайнаков собрал вас здесь не для защиты народа. Это он делает ради своего возвышения. Чем он занимался, будучи переводчиком генерала? Способствовал расстрелу, арестам. Он добился казни славного сына казахского народа Бекболата...

Резкие слова, неожиданное действие! Все наострили слух. Так вот кто их начальник Джайнаков, которому

они «верили, как богу»! Джигиты были удивлены, не знали что сказать. Тогда Жакупбек крикнул:

— Кто такие большевики? Объясните нам! — он делал вид, что ничего не знает про большевиков; это был повод для объяснения.

Токаш осмотрелся — в первых рядах тесно, защищая его грудью, стояли Ораз, Саха и несколько других, знакомых ему джигитов. Токаш стал объяснять:

— Путь большевиков — верный путь. И мы, казахский народ, должны идти за ними и не сворачивать в сторону. Только на этом пути мы найдем свое счастье!

Токаш говорил долго. Он показал, как на ладони, что такое Советская власть, и слушатели ясно увидели свою будущую жизнь.

— По-твоему выходит, что мы должны бросить оружие и разойтись по домам? — раздался чей-то голос. Его подхватил другой, более резкий голос:

— Хочешь, чтобы атаман разбил, как в шестнадцатом году?

— Казаки!

Токаш соскочил и нырнул в толпу джигитов. Ораз шепнул на ухо: «Вместе с нами входите в мечеть. На минарете есть веревка!»

Джигиты повалили в мечеть, теснясь в дверях, задние ряды двигались медленно. Саха и Ораз прокладывали путь локтями. Токаш следовал за ними. Казаки горланили: «Где? Который?»... — и, напирая на толпу, хотели протиснуться вперед, но не смогли пройти через плотно стоявшие ряды джигитов.

Токаш вошел в мечеть. Ораз крикнул: «Бегите!», а сам остался у двери, создал такую толкучку, что казаки задержались и здесь.

Токаш по лестнице бегом поднялся на минарет. Там увидел длинную веревку, один конец которой был привязан к железной изгороди минарета. Он дважды обернул вокруг себя свободный конец и спустился вниз.

Токаш и Саха только что разделись, собираясь спать, как кто-то постучался в дверь — тихо, но настойчиво. Саха быстро соскочил с кровати, Токаш вынул из кармана револьвер и спрятался в углу у двери. Саха, изме-

нив голос, по-мальчишески визгливо спросил: «Кто там?» За дверью обиженный голос требовал: «Ну, быстрее!» Токашу показалось, что это голос Махмута. Чего ему понадобилось среди ночи? А вдруг привел казаков! Если выпрыгнуть в окно? Двойные рамы... Эх, Саха! Нашел же квартиру!

— Не бойтесь! Я один! — это был точно голос Махмута.

Открыв дверь, Саха отступил назад. Махмут помотал головой:

— Ну и жизнь у вас!

— Токаш вышел из угла и пожал Махмуту руку.

— Почему так поздно? С какими вестями? Хороши-ми или плохими?

— Сегодня Закир и Ибраим были у атамана... Я понял, что они намерены надеть на твои ноги путы, а на шею петлю. Беги из города!

— Это правда? — Токаш не доверял Махмуту. Незря взял его к себе атаман на службу.

— Зачем мне лгаты! Я же ничего у тебя не прошу за предупреждение.

— Конечно, сыщики доносят на меня.

Махмут подробно рассказал, что видел и что слышал. Свояки на тарантасе прикатили в штаб. Адъютант атамана открыл им дверь кабинета Малышева... Махмут сел у окна, выходящего в сад, и прислушался к разговору. В кабинете часто называлось имя Токаша. Как только свояки уехали, атаман вызвал офицера, дал какое-то приказание. Потом этот офицер спрашивал у адъютанта адрес Токаша. Адъютант назвал дом Эрмиша.

— А теперь поступай, как хочешь, — сказал Махмут и взялся за шапку.

— Ну, Саха-жан, что посоветуешь? — спросил Токаш, как только закрылась дверь за Махмутом. — Они знают, что ты живешь в этом доме?

— Сюда я перешел недавно. Хозяин дома — шурин Ташена, рабочего с кожевенного завода. Осторожный, надежный человек.

— Теперь нам оставаться здесь нельзя.

В эту ночь Токаш не заснул. Он и раньше не был беспечным, но слова Махмута заставили его крепко задуматься. Надо рассчитывать каждый свой шаг.

А можно ли все предусмотреть?

В следующий вечер на квартире Березовского собралось ядро большевистской организации. Одних Токаш знал, с другими встретился впервые. Тут был с копной пышных волос, смугловатый Лука Емелев, быстрый в движениях, беспокойного характера человек. Рядом с ним сидел светлолицый Павел Виноградов, всегда серьезный, неторопливый — прямая противоположность характеру Емелева. Виноградов провел в ссылке около десяти лет, потом попал на фронт и в Верный прибыл недавно. Пришел красивый лицом Сергей Журавлев, уроженец Верного, только что окончивший школу прапорщиков в Оренбурге и теперь служивший в крепости. Пришел и давний знакомый Ташен, крупного телосложения, с густыми черными усами, еще несколько рабочих, все приблизительно одного возраста — между двадцатью и тридцатью годами. Не было только Юрьева и Овчарова.

Разговор начал Березовский. Он сообщил, что Юрьев под арестом и жизнь его на волоске. Потом он попросил Емелева рассказать, что нового в стране. Это были новости из первых рук. Емелев по телеграммам знал о победах Советской власти.

— Телеграммы, поступающие из Ташкента, читаем и тут же сжигаем в печке. От нас они тоже получают сообщения... — Помолчав, Емелев закончил: — Чувствую за собой слезку.

Журавлев, хорошо знавший настроение солдат, говорил:

— Казарма похожа на кипящий котел — не сегодня, так завтра вспенится и польется через края.. Солдаты не поддерживают атамана. Малышев знает об этом. На каждой дороге, выходящей из города, поставлены часовые. По улицам патрулируют конные. Еще одна весть — не очень утешительная: связавшись через бывшего консула в Кульдже с англичанами, атаман запросил у них оружие.

Токаш кое-что знал о делах Любы и Загорули в Кульдже и рассказал об этом.

— Загоруля — это бывший следователь? — вспомнил Березовский. — Он сейчас здесь.

— Здесь? — Токаш стиснул кулаки. Старый, за-

клятый враг! С ним придется еще встретиться лицом к лицу...

— Сила пока в их руках,— напомнил Емелев.

Виноградов молчал, погруженный в размышления.

— Прежде всего, надо освободить Юрьева,— твердо сказал Березовский.— Мы с Журавлевым обдумаем это, составим план.

— Мы должны послать всех коммунистов города к рабочим и окончательно взять их под свое влияние,— предложил Виноградов.— Вместе с тем нужно организовать в горах силу, на которую мы могли бы опереться и двинуть, когда потребуется, на город.

— Я пойду в горы! — Токаш вскочил с места. Все посмотрели на него. Березовский протянул ему руку.

— Вот это правильно. А джигиты у тебя есть?.. Пойдут они за тобой?

— Он же ездил за ними в Кульджу,— засмеялся Гашен.

Дальнейший разговор пошел вокруг Токаша. Ему давали советы, желали успеха. Связь с ним решили держать через Сагатова.

29

Токаш Бокин свил себе гнездо в хорошо знакомых горах Ушконыр, где некогда нашли пристанище Бекболат Ашекеев, а затем Жунус со своими повстанцами. В чомолганские и кастекские аулы Токаш послал нарочных, он приглашал всех джигитов, выступавших в шестнадцатом году против царя, явиться на Ушконыр. Ему хотелось видеть возле себя Жунуса, Сята, Кырбая.

Но Жунус пропал где-то в Туркестане. Сят не пришел. Кырбай явился с десятком джигитов. Вернулся Курышпай с полсотней джигитов. Были собраны единичные партизаны, до сих пор скрывавшиеся в горах. Немногие пришли на Ушконыр, но все хорошо знали, зачем пришли...

Пещера Коратюбе будто специально вырыта для повстанцев. Внутри нее тепло и светло — свет проникает через отверстие сверху.

Вновь вернулся Токаш к тому, с чего начал. Кажется, теперь пришло время довести дело до конца.

Он собрал в пещере всех джигитов и объяснил: разни-

да большая между шестнадцатым годом и восемнадцатым, который наступит вскоре. У атамана уже нет той силы. Правда, он поднял казачьи станицы, но это не спасет его. Советская власть победит и здесь.

В горах хлопьями идет снег, но снежинки тают на лету, не достигают земли. Нынче зима мягкая.

Джигиты сидят у жарко разгоревшегося костра и слушают Токаша. Лицо его обросло густой бородой — побриться некогда. На голову глубоко надвинута мерлушковая шапка. Черная кожаная тужурка плотно стянута широким офицерским ремнем. Глаза устремлены на костер. Красные языки пламени облизывают сосновые дрова. Они горят с треском и плачем. Разговор окончен. Мертвая тишина. Джигиты тоже смотрят на костер. В углу на разостланной кошме спит Курышпай, рядом с ним — еще два джигита.

Токаш отобрал этих трех для дела. Вместе с ними он намерен ночью отправиться в город. Джигиты отдыхают, а Токаш еще не сомкнул глаз. Сон бежит от него.

— Эй, Сыбан, почему не поставишь котел? Зря костер горит... — крикнул Кырбай одному из джигитов.

— А что, уже кишки начинают урчать? — со смехом ответил Сыбан. Токаш не видел его лица, но знал, что Сыбан рад упреку и сейчас начнет отрезать куски мяса. Кажется, предстоящий поход отразился на настроении джигитов, смех их не заражает, вспыхнув, он тут же гаснет.

Сыбан повесил над костром, прищипив к треноге, вместительный черный котел и положил в него добрую порцию мяса. Токаш бросил взгляд на треногу; не рухнет ли она под тяжестью котла и не останутся ли джигиты без обеда? Нет, выдержит — тренога железная.

В пещере стало темнее. Похоже, что котел поджал под себя свет. Лица сидящих джигитов стали тусклыми — будто они осунулись, похудели. Вскоре сухая сосна разгорелась ярче, издавая звонкий треск, и лица джигитов посветлели.

Снаружи донеслись голоса: «Стой! Кто идет?». Токаш быстро поднял голову. Сидящие забеспокоились.

— Узнай-ка! — сказал Токаш Сахе. Саха в одном френче выбежал из пещеры. Там он вступил с кем-то в разговор. Слышался голос Сахи и еще один — тонкий, женский... Женщина? Кто это может быть?

Ввалилась группа джигитов: среди них Токаш увидел женщину в красном бешмете и в теплой шали. Токаш не видел ее лица, но сердцем узнал: это Айгуль.

Прошло больше месяца, как Токаш не видел Айгуль. И вот она здесь, сама пришла в горы! Токаш провел ее к костру и усадил рядом с собой.

В этот момент поднял голову Курышпай, разбуженный громким разговором.

— Айгуль-жан, ты случайно, не дух? Откуда взялась? — спросил он, протирая глаза.

— Приехала, чтобы увидеть тебя, — рассмеялась Айгуль.

— Вот мучение для здоровой головы! Как будто в Кульдже не натерпелась.

— Айым, рассказывай, что нового в аулах? — спросил Токаш.

Айгуль приехала из аула не без новостей. Недавно наведаясь Джайнаков, собрал всех казахов, вернувшихся из Китая, сказал им: «Забудьте прежние помыслы, разберитесь в том, кто вам друг и кто враг. Сейчас казахи в Верном создают свое войско, образуют самостоятельное государство, становитесь с ними в один строй...» Айгуль не стерпела, выступила из-за спины отца и спросила: «Скажите, господин, где вы были, когда мы скитались на чужбине, убитые горем? Когда Токаш-агай привел людей к границе, вы не пропустили их на родину. Вот ваша помощь!.. Некоторые из джигитов подали свои голоса: «Вот, вот! Где же был он тогда?» Джайнаков спросил Сугурбая: «Кто эта невоспитанная девушка, которая так тараторит перед старшими?» Тот шепнул ему на ухо. «А-а, понятно!» — сказал Джайнаков.

А вечером одноногий Ахан прислал в аул к Айгуль свою жену: «Сугурбай и Джайнаков собираются тайком увезти Айгуль в город. Пусть будет осторожна!» — передал он. Конечно, что хорошего ждать от ненавистного Сугурбая, он еще тогда, до войны, хотел насильно взять ее в жены. Но теперь цель у них была другая. Возможно, похитив Айгуль, они хотели расставить сеть для Токаша. Вот почему Айгуль явилась в горы.

Токаш почувствовал себя в затруднительном положении. Оставить Айгуль в горах нельзя. Неизвестно, сколько они еще проживут тут, со дня на день надо ожидать

нападения врага. Если Айгуль погибнет, разве не Токаш будет повинен в этом?..

Сыбан снял с костра котел, стал вынимать сварившееся мясо. Джигиты засучивали рукава и доставали из карманов складные ножи.

* * *

В ту ночь Токаш с тремя джигитами отправились в город.

Ночь темная, ничего не видно. Луна еще не взошла. Воет ветер, захватывая дыхание. Копыта коней, постукивают о каменистый грунт.

Токаш едет на серьезное, ответственное дело. Прибыл от Березовского Саха и передал: «Явиться с тремя надежными джигитами. Будем освобождать Юрьева».

По сведениям Журавлева, атаман держит Петра Алексеевича в подвале своего штаба. Каждый день допросы и пытки — атаман требует выдачи всех большевиков. Юрьев страшно ослабел. Нельзя медлить.

В полночь они подъехали к городу. Не надеясь на пропуск, оформленный Журавлевым, пробирались окраинными улицами. На копыта коней были надеты заранее приготовленные войлочные башмаки.

Подъехали к Весновке. Токаш спешил и пошел к домику Березовского один. Березовский за это время узнал о многом. Журавлев точно установил, что Юрьев сидит в секретной камере под зданием штаба. Мусульман в городе пока не так преследуют, как русских, которым не дают и шагу шагнуть — каждый на подозрении.

— В таком случае, надо использовать алаш, — сказал Токаш и изложил созревший план. Березовский одобрил...

Два джигита с лошадьми спрятались на окраине города. Токаш и Курышпай перебрались к Махмуту.

На другой день Березовский встретился с Журавлевым, а Курышпай привел к Токашу в дом Махмута «алаш-ординцев» — Ораза, Жакупбека и Абдуллу.

— Какая польза от того, что мы находимся в войске алаша? — спросил недовольно Ораз, он высказывал тревожившую всех троих мысль: зачем оставлять пятно в будущей жизни? Лучше они пойдут с Токашем в горы.

— Найдите бумагу с печатью алаша! Еще нужны

четыре нарукавных знака! — сказал Токаш. — Вы окажете большую помощь, друзья!..

Не говоря ни слова, Ораз достал из нагрудного кармана узкую бумажку с печатью и кивнул Жакупбеку. Тот вынул нарукавную повязку с изображением полумесяца.

Стало понятно: они готовились к побегу в горы и эти знаки были припасены для того, чтобы не задержали на дороге конные патрули.

— А кони у вас есть?

Коней у них пока не было.

— Найдем! Я заметил, к Закиру во двор заехали три верховых казаха — сказал Ораз.

Токаш засмеялся.

— А если это — бедняки, приехавшие на базар?

— Закир к себе не пускает бедных. Они и сами не показываются к нему. Эти приехавшие такие толстые, что сразу видно, что за птицы.

Токаш наказал им вечером явиться на конях.

Затем он написал на бумажке с печатью удостоверение, присвоив себе звание сотника, внизу поставил подпись Джайнакова и позвал Махмута.

— Маха, ты должен послужить делу мусульман.

Махмут посмотрел на него исподлобья.

— Говори!

— Тебя мы схватим на улице, свяжем руки и доставим в штаб атамана. На теле оставим следы легких побоев. Не спрашивай, зачем!

Махмут надул губы и в раздумье обвел Токаша взглядом.

— А если атаман свернет мне шею?

— Ради мусульман попадешь в рай! — пошутил Токаш.

— Не лучше ли будет, если вместо меня найдешь другого мусульманина, хотя бы того же Закира.

— Соглашайся, Маха. Я подарю моего серого скакуна или найду такого же коня. Дай руку!

Махмут лениво протянул руку.

Токаш куда-то исчез. Оставшись один, Махмут задумался. Что намеревается делать Токаш? Уж не хочет ли выкрасть самого атамана? Тогда Махмут продешевил, приравняв голову атамана к серой лошади.

Что это, жадность заговорила в Махмуте? Нет, рас-

чет, беспокойство прежде всего за свою шкуру. Не так уж беден Махмут. Он может купить не только хорошего скакуна, но и большой дом. Да вот приходится жить пока в этой халупе — такое уж время, ненадежное, тревожное...

Когда штаб Малышева переезжал в новое здание, в один из губернаторских домов, Махмут — кучер атамана — чистил конюшню для выездных лошадей. Там, в укромном месте, он наткнулся на клад — нашел золото. Он хорошо спрятал эту кучу монет и до сих пор не решился пустить хоть часть их в расход. Все сразу удивятся — откуда у Махмута такие деньги? — и заподозрят неладное.

Нет, надо выждать, посмотреть, кто возьмет верх — богатые или бедные? Если верить Токашу — победят бедные; если верить атаману, Закиру — все по-прежнему будет у тех, кто владеет золотом. Махмут в любом случае не прогадает. Вот только не попасть бы в беду с этим Токашем?

* * *

Вечером, когда жители города разошлись по домам и движение по улицам прекратилось, семь всадников в форме алаша вели к штабу арестованного. Редкие встречи не обращали особого внимания на эту процессию. Уж такое беспокойное время: аресты и конвоирование — обычное явление в городе.

Всадники пригнали Махмута в штаб. Часовые, держа оружие наперевес, преградили им дорогу.

С коня прыгнул сотник и выступил вперед.

— Вот мое удостоверение, — показал он бумагу. — А это мои солдаты. Мы привели сдать вам большевика...

Часовые пропустили их. Оставив коней у крыльца, конвоиры повели арестованного в штаб.

— Курьш, Смак, вдвоем караульте вход! — тихо приказал Токаш.

Шедший впереди всей группы Ораз пинком открыл дверь. Навстречу вышел дежурный офицер.

— Давай, сажай вот этого! — Токаш вплотную подошел к офицеру. — Мы солдаты алаша. Я — сотник.

Растерявшийся офицер — он был очень молод — потянулся к телефону. Токаш отстранил его руку.

— Быстрее. Нам некогда... Открой камеру!

— Пожалуйста!— пробормотал офицер.

Вышли во двор, по ступенькам спустились в подземелье. Офицер крикнул:

— Эй, Покудин!— Оттуда выбежал Иван, назначенный сегодня на дежурство стараниями Журавлева.— Открой!

Пока солдат открывал дверь, Жакупбек, стоявший сзади офицера молниеносным движением заткнул ему рот платком; Ораз и Абдулла скрутили его и втащили в камеру.

— Петр Алексеевич!— крикнул Токаш. В ответ — ни звука. Покудин поднял над головой фонарь. В углу, обняв колени, сидел Юрьев — живой труп.

— Ораз! Жакупбек! Вынесите на руках!

Юрьева подняли, понесли. Токаш, подмигнув Абдулле, произнес, чтобы слышал офицер:

— Расстреляй этого атаманского прихвостня!— и указал на Махмута.

— Зачем еще тратить пулю,— выходя, ответил Абдулла.

Покудин повесил на дверь замок.

На свежем воздухе к Юрьеву вернулось сознание. Он открыл глаза, протянул Токашу дрожащую руку.

Ехать на коне он, конечно, не мог. Что делать?

Неся Юрьева на руках, они вошли в комнату, где перед этим сидел офицер. Токаш вынул кинжал и перерезал телефонный провод.

— Разоружить и связать!— кивком головы он указал Покудину и Оразу на наружную охрану.

Часовые вначале не могли сообразить, что произошло. В один миг они оказались связанными.

Юрьева посадили в седло к Курышпаю.

— В путь!— скомандовал Токаш и поднял на дыбы серого скакуна.

30

Громадный пустой дом навевает скуку. Добродушная Петровна, приготовив и собрав на стол завтрак, ждет хозяина. Андрей Васильевич расстроен: Глафира совсем не пишет. В единственном письме она назвала свой отъезд «ссылкой» и потом замолчала. Видно, хочет показать, что из ссылки не пишут писем. Ну, характер!..

Атаману не удалось спокойно позавтракать: под окном проскакал всадник и остановился у ворот. Что еще там случилось. Атаман уставился на дверь. Вбежал адъютант.

— Господин атаман, на штаб напали повстанцы, освободили заключенного Юрьева. Вместо него заперли дежурного офицера и вашего кучера Махмута.

Малышев долго не мог ничего сказать.

— Махмут?! Как он попал туда?— атаман спросил первое, что пришло в голову.

— Говорит, что его поймали на улице, избили, связали руки и пригнали в штаб.

Широкой ладонью атаман ударил по столу. Фарфоровая посуда жалобно зазвенела:

— Ложь! Я знаю, чье это дело.

Ничего не понявший адъютант стоял на вытяжку.

— Коней! — приказал атаман.

В штабе переполох. Из-под самого носа выкрали заключенного. Плохо дело! Все в штабе почувствовали под собой пороховой погреб...

К Малышеву привели из камеры дежурного офицера и Махмута. Они поочередно, дополняя друг друга, рассказали о том, что случилось ночью. Оба дрожат — оба хотят жить: может быть, и приврали немного, но выложили так правдоподобно, что не верить было нельзя.

— Эй, Махмут, несмотря на твое вероисповедание, я пригрел тебя. Что же ты, оказался волком, кидающимся на мать? — атаман говорил на чисто казахском языке, произнося каждое слово с особой четкостью, и испытующе смотрел на Махмута. Махмут разорвал рубашку и обнажил грудь: стали видны синяки, кровоподтеки.

Нет, Махмут не врал, офицер — тем более. Атаман приказал освободить их.

* * *

В тот же день Малышев поехал в станицу Талгар. Он почувствовал, что земля начинает уходить из-под ног: ни казаки в крепости, ни войско алаша не стали для него прирученной хищной птицей. Уполномоченный, посланный на Дон, приехал с сообщением: «Дни существования Советской власти сочтены. Генерал Деникин собирает войска на Дону и на Кавказе и скоро двинет их на

Москву». Да, только казаки — первая опора, но их здесь мало. Сегодня атаман хотел обрадовать казаков Талгара, Каскелена и Кастека, передать сообщения с Дона, воодушевить их.

В доме талгарского атамана собрались наиболее зажиточные казаки. Они заверили Малышева, что всегда готовы к бою. Только вот огневого оружия и боеприпасов мало. Малышев сообщил, что английский консул в Кашгарии обещал прислать оружие, повторил, что между донскими и семиреченскими казаками достигнуто соглашение.

— За старую милую Россию, за русского царя не пожалеем нашей крови! — выкрикнул Малышев, сжимая фес шашки.

— Отвадим до последней капли! — взревели казаки. Вспомнив прежние времена, они засучивали рукава, хватались за сабли. Андрей Васильевич верил в них, и эта вера помогла ему успокоиться.

В тот день в Талгаре оказался и Закир, приехавший по своим торговым делам. Малышев возвращался в город вместе с ним. Они поехали в одной повозке.

— Закир-аксакал! — атаман пошире раскрыл ворот шубы из волчьего меха, повернул голову, — ты слышал о чуде прошедшей ночи?

— Нет. А что это за чудо? — по виду, Закир и в самом деле ничего не знал.

— Группа алашских солдат совершила налет на штаб и выкрала политического заключенного Юрьева.

Закир засмеялся, вздрагивая всем телом.

— Это, наверно, Бокин...

— А считает ли господин Джайнаков своих солдат? Все ли они на месте?

— Вчера были все. Если только не растерял сегодня.

— Я не трогал их из уважения к казахам, разрешил поднять свой шанрак. Они не оценили моего великодушия. Приходится заменить великодушие суровостью, — слово «суровость» Малышев произнес с особым упором, оно означало: «Раздавлю всех неугодных». Закир это понял и стал выгораживать себя. Но атаман не слушал его. Языком он хлестал не хуже нагайки.

«Долг платежом красен» — говорят в народе. Когда-то Малышев не угодил губернатору из-за этого Закира. Когда Фольбауму заявили, что «Закир ограбил народ»,

атаман заступился за него. Что же, и теперь он ради Закира должен терпеть проделки Джайнакова? Если капля за каплей будет падать беспрестанно на одно и то же место — не выдержит и камень. У терпения есть свой предел. Пусть теперь никто не ждет от атамана благосклонного отношения. В Семиречье не должно быть двоевластия! Нечего успокаивать себя Кокандом. Известно, что сделали с Кокандом большевики — спалили, а пепел развеяли по ветру.

— Когда? — спросил Закир дрогнувшим голосом. Он действительно не слышал об этом.

— Недавно.

Закир замолчал...

Резвые кони быстро докатили их до города. Разговор больше не возобновлялся.

31

Заседание, которое два месяца тому назад из-за вмешательства Бокина приняло неожиданный оборот, Ибраиму не хотелось вспоминать. Вернувшийся из Талгара Закир передал слова атамана. Джайнаков снова собрал комитет и поставил на голосование предложение Закира. «Алаш поддерживает и подчиняется военному правительству казачества». Сят не стал голосовать и покинул заседание. Ушли представители Сартаукумской и Жайлимисской волостей, а также некоторые городские мещане, уважающие Сята.

Вскоре Закир и Ибраим доставили в штаб Малышева постановление алашского комитета. Джайнаков преподнес атаману халат с позументом, тогда же к дому атамана подвели прекрасного иноходца под серебряным седлом.

— Прими, наш хан! — улыбаясь, произнес Закир.

В тот же день атаман даровал Джайнакову чин полковника. Командование над войсками алаша атаман взял в свои руки.

Так завершилось предательство...

* * *

Присвоение Джайнакову высокого чина разожгло в сердце Габдуллы огонь зависти. И до этого у них была

взаимная неприязнь из-за Бикен. Габдулла решил уехать в Пишпек. Он зашел к баю Кардену, чтобы высказать свою обиду. Бай и раньше не отталкивал от себя Габдулла, наоборот, старался всячески показать свою доброжелательность.

В тяжбе с одним киргизским баем Габдулла ухитрился выиграть дело в пользу Кардена. Карден хорошо запомнил эту услугу. Он стал опираться на Габдулла. В торговле не обойтись без споров. В одной из схваток Габдулла опять сумел показать себя. Вслед за этим он дал знать баю насчет Бикен, Карден не возражал. Но самая младшая, к тому же избалованная дочь не послушала отца. В это время умерла средняя дочь — жена Ибраима, число поклонников Бикен умножилось. Какенову трудно соперничать: он человек семейный. И все же не терял надежды увезти Бикен в Пишпек.

В последнее время Габдулла, руководя войсками алаша, возвысил свое имя. Если бы ему удалось накрепко связаться с Кокандом, то он как «командующий войсками алаша» стал бы повелевать всем Семиречьем. Но что поделаешь?

Какенов уважает одну хорошую черту в характере Кардена — этот бай не лезет в политику. Не такой проныра, как Закир. Карден шелкал себе на счетах и набивал свой карман. А политикой пусть занимаются Закир и Ибраим, они не забудут и его, Кардена... Одним словом, Карден хладнокровный человек. Но Габдулла знал, что за этим хладнокровием скрывается страшное упорство и жадность — Карден своего никому не уступит. В нужный момент он может крепко укусить: зубы у него — волчьи клыки. Отчасти надеясь на мертвую хватку этих клычков, Какенов и решил поведать баю свою обиду.

— Как говорят, пока имеешь разум — возвратись в родные места. Собрался уезжать в Пишпек и зашел прогнуться с вами! — сказал Габдулла Кардену после взаимных приветствий.

— Да что же, голубчик, случилось?.. Стремления были у вас добрые. Мы прямо-таки любовались вами.

— Нет ага, у нас нет единства. Где уж тут говорить о самостоятельности народа.— Какенов подробно рассказал о всех дразгах, ссорах и сплетнях, имевших место в комитете, ловко раскрыл все карты свояков — Закира и Ибраима и этим устыдил старика. Бай попал в нелов-

кое положение, он даже вспотел, не зная, верить или не верить Какенову.

— Боюсь, голубчик! Плохие сны снятся... Как бы мы не влипли в беду. Чего им не хватает — Закиру и Ибраиму?

Какенов решил закинуть удочку насчет Бикен.

— Мне кажется, господин Ибраим смотрит на меня с ревностью... У нас с вами был незначительный разговор, Ибраим, видимо, об этом...

Опытный бай понял сразу.

— Голубчик, для меня вы оба близкие люди. Время сейчас трудное. Вражда нарушает покой народа. Право выбора я отдал Бикен. Пусть решает сама...

Какенов поморщился и беспокойно вытянул длинную шею. Из другой комнаты послышался голос смеющейся Бикен. Надо бы встретиться с Бикен и узнать о ее намерениях.

После небольшой паузы Какенов ответил баю.

— Конечно, если Бикен изберет господина Ибраима, я не буду возражать. Но надо решить по справедливости, и чтобы не было сплетен.

— Ну, сплетни! Стоит ли обращать внимание. Говорят, обиделся на вшей — не бросай шубу в огонь... Оставь пока Пишпек. Все разберем как-нибудь сообща! — сказал Карден.

Дальше этого разговор не пошел. Жена увела бая, сказав, что кто-то вызывает его во двор. Воспользовавшись этим, Габдулла постучался в дверь комнаты Бикен.

Перед высоким зеркалом стояла она в кругу подруг и примеряла бобровую шапку. Веселый, задорный смех перемежался с острыми шутками. Но Бикен была чем-то недовольна, ее темно-голубые глаза не улыбались. Остановившийся у входа Габдулла смотрел на отражение девушки. Та тоже увидела его в зеркале и, не обернувшись, кивнула головой.

Габдулла подошел ближе.

— Бикен, вы куда так наряжаетесь? Прямо как запевала «Жар-жар»...

Габдулла давно не видел Бикен. Изменилась. Груды округлились, талия стала еще тоньше. На лице какая-то тень. Это след печали, затаенной в глубине сердца, может быть, отпечаток тайны...

Смех девушек стих, Бикен с опозданием ответила на слова Габдуллы.

— Говорите — «Жар-жар»? А может быть, просто, Габдулла-ага, голодной курице просо снится!.. — В голосе ее чувствовался холодок. А девушки опять развеселились:

— Если агай хочет слышать «Жар-жар», пусть устроит той!

— И приготовит, как это водится, подарки.

— Подарки — в кармане. Я готов...

В глазах Бикен блеснули искры гнева. Она круто повернулась.

— Оставьте шутки! Мы готовим вечер в «Доме свободы». Надо спешить, девушки!

— Э, я ведь тоже собирался туда! — произнес Габдулла, умышленно не замечая холодности Бикен.

— Значит, там и встретимся, агай! — ответила она.

Хотя Габдулла старался держать себя уверенно и спокойно, он вышел из комнаты подавленный, поняв окончательно, что девушка не думает о нем. Красивые слова, золотые обещания, приготовленные и обдуманые заранее, — все они улетели из головы, как вспугнутые птицы. Странно — Габдулла зрелый мужчина, повидал жизнь, умеет вести себя с женщинами, но перед Бикен — как неопытный юноша...

Он вышел на улицу. Мысли вернулись к Ибраиму. Если вместе с Салимгереем изгнать Закира с Ибраимом из комитета и взять весь алаш в свои руки? Потом сговориться с атаманом, а потом...

Перед чайной на привязи стояли оседланные кони. Через окно Габдулла увидел: на полу, вокруг разостланной скатерти, сидела за чаем группа киргизов. Он завернул в чайную.

— Здравствуйте!

Киргизы беспокойно оглянулись и прервали разговор. Среди них Габдулла узнал Калдыбая — пишпекского торговца.

— Откуда едете, Калдеке?

— Из айла, — ответил тот по-киргизски. — В горах опять появилось много беглецов. Что за время настало! Неужели мы такие беспомощные? Где алаш?

— Что это за беглецы?

— Говорят, тот же Бокин. Опять в горах собирает

ополчение... Из-под Пишпека киргизские джигиты бегут к нему.

— Не придавайте этому значения, Калдеке! Руки у них коротки. Достаточно одной пушки атамана. — Габдулла отвечал успокаивающе, рассеивая их страх. Но внутренне сам похолодел. Бегство трех юношей из войска — пятно на лице алаша. Вот куда они скрылись!.. Ибраим когда-то говорил: «Не найдешь казаха, который будет сторониться алаша. Бокин? Он не казах, он крещенный». Почему же сегодня казахи перелетают в горное гнездо Бокина?

Погруженный в свои мысли, Габдулла вышел из чайной. Надвигалась темнота — надо торопиться: как бы не схватил патруль. Возле зеленого базара он увидел Загорулю. Тот тоже узнал Габдулла.

— Никак, Какенов! — Они пожали друг другу руки.

— Сколько лет, сколько зим, говорят в народе. — Загорулю Какенов знает с тех пор, когда тот служил помощником прокурора, они встречались не раз в разборе судебных дел. Выражение лица Загорули никогда не меняется, уставится глазами — и все. Трудно догадаться, о чем он думает.

— В какую сторону направились? — спросил Загоруля.

Какенова осенила одна мысль: «Что если направить Загорулю против Ибраима?» Он пригласил офицера выпить, но повел не к себе, а во второй дом Закира, хорошо зная, что хозяина там нет — он опять уехал в аулы по торговым делам.

Дверь открыла вторая жена Закира, Насима-ханум. Габдулла одобрял образ жизни Насимы. Хоть она и зовется женой Закира, но тот заходит к ней только по делам торговли. Насима — сестра известного в городе торговца Бурнашева. После смерти отца имущество его разделили между детьми, а во владение Насимы перешел магазин. Своим хозяйством Насима управляла сама и жила по-своему. Закир лишь при стычках с такими крупными торговцами, как Габдуалиев и Пугасов, прибегал к помощи Насимы, состояние которой помогало ему в конкурентной борьбе с миллионерами. Насима — полная молодая женщина, в расцвете сил, строго следящая за собой. Сегодня с утра она ждала Габдулла, предвкушая радость встречи, сияла, чувствовала прилив счастья.

Но скоро этот прилив спал. Опоздание Габдуллы обидело женщину. Поэтому она встретила его не особенно радостно, а на Загорулю даже не взглянула, лишь вежливо пригласила к столу. Гости изрядно выпили «алашского» вина, изготовленного в Венгрии, Загоруля скоро опьянел, начал болтать, но только не то, чего хотелось Габдулле.

— Ну, как дела? Как думаете жить дальше? — допытывался Какенов.

— Что значит «как жить»? Мы не алаш-орда, которая не знает, на что способна, — произнес Загоруля, опрокинув в рот еще бокал «алаша».

— Посмотрим, однако, будет ли ваш атаман хватать звезды с неба, — осторожно заметил Габдулла.

— Еще увидите... Когда британский лев придет в Семиречье и гаркнет здесь, держитесь крепко... Смотрите не напустите... — Загоруля повернулся к Насиме: — Вы простите, если сказал лишнее — это в порядке шутки.

— Прекрати, Загоруля!.. Не болтай, что попало! — прикрикнул Габдулла. Насима встала и ушла в другую комнату.

— Что, не нравится? — продолжал Загоруля. — Правда глаза колет?.. Не я делал доносы полицмейстеру Поротикову о том, что здесь насмеваются над царем, обзывают его «Кара» — «черный», «Узак» — «длинный»...

Габдулла не удержался и с размаху ударил его по лицу — на тебе донос! Загоруля качнулся назад и рухнул вместе со стулом.

Габдулла схватил его за ворот, выволок из комнаты и пихнул с лестницы. Едва он успел закрыть дверь, как раздался выстрел. Пуля, отбросив щепки, просвистела возле уха Габдуллы. Вбежала перепуганная Насима.

— Зачем ты привел этого нечестивца? Чтоб ему лопнуть!..

Если Загоруля будет еще стрелять, то Габдулла ответит тем же — он вынул револьвер и стал возле двери, подал знак Насиме — «выйди!»

За дверью было тихо.

Зачем Загоруле поднимать шум, следует ли показывать себя перед атаманом пьяницей и дебоширом. Се-

годня он хватил лишнее. Кружилась голова, пришлось прислониться к забору. И хотя он, был сильно пьян, но все помнит, сознания не терял. Что же он сказал такого Габдулле? Чего он так разозлился? Это ведь не ложь. Сам он писал... Ладно, придет время — рассчитаемся.

На свежем воздухе голова прояснилась. Загоруля пошел домой. А утром как ни в чем не бывало принялся за служебные дела.

По возвращении Загорули из Кульджи атаман взял его к себе на службу, поручил особо секретные дела. Но в штабе об этом не знают. У Загорули нет военной формы, поэтому офицеры с ним не считаются. Сегодня заявился Яшайло, он опять чего-то не договаривал.

— Если сказать всем: можно грабить город! — за час ничего не осталось бы. В первую очередь расправились бы с этим штабом. Спросишь — почему? Обозлены до предела. Конечно, без ветра трава не колыхнется. Есть люди, вносящие смуту и разлад, — заключил Яшайло.

— Кто? — Загоруля взял ручку.

Яшайло сделал небольшую паузу — губы искривились в улыбке. Это означает, что Загоруля поспешил с вопросом.

— Одного из них видел своими глазами. Среднего роста, с красивыми усами. Бывает в крепости. Удивляюсь, как он проходит через ворота. Вчера попался мне навстречу, я, кажется, узнал его.

— Кто же он?

— Тот, который вернулся из Сибири.

— Березовский?

— Я подумал, что он.

Глаза Загорули засверкали. Вскочил и обратно сел.

— Еще кто?

— Рабочий с почты-телеграфа, кудрявый такой... Вчера ушел в Каскелен.

— Откуда узнал?

Яшайло засмеялся. Загоруля опять допустил оплошность. Смех Яшайло звучит как издевка над неопытным сыщиком.

— Почему же бежал этот кудрявый? Подозревает что-нибудь?

— Иначе разве бегут?

Опять в душе досада: Загоруля неумелой слезкой сам спугнул Емелева.

Яшайло стал зевать — это значило, что говорить ему больше не о чем. Загоруля попрощался с ним и записал сообщения. Надо донести атаману. Но прежде нужно побриться, привести себя в порядок, чтобы не было следов вчерашнего пьянства.

Загоруля вошел в кабинет Малышева без стука — такая была договоренность с атаманом. Крепко прикрыв за собой дверь, повернулся к атаману и увидел, что у него посетитель. Возле стола сидел Яшайло. Вот тип!

Малышев сурово произнес:

— Кстати пришел. Садись!.. Разговаривал с Яшайло?

— Так точно!

— Есть у него одна новость. Яшайло сообщил мне... Теперь понятно: хитрый дунганин хочет выслужиться перед атаманом, он не все сказал Загоруле.

Атаман продолжал:

— Мой кучер Махмут оказался нечестным человеком. К нему тайно приезжают люди с гор. Как ты думаешь, можно этому верить?

— Трудно сказать изверняка. Может, приезжали из аулов...

Загоруле не хотелось поддерживать Яшайло. Если бы он не утаил этого, а рассказал бы Загоруле сам — тогда другое дело.

Яшайло бросил на него злобный взгляд. Атаман сказал сухо:

— Это возможно. Яшайло, ты продолжай свое дело...

После ухода Яшайло Малышев захватил в кулак свою бороду и задумался.

— Нечестность Махмута ясна. Но... не спутав по ногам, нельзя снимать с него узду. — Атаман часто прибегает к казахским поговоркам. — Нужно испытать его на деле. Если оправдает надежду — друг. Обманет — наказание известно...

— А если убежит?

— Когда-нибудь попадется... Но надо установить за ним слежку, чтобы он не смог сбежать. Ты найди мне Березовского! Из-под земли достань!

— Будет сделано. Емелев сбежал в Каскелен...

Атаман ударил рукой по столу.

— Неспроста он ушел туда. В Каскелене у меня больше врагов, чем друзей. Рядом с Каскеленом — Чемолган, там много родственников Бокина. Это опасная прогулка... Ты думаешь, я всех там гладил по голове и никому не дал щелчка по лбу?

— Что же тогда прикажете делать?

— Выследить его, взять. Он тебя узнает?

— Возможно.

— Тогда трудно... Хотя ночью, в темной станице, кто может узнать? Если нужно место, чтоб скрыться, иди в церковь. Достаточно назвать мое имя духовному отцу. А где твое оружие, которое обещали послать?

— Подождем эту неделю. Если не прибудет, пошлем в Кульджу нарочного. Люба не сидит сложа руки. Только как бы не раздумал британский лев.

— Неважные дела... Есть опасение, что красные из Ташкента пойдут в наступление. Последние сообщения заставляют думать об этом... Ну, иди! Желаю успеха! — Малышев встал и протянул руку.

Из штаба Загоруля вышел вялый, угрюмый. Но ничего не поделаешь — надо отправляться в путь.

33

Петр Алексеевич хотя и отдохнул в горах, но прежняя жизнерадостность к нему не вернулась. Чувствовал, что привязалась болезнь. Кашель не дает закрыть рта. Если бы Токаш не выручил, Юрьев не перенес бы тюремных мук; с каждым днем таяли силы и он дошел до такого состояния, что не мог даже встать на ноги. Спасибо Токашу — вырвал прямо из могилы.

Петр Алексеевич помогал Токашу в горах советом, каждый день беседовал с повстанцами.

Строптивный Токаш, кроме Юрьева, никого не слушался. Даже с Березовским не раз вступал в спор. Неосторожный, рискованный человек. Зная характер Токаша, Юрьев незаметно предостерегал его, удерживал от опрометчивых поступков.

По свету, падавшему в пещеру, Юрьев определил время. Опираясь на палку, вышел наружу. Около пещеры множество шалашей и землянок. Поднимающийся от костров дым не может выбраться из ущелья, снова

спускается на землю. Люди готовят обед, иные собирают на склонах гор хворост для костра.

Токаша не видно. Где же он? В последнее время количество бежавших из аулов и примкнувших к Токашу джигитов резко увеличилось. Пришли они с пустыми руками. Оружия нет. Что если атаман пошлет сюда сотню казаков? Она уничтожит всех. Может быть, Малышев пока не считает повстанцев боевой силой? Или готовит какой-то новый ход?

Вот эти мысли и беспокоят Юрьева. Пока не застали тут врасплох, надо действовать. Для этого нужно оружие. А где его возьмет Токаш?

Два всадника поднялись снизу к пещере. Юрьев узнал Токаша и Саху. Внизу, у подножья гор, Токашем выставлены дозоры. Никто не минует их. Там же собираются все сведения о положении в городе. Токаш, видимо, ездил к дозорным.

— Петр Алексеевич! Письмо! — крикнул Токаш. — Посланный вчера джигит вернулся из города от Александра Петровича...

В пещере Юрьев долго читал письмо, написанное карандашом на тонкой бумаге. Буквы мелкие, похожи на мышьиные следы. Потом прочел его вслух.

...«Положение города тяжелое. Хлеба нет. Ежедневно обыски, аресты. Ищут нас.

По сообщениям из Ташкента — на скорую помощь надеяться нельзя. Пусть народ решит сам, — таков смысл сообщения, — если считают атамана терпимым, пусть пока терпят, если нет, действуйте своими силами, откройте народу глаза...

На заседании комитета назначим день. Тот день решит нашу судьбу: или умрем, или победим. О дне выступления сообщу дополнительно.

Журавлев находится среди солдат в крепости. Там организован подпольный солдатский комитет.

За Лукой следили, вот-вот должны были арестовать, но он успел скрыться. Он отправился в сторону Каскелена. Его характер ты знаешь: бесстрашен, любит ходить по лезвию ножа. Такой же упрямый, как твой Токаш. (Токаш и Саха засмеялись).

...Он намерен найти среди казаков настроенных против атамана и использовать их. Работа среди казачест-

ва очень рискованная. Посодействуйте, чтобы он не попал в лапы врага.

Теперь вам такое задание: из Кульджи атаману отправлено оружие. Кажется, послали его царский консул и английский консул в Кашгарии. В эти два-три дня обоз должен пересечь границу. Во что бы то ни стало перережьте путь. Оружие не должно попасть врагу!

Р. С. Когда заканчивал это письмо, получил очень неприятную весть: арестован Овчаров.

25 февраля 1918 года».

Не говоря ни слова, Петр Алексеевич поочередно посмотрел на Токаша и Саху. Токаш встал, прошелся и опять сел.

— Оружие мы перехватим. Я поеду сам.

— Это дело очень важное. — Петр Алексеевич не высказал возражений. — Смотри, как вовремя написал Александр!

* * *

Токаш вышел из пещеры и оглядел лагерь. Среди готовящих обед он искал Айгуль. Ее поблизости не было. Токаш стал медленно подниматься вверх. Вокруг — горы, похожие на верблюжьи горбы. Внизу — пропасти, по краям заснеженные деревья.

Куда ушла Айгуль? Апырау, как бы не в Чемолган! Вчера вечером вспоминала отца, говорила: «Сходить, что ли...». Токаш не придавал значения ее словам, пошутил: «Если хочешь, иди, — ты легка на ногу». Может быть, и ушла. Но почему не посоветовалась, не предупредила. И с кем могла уйти? Токаш сожалел и обвинял сам себя! Беспечность! Ведь Айгуль может попасть в руки врага!

Правда, Айгуль умная девушка, но она пока не избавилась от детских привычек.

* * *

После ухода Айгуль в горы, Сугурбай намеревался арестовать Аянбека, но Аянбек не испугался — ему слово, а он в ответ — два. Сугурбай, видимо, думал, что казачи будут теперь боязливыми, не решатся, как говорят,

взять траву изо рта барана. Ничего подобного! Люди озлоблены, — сразу кидаются царапать лицо. В защиту Аянбека поднялись возвратившиеся из Китая джигиты, да и Сят нахмурил брови...

Стосковавшийся по дочери Аянбек несказанно обрадовался ее приезду. На охоте во время последней пороши он застрелил четыре лисицы и из их шкурок намеревался сшить для Айгуль нарядную шубку.

— К свадебному тою будет готова, — сказал добродушный Аянбек, не замечая смущения дочери.

— Вы не отделаетесь только одной шубкой, — заметил Курышпай, поблескивая глазами. — Зять-то не особенно тепло одет.

Жакупбек, не осведомленный об отношениях между Айгуль и Токашем, часто поглядывавший в горах на девушку, спросил удрученно:

— А зять уже есть?

Курышпай начал изводить его шутками. Вспыльчивый Жакупбек чуть не кинулся в драку. Айгуль вовремя успела изменить тему разговора.

— Правда, что Сугурбай стал начальником в городе? —

— Они собрались вокруг этого алаша-малаша, что ли, как стервятники над падалью, — плюнул Аянбек.

— Кто же теперь волостным управителем? Ведь Ахану пришлось отказаться от должности комиссара.

— Снова хотели избрать Сята, но он сам не захотел. Народ рад, что Сугурбай уехал в город. Житья не давал, подлец. Только и знал — посылать своих приспешников собирать налоги. Хорошо, что он забрал их всех с собой.... Ну, а сами вы чем занимаетесь в горах? Ни слуха, ни духа... Айгуль-жан, тебе надо совсем вернуться домой. Теперь нет Сугурбая.

К Аянбеку снова вернулось добродушие. Он, кажется, доволен сегодняшней жизнью. Этот человек и раньше был не особенно прихотливым. Что нужно казаху-охотнику с широкой вольной душой? Был бы добрый конь, а в руках ружье — и он может не возвращаться в аул целое лето, может спать под открытым небом и готовить себе пищу на костре. Пусть разваливается домашнее хозяйство — заниматься им неохота и некогда. После смерти жены Аянбека все заботы по хозяйству перешли к Айгуль.

Айгуль ничего не ответила отцу — может быть, еще не решила, надо ли возвращаться, а может, потому, что разговору их помешали. В дом Аяибека повалили гости. Разговор пошел о том, будет ли атаман Малышев, забравший власть, мстить за шестнадцатый год. Говорят, что в Кастеке и Узун-Агаче казахам не дают проехать по улицам, избивают и отбирают коней. Мельник Тыртышный кричал: «В шестнадцатом году казахи поломали мою мельницу, я припомню теперь!» Приехал в аул на Айнабулаке и затеял драку. Где же Ибраим Джайнаков, где его алаш? Почему не заступаются?

— Мы надеялись только на Токаша, но и он сбежал в горы и прячется там. Передайте ему нашу просьбу: пусть приедет, укажет нам пути! — сказал хромой Ахан

34

Перед самым отъездом Айгуль вдруг решила остаться в ауле. Оказавшемуся на тот случай Курышпаю сказала:

— Передай привет Токе, пусть не обижается. Пусть добивается своего. Я буду его ждать.

Вечером Курышпай и Жакупбек поскакали в горы. По пути заехали в Чемолган. Иван давно ждал их. Продрогшие джигиты решили отогреться в его доме.

— Кого я видел в Чемолгане? — гости еще не успели раздеться, как Иван уже рассказывал. — Загорую!

— Да что ты! Откуда он взялся? — Курышпай посмотрел на Жакупбека.

— Кажется, вслед за нами и он пожаловал сюда. Сейчас только слышал от соседа: говорят, он ищет кого-то...

— А что, если мы положим его поперек седла и привезем к Токашу? — предложил Курышпай.

Жакупбек любил дела с необычными приключениями. Предложение Курышпая он встретил с превеликим удовольствием. Вот где можно показать себя. Лишь бы Покудин не стал возражать. Но и Покудин воскликнул:

— Вот это придумал! — и, накинув на плечи полушубок, выскочил из комнаты. Курышпай не успел даже сказать «постой!».

Жакупбек подивился Курышпаю: смея, находчив, хо-

роший певец, веселый, жизнерадостный парень, как говорится, мастер на все руки. Другому такое предложение и в голову не придет, и во сне не приснится.

Они не успели выпить по чашке чаю, поданного матерью Ивана, как возвратился он сам.

— Загоруля отсюда собирается поехать в Каскелен, Я все разузнал через людей. Уже запряг лошадь...

Они торопливо вышли во двор. Лунная морозная ночь. Далекый Ала-Тау окутан мглой. Подтянув покрепче подруги, они верхом обогнули село и выехали на торную дорогу. Отмахав крупной рысью верст десять, по команде Курышпая придержали коней. Дальше дорога исчезала в лесу.

— Подождем здесь, — сказал Курышпай.

— Он один? — Как ни радовался Жакупбек подвернувшемуся случаю, но теперь начал волноваться.

— С ним сосед.

Курышпай свернул с дороги, углубился в лес. Вслед за ним вели коней в поводу Жакупбек и Иван. Курышпай изложил свой план. Иван одобрил его. Жакупбек промолчал, потому что многого не понял...

В лесу было теплее, пронизывающий ветер не проникал сюда. Луна зашла за облако, ночь нахмурилась...

Жакупбек посмотрел на Курышпая. Тот сидел на высоком толстом суку дерева, точно сокол, и терпеливо ждал. Ивана вовсе не видно, где-то спрятался. Затан дыхание, Жакупбек вслушивался. Ни звука... Может быть, Загоруля раздумал ехать в такую ночь?

Жакупбека уже начал пробирать мороз. Вспомнил теплый родной деревянный дом на Иссыкульской улице. Его отец был бедняк, переехал сюда из далекого Каркаралы еще в спокойное время. Человек по природе энергичный, он нацелялся к торгашам, ездил в Ташкент и Оренбург со скотом, накопил немного денег. Отец отдал сына в русскую школу, мечтая сделать его чиновником. Но ему не суждено было порадоваться успехам сына. Скоро он умер. Если бы жил теперь — может проклинал бы сына, который не захотел стать чиновником, а может, остался бы доволен им и молился за него?.. Сейчас, наверное, дома тепло. В печи жарко горит саксаул. От манта поднимается пар. Эх!..

Кажется, послышался стук. Да, едут.. Дробно цокают копыта и скрипит снег. Жакупбек хотел шагнуть, но

колени окоченели, не разгибаются. Кое-как сделал два шага, стал всматриваться. Пара коней в повозке мчалась рысью. Жакупбек вспомнил приказ Курышпая, стиснул в руках ружье и побрел по глубокому снегу к дороге. Сердце его застучало, готово было выскочить из груди. Лес кончился. Жакупбек прижался к крайнему дереву и поднял ружье. Руки его дрожали, он боялся промахнуться. А кони уже близко, совсем рядом, санки въезжают в лес. Вдруг затрещали сучья, Курышпай прыгнул с дерева прямо в сани, два сцепившихся человека вывалились из саней, кони помчались дальше по дороге. Подбежал Иван, а потом Жакупбек, так и не успевший выстрелить. Они увидели поднявшегося Курышпая—лицо его было в крови.

— Смотри-ка... Вырвал ухо. — Курышпай зажал рукой щеку.

Иван пнул ногой лежащего на снегу человека, перевернул.

— Он самый. Издох, что-ли?

— Наверно, я довольно долго держал его за горло. Ничего, придет в себя. Жакупбек, беги за конями!—стро-го приказал Курышпай.

Загоруле связали руки и поставили на ноги. Курышпай отрезал узкую полоску от войлочного потника и попытался зажечь ее спичкой. Войлок не загорался, только шипел. Когда он начал краснеть, Курышпай сказал Ивану:

— На, приложи к уху. Надо остановить кровь. Старый казахский способ...

Иван выполнил просьбу. Курышпай обвязал голову платком, сказал Загоруле на ломаном русском языке:

— Погоди же ты... Будешь совсем без ух.

Загорулю положили поперек седла и повезли в горы.

* * *

Увидев, что всадники везут человека с безвольно свисающими руками, Токаш встревожился. Неужели это Айгуль? Ранена, убита?..

— Волка поймал, дарю его тебе, Токаш, — услышал он веселый возглас Курышпая и лишь после этого сердце успокоилось. Разбуженный ночным шумом Петр Алексеевич тоже вышел из пещеры.

— Узнаете?— спросил Токаш, указывая Юрьеву на дрожащего Загорулю.

— Ого... Не просто птица, а самая настоящая дрофа.

— Ведите его сюда. Услышим верные новости. — Токаш улыбнулся в ус.

Один джигит зажег свечу. В железную печь подложили саксаула. Загоруле развязали руки и посадили ближе к огню — пусть согреется. Дали и горячего чайку. Загоруля был бледен и тревожно озирался по сторонам.

— Алексей Федорович, и на нашей улице настал праздник, — улыбался Токаш. — Вчера я был вашим пленником, а сегодня вы оказались моим. Ну, давайте рассчитаемся перед этим народом.

Загоруля не смог взглянуть на Токаша, отвернулся.

— Верненская тюрьма. Кульджа... Помните? — Токаш с издевкой в упор смотрел на Загорулю. Джигиты смеялись.

Юрьеву не понравился этот разговор. Дернув Токаша за руку, он знаком попросил подождать.

— Загоруля, нас интересует ставка атамана. Расскажите, чем заняты вы и что делаете в штабе? Это облегчит вашу участь.

Юрьев замолчал, ожидая ответа.

Загоруля поднял голову, начал говорить — видно, что волнуется — начав с одного, перескакивает на другое.

Из его слов Токаш понял: атаман приступил к созданию большой армии. Ядром ее являются казаки Талгара и Каскелена. Оружие ожидает из Кульджи — помощь английского консула. Большую надежду атаман возлагает на успешные действия генерала Деникина, имеет с ним связь. Когда Деникин начнет наступление на Москву, Малышев поддержит его отсюда.

— Зачем ты ездил в Чемолган? — спросил Токаш.

— Просто.. Привозил казакам письмо от атамана.

— А кто преследовал Емелева?

— Я не знаю, — голос Загорули задрожал.

— Что приказано было сделать с ним?

Молчание.

Утром Бокин, Юрьев и Саха наедине устроили совет: как наказать Загорулю? Расстрелять легче всего, не плохо бы использовать его в своих целях...

Юрьев объявил Загоруле.

— Слушайте, вы — палач, провокатор, шпион. Мы

приговорили вас к расстрелу. Но вы еще молоды, можете искупить часть своей вины. Если вы поможете нам захватить обоз с оружием, мы вас освободим!

— Если смогу... Постараюсь...

Через неделю Загоруля был убит.

Он встретил обоз с оружием, прошедший через Ош и державший направление на Каскелен, как представитель атамана, и ночью завел его в ловушку. Загоруля погиб первым от пули охраны. Но больше выстрелов не раздалось, отряд Токаша окружил обоз, охранники подняли руки. Четыре воза, полные оружия, попали в руки партизан.

* * *

Махмут купил большой деревянный дом у кульджинского торговца Мусабаева, построенный в Верном три года назад. Мусабаев особенно не торговался, жизнь в России наступила беспокойная. Махмут тоже не стал считаться, сколько запросили — столько и заплатил. Его мечтой было иметь дом в центре города — она теперь сбылась. Найденное в земле золото за один день сделало Махмута равным знатым людям Верного. С ним заговорили. Некоторые с удивлением спрашивали: почему он так быстро разбогател?»

Разнородные сплетни и слухи доходили до самого Махмута. Говорили даже и такое: «Махмут — тайный агент турков». «Махмут раньше занимался в крупных городах грабежом, разбогател на воровстве». Мало чего не наговорят злые языки. Махмут не обращал на них внимания. Он обзавелся парой коней и кошечкой. На Зеленом базаре открыл лавку и стал торговать мясом. Овец покупал в аулах десятками. Торговля мясом оказалась не таким уж трудным делом, но прибыльным.

Теперь Махмут и близко к себе не подпускал людей с гор. Халиме приказал: «Чтоб больше этого не было... Если не можешь жить без них, иди сама туда. Не хочу наживать беду на свою голову.»

Махмут стал отдаляться от всех, желая для себя одного — спокойствия.

Однажды он сидел дома, наблюдая, как вешают на стенку ковер. Вдруг — о радость! — пришел сам Закир. Раньше не считавшийся с ним аксакал теперь зашел с похвалой, как ровня, похлопал по спине. Махмут обра-

довался, будто достиг макушкой до небес, засуетился, угождая высокому гостю.

— Я чувствую себя достойным человеком, Заке, вы почтили меня своим посещением... Но умный человек, как вы, подобен хорошему скакуну, не любит, чтобы его опережали. Я не стремлюсь к этому.

Превознося гостя, которого ждал давно, Махмут предложил ему недавно купленный кальян. Сам он не курит, но слышал, что Закир заядлый наркоман.

— Люди говорят, что у тебя целый мешок золота, правда это? — спросил Закир, затянувшись два-три раза.

Махмут улыбнулся — это сплетни. Не зря он столько лет босым и голым гонял скот по большим городам. Закир, смысливший в торговле куда больше, не поверил Махмуту.

— Сейчас время — что ураган. Золото нужно держать втайне... Как знать, что будет с нами. Ты не слышал? Говорят, в крепости солдаты подняли бунт против атамана. Если большевики захватят власть, то нас сделают нищими. Заберут все... Говорят, в Петрограде и Ташкенте камня на камне не осталось. «Твое», «мое» — для них не существует.

Эти слова Закира заставили Махмута призадуматься. Голько что приобретенный деревянный дом, имущество — все было так близко сердцу. Неужели отберут?

— Как вы думаете, кто поднял на бунт солдат?

— Как кто? Большевики! Бокин, Березовский...

— Разве? — Махмут растерялся. Ведь он держал руку Токаша, помог освободить Юрьева. Вот путаница!..

— Наверно, не все солдаты — большевики... Да и казаки не допустят, чтобы подняли бунт! — Махмут старался освободиться от сомнений. Но Закир и не думал развеять их, только значительно помотал большим пальцем руки — думай о своем золоте.

После ухода Закира Махмут не смог заснуть: зачем приходил аксакал? Его разговоры о большевиках — правда или вымысел? Махмут верил в силу атамана, потому и служил ему. Но если солдаты против — что делает атаман? Солдаты — это тебе не безоружные повстанцы Токаша. Махмут может лишиться и деревянного дома и золота. Ведь только начал жить по-человечески! А сколько мечтал об этом? И вот теперь, когда все трудности остались позади, могут свернуть шею.

Бокин говорил не так — он говорил, что бедняки выйдут в люди, достигнут земного рая, а всем баям — конец! Как же с Махмутом, вышел он в баи или еще нет?..

На следующий день Махмут отправился к атаману. Еще когда он работал у него кучером, оставил там сброю. С разговором о хомуте и шлее не поедешь к атаману, но Махмут сумел зайти. А, может быть, атаман хотел видеть его?

Атаман сидел хмурый, злой. Он сказал Махмуту:

— О тебе ходят нехорошие слухи. Видно, немало людей готовит тебе яму. Смотри!..

Махмут подумал, что атаман шутит, присмотрелся — нет!

Глаза смотрят в упор, так и прибивают к стене...

— Хочешь, чтоб я по старой памяти защитил?

— Да, да, спасибо, господин атаман, — пролепетал Махмут.

— Узнай, где скрывается Березовский! — будто выстрелил атаман.

— Я... знаю, — попятился Махмут.

— Вот и молодец! Как узнал?

— Незаметно проследил за зятем, приехавшим с гор...

Атаман звякнул колокольчиком. Приказал адъютанту вызвать еще двух офицеров. Махмут сбивчиво рассказывал, они начертили план, крестом обозначили домик Березовского за Весновкой.

36

Малышев до поздней ночи сидел в штабном кабинете. Сон отгонял нюхательным табаком. Эту привычку он перенял от казахов. Откроет инкрустированную серебром табакерку, положит на большой палец понюшку насыбая и начнет вдыхать поочередно широкими ноздрями.

Березовскому теперь конец. Борьба длилась восемнадцать лет. Сейчас петля накинута ему на шею. Потянуть ее с потугой, как делают казахи при ловле неприрученного стригуна, — и он не выдержит, свернется.

Да, так и случилось. Связанного по рукам привели Березовского. На лице его — нескрываемая злоба. Одежда изорвана — видать, сопротивлялся...

С накрепко связанным можно остаться один на один.

— Березовский, ты так и не изменил своего бунтарского характера. Предал казачество... Теперь вынеси сам себе приговор. Уступаю твоему желанию!

— У меня нет грехов. А желание — пусть приговор вынесет народ. Твое время прошло.

— Эх, Березовский! Ты же сын казака! Скажи: какое наказание можно применить к человеку, продавшему казачество?

Березовский — с рассеченной и вспухшей верхней губой, с окрашенными кровью лихими вразлет усами — поднялся со стула, уперся связанными руками в резьбу по краям дубового стола.

— Ты не о казаках думаешь, Андрей. Тебе нужна безмозглая скотинка, палачи тебе нужны! Не будем говорить о казаках, о народе. Это бесполезно... Ты знаешь, где Глафира?

Малышев вздрогнул, побледнел и медленно, как-то вынужденно поднялся из кресла. Произнес, не разжимая зубов:

— Какое тебе дело до моей дочери?

Березовский тихо улыбнулся:

— Она — не твоя дочь. Ты не так глуп — и давно догадывался об этом...

Малышев схватился за колокольчик, но тут же прикрыл широкой с золотистыми волосками рукой, приглушил его звук. И протянул медленно, угрожающе:

— Поня-ятно-о...

— Но ты не думай искать, преследовать ее, — продолжал с той же спокойной улыбкой Березовский. — Бесполезно. Я все предвидел... И знал, что могут арестовать. Без меня остались люди, способные тряхнуть вас... А Глафире все передал — ты ее не увидишь больше. Победа все равно не за тобой...

Атаман тряхнул колокольцем. Вместо адъютанта вошел хорунжий Сотников.

— Увести! — приказал Малышев.

Березовский пошел к двери. Но тут вбежал адъютант с посеревшим лицом, с вытарашенными немигающими глазами. Он пролепетал:

— Обоз разграбили партизаны. Оружие и боеприпасы перехвачены...

— Что-о? Ложь! Кто сказал? — Малышев не мог поверить.

Не поворачиваясь, адъютант сделал два шага назад и широко распахнул дверь. Атаман увидел здорового усатого казака в шапке-малахае и шубе-борчатке.

— Что случилось?

— Под Каскеленом напали партизаны и захватили обоз. В охране убиты два казака, остальные сдались. Я бежал...

— Шляпы, — загремел атаман. Арестовать! Проверить!.. — он встретился глазами с Березовским — тот улыбался в розовые усы: «Победа не за тобой, атаман...».

В это время резко зазвенел звонок. Адъютант схватился за трубку, он еще больше побледнел.

— Из крепости... Комендант. Солдаты взбунтовались, освободили всех из карцера. Никому не подчиняются...

* * *

Через час в кабинете атамана состоялось совещание. Кроме офицеров в нем участвовал епископ Пимен. Был приглашен и Джайнаков.

Критическое положение заставило атамана говорить правду. Большевицкая агитация проникла в Семиречье. В народе смута. Посланное из Китая оружие перехвачено повстанцами, увезено в горы. Теперь следует ожидать нападения на город. Кто будет противостоять им? На крепость надежды мало.

Слова атамана произвели на присутствующих такое впечатление, будто их окунули в холодную воду. Рыжие усы полковника ИONOва ошетинились. Он осторожно посмотрел на хорунжего Сотникова, сидящего слева. Джайнаков близоруко уставился на лист бумаги, заранее положенный перед собой. Епископ перекрестился. Среди офицеров, присутствовавших на совещании, большинство были молодые — они бежали из России, плохо разбирались в положении дел в Семиречье и ждали первого слова от старших.

Сотников сказал:

— Второй полк нужно немедленно перевести в Джаркент.

— А город на кого оставим? — спросил молодой капитан.

— Вы ничего не поняли, капитан.

— Нет понял. Нельзя оставлять город без войск.

— Как можно довериться змее, которую вы хотите держать при себе? Солдат следует убрать подальше. Надо вооружить всех казаков и перевести их в город. Только при этом условии мы сможем удержать Верный!

— Я присоединяюсь к этому,— поддержал Сотников а полковник Ионов.

Джайнаков попросил слова. Превращенный атаманом в человека военного с солидным чином полковника, он почувствовал себя чуть ли не Наполеоном. Сходство, правда, есть — ростом такой же коробыш...

Джайнаков произносил каждое слово с особенной четкостью, свойственной людям военным.

— По сведениям, полученным мною, количество казахов в горах несколько не увеличилось. Однако необходима бдительность. Мои предложения: очистить тюрьму от политических заключенных. Обеспечение порядка в городе возложить на войско алаша.

Атаман слушал с интересом: нет, этот не глуп. «Очистить от политических...» — значит уничтожить. Но что может произойти, если обеспечение порядка в городе поручить алашскому войску? Или большевики захватят власть в свои руки, или алаш... перебьет всех без исключения вместе с самим атаманом. Благодарю покорно! А насчет политзаключенных — прав, вовремя напомнил.

Когда присутствующие немного поспорили и закончили разговоры, Малышев дал приказ полковнику Ионову:

— Завтра же второй полк отправьте в Джаркент! — затем повернулся к хорунжему Сотникову: — Очистка тюрьмы поручается вам, и не откладывайте, не церемоньтесь ни с кем! Полковник Джайнаков, вы самых надежных своих джигитов передайте в распоряжение Сотникова, слейте с конными казаками!

После совещания атаман сказал адъютанту:

— Нужно разослать во все станицы нарочных с приказом: всем казакам прибыть в город. Но в Каскелен надо направить незаметного человека, такого, который по дороге не попал бы в руки этих разбойников.

— Пошлем Махмута, — предложил адъютант. — Вернее его трудно найти...

Малышев согласился.

Перед рассветом хорунжий Сотников и два других казака открыли дверь темной камеры под зданием штаба. Дрожащий свет ручного фонаря упал на лицо сидящего в углу Березовского. Хорунжий подошел ближе.

— Березовский, встань! — приказал Сотников.

Березовский молча с презрением смотрел на своего палача. Сотников злился. До чего упорный!.. Не одного упрямец заставлял говорить хорунжий, но на этот раз почувствовал себя бессильным. Он бил Березовского по самым чувствительным местам — тот молчал; сорвал с пальцев ногти, снова бил — Березовский потерял сознание. А нужно, чтобы он заговорил, раскрыл организацию, назвал всех большевиков в городе. Сотников изменил приемы, пытался соблазнить свиданием с друзьями. Березовский молчал...

Скользкий свет фонаря осветил надпись на стене, кровью было выведено: «Умираю за коммунизм. Прощайте! А. П. Б.» Чтобы казаки не видели надпись, хорунжий отвел свет и опять направил на лицо узника. Березовский так был избит, что сам не мог подняться.

— Нечего стоять. Ведите! — приказал хорунжий казакам. Его вынесли на руках и во дворе положили на сани, сверху прикрыли мешковиной. Остывшая на морозе пара коней рванула с места.

Начало светать. На горизонте занималась заря. Звезды постепенно гасли. Луна как будто зацепилась за вершину Ала-Тау — не двигается...

Переехали Малую Алма-Атинку, свернули с Талгарского тракта. Казаки сняли Березовского с саней и под руки повели в глубь леса. Сотников шел сзади, держа в руке револьвер.

— Стой! — хорунжий махнул казакам, позвал к себе.

— Что, палач, собираешься стрелять? — к Березовскому вернулся голос. Он посмотрел по сторонам и крикнул громко, разделяя слога:

— Да здравствует Ленин.

По заснеженному лесу, через малые и большие перевалы к вершинам Ала-Тау покатилося многократно повторяемое эхо: «Да здрав...ствует Ле-нин!».

Хорунжий поднял револьвер, Березовский смотрел

прямо ему в глаза, не мигая, не опуская головы. Рука задрожала, Сотников опустил револьвер.

— Поверни его! — приказал он казаку. Но тот не успел подойти, Березовский сам отвернулся.

Револьвер тьякнул в морозном воздухе.

* * *

Этот выстрел, конечно, не был услышан ни в горах, ни в казарме, где на тайном заседании солдатского комитета Сергей Журавлев говорил об аресте Березовского. Сердца всех почувствовали беду. И все поняли, что близится решительная схватка...

Махмут, ехавший в это время в Каскелен, наткнулся на дозорных отряда Токаша. Он перепугался. Если обыщут, то обязательно найдут письмо атамана, тогда ему придется плохо... Недолго думая, Махмут вынул из кармана засургученный конверт и вручил его Бокишу.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

...Когда серый скакун вынес его на скалу, чернобурая лисица мчалась уже по долине. Он подбросил беркута и отпустил. Хваткий беркут мигом взвился ввысь, раскинул крылья и стал парить в воздухе, высматривая добычу.

Лисица круто повернула и помчалась к горным склонам — видно, почувствовала опасность.

Беркут как будто этого и ждал, сложил крылья и камнем бросился вниз. Лисица растерялась: поджала хвост, начала вилять из стороны в сторону. Беркут сделал крутой вираж, кинулся на нее, схватил... Лисица извилась всем телом, одна нога беркута сорвалась — он захлопал крыльями, то подпрыгивал, то снова падал, но так и не смог ухватить добычу когтями второй ноги. В этот миг лисица схватила и потащила беркута.

Как жаль, вот неудача! — резкий удар камчи — серый скакун ринулся с горы в долину. Промежуток между ним и лисцей сократился на расстоянии выстрела. Трудно попасть на скаку. После выстрела зверь не упал. Не дожидаясь следующего выстрела, лисица забежала за выступ горы, скрылась из виду.

Айт-шу! Опять нагайка пошла в ход. Серый скакун делал невероятные прыжки. Вот она, чернобурка!.. Но лисица шмыгнула в какую-то яму, похожую на могилу. Соскочил с коня. Подбежал и заглянул внутрь. Лисица прижалась в углу ямы, сверкает глазами. Надо ударить ее прикладом. Но кто-то схватился за руку, не пускает...

Токаш проснулся — рядом стоял Курышпай и будил его: «Вставай, вставай!» Токаш протер глаза и вскочил. Вынул из кармана часы: вовремя разбудил Курышп! Ровно в двенадцать должно начаться...

В комнате полутемно. Свеча на сундуке еле теплится. У дверей стоит Халима — бледная, видимо, не спала.

Купив в центре города дом, Махмут пересехал туда, а эту хибарку в две маленьких комнатки оставил сестре. Мечта Халимы — иметь над собой собственную крышу, благодаря брату, осуществилась.

Накинув на плечи кожаную тужурку, Токаш ищет кепку, пощупал вокруг — не попадаетея. Черт ее спрятал, что ли!

Привыкший ходить прямо, Токаш не успел нагнуться в дверях и ударился лбом о перекладину. Идущий вслед за ним Курышпай жалобно застонал:

— Ой! Голова моя, голова!

— Ты тоже ударился?

— Нет, за тебя больно стало.

Халима невольно рассмеялась. Но во дворе заплакала, кинулась на шею Курышпаю.

— Не тревожься! Правое дело — всегда справедливо... Не выходи из дому. Как следует закрой ворота. Никого не впускай! — наставления Курышпая Халиме Токаш слышал, уже выходя за ворота.

Ох, этот Курышпай! До сих пор не научился держать язык за зубами! Вчера Токаш предупреждал: «Не проговорись Халиме, ни слова ей не говори! Будет плакать, могут услышать соседи». Нет, не удержался. Хотя понятно — живой человек, небось дума о пуле тревожит...

О себе Токаш не думал.

На улице темно, под ногами месиво грязи. Вечером сыпал дождь, он перешел в мокрый снег. Влажный воздух захватывает дыхание. Мартовский сырой холод пронизывает тело. Ветер с Ала-Тау качает тополя. Город спит. Не видно ни души. Токаш всматривается в темноту. Там, впереди, мелькает слабый огонек — оставляет в воздухе еле заметные кривые линии, вероятно, кто-то идет с папиросой.

— Видишь?

— Вижу...

— Следи! — шепотом приказал Токаш Курышпаю.

Грязь мешает идти. Между стройными тополями показался человек.

— Стой! — Голос плетью хлестнул по ночной тишине: из темноты выступил солдат с винтовкой в руках, преградил путь.

— Пароль?

У Бокина возникло сомнение: свои или патруль атамана? Что случилось с Курышпаем — стоит, как старик! Подошел бы сзади и схватил...

— Семиречье! — ответил Токаш.

— Проходите! — солдат отвел винтовку.

Значит — свой, значит, на улицы вышли солдаты революции. Значит — началось.

Со стороны казармы грохнул выстрел.

— Да, началось! — Токаш прислушался: стук шагов и звон подков. С какой стороны? Курышпай даже снял шапку, чтобы лучше слышать.

Стремительный ход большой группы людей, — не разрозненно, а в ногу, твердо шагают. Дружный шаг все отчетливей, ближе, кажется, идут со всех сторон. Слышна отрывистая команда. Нарастающие звуки шагов накатываются валом, они все громче в ночном прохладном воздухе.

— Мир перевернулся, как котел, свалившийся с треноги, — произнес Курышпай, даже в такой трудный момент не изменивший своего шуточного тона. Токаш ничего не ответил, он давно привык к шуткам Курышпая. Сейчас он думал о другом.

Вечером Ораз сообщил: «Достигли намеченного рубежа — берега Весновки и там укрылись. Ждем указаний». Токаш передал через Жакупбека, прибывшего с донесением: «Начнем ровно в двенадцать ночи...». Время уже к двенадцати... Надо спешить. Курышпай еле поспевал за Токашем. Вдруг голос в упор, с махорочным выдохом:

— Кто это?

— Я, Бокин. Это ты, Покудин? — Токаш сам распахнул дверь, свет брызнул в лицо. Прищурив глаза, Бокин быстро вошел в комнату.

Она наполнена сизым дымом. На полу — обрывки бумаги. Отсюда только что ушли люди. Остались два человека. Бокин поздоровался с ними. Худощавый, среднего роста мужчина повернулся к нему. Большие голу-

бые глаза улыбались, брови цвета ковыля вскинуты вверх. Это был Виноградов. После ареста Березовского, судьба которого оставалась пока неизвестной, организацией стал руководить Виноградов.

— Время выступления пришлось изменить. Сообщить тебе об этом не было возможности, — сказал Виноградов.

— Почему надо было менять?

— Потому, что враг учуял. Но план прежний. Иди в казарму, возьми два пулемета и займи татарскую мечеть. Джигиты твои готовы? Хорошо! — Виноградов протянул Бокину руку. — Желаем удачи!

Бокин толкнул Курышпая.

— Айда, пошли!

С гор спустился туман. Или это туча расплзлась над городом? Привыкшие к свету глаза не сразу смогли различить очертания улицы.

— Шагай за мной! — сказал Токаш Курышпаю. — И не свались в арык...

Курышпай и тут не удержался от шутки:

— Мне не страшно — на домбре может играть и хромой. А тебе пришлось бы потерять чин.

— Оставь глупости. Ты идешь не на той.

— Зачем же я взял тогда домбру?

— Что ты говоришь? Где у тебя домбра?

— Вот! — Курышпай вынул из-за пазухи револьвер и повертел им.

— Брось дурачиться: идем скорее!

* * *

Тучи раздвинулись, показалась луна. На улицах стало светлее. Прояснились белоголовые вершины Ала-Тау, они казались очень близкими.

Перед казармой школы прапорщиков — строй солдат. Все при оружии. Лица суровые. Выкачены пушки, дула их расцехлены. У ворот крепости — группа командиров. Токаш подошел ближе и сразу узнал Юрьева. Тут же стоял Саха. Петр Алексеевич выглядел бодрым. Саха, кажется, вдруг возмужал — такой стройный, бравый джигит.

Сомнения Токаша оказались напрасными: полк целиком вышел по призыву большевиков. Солдаты стоят у

казармы и ждут ответа: сдаться ли школа прапорщиков? В противном случае они поднимут оружие. Журавлев с группой солдат направился в казарму. Все волнуются: как бы не произошло кровопролития!

Юрьев, не сводя глаз с дверей казармы, проговорил:

— Емелев с ротой солдат пошел на телеграф. Мы ждем тебя.

— Если ждете... Курышпай, скачи к Оразу! Пусть джигиты идут на татарскую мечеть! Не забудьте захватить моего коня! — приказал Токаш своему товарищу.

В это время из казармы вышел Журавлев: «Сдались!» — крикнул он. Все облегченно вздохнули. Эти силы врага сдались без кровопролития. Теперь Токаша беспокоило одно: татарская мечеть набита войсками алаша, — вооруженные, они сидят на чеку. Бой неминуем. Вчера на чрезвычайном заседании подпольного комитета вынесено решение: по возможности, не допускать кровопролития...

Чтобы разбить войска алаша, захватить мечеть, у Токаша достаточно сил. Надежные джигиты давно ждут сигнала, собравшись под берегом Весновки. Но лучше, если бы, как и здесь, дело обошлось без крови. Вероятно, Курышпай уже возле Весновки. Токаш, взяв с собой Саху, стал пробираться к мечети. Они прошли удачно, не наткнувшись на казаков. Издали доносился топот приближающихся коней.

— Наши, — сказал Саха.

Токаш прислушался: кони мчались галопом. Кажется, джигиты охваченные боевым азартом, скачут как сумасшедшие. Это плохо — разбудят войско Джайнакова — не миновать кровопролития!

Они свернули с угла Киргизской улицы и вышли на Торговую. Перед мечетью никого не видно. Почему же они так беспечны?

Подъехали конники во главе с Оразом и окружили мечеть. По приказу Токаша джигиты перемахнули через низенький палисадник и подошли к мечети — она была закрыта. Токаш быстро взбежал по деревянным ступенькам и плечом толкнул крашенную с орнаментом дверь. Задвижка отскочила, и дверь распахнулась. Джигиты гурьбой вошли в мечеть. Бледный лунный свет, надавший через широкие полукруглые окна, достигал дальних углов зала.

На полу, застланном коврами, тесно, как отдыхающие овцы, спали солдаты алаша. Ноги одного покоились на животе другого. Теснота невероятная — ступить негде.

Дремлющий у дверей дежурный очнулся, наконец, схватился за оружие:

— Стойте!— крикнул он по-русски.

— Не шуми,— сказал ему Курышпай,— людей разбудишь.

— Курыш, отбери у него оружие, оно лишнее ему.

Курышпай мигом выхватил у дежурного винтовку.

Окрик дежурного разбудил спящих.

— Пропали, убивают!

Все всполошились. Некоторые схватились за винтовки.

— Не двигаться!— крикнул Бокин.— Брось оружие!

— Ах, вот кто здесь! На тебе! — раздался оглушительный выстрел. Пуля взвизгнула возле уха Токаша.

Саха кинулся на того, кто стрелял. В этот миг на Саху набросился откуда-то появившийся Салимгерей Бурнашев.

— Ты бунтарь, сын грешного бунтаря! — он толкнул Саху в грудь.

— Прочь руки!

— Вас с Бокиным давно ищет правительство!

— Твое правительство свергнуто, Бурнашев!

— Бей его!

Дальше слушать Токаш не мог. Он повернулся назад:

— Курышпай, Ораз, будьте готовы,— и отделившись от своих джигитов, неторопливо подошел к Бурнашеву. Все притихли.

— Руки прочь! — крикнул Бокин Бурнашеву.

Бурнашев, отскочив от Сахи, всем телом повернулся к Токашу. Его зеленые глаза горели, как у волка. Зубы сжаты. Правая рука медленно поползла к револьверу.

Подоспевший Курышпай быстро схватил Бурнашева за руку, крепко стиснул. Тут в мечеть стремительно вбежал одетый по-офицерски Какенов. Длинные черные усы закручены. Он подошел вплотную к Бокину.

— Выйди отсюда!— прохрипел он.— Если хочешь остаться живым — выходи!

— Какенов!—сказал Бокин спокойно.— Поостынь не много. Сегодня сила на нашей стороне!

— У тебя нет силы! Ложь! Уходи из мечети, веротступник!— кричал, злясь, Какенов.

— Посмотрим,— Токаш подал знак Оразу. Тот с группой своих джигитов обезоружил Какенова.

— Джигиты! — Бокин встал на стул.— Сегодня власть перешла в руки большевиков. Солдаты на нашей стороне. Сопротивление бессмысленно, зачем проливать кровь? Власть атамана свергнута. Дети бедняков, выходите сюда и вливайтесь в наши ряды. Кто не желает служить революции, пусть сдаст оружие и расходится по домам! А кто вздумает сопротивляться.— Токаш возвысил голос,— тому пощады не будет. Посмотрите в окно! Вы окружены!

— Это провокация! Ложь! — крикнул Бурнашев.

— Вокруг мечети — солдаты,— сообщил кто-то, выглянув в окно.

— Все равно ни один казах за тобой не пойдет! — закричал Какенов и попытался вырваться из рук державших его джигитов.

— Джигиты! Кто хочет быть с большевиками, выходите сюда! — крикнул Сагатов, резким движением головы откинув упавшую на лоб прядь черных длинных волос.

— Я!

— Мы пойдем! — отозвались те, что были недалеко от Сагатова, они стали образовывать отдельную группу. Курышпай толкнул плечом Бурнашева:

— А ты чего, буржуй?.. Выходи!

Бурнашев злобно посмотрел на Курышпая.

— погоди же ты, подлец! — процедил он сквозь зубы и, бросив свое оружие, подошел к Какенову.

— Джигиты, следуйте примеру Бурнашева! — крикнул Какенов.

Еще несколько человек побросали оружие и отошли назад.

— Освободите Какенова, он офицер,— требовал Бурнашев.

— Тебе-то чего нужно? Молчи! Лучше будет,— посоветовал Курышпай.

— Саха! — Бокин повернулся к Сагатову: — Какенова отведи в тюрьму. Остальные дела я закончу сам!

— Помни, Бокин, мы еще встретимся с тобой. Не забывайся!— уходя, грозил Какенов.

* * *

Отобранное у алаша оружие Токаш раздал своим джигитам. Взяв с собой около десятка самых боевых ребят, он поскакал к штабу атамана: возможно, там потребуется помощь. Стук копыт рассыпался в утреннем воздухе, взбудоражил город. Жители испуганно высывались из ворот, недоумевали: кто против кого? Возле парка всадникам повстречалась группа молодежи. Эти уже знали, в чем дело, махали руками, кричали радостно:

— Ура! Революция!

Вдруг навстречу им выскочил какой-то казак, взмахивая саблей. Ехавший рядом с Токашем Ораз дал выстрел. Конь казака споткнулся и упал. Не задерживаясь, поскакали дальше.

В штабе атамана уже хозяйничали солдаты.

— Взяли атамана? — спросил Токаш у солдата, стоявшего у входа в штаб. Тот покачал головой.

— За мной! — Токаш повернул коня. Малышев — опытный волк, наверно, почувствовал, что попадет в капкан, и успел скрыться. Надо бы взять его живым!

Они остановились у большого рубленого дома на Қолпаковском проспекте. Токаш соскочил с коня, поводья кинул на луку седла и побежал к дверям. За Токашем с оружием наготове последовали Курышпай, Ораз, Жакупбек, Абдулла и еще три джигита. Дверь была закрыта. Жакупбек несколько раз ударил прикладом винтовки. С той стороны послышался старушечий голос.

— Что нужно?

— Открой!

Дверь открылась. Дрожащая всем телом старушка отступила назад. Из-под накинутого на голову старенького ситцевого платка выбились седые волосы. Это была Петрорна.

— Где атаман?

— Гдет. Ушел...

— Куда ушел?

— Недавно ушел. Не сказал, куда...

Жаль! Бежал, значит. Токаш задумался: что делать?

— Поехали к Джайнакову! — предложил Ораз.

— Жакупбек, Абдулла, произведите в этом доме обыск и приезжайте к Джайнакову! — приказал Токаш, вскочив на коня.

Новый дом Джайнакова был расположен в лесу на другом берегу речки. Ибраим построил его недавно. Денег у него хватило бы и не на один дом. Кому же богатеть, как не Ибраиму? Все тяжбы Семиреченского края проходили через его руки. Решение Джайнакова — правой руки губернатора — никто не смел оспаривать. Только крупная взятка могла повлиять. После свержения царя он выдвинулся в вожди алаша. Деньги опять полились в карман Ибраима. В конце концов казна алаша и карман Ибраима объединились воедино. В аулах у него табуны скота. Куда денется такой господин? Не бросит же свое богатство?

Прищипорив серого скакуна, Токаш перемахнул через Пугасов мост.

Дом Джайнакова казался необитаемым: ворота и ставни закрыты, тишина... Ораз постучал в высокие крашенные ворота — никто не показывался. Токаш приказал джигитам:

— Прыгайте через забор!

Один из джигитов, передав Оразу свою винтовку, ловко вскочил на забор, знаком попросил оружие. Во дворе зазвенела цепь, и послышался злобный лай собаки, она заметалась из стороны в сторону. Джигит прицелился, выстрелил. Затем спрыгнул с забора и открыл ворота.

Из дома вышла Бикен.

Токаш остановился как вкопанный. Наяву ли это? В темно-голубых глазах Бикен Токаш увидел обиду и страх. В одно мгновение Токаш и девушка без слов успели обменяться многими мыслями. Во взгляде Токаша Бикен увидела его немые вопросы: «Как ты оказалась здесь? Зачем пришла сюда? Или?..».

Разговор сухой, короткий был совсем о другом.

— Нужен господин Ибраим!

— Нет его. Он уехал в аул...

Токаш недовольно нахмурил брови.

— Правду говорю! — уверяла Бикен.

Токаш посмотрел на Ораза и движением бровей дал знак обыскать. Девушка усмехнулась: «Не поверил? Напрасно...» Джигиты начали обыск. Токаш, отбросив в сторону завесу вежливой строгости, спросил у Бикен:

— Выходит, ты перешла в этот дом? Не зря была молва...

— Я не думала, что вы верите мелким сплетням. Если вы придали им значение, то я отвечу: это ложь.

— Кто знает...

Подошел Ораз и доложил:

— Нигде нет.

— И этот успел, оказывается... Жаль, я бы ему...

На угрозу Токаша Бикен ответила пословицей:

— Говорят: не захлопывай дверь, в которую еще будешь входить, запомните это, господин.

Токаш разозлился, сказал строго:

— Если сильно захлопываю, то это значит, Бикен, что я войду врагом этого дома!

Токаш поспешил к Закиру. По дороге его не покидала мысль: почему Ибраим, сбежав сам, оставил Бикен в своем доме? О, наивный Токаш! Оказывается, Джайнаков не так уж и дорожил богатством. Он ценит свою голову. Но почему Бикен здесь?..

Токаш зло огрел коня плетью. Проехав зеленый базар, всадники остановились у магазина Закира. На дверях чернел увесистый замок.

Токаш со своими джигитами перевернул вверх дном все в большом доме с множеством окон, что на углу Торговой улицы, но Закира не нашел. Жены его голосили на весь дом: «Со вчерашнего дня не появлялся...». Токаш не верил. Он слышал раньше, что у Закира есть тайник. Откинув красную портьеру у стены, он увидел дверь.

— Где ключ? Ораз, давай винтовку!

Дверь заскрипела и стала поддаваться. Жены опять заголосили.

Джигиты навалились на дверь, она раскололась и широко распахнулась. Ораз свалился на пол.

Токаш с паганом в руке встал у входа. Кто знает, может быть, Закир не захочет добровольно сдаваться...

Стены открывшейся комнаты обиты красным сукном. На полу — ковер. Свет проникал через стеклянный купол, окрашивая всю комнату в цвет розового камня.

У противоположной стены стоял большой узорчатый сундук.

Мягко ступая по ковру, Токаш подошел и заглянул за сундук — никого. На сундуке висел маленький замок, крышка была чуть приподнята. Токаш приказал Оразу:

— Открой!

В сундуке, скорчившись, лежал Закир. Он чуть не задохнулся — красный, потный, дышит прерывисто, как рыба, выброшенная из воды. Его схватили и вытащили.

— Ну что, Закир-аксакал, не смог заполнить этот сундук золотом, так решил заполнить собой?.. — рассмеялся Токаш. — Мы искали это золото.

Закир молчал.

— Ведите его! — приказал Токаш.

Джигиты собрали в доме все ценные вещи и сложили в потайной комнате. Токаш повесил на дверь замок, ключ положил себе в карман.

В тюрьму Закира погнали пешком. Токаш по выражению его лица старался угадать: не раскаивается ли.. Нет, не раскаивается, отпусти — и он опять начнет дуть — лицо щетинистое, глаза налились кровью.

У тюрьмы — скопище народа, тут только что освобожденные политические заключенные обнимались со своими друзьями и родственниками, а на их место водворялись бывшие хозяева жизни. Отовсюду доносились радостные возгласы и плач.

Саха давно привел Какенова и не знал куда его сдать. Ворота тюрьмы закрыты.

Токаш хлестнул коня и, раздвигая толпу, въехал в самый центр.

— Что за стоянка? — крикнул он и рукой позвал Саху.

— Говорят, тюремщики сбежали и ключи взяли с собой.

— Как же освободились заключенные?

— Перелезли через забор.

— Кто же здесь руководит?

В это время открылись ворота. Вышел высокого роста, с крючковатым носом человек, одетый в военную форму. Он съявил:

— Ведите арестованных.

Токаш видел этого человека прошедшей ночью — не

то у Виноградова, не то в группе командиров возле казармы. Да, кажется, возле казармы. Вообще, лицо примечательное, а вот забылось в этой кутерьме...

Саха и еще два джигита повели Какенова. Других офицеров конвоировали солдаты, среди них Токаш увидел Фгора Сабурова, который всегда сопровождал Журавлева. Сабуров увидел Токаша и весело улыбнулся ему.

Ораз тоже ввел Закира во двор. Здесь Закир встретился с Какеновым и, видимо, почувствовав опору, повернулся назад и с размаху ударил Ораза по виску. Не ожидавший удара, Ораз пошатнулся и, скользя сапогами, упал. Сразу же раздался выстрел. Закир свалился, как подкошенный. Токаш посмотрел вправо и увидел: высокий военный неторопливо вкладывал револьвер в кабуру.

— Это же Закир-шакал! Так ему и надо... — громко проговорил военный.

Арестованные окружили труп Закира, зашумели

— Это произвол! Беззаконие! Кто стрелял?

— Революция! — ответил военный строгим голосом.

* * *

Петр Алексеевич вышел с телеграфа. Он только что связался с Ташкентом и от имени Ревкома сообщил об установлении Советской власти в Верном.

Солнце, положив свой подбородок на вершину Ала-Тау, сегодня светило по-особенному. Воздух прозрачен. Хорошо чувствовалось наступление весны. Уже зацвел тополь.

Юрьева остановил патруль и проверил документы. В городе — порядок. Патрульные — на каждой улице.

Вот идет колонна солдат. Шаг твердый, четкий. Песню поют дружно, захватывающе.

Смело, товарищи, в ногу...

Юрьев подошел к зданию Ревкома. Ревком разместился в доме, где раньше было губернское управление. Тут еще сохранились богатые ковры на полу, сейчас они заляпаны грязью, занесенной на сапогах. Народу в Ревкоме — до тесноты. Дом гудит, как улей. В открытые двери на улицу ползет густой табачный дым.

Петр Алексеевич проталкивается по коридору. Многих людей он сегодня впервые видит в лицо. Тут были и

солдаты в шинелях, и какие-то юркие человечки с остро-конечными бородками, похожие на торговцев. В дни великих переворотов и перемен появляется немало временных попутчиков, не различишь сразу, кто чем дышит. Юрьев прислушивался к разговору: все горячо обсуждают прошедшие события, строят предположения.

— Выхватывает револьвер... Конечно, застрелить безоружного — храбрости немного надо.

Юрьев остановился. Это говорил Бокин, говорил возбужденно, чем-то недовольный. Петр Алексеевич подошел поздоровался и, не выпуская руки Токаша, повел его в свободную комнату.

— Кто стрелял, кто убит?

— Застрелили Закира. Кто застрелил? Тот, который распоряжался в тюрьме, высокий, в военной форме.

— Это Фальковский, — вспомнил Петр Алексеевич. — Кажется, из эсеров. Только что приехал и сразу показал себя.

— Мне он кажется подозрительным, — признался Токаш, — действовал, как анархист. Откуда он? Какие у него документы? Закира не жаль. Но его надо было судить, показать всем, каков этот человек...

— Да, это верно, — согласился Юрьев, — но в революцию, дорогой мой, пропускают не по документам. Тут люди показывают себя на деле и завоевывают доверие.

— Застрелить безоружного — невелик подвиг, — повторил Токаш.

— Но этот Фальковский навел там революционный порядок. А дальше — посмотрим, что он за человек.

— Как знаешь...

Разговор их прервался. В дверях показались Емелев и этот самый Фальковский. На голове у него — папаха с красным околышем, одет в кожаную тужурку, сбоку — сабля. Утром он был совсем в другой одежде.

— Малышев до сих пор не взят, — сказал он с досадой в голосе, — Надо зорко следить за дорогами. Все, кто спрятался, к ночи выйдут из своих нор... Дали бы мне, я подстерег бы кого-нибудь.

«Он прав», — подумал Юрьев и произнес с сожалением:

— Не предусмотрели. Не нужно было выпускать волка из логова.

— Кто мог подумать, что атаман, который только

вчера ревел, как медведь, стал трусливей лисы, замечает свои следы,— улыбнулся Емелев.

— Жизнь — вещь дорогая, что же ему оставалось делать! — засмеялся Фальковский.

— Сейчас мне пришла в голову одна мысль,— сказал Токаш,— не последовал ли атаман примеру Фальбаума.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Юрьев.

— Фальбаума объявили умершим. Но когда вскрыли могилу и подняли гроб, то трупа там не оказалось.

— Значит, похороны были для отвода глаз? Нет, атаман так не поступит,— уверенно заключил Юрьев.— Его надо искать. Сейчас начнется объединенное заседание всех организаций города. Эсеры тоже просят место в Ревкоме. Как вы думаете?

Токаш категорически заявил:

— Близко не нужно подпускать! Правила уже, хватит с них...

Фальковский промолчал, бросил украдкой взгляд на Бокина.

— Среди солдат есть их люди, по-моему, на первое время следует допустить... Как ты думаешь, Лука?

Емелев, помедлив, ответил:

— Главное — обеспечить наше большинство. Остальное — не так важно.

— Неправильно! — запротестовал Токаш.— Трудно надеяться на эсеров.

Вошел Журавлев, снял фуражку. Его удивительно светлые волосы, мягкие, как птичий пух, шевельнулись, от того что он махнул возле головы фуражкой.

— Ну, будем начинать? Народ ждет, — сказал он.

— Иди сюда.— Движением руки позвал его Юрьев.— Токаш говорит, что эсерам не нужно давать места. Что ты скажешь?

— Сразу же нельзя так... Среди солдат есть эсеры. Они будут требовать. Нельзя допускать раскола среди солдат.

Токаш перебил его. Густые черные брови нахмурились:

— Тогда приведи обратно Иванова и посади в Ревкоме!

— Бросьте спорить.— Юрьев поднялся.— Посмотрим по ходу дела. Но надо быть осторожными...

Токаш не мог заснуть, хотя очень устал. Два чувства волновали его сердце: одно — огромное, светлое — это радость победы; второе шемило, вызывало досаду — были допущены непростительные промахи. Позабыли арестовать атамана и предводителей алаша. Напрасно включили в состав членов Ревкома эсеров. Никому неизвестному Фальковскому поручили руководить следственной комиссией. А по своему поведению он похож на анархиста. Кто предложил его, Токаш не смог вспомнить. Фамилию Фальковского выкрикивали какие-то личности с маленькими бородками...

Эх, жаль, нет Березовского! Токаш не мог спасти его. В ту ночь, когда Махмут сообщил об аресте Березовского, Токаш намеревался устроить налет на штаб атамана. Однако члены подпольного комитета решили иначе: «Не горячись, возвращайся обратно в горы, подготовь своих джигитов. Не подошел срок решительных действий. Солдаты в крепости еще не подготовлены».

Кто же мог выдать Березовского? По словам Махмута, Березовского выдали весновские мещане, среди которых он жил. Нужно найти коварного предателя!..

Мысли и мысли без конца... Завтра состоится митинг. Надо хоть немного заснуть.

* * *

Ступая по-кошачьи мягко, Курышпай заглянул в окно. В комнате никого нет. Яркий свет солнца, как золотое блюдо, лежит на полу. Кровать у стенки еще не убрана.

Со двора зашел Токаш. Он не заметил Курышпая. На Токаше белая шелковая рубашка с вышитым воротом — эту рубашку он носит лишь по праздникам. Фотография, на которой он снят в этой рубашке, висит над кроватью.

Токаш нагнулся и стал чистить куском бархата хромовые сапоги. Курышпай смотрит на него с завистью: красив, черт, и лицом, и осанкой, даже быстрые движения — красивы, привлекательны. А Курышпай некрасив. Взглянет на него человек и не удерживается от улыбки: нос большой, красный, кончик его шершавый, как кора

старой березы. Узкие глаза, низкий лоб... Но Курыш-пая это не особенно огорчает, лишь иногда, как вот сейчас, любуясь Токашем, вздохнет: «Не пожалел меня бог...»

Токаш сел перед зеркалом, развел мыло, густо намазав лицо, взялся за бритву.

— Хватит, не к невесте идешь!— сказал громко Курышпай. От неожиданности Токаш вздрогнул.

— Ты, Курыш, никак не можешь без шуток! Я мог бы порезаться.

— Это что! Вот ночью было дело. Действительно напугал...

— Ну, расскажи! Да заходи в комнату.

Курышпай сел напротив Токаша.

— Ночью я поймал одного буржуя и натешился вдоволь.

— Что ты говоришь?— поднесенная к щеке бритва замерла в руках Токаша. — А ну, рассказывай скорее.

— Иду домой— время было около двенадцати. — вдруг навстречу какой-то черный толстяк, идет тяжело, как только что напившийся воды верблюдов. Я спрятался за дерево. Когда он подошел ближе, я вынул револьвер и скомандовал: «Руки вверх! Кто ты?» — «Карден» — слышу в ответ. — «А, буржуй! Идем! Я искал тебя».

Тот побледнел, весь задрожал, язык заплетается, слова не может вымолвить. Наверно, впотьмах и не узнал меня. Пропустив вперед, я гоню его, покрикиваю: «Быстрее!» Он идет и пыхтит. Ругаю его вплоть до седьмого предка, он молчит. Привел к берегу речки и поставил у обрыва. «Ну, пой себе заупокойную! Сейчас отправишься на тот свет!» Он сел и заголосил, обнял мои ноги, начал умолять. Я спрашиваю: «Ты меня узнаешь?» — «Как же, узнаю. Разве ты не наш Курыш-жан?» «А, Курыш-жан?— говорю. А через кого я в Сибирь угодил?» Он начал юлить, как собака. Тогда я сказал ему: «Отдай мне свои сапоги и больше не попадайся!» — и отпустил.

Токаш не знал что делать: смеяться или сердиться. Лишь покачал головой.

— Брось свои проделки! Понял?

— Почему? Ты что, жалеешь буржуя?

— Ты безобразничаешь, Курышпай, — начал сердиться Токаш. — Кто давал право поступать так? На буржуев и без тебя найдем управу!

Курышпай замолчал. Он понял, что перехлестнул. И переменял разговор:

— Ну, пойдом на митинг? Наверное уже все собрались!

Токаш заторопился. Они идут молча. У Токаша нахмурены брови. Ему не понравились почные приключения Курышпая. И Курышпай молчит. О чем говорить? Разве бы он выстрелил в Кардена? Это же непристительное самовольство! За такое по голове не поглядят... Зачем же резать самому себе палец?

Токаш делает шаг, а Курышпай — два: шаги у него короткие, полы старенького шиджака хлопают. Он знает, что и лицом и одеждой не привлекателен. Зато как скрипят у него сапоги — ну прямо песню поют! Курышпай слушает этот скрип с превеликим удовольствием. До сих пор во всем Семиречье скрипели лишь сапоги Кардена да Ибраима. А теперь? Вон все встречные на улице не проходят, не взглянув на ноги Курышпая. Ему показалось, что даже Токаш немного смягчился. Он начал рассказывать новости. Из Петрограда пришла телеграмма: комиссариат по делам мусульман прислал приветствие. Там быстро узнали об установлении Советской власти в Семиречье.

— А подписано самим Лениным?

— Нет.

— Ну, а что там сказано?

— Сказано, чтобы не было преследования казахов за восстание в шестнадцатом году.

Курышпай схватил за локоть Токаша.

— Здорово!

— Да, мой Курыш, разве ты не об этом мечтал? И вот все сбылось за один день.

Это-то понятно Курышпаю. Он вместе с Токашем сидел в тюрьме, потом ездил в Китай, чтобы вернуть на родину славных джигитов. И очень жаль, что не удалось вернуть. Такой джигит, как Бакен, все еще батрачит на чужой земле. Но теперь у нас другая власть.

— Что, если послать кого-нибудь в Китай? — предложил Курышпай. — Надо бы обрадовать Бакена и всех...

— Это правильно, — одобрил Токаш. — Пришло время — теперь все в наших руках. Ты поедешь? Нет, ты здесь нужен. Найдем, кого послать.

Когда они огибали парк, из-за угла навстречу выехал всадник. На луке седла висел костыль.

— Ой, да это же Ахан? — воскликнул Курышпай.

— Он самый. Зови!

Ахан соскочил с коня и сунул под мышку костыль.

— Здравствуйте! — произнес он хриплым голосом.

— Будь здоров, Аха! — приветствовал его Токаш.

— Еду из аула... Говорят, в городе установилась новая власть, так, что ли?

— Вот! — воскликнул Курышпай, сжав кулак. — Все в наших руках!

— Значит, Аянбек говорил правду. — Ахан, как бы вспомнив о чем-то, улыбнулся. — Меня послала Айгуль. Говорят, в городе опять война — узнай, мол, как Токаш...

— И Тока, и Курышпай живы и здоровы. Передай ей! — выпалил Курышпай.

— Ты зачем приехал? Я писал в аул о событиях в Верном. Что там нового? — спрашивал Токаш.

— Волостное управление Сят подарил Аянбеку.

— Подарил? Вот как! — удивился Токаш. — Разве это можно подарить? Или это потому, что Сят против Советской власти? Он, кажется, и сам избран недавно.

— Не знаю, против или не против. Знаю одно: сейчас нет того Аянбека, который охотился на лиснц в горах. Он жмет, заставляя одеть один сапог на обе ноги. — Переменяя разговор шутками, Ахан все-таки похвально отозвался о деятельности Аянбека. — Сят собрал народ и объявил: «Люди, я устал, передо мной — старость. Уважали меня — спасибо. Я старался как мог. Теперь есть такие люди, как Аянбек. Я дарю ему свой пост». Народ зашумел и надел на шею Аянбека войлочную сумочку с печатью. На следующий же день Аянбек сказал: «Старая власть свергнута, законы я буду проводить по-новому» и заставил пригнать из табунов бая Кардена четырех коней для развозов. Один из этих коней сейчас подо мной.

Оказывается, Ахан не верил в установление новой власти и приехал все увидеть своими глазами. Теперь убедился...

— А как понял народ слова Аянбека? — Токаш спрашивал, желая узнать мнение и отношение народа к новой власти.

— Немало доходит разных слухов. Народ ждет сообщения от власти из города. Каждый себе хозяин и по своему законник... Если одни голосят: «Ой, большевики отбирают имущество, все будет общее», то другие говорят: «Теперь будет настоящая власть для бедных» и доказывают друг другу свою правоту. Дело иногда доходит до драк. Перед самым моим отъездом заявился из Кастека кузнец Тукей и поссорился с балхашин* Боштаем, насилу их разняли. Тукей предложил: «Нужно послать в Китай человека, чтоб сообщить беженцам новость», а Боштай съязвил ему: «Там, на границе гляди — ждут твоего посланца. Чихали они! — и надо же было ему передразнить Тукея, показать вывернутую губу! Возник большой скандал. Народ разделился на две группы...

— Жаль, что меня там не было, я бы показал Боштаю, — погрозился Курышпай. — Давно точу на него зуб!

— Ладно, Аха! Ты пока езжай к нам! Я тебя верну в аул посланцем Ревкома.

— Что-то не верится, — рассмеялся Ахан. — Тогда был избран, но скоро сместили — не понравился прислужникам атамана. Как бы и теперь то же не получилось? — Ахан стал взбираться на лошадь.

4

С митинга возвращались втроем — Токаш, Саха и Курышпай. У каждого были свои впечатления. Токаш и Саха говорили о количестве народа, пришедшего на митинг, кто как выступал и что говорилось в народе. Курышпай пока молчал. Все оживление его исчезло от внезапной мысли. Нахмутив брови, держа руки позади, он шел, покачиваясь из стороны в сторону.

— Когда говорил Виноградов, была мертвая тишина. Хорошо говорил. Мысли ясные, как на ладони! — восторгался Саха. — Когда начал говорить ты, пошел шепот...

Нет, Саха плохо слушал. А вот Курышпай, хотя и стоял вдали, но все запомнил. Токаш говорил: «Советская власть — это заря, солнце, восход которого долгое время ждал народ! Вот сегодня загорелась эта заря, взойде

* Балхашин — торговец мелким товаром.

это солнце! Встретим же его, товарищи, с открытой душой, с веселым сердцем!..» Эти слова Токаша особенно понравились Курышпаю. Что же он потом сказал? Да... «В шестнадцатом году казахский народ проливал свою кровь за свободу! Не один славный сын народа отдал свою жизнь за эту свободу!»—«Араб!»—кто-то крикнул и это время в толпе. Курышпай повернулся на голос. Вокруг Бикен стояло несколько девушек и джигитов. Среди них он заметил Салимгерей. Курышпай не мог угадать, кто крикнул — «Араб» и двинулся в их сторону, прокладывая локтями себе проход. «Джигит и должен быть таким! Красивым, стройным, умеющим сказать смелое, светлое слово» — весело промолвила Бикен, обращаясь к подругам. Те рассмеялись: «Не влюбилась ли ты в него? У Бикен очень слабое сердце, это возможно!»

Курышпай остановился, задумался. Что это? Насмешка или она сказала от души? А Токаш продолжает говорить — бледный, брови нахмурены: «Пусть богачи не ждут от нас милости. Мы — враги баев! — и сжал кулак, будто предназначая его Бурнашеву, стоящему около Бикен. На этот раз Курышпай ясно заметил того, кто выкрикнул: Бурнашев вздрогнул и, сжав зубы, со злобой крикнул по-русски: «Араб! Предатель!» Курышпай подошел к нему и сунул Бурнашеву кулак в зубы. Шум и гам... Началась потасовка. Народ разнял их...

— Ты заметил драку? Какие-то двое сцепились между собой, — сказал Саха.

Курышпай ждал ответа Токаша, но тот промолчал.

После ухода Сахи Курышпай не пошел домой, остался ночевать около Токаша. Он хотел высказать ему го- речь, осевшую на сердце.

Этот белобрысый татарин после драки с Курышпаем стал распространять среди народа нехороший слух: «Токаш крещеный, отрекся от мусульманской веры, он немецкий шпион». Откуда он взял эти слова? И знает ли Токаш, кто такой хозяин его квартиры Эрмиш?

— Говори тихо, — сказал Токаш Курышпаю. — стена очень тонкая. Хозяин еще не спит, он хорошо знает по- казахски.

— Ну и пусть слышит! — Курышпай все-таки понизил голос.

— Ты не знаешь этого человека. Думаешь, только часовщик — и все. Он очень мастеровой человек. Но не

это главное. Он понимает жизнь. Ты знаешь, кто такой Маркс.

— Какой Маркс? Это сапожник-еврей на зеленом базаре?

Токаш засмеялся.

— Нет. Я же тебе давно говорил, что был один очень большой ученый.

— А-а, да, да... Это тот аксакал, который говорил, что бедные могут взять власть в свои руки?

— Он и есть!

— Кто? Эрмиш?

— Да нет же, Маркс. А Эрмиш достал книгу Маркса «Капитал» и дал прочесть... Он хотя и не вмешивается в политику, но много знает.

— Кто?

— Опять «кто?» Давай потише.

Курышпай в темноте нащупал табакерку и заложил за губы насыбай.

— Ты говорил как-то, что у этого человека есть дочь? Я вспомнил потому, что хочу вести речь о девушке... Кого, ты думаешь, я видел сегодня?

— Кого?

— Опять эту избалованную дочку Кардена. Ох, и расхваливала тебя. Всерьез или шутит? Ты понимаешь, дорогой: прав своего коня знает лишь хозяин...

Токаш улыбнулся. В темноте Курышпай этого не заметил.

— Что же она говорила?

Курышпай дословно передал, что слышал.

— Между этой девушкой и мной пропасть. Перейти через нее очень трудно,— проговорил в задумчивости Токаш.— Я не думаю переходить, а она — посмотрим.

Курышпай это понял по-своему.

5

В ясную погоду серебристые вершины Ала-Тау кажутся совсем близкими, в облачные дни их скрывает туман.

Сегодня густой серый туман спустился с вершин Ала-Тау в город, растянулся вдоль улиц, вполз во дворы.

Фальковский посмотрел в окно. Усевшийся на заборе

белый петух, вытянув шею, кричит через силу. Бродячая собака, поджав хвост, обнюхала ворота и побежала дальше.

Время раннее, на улицах еще нет никого.

Фальковский накинул на плечи шинель и принялся перечитывать недописанное ночью письмо.

«...Вот уже пятнадцать дней, как прибыл сюда. Приехал вовремя. Ваши предположения оказались верными...».

Дальше не стал читать, отодвинул письмо и, подперев обеими руками голову, глубоко задумался.

Валентин Робертович не верит в случайную удачу. Счастье, точно мираж в пустыне, привлекает издали, притягивает взор, манит, ведет за собой, а станешь приближаться — отступает дальше. Он ждал своего времени, стал опытным, изворотливым, научился при встрече с опасностью хитрить, а когда нужно — идти напролом. Петроградский вал от берегов Балтийского моря дотронулся до Азии. Была встреча с братом генерала Корнилова... Фальковский вернулся в Семиречье. Два года назад он приезжал сюда по секретному делу, связанному с киргизским восстанием. Корнилов-младший подбодрил его: «Тебе знакомо Семиречье. Ты должен быть там. Явись к атаману Малышеву, он воздаст по заслугам». А оказалось: агаман рухнул, исчез за одну ночь, спасая собственную шкуру. Фальковский даже не смог напасть на его след...

Все же перед этой катастрофой Валентин Робертович успел побывать в его доме и передать письмо Корнилова. Малышев тогда сидел важный, довольный, пресытившийся своими успехами, воображал себя властелином обширного степного края России. В этом доме он познакомил Валентина Робертовича с самыми близкими людьми. Епископ Пимен, хорунжий Сотников... Но Валентин Робертович никому не доверяется. Сколько Корнилов-младший ни хвалил атамана, а кем он оказался? Разиня! Лишился всего богатства. Только дурак отдал бы жизнь за атамана, пошел за ним очертя голову. Но Фальковский не таков...

Наедине Валентин Робертович украдкой обращается к своим давним мечтам. Но нельзя слепо увлекаться и пренебрегать разумом. Покойный отец говаривал: «От бесстыдного языка стыдятся глаза других. Язык без

костей, а совесть надо запрятать подальше»... Эти мысли всю жизнь лежали в закоулке сердца и все росли, росли. Теперь же, в день революции в Семиречье, они расцвели и толкнули его к действию...

Валентин Робертович сразу вознесся в глазах людей: его считают чуть ли не Маратом! Некогда сторонившиеся и хмурившиеся люди сегодня начали улыбаться ему, как доброжелатели. Смерть Закира распахнула перед ним ворота на дороге к заветной цели — властвовать над всеми...

Фальковский снова склонился над письмом: «Здесьняя большевистская организация оказалась не такой, как мы предполагали. Среди них есть опытные люди. Но меня встретили хорошо. На заседании Ревкома избрали революционный трибунал, а председателем следственной комиссии при нем назначили меня... Вы, конечно, помните того друга, который встречался в день вашего отъезда из Ташкента? Его пока не могу разыскать. Еще хочу предупредить вас вот о чем: здесь я неожиданно встретил старого знакомого. Его я тогда еще видел в Верном. Он киргиз, очень активный. Чувствую, будет стычка. Он пока меня, кажется, не узнал, и нужно воспользоваться этим...».

Фальковский вложил письмо в конверт и запечатал его.

Неторопливыми шагами пошел к тюрьме. Вчера на заседании Ревкома ему было поручено: «Проверить всех арестованных офицеров, тех, кто не является явным врагом и попал под горячую руку, — освободить и обязать в течение 24 часов покинуть Верный». Что же он сделает? Это надо обдумать. Предстоит серьезное испытание...

Возле тюрьмы народу, как на базаре; много подвздо, выставлены в ряд ведра и свертки. Это пришли и приехали с передачей для близких и родственников, заключенных в тюрьму.

Фальковский открыл дверь комнаты охранников. Одетый в желтый пулушубок солдат спал за столом, подложив ладони под голову. Обхваченная рукой винтовка прижата к боку. Ничего себе порядок! Фальковский поморщился, быстрыми шагами прошел мимо. В кабинете комиссара тюрьмы никого не было. Что за беспечность! Как еще не сбежали офицеры? Он вышел во двор тюрь-

мы и здесь увидел пучеглазого с огненно-рыжими волосами человека.

— Вам кого нужно? — спросил он.

— Комиссара! — сказал грозно Фальковский.

— Я! — ответил тот растерянно.

— Если ты, значит плохой ты комиссар. Нет никакого порядка. Охранник спит, двери раскрыты. Что это такое? Ты давно здесь работаешь?

— Раньше был тюремным надзирателем.

Они вошли в кабинет. Фальковский сел за стол комиссара, неторопливо закурил.

— Ты знаешь, кто я такой? Нет? Тогда знай, что я — председатель следственной комиссии по борьбе с врагами Советской власти. Понятно? Без моего разрешения никого не выпускать и никого не впускать. Понятно?

Комиссар стоял перед ним, кивал головой.

— Сколько офицеров в тюрьме?

— Двадцать пять.

— Есть среди них упрямцы?

— Есть один. Он киргиз. Проклятый, знает все законы.

— Приведи его!

— Есть! — комиссар повернулся на каблуках.

Говорят, один в поле не воин. Фальковскому нужны единомышленники. Недовольных советской властью теперь легче всего найти здесь, в тюрьме...

Вскоре комиссар ввел высокого, немного сутоловатого казаха в сильно помятых и запыленных брюках галифе, туго стянутых широким ремнем. Он встал боком, кося глазами, посмотрел на Фальковского и что-то проворчал. Фальковский дал понять комиссару, что допрашивать будет один. Он узнал заключенного — это был Какенов — и предложил ему:

— Садитесь!

Какенов молча опустился на табуретку и опять искоса, настороженно посмотрел на Фальковского.

— Не узнаете меня? — спросил Фальковский мягким голосом.

Какенов поднял голову и пригляделся внимательнее.

— Лицо знакомое. Кажется, где-то встречал...

— Да, видели, безусловно. Только когда видели, вот вопрос? Вы сюда как попали?

— Мой личный враг постарался...

— А кто он?

— И не спрашивайте, это такой пес, которого давно бы надо расстрелять: Габдулла пока не решался назвать имени.

— Вы можете говорить мне все.

— Он тоже комиссар, как и вы. Вы его знаете.

— Если комиссар — конечно, знаю.

— Вы знали его и тогда, когда он еще не был комиссаром.

Фальковский улыбнулся: «Да, он знает меня давно», — и предложил закурить.

— Какенов, вы образованный человек, были адвокатом. Мы с вами встречались на одном поприще... Давайте бросим играть в прятки и прямо приступим к делу. Сдавайтесь нам и слушайте нас.

— Разве я не сдался? Хотя преступления и не совершал...

— Не напрасно же вас арестовали?

— Я же говорю вам, что личный враг постарался. Имя его известно — Бокин. Он и вам не будет хорошим другом.

— Бокин? Тот самый...

— Тот, который в шестнадцатом году выступил против русских.

— Тогда было другое время, дружище. Сейчас жизнь иная — она мчит нас, как неприрученный конь. Если сможешь, старайся ухватиться за гриву, а не за хвост. Вы, кажется, потеряли чувство времени.

— Я не совсем вас понимаю.

— Сейчас объясню. — Фальковский поднялся с места, закрыл плотнее дверь и подсел к Какенову.

* * *

Через час Какенов был выпущен из тюрьмы. А вечером Фальковский пошел в Никольскую церковь. Для этого он переделся в штатское. Никому нет дела, зачем Фальковскому понадобилось идти в церковь. Для борьбы с врагами Советской власти он должен бывать всюду, даже в церкви, тем более, что в Ревкоме известно о неблаговидной деятельности епископа Пимена.

Было воскресенье. Весь день шел дождь со снегом. К вечеру небо начало проясняться. На горизонте засияло солнце, брызгая яркими лучами.

Народ из церкви уже разошелся, Фальковскому это как раз и нужно.

Лучи заходящего солнца, попадая в окна, сверкали на позолоченных колоннах, вся церковь залита золотистым светом. Душу Фальковского сразу же охватила набожность, рука невольно поднялась, чтобы перекрестить лоб. В детстве он часто ходил в церковь, пел в хоре...

Справа, возле клироса, Фальковский увидел епископа. Пимен разговаривал с рыжеусым казаком. Подойдя ближе, Фальковский узнал Сотникова.

Пимен протянул руку, Фальковский поцеловал, вдохнув запах ладана. Хорунжему кивнул головой. Сотников смотрел на Пимена, ожидая чего-то. Епископ сказал: — Продолжай.

Хорунжий передал содержание письма, полученного от атамана Анненкова. Анненков из Семипалатинска направился в сторону Капальска, казачество Талгара, Каскелена и Кастека готово выйти навстречу ему с хлебом-солью.

Сколько ни старался епископ понизить голос, его раскатистый бас гудел в просторной церкви так, что Фальковский и Сотников боязливо оглядывались на дверь.

— Святой Павел говорил: змея не опасна лишь в том случае, если не дать ей поднять головы. Надо прижать ее ногой и вырвать жало. Вы пойдете встречать атамана хлебом-солью, а вас ужалят отсюда. Я говорю: нужно лишить змею жала...

Отворилась дверь, все трое вздрогнули, но тут же успокоились, — вошел сторож. Хорунжий начал молиться. Фальковский склонил голову перед епископом, пряча лицо. Когда сторож вышел, епископ продолжил разговор.

6

Руководитель комитета алаш в Семиречье Ибраим Джайнаков исчез и замел свои следы. Его первый заместитель Сугурбай нашел приют в доме бая Кардена. Он не показывался на улице и имел смутное представление о положении в городе. Смертельно напуганный Курышпаем, потерявший голову Карден говорил, вперемежку с руганью, что-то невразумительное. Одно ясно

Сугурбаю: ничего хорошего ждать не приходится. Закир расстрелян, Джайнаков где-то скитается, спасая свою шкуру, дом его остался без хозяина.

Дни Сугурбай проводит в комнате Бикен: тут безопаснее. Подруги теперь не приходят к Бикен, а из мужчин никто не решится заглянуть.

Мучительны мысли Сугурбая. Что теперь делать? В ауле нельзя показываться — там схватят и разорвут на части. Единственный выход — бежать в другой город — с глаз долой. Карден отговаривает: «Положди, может быть, все успокоится...». Нет, лучше умереть с оружием в руках, чем ждать, когда придут и, как Закира...

Оказывается, глаза привыкают к мраку. В наглухо затемненной комнате Бикен Сугурбаю хорошо видны — у большого окна рояль, в левом углу — трюмо, справа за белой шелковой занавесью — никелированная кровать. От двери до дальней стены разостлан хоросанский ковер.

Сугурбай лежит на тахте. Появилась игривая мысль: «Я похож на юношу, приехавшего посмотреть свою невесту». О чем не передумает здоровый человек, будучи наедине с собой долгое время, если к тому же он выспался, а делать нечего?..

Со стуком открылась наружная дверь. Вздогнув, Сугурбай снова притаялся: нервы натянуты, его пугает каждый звук. Зазвенели ключи. Сердце Сугурбая встало на свое место.

Бижеш!

Имя Бикен навело Сугурбая на мысль: эта девушка может помочь ему убежать! У нее много поклонников, готовых исполнить ее просьбу.

Шурша платьем, быстро вошла Бикен.

— Дядя, у вас еще не опухла голова от сна? — Вошедшая со света, Бикен не разглядела Сугурбая и столкнулась с ним. Чтобы не упасть, Сугурбай обхватил Бикен за талию. Тело девушки было плотным и упругим. Сугурбай вздрогнул, в глазах потемнело, сознание начало покидать его. В таком опьяненном состоянии Сугурбай прижал к упругим, как яблоко, грудям щеку.

Бикен звонко рассмеялась, толкнула его:

— Дядя, что это значит?

Сугурбай не унимался, терся давно не бритыми щеками.

— Попалась мне в руки? Теперь не отпущу. А выкуп дашь?

— Возьмите все, что пожелаете.

— Ты правду говоришь?

— Да. Что пожалеет племянница для своего дяди?

— Бикеш-жан, я думал, что если у казахов рождаются умные дочери, то ты одна из них.

Отстранив Сугурбая, девушка вернулась к двери, чуть приоткрыла ее. В комнате стало светлее. Бикен подошла к зеркалу, поправила волосы.

— Бикеш-жан, какие новости слышала? Мои уши — это ты!

— Видела Какенова. Вышел из тюрьмы. Уже неделя, как его выпустили!

— Что ты говоришь! Почему же он не заходит сюда?

— Вероятно, он не знал, где вы. Вообще он стал странный, сказал что-то вроде: «Нужно уметь плыть по течению». Не поняла я. — Бикен села за рояль, взяла пару нот: та-та.

— Бикен-жан, брось, пожалуйста, не бренчи! Чего доброго, еще кто-нибудь заявится.

Бикен опять засмеялась: у страха глаза велики.

— Что он говорит про Закира? Верно, что видел своими глазами?... — голос Сугурбая задрожал. Бикен тоже стало не по себе. Неприятно, ужасно говорить о такой смерти...

— Есть какие-нибудь вести от Ибраима?

— Пока нет ничего... И из аула никто не приезжал.

Сугурбай внутренне позавидовал Ибраиму: «Хитер, коротыш. Наверно, уже в Синьзяне!»

— Бокин, оказывается, уехал по аулам, я ходила к нему...

— Что ты говоришь? Но какое тебе дело до этого изверга? — Сугурбай в ужасе взмахнул руками.

— Я хотела спросить, кто застрелил жезде.

— Зачем тебе нужно было идти? К чему играть с огнем, голубка?

Бикен промолчала.

— Бикеш-жан, ты исполнишь свое обещание?

— Вы о каком обещании, дядя?

— Ты уже забыла? Ой-ой, значит, русские правы, когда говорят: не верь девичьей памяти.

— Ну, что нужно? Просите.

— Помогите мне выбраться из города. Верю лишь одной тебе. Бог наделил тебя и умом, и красотой.

— Дядюшка, не перехвалите меня. Вдруг я окажусь не в силах выполнить.

— Не перебивай: я тебе так доверяюсь, как не доверился бы даже мужчине.

— Дядюшка, зачем столько слов? Если бы зависело от меня? Но смогу ли я?

— Сможешь. Ведь говорят же, что хитростью одной женщины можно нагрузить сорок ишаков. — Сугурбай улыбнулся, протянул руку и своими короткими пальцами пожал тоненькие длинные пальцы Бикен.

— Дядя, мне хочется узнать: почему вы все ненавидите Токаша?

Сугурбай вытаращил глаза: ну как ей объяснить? Он подсел к Бикен, сказал все, что с давних пор в глубине его сердца. Сугурбай и Токаш находятся на двух противоположных берегах реки. Ни один не пойдет к другому через эту реку и не протянет руки, больше того — каждый из них будет стараться свалить противника с обрыва и утопить.

— Жизнь Бокина недолгая... — закончил Сугурбай. Бикен, затаив дыхание, спросила:

— Что вы хотите этим сказать?

— Советская власть долго не продержится. А жизнь Токаша связана с ней.

Лицо Бикен стало серым, она долго сидела в молчании.

Снаружи кто-то постучался. Бикен заперла Сугурбай на ключ и пошла в гостиную. Затаив дыхание, Сугурбай прислушался, заглянул в замочную скважину. У посетителя были хромовые сапоги, лицо гостя Сугурбаю не видно.

— Бурнашев, ведь говорили, что ты сбежал, — засмеялась Бикен.

Это пришел Салимгерей, он один из многих влюбленных в Бикен джигитов. Если Бикен скажет ему: полезь в воду, Салимгерей без промедления сделает это. Вот такой молодой человек и нужен Сугурбаю.

— Это я сбежал? — с обидой спросил Салимгерей.

— А кто же больше? — насмеялась девушка.

— Я не уйду из этого города никуда, пока не отрежу голову Токашу! — произнес тот озлобленно.

«Ух, это видать, герой!» — подумал Сугурбай.

— Думаешь, он такой глупый, что отдаст тебе единственную голову? — с ехидством говорила Бикен.

— Вот увидишь!..

— Угрожать за глаза, Салимгерей, — не большая смелость. Скажи в глаза, схватись и докажи, на что способен.

— Принесу его голову и положу перед тобой — тогда ты увидишь мою способность! — Бурнашев хлопнул нагайкой по голенищу сапога.

— Не пугайся, Салимгерей, знай свою дорогу! — в словах девушки звучали и насмешка и предупреждение.

— Не мечтай о нем, голубушка! Он метит не в тебя...

— Не вызывай меня на спор! Если я захочу — завтра же он будет сидеть вот здесь...

«О чем они говорят? — недоумевал Сугурбай. — У Бикен страшные шутки» — он прислушался. За дверью перешли на шепот. Сугурбай услышал лишь два слова, произнесенные Салимгереем: «Сегодня ночью!».

7

Вечерами в большом доме Кардена висят лампы не зажигают. Печи не топят уже целую неделю. В комнатах холодно и темно. Жена Кардена уехала в свой аул на Чемолгане. Заниматься хозяйством некому. У Бикен нет на это времени, она готовит пищу, присматривает за пустующим домом Ибраима, а вечерами исчезает куда-то.

Карден обычно ночует в магазине: там товаров на миллион, в городе беспокойно, вдруг кто-нибудь обворует, тогда все может пойти прахом.

У Кардена была привычка сдвигать круглую черную тубетейку на лоб и поигрывать золотой цепочкой от часов, свисающей из нагрудного кармана жилетки. Такую манеру он перенял от больших торговцев на ярмарке в городе Нижнем Новгороде. Но вот уже много дней он забывал о тубетейке и о цепочке, а сегодня вспомнил. В этот день он не остался ночевать в магазине, пришел домой вместе с Какеновым. Шаги у обоих твердые, Какенов одет в поношенный пиджак, на голове тон-

кий войлочный колпак. Бикен с трудом узнала Габдуллу, хотя и видела недавно.

Двинув тюбетейку и поиграв цепочкой от часов, Карден ушел в комнату Бикен и вывел оттуда Сугурбая.

У Сугурбая исчезла прежняя важность. Протягивая руку Какенову, он несмело пробормотал:

— Оказывается, мне суждено было видеть тебя!

Какенов, приободрившись, начал возвышенным тоном:

— Жизнь человека мне представляется тонкой паутиной, свисающей с потолка. Чуть тронь — и она обрвется... Вероятно, не напрасно говорили прежде люди: «Жизнь — это мучение»... Не дальше, как вчера, чья-то рука чуть не оборвала нить моей жизни...

— А ты не потерял рассудка! — заметил Сугурбай, оживившись.

— Возможно, — Габдулла важно кивнул головой.

— Пока еще не потерял, но близок к этому! — рассмеялся Карден, поигрывая цепочкой. — Оказывается, этот герой идет на службу к большевикам.

— Неужели? — удивился Сугурбай, не зная верить или не верить. — Значит, поэтому он бредит!

Какенов сделав широкий жест рукой, продолжал тем же возвышенным тоном:

— Небо свалилось на землю. Весь мир пошел прахом. Надежды рухнули, вера пошатнулась. В глазах мрак. В этот момент один человек протянул мне руку. И я схватился за эту руку.

— Я подумал, что ты не офицер, а акын! — Карден громко засмеялся: его тяжелое тело тряслось, будто он рысил верхом на лошади.

— Характер Габдуллы непостоянен, как тучи на вершинах Ала-Тау, — сказал Сугурбай, не понимая, что все-таки случилось с Какеновым. — Говори же, есть у тебя что-нибудь хорошее или нет?

Бикен начала подавать обед. Какенов украдкой взглянул на девушку, она была молчаливой, видимо, чем-то огорчена... Ах, да, траур по Закиру...

Габдулла заговорил о событиях в городе, беседа приняла широкий характер.

— Я не доволен. Если мы ни к чему не способны, то, как говорят русские, зачем было городить, огород? Власть, которую мы устансвили с такими хлопотами и

трусами. большевики разгромили за одну ночь! — Габдуллу охватила ярость. — В Ревкоме секретарем избрали Бокина. Вся власть сейчас в его руках. Можно ли ждать от него добра?

— Он и раньше точил зуб на Джайнакова, а теперь разыскивает по всем аулам, — злобно промолвил Сугурбай.

Бикен поставила на стол полное блюдо горячих мант. Крашеным черпаком Карден разложил манты по тарелкам. Сугурбай придвинул к себе перечницу с красным перцем.

— Продолжай! — сказал заинтересованный Сугурбай.

— Говорят, что спрашивал и о вас.

— Я же говорил, что жизни нам не будет, пока он жив. Наверное, в этих краях нет ни одного человека, который бы уважал его. — Сугурбай даже позабыл, что проголодался. Манты остывали.

— Почему нет, дядя? Есть... — тихо сказала Бикен.

Разинув рот, Какенов замер с поднесенной ко рту ложкой. Карден повернулся в сторону дочери и строго посмотрел на нее. Сугурбай вздрогнул, будто кто-то его ткнул иголкой, но быстро освоился и захихикал.

— Бикен-жан говорит нарочно. Продолжай Габудлла.

— Вчера от имени алашского комитета заявили протест и послали в Ревком письмо.

— О, это уже дело! — Сугурбай проинподнялся и сел, подобрав полы халата.

— Его самого не видно. Уехал по аулам. Там сейчас голод, говорят, люди умирают...

— Так им и надо. Они же надеялись, что при большевиках будут сыты, — толстыми пальцами Карден взял одну манту и сунул ее в рот.

— Ну, а дальше?

Какенов не торопился, занятый едой. Он опять бросил взгляд на Бикен: казалось, что девушка не слушает разговора. На ее лице — печать горестных мыслей.

— Ну, заявили протест! А дальше?

— В Ревкоме сидят его сторонники. Ясно, что они ответят. Но там есть один правильный человек. Он помог мне освободиться из тюрьмы. Вчера я просил устроить меня на службу.

— Надо устроиться... Работай вместе с ними — вот

мой совет. И не давай развалиться алашу. Наша жизнь связана с ним,— Сугурбай говорил долго, пока не раздался стук в дверь— тут он сразу же замолк; будто онемел.

— Выйди, Бикен! Узнай! — забеспокоился отец.

В гостиную ввалилось сразу несколько человек. Встревоженный Сугурбай, пятась назад, открыл дверь в комнату Бикен. Группу вошедших возглавлял Бурнашев, за ним виднелось черно-рябое лицо с бельмом на глазу. Бикен вошла самой последней и закрыла дверь.

Увидев Бурнашева, Сугурбай успокоился, вернулся к столу. Яшайло опустился на колени, и согнув голову, взял руку Кардена.

— Исмаил, когда вернулся? — тихо спросил Карден.

— Вчера.

— Ну, какие новости привез оттуда?

— А куда он ездил? — спросил Сугурбай Какенова. Тот шепнул Сугурбаю на ухо:

— Контрабандист. Недавно вернулся из Китая. Наверное, он провожал туда Ибраима.

Яшайло и Карден перешли на шепот.

— Здоров ли Ибраим?

— Передавал всем привет.— Яшайло не нравились расспросы в присутствии многих людей, он отвечал уклончиво.

— Что-нибудь удалось сбыть? — опять спросил Карден.

— Что? Опий, да?

Вместо ответа дунгаин закрыл глаза и закусил губу.

— Как договорились, Бикен, я привел вот этого человека,— сказал Салимгерей, указывая на Яшайло.— Чего он только не знает на свете? Он затолкает аксакала в мешок, взвалит себе на плечи и отнесет в мусорную яму за городом.

Бурнашев заливисто засмеялся. Бикен тоже улыбнулась.

— В самом деле, сможешь вывести из города?— обродованно спросил Сугурбай.

Бурнашев посмотрел на Бикен.

— Слова Бикен для меня равносильны приказу царя. Яшайло выведет, я его заставлю. Если он не захочет слушаться меня, то послушается золота! — сказал Салимгерей и опять посмотрел на Бикен.

В первые дни Карден не придавал большого значения перевороту: «Завтра-послезавтра снова власть перейдет в руки Временного правительства!» — успокаивал он себя. Но вот прошел уже целый месяц, а изменений никаких не было и не предвиделось. Карден начал теряться. Все еще тяжело давило воспоминание о том, как поймали его ночью и мучили, угрожая смертью. Он мог бы умереть не от пули, а от разрыва сердца. Однако все это оказалось пустяками по сравнению с тем, чего приходилось ожидать. В последние дни распространился слух: говорят, что Токаш намерен отобрать скот у богатей и раздать участникам восстания—своим соратникам. Этот слух заставил Кардена день и ночь думать о судьбе несметных табунов лошадей масти черного бархата в Сартаукумах, отар овец в горах, тюков мануфактуры в тайниках.

Карден не только думал, но и делал. Жене в аул послал предупреждение: «Пусть коней угонят дальше к Балхашу и пасут отдельными косяками в песках». Он решил подальше запрятать ценные ткани. Тут нужно было и участие Исмаила Яшайло, который помог скрыться Сугурбаю и вернулся невредимым. Но на этом Карден попался. Через три дня его, дрожащего, привели в следственную комиссию. Домашние ничего не знали: Кардена увели прямо из магазина.

В длинном коридоре душно, совсем нет воздуха. Солдат с винтовкой за плечом ткнул Кардена в затылок, он споткнулся, кое-как перешагнул порог, подумав: «Да будет удача и все обойдется благополучно!» Немного успокоившись, он вскинул голову. Перед ним сидел молодой человек с суровым лицом и пронизывающим взглядом. Моля про себя бога, Карден осторожно приблизился к столу.

Следователь потянулся ученической ручкой к чернильнице. Карден посмотрел в ту сторону, куда была протянута рука, а там рядом с чернильницей лежал — о, ужас — револьвер.

Сердце ушло в пятки. О аллах! Неужели пришел конец?

Следователь записал имя, фамилию Кардена. Он писал неторопливо, по несколько раз повторяя один и тот же вопрос.

Какие у него нежные пальцы, как будто предназначены лишь для того, чтобы писать. И совсем еще молодой джигит. Кажется, этого юношу Карден где-то видел, но теперь не мог вспомнить.

— Вы знаете Исмаила Яшайло?— голос следователя послышался Кардену как будто издали, сердце его стучало, как копыта скачущего коня, он собрал все силы.

— Нет!

— Как же вы не знаете? Ведь он не выходит из вашего дома?

— Откуда мне всех знать, милый. К нам ходит много молодежи.

— А меня вы знаете?

— Как будто видел где-то. Но...

— Я здешний, городской. Вы знали Сулеймена, жившего по Иссыккульской улице?

— Еще как знал! Мы с ним были хорошие друзья.

— Отец часто сокрушался, что бай Карден обижал его, обворовывал...

— Боже упаси! — Карден схватился за ворот. — Покойный, наверно, ошибался.

— Отец еще не умер, он жив!

Карден покраснел до ушей. Какой промах! Но трудно все сообразить в таком положении...

Взгляд следователя, начавший было смягчаться, снова посуровел.

Карден бормотал про себя молитвы. Ноги его устали. Почему ему не предложат сесть? И чего так страшиться Кардену? Какое он совершил преступление? Богат? Но разве богатство — преступление?

Карден, не выдержав, присел на свободный стул. Жаккупбек строго посмотрел на него и опять принялся писать.

— Значит, Яшайло вы не знаете?

— Нет!

— Что вы скажете, если я сейчас приведу сюда Яшайло?

Кардену показалось, что сердце его оторвалось. На

лбу выступили капли холодного пота, и он часто-часто заморгал глазами.

— Незнакомы, не докажет... — промямлил он и внутренне начал проклинать Яшайло. «Пропал теперь! Подвел проклятый дунганни».

Жакупбек открыл дверь и приказал солдату привести арестованного. Согнув шею, как бык, Яшайло вошел широкими шагами и остановился посреди кабинета. Он оброс, похудел, был страшен лицом.

Карден окончательно понял, что Яшайло погубил все добро, нажитое за много лет, все пошло прахом...

— Знаете этого человека? — спросил следователь у Яшайло.

— Знаю.

У Кардена вспотели даже ладони. Всё выдал, проклятый!

— Откуда знаете?

— Он владелец магазина.

— В доме у него бывал?

Карден, бледный и дрожащий, повернулся к Яшайло. Тот не смотрит на него, уставился в пол. Если бы хоть взглянул, можно бы подать знак...

— Бывал!

О аллах! Карден посмотрел на свои ноги. Кончики мягких шагреневых ичигов дрожали.

— Зачем ходил?

— К дочери!

Вот это да! Каков оборот — попробуй, угадай! Не с рождения знают, а жизнь всему учит... Яшайло много лет странствовал между Китаем и Семиречьем — жизнь научила его кое-чему. Карден облегченно вздохнул, сердце встало на свое место.

— Разве отец не видит, когда мужчины ходят к его дочери?

— Где ты видел, чтобы это делали при отце?

Ответы Яшайло, как стрелы, — попадают прямо в цель.

Жакупбек отпустил Кардена домой и представил Фальковскому свое заключение: «Товар принадлежит самому Яшайло».

Жакупбек был послан в следственную комиссию по рекомендации Бокина. В Ревкоме решили: «Правильно! Там нужен казах. Пусть будет помощником Фальковского, пусть учится вести следственные дела». На первых порах Жакупбек допускал промахи, но малый он был смысленый и очень настойчивый, не в меру любознательный — это не нравилось Фальковскому.

Заключение Жакупбека о Яшайло Фальковский одобрил: он знал, что товар этот не Яшайло.

Фальковский вызвал Какенова.

— Время требует действий.

И сказал о том, что Ревком затребовал весь архив бывшего жандармского управления.

— Кажется, занялись твоим прошлым. А кто ваш враг, вы знаете.

«Конечно, Бокин!» — подумал Какенов и умоляюще посмотрел на Фальковского. — Я готов. Согласен на все, что вы прикажете!

— Я отправил им малозначащие бумажки, а важное, сам понимаешь... оставил. Однако не будь беспечным.

Решив, что Какенов теперь навсегда в его руках, Фальковский перешел к другой теме.

— Яшайло знаешь?

— Очень хорошо. — Какенов готов был угодить во всем, растаять, как снег на ладонях.

— Кто он?

— Немое оружие.

Фальковский громко расхохотался. Какенов ему понравился: зорек — видит издалека.

Яшайло освободили из тюрьмы и послали в Китай. На этот раз он повез зашитое в товары письмо бывшему консулу в Кульдже Любе.

Узнав об освобождении Яшайло, Жакупбек хотел было протестовать, но родственники Яшайло и соседи-казахи начали уговаривать: он же мусульманин, пусть уходит! Чьи тут посевы он потравил? Он добывал себе пропитание, ведь время тяжелое.

Жакупбек не хотел обидеть своих близких...

До Пимена дошло: в народе говорят, что епископ проклинал Березовского, благословил руку, покаравшую безбожника, значит, епископ знает, кто убил Березовского.

Пимен заболел. Ночь провел без сна. А утром, встав с постели, долго читал молитвы перед распятием. Затем подошел к окну.

Сегодня солнце щедро поливает своим светом землю. Весна! Деревья обрызганы светлой зеленью. И на улицах шумно — слышны голоса детворы. Какой веселый божий день! Нет, до его слуха, кроме голосов играющих детей, доносились еще какие-то необычные звуки — страшные, со скрежетом, завыванием, похожие на марш смерти.

Пимен прижал руку к сердцу, другой рукой ухватился за раму окна. Звуки марша потрясли все его тело. Вот они приближаются... Не смерть ли это? Нет, нет! Это бред...

Перед окном появились люди, много людей с черными и красными знаменами. Музыка стала еще грустнее, от льющейся траурной мелодии становится тяжело и тоскливо. Пимену кажется, что твердая поступь этих тысяч ног давит его к земле. Пимен вздрогнул и отступил назад.

Это — призрак, значит, епископ заболел. Усилился шум в голове, зашатались стены. И опять слышны шаги, шумящие, как поток...

Не веря сам себе, Пимен опять подошел к окну.

Люди несли венки, несли гроб, покрытый красным полотном. Когда музыка смолкла, донеслись слова:

— Да здравствует Советская власть!

— Березовский не умер! Он будет жить в наших сердцах.

Пимен, бледный, дрожащий, как в лихорадке, спрятался за косяк окна, перекрестился: «О, прости, господи! Они нашли труп Березовского, хоронят...».

У вырытой могилы, над гробом, произносят речи, плачут, клянутся. Вот говорит сосланный в Верный большевик, работавший садовником в саду Рафикова. Фамилия его Юрьев. Атаман запрятал его в тюрьму, а партизаны выкрали и увезли в горы. Недавно в него стреляли и ра-

нили, на похороны он пришел с забинтованной рукой. «Березовский был славным сыном народа, стойким борцом за свободу, он отдал свою жизнь за Советскую власть... Вечная память!..» — говорит оратор.

Потом выступает казах, густобровый с черными усами. Он говорит с гневом, сжимает кулаки: «Коварные враги, поднявшие свою грязную руку на жизнь Александра, ходят среди нас, прикрытые маской... Но пусть они не считают нас рогозеями! Мы знаем, кто убил Березовского». Хотя он и не назвал ничего имени, но, наверно, не только у Пимена сжалось сердце от страха. Пимен еле добрал до кровати и свалился.

А на другой день его вызвал Фальковский. Пимен еле притащился — он ослаб и телом и духом.

— Я должен был это сделать, — сказал Фальковский. — Надо было как-то реагировать на слухи... Ничего, не волнуйтесь. Поговорим с глазу на глаз. Ведь ходить к вам в церковь я часто не могу, понимаете сами.

— Я хочу уехать, — сказал Пимен.

— Бегство — не выход из положения, святой отец. Это может сделать каждый. Чем вы заняты? Где хорунжий Сотников? — Фальковский от слов перешел к делу.

— Прошлой ночью заходил ко мне. Спрашивал: ждать атамана Анненкова или начинать? Я ничего определенного не мог сказать.

— Не будем ждать. Откроем путь атаману в Семиречье. Но прежде надо подумать о людях, которые могут помешать нам. Их слова имеют вес, а имена — популярность. Надо убрать их... Когда понадобится Сотников, я скажу.

— Да будет так, сын мой!

Неожиданно вошел Жакупбек. Фальковский принял суровый вид, строго проговорил Пимену:

— Дадите подписку, что никуда не выедете.

— Сын мой, куда может деться старый человек...

Фальковский повернулся к Жакупбеку и протянул руку — он намеревался подписать подаваемую бумагу и быстро избавиться от него. Но Жакупбек пришел с другим делом: показав пальцем в бумагу, он нагнулся и прошептал:

— Вот это имя... Появилось в сегодняшней сводке.

Фальковский прочел: «Какенов».

Фальковский сам не понимает, почему он побаивается Жакупбека; не в меру старательный помощник то и дело заходит к нему в кабинет, выдумывает всякую-всячину. Вот попал на след Какенова. Так он может когда-нибудь поймать в капкан и самого Фальковского... Вероятно, Какенов повел себя неосторожно.

Сегодня, встретив Какенова возле парка, Фальковский спросил:

— Откуда знает тебя Сулейменов?

— Просто знаком в лицо. Наверное, Бокин наговорил ему.

— Есть у вас на примете такой человек, который мог бы следить за Бокиным и все докладывать мне?

Какенов задумался — он вспомнил старых знакомых.

— Есть. Махмут!

— Кто он такой?

— Бывший кучер атамана Малышева. Шурин близкого товарища Бокина. Уйгур.

— Атаман... Бокин... Тут что-то кроется.

Они разошлись в разные стороны.

Вернувшись к себе в кабинет, Фальковский сразу же послал за Махмутом. Тот пошел с тревогой в сердце: нет и не будет спокойного житья. Не радовали ни золото, ни просторный дом. О том, что по его вине погиб Березовский, Махмут не особенно жалел. Лишь бы не проливалась кровь мусульман, а там — бог простит... Подобно кошке, зарывающей свой кал, Махмут продал и атамана, вручив Токашу его письмо, адресованное казакам. Махмут не любит слово «продал» — ведь за это он не получил от Токаша денег, откуда приходят на язык такие противные слова? Вот только искупил ли Махмут перед Токашем свою вину, вручив письмо атамана? Стоит ли оно смерти Березовского, и остался ли Махмут преступником перед новой властью? А кто знает об этом преступлении? Знал Загоруля, а его уже нет в живых. Атаман сбежал в Китай. Кто же еще остался?..

Так связав в узел нити своих мыслей и найдя в этом немного успокоения, Махмут в сопровождении солдата явился в следственную комиссию. Пусть допрашивают! Махмута взять нелегко. Было время, когда он ездил с караваном в Бухару, там палачи эмира вонзали иглы

под его погги: «Отдай опий, который везешь из Стамбула, иначе мы тебя отправим на тот свет»,— говорили они и пытали. И это он перенес. Если сейчас они разозлят Махмута, то он уйдет в горы и соберет вокруг себя всех уйгур из Джаркента.

— У вас много золота. Сдайте государству! — сказал ему Фальковский.

Кто-то успел донести. Или говорят наугад? Махмут покачал головой.

— Золото у богачей. А я не богач.

Фальковский расхохотался.

— А я не мальчик, который может успокоиться, если ему погрозить пальцем. У меня есть зубы, и очень острые зубы. Нам известно, сколько у вас золота.

«Не только человек, но и сам дьявол не найдет, где лежит это золото. Запугивай сколько угодно!»

— Если не верите, обыщите!

— Бросьте такие разговоры! — Фальковский пристукнул ладонью по столу.— Государству нужно золото. Не отдадите — значит вы враг. Расстреляем!

— Если будете расстреливать каждого, не убедившись в его правоте или виновности, то в городе никого не останется. Разве мы ждали такую власть!— Махмут хоть и робко, но тоже показал свои зубы. Он не скажет «возьми золото!» И ни за что не расстанется с богатством, которое было даровано ему на старости лет самим богом!

Фальковский смягчил взгляд и более тихим голосом произнес:

— Махмут! Вы человек мужественный и честный. Нам известно, что вы были бедным. Мы знаем, где вы нашли золото. Мы знаем и о других ваших делах и даже преступлениях...— И многозначительно умолк.

Махмуту показалось, что то место, где он сидит, начинает опускаться вниз, голова его пошла кругом, а в ушах зашумело. Погиб! Значит они открыли, что предал Березовского!

— Ваше благородие, скажите, какие у меня... еще дела?

Фальковский рывкнул:

— Я не «ваше благородие»! Вы знаете, в каком учреждении находитесь?

— Простите, ошибся... Товарищ начальник! Спросите

обо мне у Бокина, у Токаша Бокина. Он хорошо знает меня. Я помогал большевикам!

Щеки Фальковского разругались и он заговорил весело, как человек, нашедший, то чего искал:

— Говорите, Бокин?

— Да, Токаш Бокин — комиссар, член Ревкома. Наверное, знаете?

— Вы что, хорошие товарищи с ним?

— Родственники. Его дружок и родственник Курышпай женат на моей сестре.

— Хорошо. В таком случае мы простим ваши грехи и золото оставим у вас. Только и вы нам помогайте. У революции много врагов!

— Если что в моих силах — я не пожалею...

— В силах. Кто чем занят и что делается в городе — все будешь сообщать нам. Особенно, что говорят о Советской власти баи и интеллигенция...

— Можно. Это в моих силах.

— И еще одно задание: будете следить за одним человеком, все что он делает, говорит, должен знать я...

— Можно. Кто он?

— Токаш Бокин.

— Бокин? — Махмут вздрогнул. — Ведь Бокин комиссар!

— Для нас все равно. Возле комиссара могут быть враги, а он, занятый делами, и не подозревает. Наша обязанность — следить. Да и комиссара не лишне проверить. Может быть, он и честный человек — надо убедиться в этом!

— Конечно!..

— В таком случае, дайте подписку! — Фальковский вынул из ящика стола узенькую бумажку и протянул Махмуту. Вероятно, она была подготовлена заранее...

...«Даю подписку не разглашать тайны». Не дрогнув, Махмут по-арабски, зигзагами поставил свою подпись. Фальковский положил расписку в ящик стола, закрыл его на ключ и приступил к длинному разговору. Он подробно расспрашивал о Токаше. Что Бокин делал после освобождения из тюрьмы, с кем был связан? Не личные ли счеты между ним и Джайнаковым? Бокин, кажется, живет у немца по имени Эрмиш. Кто этот немец? Нет ли у Бокина связи с Германней?..

Он отпустил Махмута, когда перевалило за полночь.

Разыскивая Токаша, Махмут пришел в Ревком. Перед зданием Ревкома было много народу. У каждого дерева стояли кони и телеги. Аульные казахи сидели на корточках возле арыка, умывались и полоскали горло водой. Махмут узнал среди них Какенова. Взяв табакерку из рук человека в большой бобровой шапке, Какенов насыпал себе на ладонь насыбай. Махмут уловил лишь конец разговора: «Если это правда, то считайте, что он отрекся от мусульманской веры!..» О ком же это? Махмут остановился. Какенов заметил его и крикнул:

— Маха!

Вдвоем они отошли в сторону. Габдулла пояснил: эти несчастные казахи приехали из Илийской и Талгарской волостей жаловаться в Ревком. Все они потерпелись от сына Боки. Одному выбил глаз, другому вырвал бороду, третьего ни с того ни с сего отхлестал нагайкой. Рассказывают, что он раздевает людей догола и ставит на позор... Что за время пришло? Разве казахский народ ждал такой свободы?

Махмут не поверил. Он знает Токаша. Бокин стоит за народ. Наверное, эти люди — продажные псы, натравленные кем-то. Аульные казахи не дают отчета своим словам, болтают, что придет в голову, они не совершают религиозного омовения и не склоняют голов в праведной молитве.

Какенов обиделся на Махмута за высказанное им сомнение и еще старательнее стал поносить Токаша. Он, Какенов — сверстник Бокина, хорошо знает его. Токаш отрекся от веры! Вон того казаха в бобровой шапке он избил до полусмерти, все тело в кровоподтеках. А вся вина его заключалась в ответе на вопрос «ты кто?» Казах ответил: «Я был судьей». Токаш начал хлестать его нагайкой, приговаривая: «Вот тебе, судья!».

— Комитет алаша не развалился еще? — перебив Какенова, спросил Махмут.

— Что значит «развалился»? Кто же будет защищать интересы казахского народа? Бокин, что ли?

— Почему же молчит комитет?

— Вот мы пришли, чтобы сказать Ревкому.

Какенов пошел в Ревком, Махмут — за ним. Но в сениях Габдулла задержался, пропустил вперед Махмута

и подтолкнул его. Махмут попятился. Он вспомнил поговорку: «Не суй голову в петлю раньше своего отца!» Пусть идет вперед Какенов, он руководитель алаш-ордынцев.

В одной из комнат они увидели человека с перевязанной рукой. Махмут пошел к нему смело, не дожидаясь подталкиваний Какенова. Это был Юрьев, в спасении которого принимал участие и Махмут. Глубоко сидящие голубые глаза Юрьева весело посмотрели на Махмута:

— О, Махмут!.. Жив-здоров? Я твою помощь помню. Юрьев пожал ему руку и резко повернулся к Какенову.

— Какенов! — представился Габдулла и несмело пожал пальцы Юрьева.

— Идите!.. Входите! — Юрьев здоровой рукой толкнул двустворчатую дверь, прошел в дальнюю комнату.

— Ну по какому делу? Сегодня в Ревком я дежурный.

Какенов потоптался на месте, начал:

— Я хотел видеть Виноградова, но он, оказывается, уехал в Каскелен по заготовке хлеба... От имени комитета алаш-орды я пришел заявить протест! От какой организации вошел в состав Ревкома Токаш Бокин, мы не знаем. Мы, мусульмане, не давали ему такого полномочия и не посылали его в Ревком.

— Бокин избран от большевистской организации. — Юрьев почувствовал, что разговор предстоит серьезный, пригласил обоих сесть.

— Он не большевик! — быстро проговорил Какенов.

— Откуда вам это известно?

— Его дела не похожи на дела большевиков. Он грабит народ, издевается над людьми, совершает насилие.

— Вот как! А доказательства?

— У подъезда множество аульных казахов, они скажут...

Ничуть не смутившись, Юрьев предложил:

— Позовите!

Как только Какенов вышел, Юрьев удивленно посмотрел на Махмута.

— Как понимать это?

Махмут сморщил нос.

— Кто его знает! Парень он горячий. Может, и было что... Я зашел просто так — узнать о вашем здоровье.

— Спасибо.

Здоровенный казах с отвисшим животом, с широкой бородой шумно вошел вместе с Какеновым.

— Он, начальник? Миленький, Габдулла, передай ему мою жалобу, — начал толстяк по-казахски, Какенов переводил: Я — скотовод, никому плохого не сделал. Явился этот бальшайбек Бокин, разбил мне нос и выбил зуб. Вот он, зуб! — казах между тем вынул из-за пазухи тряпку, развернул и показал пожелтевший и стершийся широкий зуб, переложил его на ладонь и поднес к глазам Юрьева. Габдулла продолжал переводить: — А вся моя вина в том, что я отказался положить с ним в одну постель мою дочь... Как может живой человек терпеть такой позор?

Юрьев поморщился — то ли от вида этого зуба, то ли от слов о проделках Бокина он почувствовал отвращение, и это не ускользнуло от Махмута, внимательно следившего за ним.

— Сюда... Положите вот сюда! — Юрьев с брезгливостью смотрел на зуб. — Ну, рассказывайте, рассказывайте все.

Какенов перевел казаху:

— Расскажи подробно: за что он бил? Как это было?

Казах глубже натянул свою шапку, будто кто-то собирался отнять ее, начал рассказывать с подробностями.

Бокин впереди себя выслал нарочного, наказал передать: «Пусть ставят восьмистворчатую юрту, зарежут жеребенка и встретят с почетом. Буду после полудня». Весь аул всполошился, и от всей души собрались встретить его. Были приготовлены котлы мяса, бурдюки кумыса. Подошло назначенное время. Все собрались и не сводят глаз с дороги — не покажется ли? Нет. Уже вечер... Все еще нет. Устали глаза. Сваренное мясо потеряло вкус. С мыслью о том, что он, может быть, еще придет, все легли, где попало, не раздеваясь. Утром проснулись от топота коней. Его приспешник красноносый Курышпай, самый что ни есть разбойник и нахал, явился с обидой: «Как вы смели не выйти навстречу такому начальству, как Токаш? Почему вы спите?» Пустил

в ход нагайку. Весь аул, вышедший из немногочисленного смирного рода, потерял рассудок, только хлопали глазами. К этому времени подросел и сам начальник Токаш. Пара добрых коней с колокольчиками, ничем не хуже генеральских... С ним вместе конные русские джигиты с оружием. Бокин соскочил с повозки, спрашивает: «Ты кто такой?» «Я вновь избранный народный судья». Токаш с размаху ударил кулаком по зубам и передний зуб вылетел изо рта. Вот этот зуб...

Махмут не поверил: Бокин не такой безрассудный!

Юрьев насмешливо спросил:

— Так ни с того ни с сего и начал избивать вас, аксакал?

Какенов метнул на казаха суровый взгляд:

— Мелешь, сам не знаешь что и меня запутал.. Сейчас ведь говорил, что бил из-за дочери?

Явно запутавшийся жалобщик уже забыл о дочери, продолжал свое:

— Ой, не говори! Как сразу накинется на меня и кончил тем, что выбил зуб...

— Хорошо.— Юрьев еле удерживался от улыбки.— Оставьте зуб,— он вплотную подошел к толстому казаху:— Откройте рот! Толстяк растерялся и, бормоча что-то про себя, отступил назад. Петр Алексеевич взял его под руку и отвел к окну. Толстяк разжал рот. Одного переднего зуба действительно не было. Петр Алексеевич бросил взгляд на зуб, лежавший на грязной тряпочке. Махмут понял: совсем не тот зуб принес глупый казах.

Какенов, бормоча ругательства, увел толстяка и снова вернулся. Теперь он привел худого долгоязого казаха, перепоясанного два-три раза красным матерчатым поясом. Лицо его было покрыто щетиной.

— Этот человек тоже имеет жалобу!—Какенов подтолкнул жалобщика вперед, сказав:— Здесь то самое место, где ты должен высказать все!

Долговязый сунул руку за пазуху, вынул бумажку и показал Юрьеву пучок волос.

— Моя борода. Сын Боки поставил меня нагишом под палящим солнцем, а затем вырвал бороду и отдал мне в руки.

Юрьев посмотрел ему в лицо, отыскивая следы вырванной бороды.

— За что?

Вместо долговязого казаха ответил Какенов:

— Я тоже удивляюсь: спрашивается, за что? По его рассказам выходит так: под вечер Бокин со своим отрядом нагрянул в их аул. Этот человек загонял скот. Бокин заставил постелить одеяло у копны сена возле его дома. Подозвал к себе младшую жену этого человека, которая шла доить коров, и посадил около себя...

— Прямо на глазах у людей? — здоровой рукой Юрьев держался за раненую руку, болезненно морщил лоб.

— Были сумерки, люди могли не заметить...

— Свидетели есть?

— Он говорит, сам видел. Бокин чуть не застрелил его, выстрелил, но мимо.

Юрьев дальше не вытерпел:

— И никто выстрела не слышал, ничего не видел? А где же было палящее солнце? Вон отсюда!

Он выгнал из кабинета долговязого и накинулся на Какенова.

— Кто вы такой — продавшийся за деньги адвокат или провокатор?

Какенов сначала растерялся, но вскоре пришел в себя.

— Это декханин. Вы должны были выслушать его жалобу?

— Он не декханин, а бай!

— Прошу прощения, вы с Бокиным перещеголяли даже вчерашних Фольбаума и Малышева. Несправедливость терпел весь казахский народ — бай и бедные, все они в одинаковой мере страдали, все они одинаковы. Вы знаете об этом.

Махмут с интересом наблюдал эту сцену. Чем она кончится? В таких случаях Махмут обычно старался извлечь для себя пользу. Какенов хорошо знает законы, очень любит поспорить, сейчас хочет осадить Юрьева и держать разговор в своих руках. Но Юрьев и не подумал спорить, он покачал головой и слегка улыбнулся.

— Я не губернаторский чиновник, чтобы верить каждому слову баев. Мы умеем различать черное от белого. Мое мнение: это слишком грубо сработано. Не поверим!

— Комитет алаша придает большое значение этим проделкам Бокина... Не думайте, что мы оставим это без

внимания!— проговорил с угрозой Какенов и вышел из кабинета.

— А где сейчас мой друг Токаш Бокин?— спросил Махмут у Юрьева.

— Бокин — в аулах, теперь уехал в сторону Пишпека. Всюду — голод. Бокин раздаёт байский скот бедным.

Махмут вышел из Ревкома, постоял в задумчивости и пошел к Фальковскому. Не прибавив от себя ни слова, Махмут передал ему все, что видел и слышал.

* * *

До самого вечера Юрьев принимал казахских и русских крестьян из ближних аулов, поселков и станиц, выслушивал их жалобы, давал советы. Когда опустел Ревком, Петр Алексеевич, оставшись один, открыл окно и свободно вдохнул свежий воздух, двинул плечами так, что заныла рана.

— Сволочи!— Петр Алексеевич скомкал заявления и бросил в угол.

За окном раздался конский топот. Кто-то подъехал, спрыгнул с коня, потрепал его по шее. Быстро ступая по лесенке, поднялся наверх. Вошел... Бокин!

— Жду тебя, дорогой!— пошел навстречу Юрьев.

— Меня? С чем же?— Токаш смотрел прямо в лицо Петра.

— Да, тебя. Много разговоров о том, где ты был и что делал.

— Наверное, кто-нибудь наябедничал?..

— Говорят: «На воре шапка горит»...

— Казахи говорят: «Подозрительный убегает первым...» Я не бежал, я вернулся.— Токаш говорил смело.— Мне известны намерения казахских баев.

Юрьев не думал подозревать Токаша, не стал распространяться на этот счет и перевел разговор на другое.

— Ты Какенова знаешь?

— Как не знать! Он сейчас агитирует народ и распускает слух, будто скоро советская власть падет. Народ спрашивает меня: «Правда это?» Нужно закрыть комитет алаш-орды.

— Это надо хорошо обдумать. Не преждевременно

ли? Такой шаг может вызвать недовольство. Я вспомнил Березовского, его осторожность...

— Я тоже вспомнил Александра. Думал о твоей ране. В тебя, Петр, стреляли алаш-ординцы.

— А может, казаки.

— Это теперь все равно. Слушай, что я расскажу.— Токаш присел на стул, заговорил тише.— В одном ауле я встретил джигита, который только что вернулся из Китая.— С большим риском пробрался через границу. Этот джигит передал мне привет от Бакена — моего верного товарища, героя шестнадцатого года. Бакен видел Ибраима Джайнакова и атамана Малышева — спихались там, собаки! И еще Бакен узнал, что Малышев и Джайнаков частые гости у бывшего царского консула. А этот консул, я знаю, живет там надеждой на помощь англичан. Вот теперь и делай вывод...

— Это меняет положение.— Юрьев встал, посмотрел в окно, постучал пальцами о стол, потом повернулся к Токашу:— Вопрос об алаш-орде обсудим на заседании Ревкома, ты сделаешь сообщение. Договорились? Теперь рассказывай о своих делах.

Токаш рассказал о положении крестьян. В селах и аулах свирепствует семиглавая змея—голод. Страдают прежде всего бедняки. Прошлым летом была засуха, посеы выгорели. Аулы, разоренные карателями во время восстания, оказались в страшном положении, люди не имеют ни куска хлеба, ни чашки молока. Особенно тяжелое положение в Чуйской долине, население повально покидает насиженные места и откочевывает в разные стороны. Враги Советской власти — баи и кулаки — угрожают им направиться в город, говорят, что здесь им должны, обязаны дать хлеб... Видя трупы умерших с голода родственников, даже некоторые сознательные киргизы и казахи начинают поддаваться агитации алаш-ординцев. Алаш-орда оказывает влияние на темных крестьян, наговаривая на Советскую власть. В некоторых селах, услышав слово «советы», люди немеют, сторонятся...

Токаш открыл столовые для голодающих бедняков. У баев брал скот, муку и другие продукты — у кулаков в русских селах. Конфискованы денежные средства националистической организации «Шура ул ислам» в уй-

гурских и дунганских волостях и используются для голодающих.

— Ну, скажите, пожалеют после этого меня баи или нет?— закончил Токаш.

Конечно, не пожалеют — Юрьев это хорошо знает. Все эти клеветнические заявления — ответ на действия Токаша. Баи жаловались не на то, что у них был взят скот для бедняков, — они выдумывали небылицы.

Юрьев посоветовал Бокину быть осторожным.

— Не попадись так, как попался я. Могут уложить выстрелом из-за угла.

— Я это знаю, — кивнул головой Токаш. — Но ведь волков бояться — в лес не ходить. Разве можно допустить, чтобы народ погибал с голоду?.. Ну, как, рана еще не зажила? В ту ночь он целились не в тебя, а видимо, в меня.

— Что ты, что я — для них все равно. — Юрьев махнул здоровой рукой. — Поедешь в аулы, возьми с собой отряд! Будь осторожен, прошу тебя...

Когда они вышли из Ревкома, уже надвигалась ночь, темная южная ночь.

11

В последние дни Какенов изменился — Бикен заметила это. Как только Габдулла стал работать переводчиком в военном трибунале, он почувствовал себя на твердой почве, в голосе его все чаще звучали нотки самоуверенности. После исчезновения Ибраима Джайнакова он стал известным лицом среди алаш-ординцев и взял комитет алаша в свои руки. Какенов собрал вокруг комитета молодежь, он готовил большой молодежный вечер, в «Доме свободы» ежедневно проводились репетиции. Габдулла организовал встречу учащихся гимназии с девушками из мусульманской школы Фатимы-апай. Бикен тоже посещала «Дом свободы». Она не могла отказать себе в развлечениях, а кроме того надеялась увидеть в «Доме свободы» или на улице Токаша. Бикен не обижалась, что Токаш позабыл о ней. Виновата сама. Слишком легко отдалась, не смогла совладать со своим расплавшимся сердцем. Да, она виновата, хотя близкие Бикен во всем винят Токаша, ненавидя его.

Покойный жезде Закир писал на него доносы в полицию, говорят, Ибраим ябедничал губернатору. А она—ну что ты поделаешь с сердцем!—любит Токаша. Да, все так запутано и сложно, что очень трудно понять что-либо...

Бикен надела свое любимое белое шелковое платье и вышла на улицу. Возле дома ее ожидал Салимгерей. Вместе они пришли в «Дом свободы».

Там собралось уже немало молодежи—казахские, узбекские, уйгурские и татарские юноши и девушки. Увидев Бикен, они мигом окружили ее и усадили за рояль. Салимгерей протиснулся поближе к Бикен.

Голубоватые глаза Бикен, как зеркало,— в них отражаются лица, платья, руки окруживших ее девушек и джигитов. Она обвела всех вопрошающим взглядом:

— Какую песню сыграть?

— «Проснись, казах!»— предложил только что подошедший Габдулла. Молодежь шумно поддержала его.

Длинные тонкие пальцы Бикен, опережая друг друга, забегали по клавишам. Запел Какенов, начав песню низким грудным голосом. Ее подхватили разрозненно и фальшиво. Какенов остановил хор, начал снова, дирижируя руками. Теперь песня полилась стройнее, и все же ее портил чей-то невероятно высокий голос. Какенов опять остановил хор, указал пальцем на одного джигита — тот сконфузился.

— Ты портишь все дело, будешь петь отдельно! — сказал ему Какенов. Эти слова развеселили молодежь. Повернув голову, Бикен увидела невысокого роста коренастого джигита, он обиженно насупился, смотрел на Габдуллу, по-волчьи опустив голову.

Песня так и не удалась. Габдулла объявил перерыв. Столпившаяся в одну кучу молодежь сразу же рассыпалась. Бикен заиграла вальс. Гимназисты начали учить девушек танцевать. Пары в вальсе сталкивались, слышался смех. Возле рояля спорили Салимгерей и неудачный певец с фальшивым голосом, он был угрюм и, видать, решил противоречить всем.

— Кто это нарисован? — спросил он, указывая на изображение казаха с клиновидной бородкой, продолговатым узким лицом и с пенсне на носу,— портрет висел на стене против Бикен.

— Не знаешь? Какой же ты казах! — рассмеялись парни.— Его знает даже Салимгерей...

— А что тебе Салимгерей? Прекрати-ка насмешки!— Салимгерей принял грозный вид.

— Салимгерей знает. Скажи лучше ты, — приставали к угрюмому джигиту.

— Думаете, не знаю? Бокин. Токаш Бокин!

— Ха-ха,— поднялся дружный хохот. Засмеялась и Бикен. Подошел Какенов.

— Посмотрите на него, Габеке. Он говорит, что это— Бокин. Вот бестолковый!— хохотал Салимгерей.

— Я ведь его не зря исключил из хора. Недостатки у него не только в голосе, но и в мозгах! — с издевкой произнес Какенов.

— Что же, по-вашему, Бокин не достоин, чтобы его портрет повесили на стене? Он же настоящий герой!— ответил угрюмый джигит, весь загораясь яростью.

— Эй, хватит тебе! Чего мелешь языком!— крикнули на него сразу два-три человека.

— Конечно, голос одного не услышать в толпе — мрачно промолвил тот и отвернулся.— Посмотрим еще.

— Ого, как он разболтался! Выгнать его!— крикнул Габдулла.

Несколько джигитов стали выталкивать строптивного на улицу.

Какенов повернулся к Бикен.

— Сыграй, Бикен, что-нибудь приятное для души. Сегодня почему-то у меня плохое настроение.

— Видимо, этот джигит испортил,— рассмеялась Бикен.— Он всех рассердил. Вы действительно опасаетесь, что здесь могут повесить портрет Бокина?

— Бикеш, не будем говорить об этом. Давно уже пора знать, что к чему, и уметь разбираться в людях...

Бикен ничего не ответила и опять заиграла. Танцы возобновились.

Вдруг широко распахнулась дверь и в зал шумно вошла группа людей. Впереди — Бокин! На нем песочного цвета гимнастерка, ремни, сбоку — наган, брюки с красными лампасами, хромовые сапоги. Насмешливый взгляд, не замечая Бикен, скользнул по залу.

Музыка замерла, танцующие пары застыли. Бикен узнала спутников Токаша. Справа от него — смуглый Ораз, рядом с ним уйгур Абдулла с недавно появившимися усиками; слева — высокого роста со сросшимися густыми черными бровями Саха, а около него прозван-

ный казахскими баями «сорви-головой» известный Курышпай — он не сводит глаз с Бикен и улыбается.

Бикен как-то не заметила, с чего же начался разговор. Она не слышала визгливого и злобного голоса Какенова.

— Кто вы такой?

— Я — секретарь Ревкома, — твердо ответил Токаш. — Ревком принял решение закрыть учреждения алаш-орды. Исполнение этого решения поручено нам.

— Это выдумки Бокина! Такого решения не было! — выкрикнул Какенов, озираясь на своих джигитов и ища у них поддержки.

— Разумнее всего прекратить разговоры и освободить помещение, Какенов! — Токаш говорил тоном приказа.

Подстрекаемые Какеновым, алаш-ординцы осмелели, подошли к Бокину и его спутникам.

— Ну-ка, где твое решение?

— Еще не родилась такая власть, которая может запретить алаш-орду!

— Для чего закрывать?..

— Свобода дана и казахам!

— Бокин, прекрати своеволие!

Почуввав поддержку, Какенов заговорил с еще большей смелостью.

— Мы намерены устроить вечер и собрать средства для голых и голодных казахов. Не мешайте нам. Для разговоров будет время и завтра!

— Разве вы не подчиняетесь постановлениям Ревкома? — обратился Саха к толпе.

— Нет, нет! — хором крикнуло несколько голосов.

— Значит, вас давно надо было разогнать.

— Какенов, вы понимающий человек, — попробовал вразумить Габдуллу Токаш. — Время алаш-орды кончилось. Голым и голодным казахам, о которых вы говорите, не нужны ваши сборы и подачки. У них есть своя власть — советская власть. Она сделает для бедных все, что нужно, скот и хлеб возьмет у богатых. Нынче власть принадлежит таким вот беднякам, как Курышпай. Зачем спорить?

— Говоришь, таким, как Курышпай? — удивился Салимгерей. — Он пройдоха, не раз сидел в тюрьме... Что хорошего в такой власти?

Курышпай грозно двинулся на него.

— Да, я сидел в тюрьме, но не за взятки, не за то, что сосал кровь казахов, прислуживал царским чиновникам и писал доносы на честных людей, как это делал ваш Какенов.

— Замолчи! — прикрикнул Габдулла.

Три джигита во главе с Салимгереем накинулись на Курышпая.

Курышпай, широко расставив ноги, сделал несколько резких движений руками. Ухватившиеся за него джигиты полетели на пол.

— Прекратить! — грозно остановил их Токаш. — Какенов, приказываю вам: оставьте помещение! Двери закрою, здание опечатаю! Мы знаем, чем занимается алаш. Вы — против советской власти. Ревком решил закрыть...

— Не уйду! Не подчинюсь! — тряс руками Какенов.

— Тогда пеняй на себя! Составлю акт!.. Саха, вызови патруль!.. — Токаш подошел к машинке, стоявшей на столе, и начал печатать акт. Бикен нерешительно приблизилась к Токашу.

— Токе! Не делайте этого... Ради меня...

— Бикен, не упрашивай! Нечего унижаться! — Какенов подошел к Бикен, она отстранила Габдуллу, начала упрашивать Токаша.

— Зачем поступать так резко? Ведь он тоже сын казахского народа...

— Скажите ему, — повернулся Токаш, — пусть уйдет без шума! Я тоже не хочу арестов.

Бикен пробовала уговорить Какенова, но тот ни за что не хотел согласиться и еще больше обозлился.

Саха привел патруль.

— Я — Бокин, вот мой документ! Возьмите этого руководителя алаш-орды и отведите в тюрьму. Акт сдайте вместе с ним! — приказал Токаш. Патруль повел Какенова, остальных разогнал один Курышпай. Токаш собственноручно запер помещение алаш-орды и ключ положил себе в карман.

Удрученная Бикен возвращалась домой вместе с Салимгереем. По дороге она только и сказала:

— Токаш подрубает сук, на котором сидит сам.

Салимгерей не согласился.

— На суку сидим мы. И Токаш его рубит!..

Аресту Какенова Фальковский придавал особенное значение. Пришел удобный момент разозлить и поднять тех, кто держался за алаш, они могут стать союзниками казачества. Встретившись с епископом, Фальковский в ту же ночь послал письма в станицы Талгар и Каскелси. Державшие коней под седлом и ожидавшие сигнала, казаки вынули сабли из ножен и начали наступление на город. Той же ночью неизвестные люди расклеили на улицах города воззвания: «Братья! Город находится в руках бандитов. Каждый день совершаются аресты и расстрелы. Так жить невозможно. Они уничтожают лучших сынов мусульманского народа... Вчера закрыли комитет алаш-орды и арестовали известного демократа Какенова. Завтра намерены его расстрелять...

Иссякло и наше терпение, пора действовать. Казачество Талгара и Каскелена уже вынуло сабли из ножен». Листовки призывали к восстанию.

12

Белоказаки решили напасть на город с двух сторон, захватить его внезапным налетом. Против них выступил первый социалистический полк под командованием Емелева и отбил атаку. Получившие отпор и не решившиеся идти напролом, белоказаки окружили город, прервали связь с близлежащими населенными пунктами. Враги рассчитывали на то, что город без продуктов не сможет держаться, в нем начнутся беспорядки, и он сам сдастся. Белоказаки, видимо, пронюхали, что продовольствия в казармах хватит всего на двое суток. Действительно, на третий день бойцов кормили всего один раз. Опасность нарастала с каждым часом.

В Ревкоме долго обсуждали создавшееся положение. Под конец решили отозвать с фронта Бокина и поручить ему заготовку продовольствия. Скоро Токаш был уже в Ревкоме. Юрьев сказал ему:

— Для этого дела никого более подходящего, кроме тебя, нет. Ты хорошо знаешь и город и ближние селения. Возьми отряд и езжай в сторону Или, найди и доставь продовольствие! Всю полноту власти бери в свои руки! Если до вечера не сможешь что-либо найти, дела наши будут плохи.

Токаш на минуту заскочил к себе домой. Там его ждало письмо. Он торопливо вскрыл конверт.

«Токашбай сын Боки!

Ты продался. Весь мусульманский народ проклинает тебя. Опомнись! Не забывай о боге и о потусторонней жизни! Если будешь заодно с неверными, долго не проживешь!...»

Подписи не было.

Токаш позвал хозяина квартиры старого Эрмиша.

— Кто принес это письмо?

— Недавно заходил какой-то мальчик и оставил его для тебя. Что-нибудь неприятное?

Токаш показал письмо. Старик покачал головой.

— Да, над такой вещью следует подумать. Это угроза! Ты всегда ходишь один, не будь беспечным, сынок!

Токаш слегка улыбнулся.

— Почему? Я не один. Со мной всегда Курышпай. А сейчас даже целый отряд.— Токаш раздвинул шторы на окне и указал на конных солдат, стоящих на улице.

— Они не всегда около тебя. Такому человеку, как ты, нужна охрана на каждой улице, в каждом доме.

Эрмиш был прав. В самом деле, сейчас возле Токаша из верных товарищей остался один Курышпай. Все другие вошли в состав социалистического полка. Ораз, Абдулла, Саха — все на передовой линии. Но делать нечего — такая уж обстановка...

На небе — темно-серые облака. Порой они раздвигаются, и тогда на землю падают сияющие лучи солнца. На окраине города, со стороны Тастака, раздаются выстрелы... По улицам идут отряды солдат, одни на отдых в казармы, другие — на передовые позиции. Поступь их тверда, лица суровы. Слышны краткие слова команды...

Сжатые сроки заставили Токаша начать заготовку продовольствия в городе. Поехали к Бурнашеву. Двухэтажный кирпичный дом с садом богатого торговца, чьи деньги не вменяются в карманы, а скот пасется далеко отсюда, в степи, занимал целый квартал. В эти дни Бурнашев закрыл свои магазины и торгует из-под полы. С Кардемом они соседи. Должно быть Бурнашев и Карден тайно ведут торговлю с Кульджой.

Курышпай соскочил с коня и открыл ворота. Осталь-

ные, сидя на конях, въехали во двор. Видимо, Бурнашев увидел их в окно, он торопливо вышел на крыльцо.

— От имени революционного комитета приказываю: сейчас же приготовьте десять мешков муки и двадцать голов убойного скота!— объявил Токаш, не слезая с коня.

Бурнашев не нашелся что ответить, он молча пятился назад. Сидевший на сером коне Токаш показался ему страшнее самой смерти.

— Не только десять, даже и мешка муки нет в этом доме, — наконец произнес пришедший в себя Бурнашев.

— Если не найдешь ты, найдем мы сами! — сказал Курьшпай.

— Чего стоять? Время не ждет. Приступайте к обыску! — приказал Токаш отряду.

Джигиты принялись за дело. Курьшпай обнаружил тайный склад, вырытый под коридором. Железным ломом он приподнял крышку тайника, спустился вниз, зажег спичку.

— Что там? — Токаш нагнулся к яме.

— Мука, масло, мясо... Все есть! — ответил Курьшпай радостным голосом.

Токаш повернулся к Бурнашеву. Тот стоял затаив дыхание, распираемый негодованием.

— Это продукты для моих детей. Забирать не имеешь права! — заголосил он, загоразвивая собой тайник. Курьшпай толкнул его плечом.

— Отойди!

Солдаты, нагрузив две подводы, тронулись со двора. Дети и жены Бурнашева с ревом вышли вслед за ними на улицу. К этому времени подросел старший сын Бурнашева — Салимгерей. Вместе с ним был черно-рябой Яшайло. Салимгерей ухватился за узду коня Бокина.

— Что за бесчинство! — задыхаясь, крикнул он по-русски.

— Берем лишнее для тех, кто голодает. Разве не знаешь, что в городе нет куска хлеба? — ответил Токаш, подхлестнув коня.

— Это грабеж! — кричал Бурнашев-отец.

— Останови, Бокин, эти подводы! Иначе совершится кровопролитие! — требовал Салимгерей, кидаясь к передней подводе.

— Уйди прочь!.. Не цепляйся! — оттолкнул его Курьшпай.

— Рукам волю не давай! — прохрипел черно-рябой. Он и Курышпай схватились. Черно-рябой оказался проворным, он дернул Курышпая за ворот и разорвал пиджак.

Разозленный Курышпай ударил Яшайло кулаком в висок. Токаш пришпорил коня и мигом оказался около них.

— Прекратите!.. Ты кто такой? — Токаш напирал конем на Яшайло. — Знай свою дорогу!

— Ну, ладно... Встретимся в другом месте! — произнес с угрозой Буриашев-сын, оттягивая назад Яшайло.

Эти две подводы пришлось сопровождать всем отрядом. Сдав продовольствие, Токаш продолжил свое дело уже на других улицах города. До вечера он побывал почти во всех богатых домах, добывал муку, мясо, масло. Кто отдавал сам, а у кого пришлось отбирать. Были и такие, что не дожидаясь, пока к ним придут с просьбой, привозили продукты сами. Только выехали из двора Адила, брата Кардена, как из противоположного низкого домика вышла молодая женщина в платке и подошла к Токашу.

— Я слышала, что вы собираете продовольствие для войск. У меня есть жирный баран, берегли к празднику... Возьмите его. Не жаль ничего, лишь бы не голодали вонны, лишь бы вы победили врага. Мой муж тоже на фронте...

Токаш пожал ей руку и написал расписку в том, что после окончания войны Советская власть вернет ей стоимость барана деньгами.

Наступал вечер. С самого утра ничего в рот не бравший Токаш почувствовал голод — во рту ощущался вкус железа. Голодными были и его товарищи. Но никто не сказал об этом. «Лишь бы не голодали на фронте» — вспоминались слова молодой женщины.

Тревожный город пританлся, словно предчувствуя беду. Фронт на окраинах тоже молчит. Возможно, это затишье перед бурей? Прошлой ночью казаки усилили натиск. Они знают, что советские бойцы голодны. Среди снующих по городу обывателей, конечно, есть и их тайные разведчики...

«Хорошо, если успеют сварить ужин и раздадут его бойцам», — думал голодный Токаш. Он сумел достать

продовольствия не на один день для восьми тысяч человек.

Обратно ехали, пустив коней шагом. Погруженный в мысли, Токаш не заметил, как поравнялись с домом Кардена, не увидел Бикен возле крыльца. Зато увидел ее Курышпай и толкнул Токаша в плечо.

— Добрый вечер, Бикеш! — Токаш натянул поводья.

— Сходите с коня, батыр. Будьте гостем! — пригласила Бикен.

Свет только что вышедшей из-за туч луны падал на печальное лицо Бикен, белое, как лист бумаги.

— Я не один, нас много, — ответил Токаш. Чувство голода обострилось.

— В тесноте да не в обиде, было бы уважение, а место и угощения найдется для всех.

«Люди целый день не ели, измотались», — подумал Токаш и распорядился:

— Слезай, остановимся.

Открылись ворота. Сарай, где некогда останавливался караван, был пуст. Можно поставить коней, подкормить их.

Токаш бросил повод Курышпай, вошел в дом. Кардена не было — вероятно, спрятался у кого-нибудь из знакомых, опасаясь Токаша. В городе у Кардена скота нет, он в аулах. Токашу это известно. Иначе он начал бы с Кардена...

Лицо Бикен разрумянилось, печаль исчезла. Но на глазах были слезы, Токаш подошел к ней, взял в свои руки ее мягкие нежные пальцы — они дрожали.

— Бикен, почему у тебя слезы на глазах? Не понимаю...

Токаш удивлялся своему голосу — он был теплым и нежным.

— Сердце мое разрывает тоска, измучилась я... До моего слуха дошли разговоры, будто вы, перед которым я преклонялась, как перед святым, которого считала чище фарфора, белее снега, стали кровожадным. Вот что меня печалит...

— Что я могу сказать, Бикен? Между нами лежит пропасть, глубину которой невозможно разглядеть... В нашей жизни мы не сможем перейти эту пропасть. Что говорят обо мне — это сплетни. И все же я не могу сказать: «Не верь?»

Бикен снова побледнела, спросила холодно, с обидой:

— Правда, что вы застрелили моего жезде Закира?

— Нет.

— Почему вы так ненавидите нас?

— А за что ненавидели меня Закир и Ибраим?

Девушка отвернулась, пошла на кухню.

Солдаты внесли в комнату большой самовар, в котором раньше кипятили чай для всех караванщиков. Бойцы плотно окружили стол, Бикен едва успевала разливать чай. Проголодавшиеся люди с удовольствием уплетали буханки хлеба, очистили большое блюдо жареного и несколько тарелок масла, насытившись, принялись шутить, вспоминали смешные случаи этого дня. Токаш сидел задумчивый.

Вдруг в комнату вошел Какенов. Борода и усы на чисто сбриты, надушен, одет, как жених—не подумаешь, что недавно сидел в тюрьме. Токаш в недоумении: кто же его выпустил?

Должно быть, и Какенов не ожидал здесь встретить Бокина, он вздрогнул и поспешно сделал шаг назад, будто его толкнули в грудь. Бикен встала с места и, вежливо улыбаясь, пригласила за стол. Какенов поблагодарил девушку и, не поздоровавшись ни с кем и не попрощавшись, ушел.

Токаш забеспокоился, он с нетерпением ожидал окончания чаепития. Затем, отпустив солдат в казарму, он вместе с Курышпаем поехал на квартиру Юрьева.

— Почаще заезжайте! — крикнула вслед Бикен.

Токаш молча взмахнул нагайкой.

13

Петр Алексеевич жил все в том же деревянном домике, что стоит в саду Рафикова. Живет один. Жена и сын под Москвой, он их не видел больше трех лет. Сам не может поехать туда и привезти не решается, да и невозможно — кругом бон. Год, как нет писем. А сам нездоров — рана еще не зажила. Заботу о нем взяла на себя жена сторожа, старая добрая женщина, — готовит еду, штопает и утюжит одежду.

Сегодня он вернулся из Ревкома поздно. Соседка приготовила горячий ужин. Петр Алексеевич перевязал

рану и сел за стол. В это время пришел Токаш с Курышпаем. Токаш словно знал, что Юрьев многое хотел сказать ему. Но разговор начал Бокин. Сообщив, сколько за день добыто скота и хлеба, он заговорил о Какенове.

— Устроился на должность переводчика в трибунале. Кто его принял туда? Кто опять выпустил из тюрьмы?

Возмущения Токаша справедливы. Но в Ревком Какенова никто не поддерживает. Разве только Фальковский. Петр Алексеевич рассказал Токашу: сегодня, под вечер, председатель следственной комиссии приходил в Ревком и просил разрешения на арест Бокина. Из аулов и из города поступили жалобы на Бокина: избивает людей, бесчинствует. Вот и сегодня избил рабочего Яшайло. Головорез, анархист! Если дать ему волю, он обозлит весь народ и восстанет против власти! — так говорил Фальковский.

Большинство членов Ревкома не поверило словам Фальковского. Потом Емелев, Виноградов и Юрьев обменялись своими соображениями. Кажется, кто-то подстраивает такие вещи...

— Яшайло ударил я! — произнес до сих пор молча слушавший Курышпай:

— За что?

— Он сам полез драться, защищая то, что мы взяли у Бурнашева, и разорвал мне пиджак. Вот, смотрите! — и показал наскоро пришитый воротник пиджака.

— Не применять силу, значит оставить бойцов голодными. Мы не будем жалеть баев, не допустим, чтобы свергнули Советскую власть! — голос Токаша задрожал в гневе. — Не знаю, где мы только находим этих Фальковских-мальковских!

— За то, что застрелил Закира, Фальковский был выдвинут председателем следственной комиссии. Говорили: «Там нужен твердый, мужественный человек...» — негодовал Токаш. — Пока разберемся в людях, нам придется не раз еще сожалеть!

— Разберемся, — успокоил Юрьев. — Вот только бы отбить белоказаков. Сегодня на фронте затишье. Если они не начнут нового наступления, начнем мы... Теперь бойцы подкрепят свои силы. Продовольствие есть, но его надо больше. Ты подумал о завтрашнем дне, Токаш?

— Нет. Я думаю пойти на передовую линию, взять в руки оружие...

Юрьев не одобрил такого намерения — оно ошибочно. Не стоит обижаться на жалобы баев, надо продолжать самое трудное в такой ответственный момент дело — добывать продовольствие. Председатель следственной комиссии — тупица. Он не может отличить белое от черного. Никто не позволит ему арестовать Токаша.

— Без тебя найдутся люди, умеющие держать в руках оружие. Подумай о завтрашнем дне, может быть, выедешь в ближние аулы...— закончил свою мысль Юрьев и, видя, что Токаш согласен, спросил:

— Сможешь провести отряд, минуя позиции белоказачков?

Токаш усмехнулся:

— Если не провести отряд, то как же провести обратно обоз с продовольствием? Ложитесь-ка отдыхать, Петр Алексеевич.

14

С отрядом около ста джигитов Токаш остановился в Бурундае, чтобы подкормить коней. Он сел в тени большого карагача, прислонился спиной к стволу дерева, расстегнул ворот вышитой белой рубашки и вытер вспотевший лоб.

Был полдень. Небо ясное, только по вершинам Ала-Тау медленно ползли клочки серо-бурых облаков. А здесь не чувствуется даже легкого ветерка. Кругом мертвая тишина.

Не видно города, расположенного у подножия гор. В той стороне еще идут бои. Кто знает, что там происходит? Вот уже прошло целых пять дней, как Токаш выехал оттуда. Он побывал в аулах западнее города и отправил добытое продовольствие под сильной охраной в Верный, а сам поехал в Чемолган.

Аулы встревожены: плохие вести не задерживаются, они мигом достигли Чемолгана. Больше всех беспокоилась Айгуль. Взоры ее были постоянно обращены в сторону города. Увидев Токаша, сходящего с коня, она бросилась навстречу и повисла на его шее. Прозрачные слезы падали на руки Токаша. Что за привычка у женщин плакать в радостную минуту? Токаш посмотрел в

печальное лицо невесты; тонкие губы беззвучно шевелятся, они говорят о тоске, разрывающей сердце. Токаш понял это без слов и поцеловал ее — он не хотел, чтобы эти слова были сказаны. Ему казалось, что слова, вроде: «Жив?... Наконец я увидела тебя, Токаш-жан, ты ли это», — неуместны при долгожданной встрече. И правда — печаль девушки скоро развеялась, как туман. Когда Айгуль зажгла пятилиннейную лампу, Токаш заметил на щеках ее румянец. Милыми движениями она аккуратно разлила чай.

Аянбека дома не было. Заядлый охотник, позабыв о том, что является комиссаром волости, уехал на охоту.

С делами волости управлялись мальчик-секретарь и Айгуль. Нужные людям бумаги писал секретарь, а Айгуль ставила печать и подписывала за отца. Узнав обо всем этом, Токаш посмеялся от души. Айгуль стала опытной. Возникавшие споры она решала моментально и справедливо, затем быстро заверяла бумаги. Иногда случалось и так: Аянбек был дома, а разрешать споры люди приходили все равно к Айгуль.

В ту ночь Токаш порадовался еще раз деловитости Айгуль. Через мальчика-секретаря она мигом созвала джигитов аула: люди собрались без промедления. Все они знакомы Токашу. Тут были джигиты, которые когда-то партизанили вместе с ним в горах, а на следующий же день после переворота, сказав: «Пошли домой устанавливать советскую власть», — надели шапки набекрень, заткнули нагайки за пояс и вернулись в родной аул.

Айгуль не робела и не чувствовала стесненности, как это бывает с аульными девушками, она степенно и спокойно обратилась к джигитам:

— Токаш-агай прибыл с просьбой в свой родной аул, к своим родным. Для доблестных сынов народа настали тяжкие дни. Не оставайтесь в стороне, вот о чем прошу вас!

Токаш смотрел с удивлением и не верил своим глазам. «Неужели эта бойкая на язык девушка — Айгуль?» Да, Айгуль говорила уверенно и дельно. Ему показалось легко осуществимым дело, ради которого он приехал сюда. Токаш сказал джигитам: «Белоказаки поголовно сели на коней и атакуют город. Если они победят, ни одного из вас не оставят в живых, не перебыют, так сядут

верхом и все равно не дадут житья, будут бить сапогами в самую грудь... Подумайте, как быть. Вы уже знаете, что такое советская власть. Баи ее страшатся, а батраки рады ей, они стали равноправными гражданами. Женщинам тоже предоставлено равенство. Как же можно лишиться всего этого? Если не хотите потерять своих прав, то выступайте на защиту советской власти. А кто думает остаться в стороне от борьбы, пусть повяжет голову платком и подобно женщине сидит у очага!

Токаш одних вдохновил, других пристыдил — и все джигиты в один голос сказали «да» и оседлали коней.

Казалось бы, готов целый отряд. Но какой же это отряд, если нет оружия. Спутав коней, джигиты собрались около Токаша, настроенные у всех невеселое. И не было тут балагура Курышпая, который обычно смешил на привалах, — он вчера уехал в город, сопровождая обоз с продовольствием, собранным в аулах.

— Кроме дубинок, в руках нет ничего...

— У Асылхана есть ружье, оно стреляет картечью.

— Зря мы сдали в казарму винтовки, которые отобрали у каравана, посланного из Китая атаману.

— Такой был приказ от советской власти — сдать оружие...

Не вмешиваясь пока в разговор, Токаш обдумывал единственный выход — вести джигитов в город, там оружие выдадут. Но согласятся ли джигиты ехать безоружными. Вокруг города — бой, легко напороться на казаков — это все понимают, — а что будешь делать с пустыми руками?..

На дороге со стороны города показался быстро скачущий всадник. Кто бы это мог быть? Очень уж спешит...

— Кажется, Курышпай! — сказал Токаш.

И действительно, это был он, Курышпай, потный, войлочный колпак его сполз на лоб.

— Это не война, а мученье! — Курышпай устало сполз с коня, — ни минуты покоя. Мотайся день и ночь... Белоказакки прорвали цепи под Тастаком и теперь угрожают городу... Бой были прекращены, велись переговоры. Белые предложили послать продовольствие, если наши выпустят из тюрьмы заключенных. На этом договорились. Но кто-то преждевременно выпустил заключенных, и белые воспользовались этим, снова начали атаки...

— Вот подлецы!

— Есть у тебя насыбай? — Курышпай толкнул в бок сидящего рядом джигита. Постучав о каблук роговой табакеркой и насыпав на ладонь большую щепотку насыбай, он быстро опрокинул ее за губу.

— В Ревкоме видел Юрьева, и он просил тебя, Токаш, прибыть немедленно. Вот почему я так спешил...

В этот момент вдали на холме показались два всадника. Токаш первый заметил их.

— Курыш, что это за всадники? Не за тобой гнались?

— Первый раз вижу их.

Все вскочили с мест. Всадники спустились за холм.

— Их нужно задержать, — сказал Токаш, садясь на коня.

Курышпай и еще несколько джигитов последовали за ним. Началась погоня.

— Эй, стой! Стрелять будем!

Те двое мчались без оглядки. Видимо, они были дальними путниками, уже успевшими изрядно притомить коней. Токаш и Курышпай нагнали их. Оба всадника были русские парни, на головах краснозвездные шлемы. Токаш понял, что это красноармейцы.

— Я — комиссар Бокин. Это мой отряд... В городе идут бои. Откуда вы едете? Документы есть?

— Давно бы так и сказали. Теперь дело другое... — ответил один из красноармейцев.

— Вы нас не обманываете? — усомнился второй.

— Если думаешь, что обманываем, дело ваше...

— Нам... нам нужен представитель советской власти! — проговорил первый красноармеец.

Токаш вынул из кармана удостоверение члена Ревкома и показал им.

— О, теперь верим. Мы разведчики из отряда Мураева, идущего из Ташкента.

— Мураева? Его отряд послан к нам на помощь? — торопливо спросил Токаш.

— Так точно!

— Где отряд?

— В десяти километрах отсюда...

Токаш взмахнул нагайкой.

— Веди быстрее!..

Вместе со своими джигитами Токаш поехал навстречу отряду Мураева. Молодцы ташкентцы, они поступили

по-братски! В самый трудный момент протянули руку помощи...

Это была очень своевременная помощь. Мураев, смуглый, высокого роста человек, очень решительный,— узнав от Токаша о положении в городе, подробно расспросив Курышпая о последних событиях, начал действовать незамедлительно. Отряд двинулся на Тастак и с тыла неожиданно атаковал белоказаков, которые вели бои уже на окраинных улицах Верного. Растерявшиеся белоказакки стали отступать в сторону гор. Конные красноармейцы преследовали их, рубили с плеча...

Отряд Мураева разбил белоказаков наголову, не дав им достигнуть Каскелена...

15

Поражение белоказаков испугало Фальковского. Надежды его рушились. Что теперь делать? Вчера на заседании Ревкома Бокин не сводил с него взгляда, пронизывающего душу... К тому же дело Пимена так раздулось, что Фальковскому хоть беги из Верного...

Вот если бы епископ нашел дорогу в Кульджу и при помощи Любы сумел направить английского «льва» в Семиречье! Фальковский высказал свою мысль Пимену на очередном допросе. Тот нашел ее разумной.

В ту же ночь Фальковский принял Габдуллу Какенова. Жакупбеку, который постоянно вертелся на глазах, он дал понять, что Какенов нужный для следственной комиссии человек. Какенов, с тех пор, как стал переводчиком ревтрибунала, почувствовал себя равным среди сотрудников следственной комиссии, держался с ними свободно. Фальковский, внимательно следивший за ним, с удовлетворением отмечал: «Входит в свою роль». На Какенова он возлагал большие надежды...

* * *

Какенов тихо вошел в дом Кардена. Большая гостиная бая была полна городских торговцев, аульных аксакалов, ходжей и мулл. На самом почетном месте — бородатый имам татарской мечети, рядом с ним справа — кастекский хальфе. Здесь же — герой восстания шестнадцатого года, надавно вернувшийся из мавзолея Ход-

жи Ахмета Яссави, похудевший Жунус и узун-агачский бакалейщик Боштай. Все они сидят на разостланном поверху ковра одеяле, свернув ноги калачиком. Имамы перебирают четки, аксакалы важно поглаживают свои бороды, перебрасываясь отдельными фразами, в ожидании единого для всех разговора.

Во дворе с бульканьем кипит большой никелированный самовар, а на кухне — испускающий клубы пара большой котел мяса. Группа женщин, возглавляемая Бикен, шныряет в передней комнате, занимаясь приготовлением стола. Приготовление затягивалось, братья Карден и Адил время от времени подбрасывали в затихающий разговор искорку и снова раздували тлеющий огонек беседы.

Карден подвинулся и дал Габдулле место рядом с собой, из присутствующих никто не обратил внимания на его появление. Какенов не обиделся, наоборот, он внутренне рад этому. От них он не ждет почета. Он слушает их и этого достаточно для него. Видно, Карден-аксакал поставил перед собой важную цель, если созвал у себя таких знатных людей. Комитет алаш-орды закрыт. Почтенных людей лишают богатства и пускают по миру. Как бороться против этого? Прислушается Бокни к голосу этих людей или окончательно порвет с ними? Вот о чем пошел сейчас разговор, который задел всех.

— Для мусульманских сынов настали черные дни. Это мы, не скрывая перед своей совестью и верой, должны сказать откровенно, — произнес хальфе и должен был сделать паузу, потому что горячо заговорил Карден:

— Золотые ваши слова, хальфе-еке. Всему Семипалатинскому краю известно, что вы человек справедливый. Однако, по-моему, не советская власть принесла черные дни мусульманам. Это дело рук пятнистой змеи, нами же рожденной. Ведь не зря говорится в народе: «Если найдется кто сильнее тебя, он выколлет тебе глаза». Мне кажется, что одна из казашек-матерей родила одноглавого дракона...

Язык Кардена цедил яд. У сидевших похолодели спины, некоторые не могли усидеть на месте и заерзали.

— Астапр-алла!.. Боже-боже!

— Чего только нет на этом свете!

— Дай боже, чтоб все кончилось благополучно! — Со всех сторон посыпались тревожные и печальные сло-

ва, которые, объединяясь воедино, добавили страха и тревоги к сказанному Карденом.

Карден сегодня проложил путь к серьезному разговору. Погладив густую бороду, бай продолжал:

— В этом городе нет ни одного потомка истинных мусульман — почтенного казаха, уйгура, татарина, — который бы не терпел бесчинства. Скажите сами, разве это неверно? — он оглянулся по сторонам, потом его взгляд метнулся в сторону Какенова. Карден замолчал, ожидая от него одобрения. Но Габдулла не хотел пока выставить себя. — Вы — мудрость казахского народа, — снова заговорил Карден. — И я пригласил вас для того, чтобы поделиться этими печальными мыслями! Какие будут советы? Слово за вами!

Какенов теперь решился заговорить.

— Многоуважаемые гости! Я захватил лишь коней беседы, прошу прощения! Я не думал, что в этом уважаемом доме встречу сразу со всеми знатными людьми Семиречья. — Габдулла посмотрел на Кардена. Тот кивнул головой — дал знак: «Продолжай, все понимаю по тону голоса и движениям твоих губ»; Какенов продолжал:

— Ни одного русского не тронул. Отчего же не болеть моему сердцу? Он беспощадно грабит только казахов и других мусульман. Я думаю, советская власть не так приказала ему. Об этом мы имеем некоторые сведения... Не было и нет человека, который бы назвал с уважением его имя или обратился к нему на ты».

— О ком это вы ведете речь? — вдруг спросил Жунус как ни в чем не бывало. Хальфе посмотрел на него осуждающе.

— Глухой, что ли ты, мой друг? Говорим о коварном сыне Боки. Друг говорит в глаза, а враг — за глаза. Ваш сын, Жуке, мы слышали, является его правой рукой! — многозначительно пояснил хальфе.

Боштай, зная крутой нрав Жунуса, неодобрительно посмотрел на хальфе, словно говоря: «Напрасно об этом»...

— Враки! — произнес Жунус суровым голосом — это прозвучало как удар по зубам. Карден прикрыл рот. Между тем Жунус продолжал: — Токаша я знаю как одного из достойных сынов казахского народа. Правда, человек он резкий, а слова — подстать характеру. Но

разве не он в шестнадцатом году смело выступил на защиту казахского народа? Почему вы забыли об этом и теперь шушукаетесь да сплетничаете. Не поверю! Зачем говорить намеками?

— Помолчи, болтун!—сидящий рядом с ним задиристый хальфе задрожал от гнева и сдернул с головы чалму.

— Я болтун? Вот тебе! — Жунус коротко ударил хальфе по лицу. Они схватились драться. Поднялась суматоха. Странно, оказывается, и среди знатных, выдавших виды людей, которые правили народом, есть способные на такие неблагоприятные поступки! Хотя Какенов в душе не одобрял происшедшее, но успокаивать их не стал. Какой пес этот Жунус! Нет на него управы, вот и привык к таким выходкам, возомнил о себе, зазнался!

Какой-то джигит оттащил за полы хальфе и повел его с окровавленным носом на двор. Шум прекратился. Нурулла-нишан сказал Жунусу:

— Жунус, ты совершил бестактность! Поднимать руку на муллу — грех перед богом. Попроси прощения!

— А что, разве бог позволял мулле оскорблять других? Какое ему дело до меня? Каждый хозяин своих слов. Каждый мерит на свой рост. В такой момент, когда мы собрались поговорить о том, как облегчить свалившееся горе, он оскорбил меня. Ему не понравились мои слова?! Ха! За свои годы я не только от хальфе, но и от генерала не слышал оскорбления... О Токаше я думаю совсем иначе, чем хальфе. Я думаю, что и Карден-аксакал поторопился со своими обвинениями. Людские сплетни, подобно змеинному яду, распространяются быстро и умертвляют разум. Давайте подумаем! Поговорим с самим Токашем. Что он скажет? Мой сын Саха — не изверг, как назвал его хальфе. Было время, когда мы шли рука об руку и жертвовали жизни за народ. С тех пор прошло немало времени. Кто теперь мой сын? Какой жизненный путь избрал он себе? Все это мне пока неизвестно. Я сам хочу узнать об этом. Если дети в самом деле окажутся извергами...

Мелкими шажками вошел хальфе, умывшийся холодной водой. Его слух уловил последние слова Жунуса:

— Слава аллаху! В этом нет у меня никакого сомнения... Зато есть сомнение в том, что ты сам шагаешь по пути с мусульманами,— хальфе сел на свое место.

Жунус вскочил, руки его тряслись.

— Пусть этот... сдержит свой язык, иначе я уйду! — Жунус указал пальцем на хальфе и посмотрел на Ну-ролла-ишана. Ишан ничего не ответил. Перебирая четки, он продолжал сидеть молча.

— Не могу я сдерживать язык! — воскликнул хальфе: — Жунус мутит народ, отделяет одного казаха от другого...

Жунус, не говоря ни слова, взял свою нагайку и направился к выходу. Никто не открыл рта, все молча одобряли его уход. Только Карден, хозяин дома, считал неудобным не проводить гостя хотя бы до наружных дверей.

Когда Карден вернулся, Габдулла шепнул ему на ухо: «Не соглашается? Ну и пусть уйдет! Это лучше, иначе он все испортит...».

Аксакалы долго сидели за чаем, затем ели мясо. Хотя они не влюбились в Жунуса, но в конце концов остановились на его предложении. Они решили направить посредника к сыну Боки Токашбаю с посланием: пусть прекратит разорение почтенных казахов. Если же не согласится, то пусть укажет место схватки... Имя его будет проклято народом».

— Если он не одумается, мы не можем защищать его, как мусульманина! — произнес хальфе, отряхивая полу халата.

* * *

Как только гости разошлись, Карден взял счета и принялся шелкать косточками. Бикен, украдкой слышавшая разговор, подошла к нему.

— Отец! — как Бикен ни старалась говорить спокойно, но ее голос задрожал и выдал душевное волнение. — Что вам нужно от Токаша? Почему вы поддаетесь нашептыванию других? Я знаю, вас толкает на это сын Какена.

— Милая, о чем ты говоришь? — спросил отец, оторвавшись от счетов и с удивлением посмотрев на нее.

— Когда отбирали у других скот, Токаш не тронул вас. Почему вы не хотите признать его доброту? Собрали аксакалов... Думаете, что сейчас прежние времена? — Бикен знала характер отца — если он вскипятится, то его трудно охладить. Поэтому она старалась говорить веско и заранее осадить его разумными доводами.

— Ты думаешь, он пожалел меня из-за тебя?

Мысль о том, что отец намекает на отношения Бикен и Токаша, обожгла ее лицо.

— Что вы хотите сказать, отец?

— Говорят, что он горланит в этом Ревкоме каждый день, намеревается отобрать у казахов скот и передать русским. Первым назвал меня... Разве так жалеют?

— Вы расплачиваетесь за свой язык, отец! Сколько раз я говорила: не доверяйтесь этому Какену. Он врет...

Карден молчал. Со двора вошла жена Кардена и согласилась с дочерью.

— Какую вы видите пользу в этих ходжах и муллах. Если на нашу голову свалится беда — ни один из них не окажет помощи. Сыновья Бокп и Жунуса не то что с тобой, они не побоялись схватиться с губернатором и атаманом... Царские палачи не смогли осилить их, а вам подавно не под силу, мой старик. Разве не говорят в народе: «Богатым будет тот, кто умеет сдерживать себя»?

Карден молчал...

А на следующее утро он решил поехать в свой аул под Чемолганом. Если не досмотреть за скотом, его могут растащить. Бикен решила ехать вместе. Карден не возражал: она неглупая, может пригодиться...

16

Выйдя из дома Кардена, Габдулла зашел к Бурнашеву. Ворота были открыты, в беседке внутри двора вместе с Салимгерсем сидел еще кто-то. Заметив Габдуллу, Салимгерей крикнул: «Габеке!»

Не зря говорят, что удачливому джигиту встречается сваха... Кто же сидит в беседке? Подойдя ближе, Какенов узнал Яшайло. Давно не было его видно, откуда он взялся?

Салимгерей и Яшайло поднялись ему навстречу. Должно быть, родители Салимгерей жили во флигеле внутри двора; двери комнат раскрыты, всюду пусто. Хотя Какенов давно знал Салимгерей, был хорошо знаком с сестрой его отца, но в этот дом он входил впервые. Дом был большой, комната за комнатой. Салимгерей привел его в самую дальнюю, видимо, она принадлежала ему. На окнах — портьеры из красного сукна.

Ярко светит четырехфитильный канделябр. В комнате светло. Усадив гостя за круглый стол из орехового дерева в центре комнаты, Салимгерей сам опустился в качающееся плетеное кресло. Яшайло стоял у дверей. Погладив только что выступившие рыжие усики, Бурнашев обратился к Какенову:

— Суюнчи! — обычно Салимгерей часто шутил с ним, и поэтому Габдулла не придавал этому слову никакого значения. Но в разговор вмешался Яшайло.

— Один человек посылает вам привет и спрашивает: «Какова погода в Семиречье?..»

Растерявшись, Какенов смотрел то на одного, то на другого. Что знает этот урод? Не подослал ли его Жаккупбек?.. Страх прошел и разум взял верх: не побывал ли Яшайло в Китае? Знает ли об этом Фальковский?

— Спасибо, погода в Семиречье ясная! — Габдулла не сводил глаз с Яшайло.

Яшайло распорол борт пиджака и протянул бумажку, завернутую в чистую тряпочку. Салимгерей и Яшайло друзья. Салимгерей — друг Какенова. Письмо прибывшее из Китая, свело вместе всех троих. После такого вывода Габдулла успокоился и неторопливо начал читать письмо.

«...О делах Яшайло расскажет устно. Не прерывай связь... Какова погода Семиречья?» Почерк Ибраима. Значит все благополучно.

— Когда прибыли? — Габдулла попросил Яшайло сесть поближе и стал внимательно слушать его рассказ.

Яшайло видел Джайнакова в Кульдже на квартире атамана Малышева. Все такой же, несколько не поудел, только много думает о родственниках, оставшихся здесь. Атаман тоже выглядит неплохо. Малышев и Джайнаков установили связь с англичанами. Теперь будут чаще задавать вопрос: «Какова погода в Семиречье?» Их интересует обстановка. Комитет алаш должен все знать и передавать сведения... Когда наступит выгодный момент, англичане помогут. Малышев и Джайнаков тоже не дремлют. Они собирают всех беглецов из Семиречья, Семипалатинска, даже из России. (Слово «беглецы» вызывало у Габдуллы ироническую улыбку). Похоже на то, что они сколачивают войско.

Свое сообщение Яшайло закончил заданием Джайнакова:

«Пока жив заклятый враг, казахам не видать счастья. В первую очередь надо уничтожить его. Тогда бы я вернулся на родину». Кто «заклятый враг», он не сказал. Поймете сами!

Какенов, конечно, понял. Сегодня и аксакалы не хотели называть это имя — оно известно...

Какенов передал самую суть разговора аксакалов, их решение поговорить с сыном Боки через посредника.

— Самое тяжкое впереди,— Какенов говорил с сокрушением.— Бокин намерен отобрать у людей скот и раздать его каким-то беглым разбойникам и русским мужикам.

— Говорите «беглым»! На синьцзянской границе от кочевников пыль столбом. Ушедшие в Китай казахи сейчас возвращаются. Первые их группы уже прибыли в аулы,— рассказывал Яшайло.— Другое дело, если бы они прибывали спокойно. Но у всех на устах одно и то же: «Знаешь ли Токаша, сына Боки? Где он? Правда, что он стоит у власти?» Они, подобно блеющим овцам, ничего другого знать не хотят, только одно...

Эта весть поразила Какенова. Вот когда начинается настоящее столпотворение! Что же делать? Ум — хорошо, два — лучше, а три — еще лучше. Они просидели долго. А расставаясь, пожали друг другу руки, дали клятву: умереть — так вместе. Пришло такое время, что если не объединиться — гибель всем.

17

Саха был назначен полномочным комиссаром в Пишпеке по размещению и устройству прибывающих из-за границы казахов и киргиз, он начал заготавливать в селах и аулах продовольствие. В самый разгар дел получил от Ревкома телеграмму: ему предписывалось передать свои обязанности представителю пишпекского уездного Ревкома, а самому приступить к созданию уездного партийного комитета в Пишпеке. Это означало попрощаться с Верным на длительное время. Теперь Сахе нелегко будет выбраться из Пишпека... Расстроился, не хотел оставаться, но что поделаешь — дисциплина. Война еще не кончилась. Куда посылает партия.—

туда и идешь. Если бы в Пишпекке жила Глафира! Но она давно уехала в Ташкент. И все же Саха разыскал дом дела Глафиры, зашел. Старик коротко ответил: «Нет ее. Уехала в Ташкент». И писем тоже давно не было. Что с ней? Саха написал Глафире письмо и стал устраиваться в Пишпекке на житье, чувствуя себя пока одиноким. Нужно было иметь кое-какие вещи, он отправился в Верный.

Только успел войти в свою квартиру, умыться с дороги, как появился отец. Саха до того был обрадован, что выронил из рук полотенце. Жунус раскрыл свои объятия и прижал сухошавого высокого ростом сына к груди.

— Саха-жан, наконец-то мы увиделись живыми и здоровыми! — голос Жунуса был тверд, движения живы, никаких следов томительного ожидания встречи после долгих лет разлуки. Саха тоже заговорил весело в тон отцу:

— Если бы вы пришли завтра, то мы не увиделись бы.

— Опырай, сынок, неужели ты позабыл о матери? Застал я ее в тоске и обиде: нет дома ни тебя, ни меня. Извелась вся... Спасибо родственникам, хоть они помогали. Дом держится лишь на Гульжан!..

Саха всерьез огорчился. Конечно, нехорошо так поступать, что там говорить! Какне бы трудности ни встречались, разве можно забывать про мать? Правда, он после выхода из тюрьмы один раз ездил к ней и, прожив там несколько дней, успокоил ее и себя. А с тех пор у него не было свободного времени. Переворот, мятеж белоказаков. Теперь вот надо переезжать в Пишпек. Отказаться поехать туда — нельзя...

Похоже, что Жунус понял это. Разговора о матери больше не заводил, лишь наказал: «Летом отпросись и съезди к матери».

Сын дал обещание. Жунус начал говорить о положении дел в аулах. Но тут в комнату вошли Токаш, Ораз, Жакупбек и Абдулла — все они были радостно возбуждены.

— О твоём возвращении в город первым узнал Жакупбек, он увидел тебя. «Кто-то промчался мимо окна, смотрю, — говорит, — Саха...» и сразу прибежал ко мне. А тут пришел Абдулла... — рассказывал Токаш.

— Вовремя пришли. Я покажу вам одного человека! — Саха указал на Жунуса, сидевшего в углу и молча любовавшегося ими.

— Ба! Жунус! Дорогой Жуке! — воскликнул Токаш и шагнул вперед. Они обнялись, сомкнули груди.

— Пришел к вам. — Жунус снял вельветовый бешмет, шапку из меха кунницы и надел на голову черную бархатную тюбетейку. — Милый Токаш, ты один из славных сынов казахского народа, будь осторожен. Видать, у тебя много врагов! — после этих предостережений он намекнул на разговор у Кардена, но избежал подробностей.

Этот поступок отца не понравился Саха; отец — их единомышленник, близкий человек, а те аксакалы, с кем он был в компании, не заботятся о судьбе казахского народа, всем известно, что это за люди.

Жунус, не обращая на сына внимания, завел разговор с Токашем, чтобы выяснить его дальнейшие намерения.

— Чего вам не хватает и чего вы хотите? Токаш, я тебе говорю прямо: ты здравомыслящий человек, зачем ты поднял такой шум в народе?

У Токаша нахмурились брови, упрямый взгляд уставился на Жунуса.

— Что значит «поднял шум», Жуке?.. Народ голодает. Возвращаются славные сыны народа, которые были вам соратниками в шестнадцатом году, у них нет куска хлеба, нет крова над головой. Не могу же я сидеть спокойно и допустить, чтобы они страдали, а у баев усам тек мед. Пусть что хотят, то и говорят...

— Это правильно, и желаю удачи! Но чего ты один добьешься насильем? Ничего, кроме как наживаешь себе врагов?

— Терпение, Жуке! Революция — поступь миллионов, если кто не посторонится и не уступит дорогу, того раздавит и пройдет дальше — у нее свой путь. Остановить эти миллионы не в силах ни вы, ни я...

— Вот что я тебе скажу — один в поле не воин. Ты должен окружить себя друзьями. Не будь легкомысленным. Вас мало, а их много, и они сильны, смотрите, чтобы не погубили вас... Можно спокойно спать и действовать без оглядки в том случае, если будете иметь друзей на углу каждой улицы...

Токаш улыбнулся: эти слова Жунус говорил ему еще раньше, Эрмиш говорил то же.

— Вспомни, Жуке, слова наших предков: чем быть сорок дней исполнителем, лучше один день — повелителем. Баи хотели вечно повелевать. Если им не дать почувствовать нашу власть сейчас, то разве они, властвовавшие на протяжении веков, уступят беднякам?

— Есть еще одна пословица: большинство страшит, а глубина топит. Почему ты забываешь об этом? Почему мы не погибли в шестнадцатом году? — голубые глаза Жунуса разгорались.

— Казахских бедняков много, но они еще не вышли из-под влияния баев. Сейчас пока полезнее опереться на силу, чем на них, — вставил Ораз.

Такого мнения Саха не разделяет. Опора большевиков на селе — казахская беднота, она выступит против своих же баев и начнет строительство социализма... Но и в словах отца есть доля правды — нужно быть осторожными и не дать себя окружить врагами. Токаш слишком крут...

Когда поединок Жунуса и Токаша стал затягиваться, их перебил Жакупбек. Он завел разговор о предстоящем отъезде на северный фронт всех троих — Ораза, Жакупбека и Абдуллы.

Из Аягуза атаман Анненков взял курс на Капал. От Ленина получена телеграмма: любыми силами остановить наступление... Полк красногвардейцев завтра выступает на фронт. Емелев — главнокомандующий нового фронта, а Ораз, Жакупбек и Абдулла будут вести политическую работу. Отправляются завтра утром. Саха появился кстати. Кто знает, что их ждет впереди — пришли попрощаться... Токаш снова едет в аулы. Семиглавый дракон — голод все еще свирепствует, а тут еще возвращаются люди из Китая — голодные, оборванные. Их надо встретить, как родных...

Жакупбек умолчал, что на фронт его послал Фальковский: нашел выход избавиться от неугодного работника. Фальковский хлопал Жакупбека по плечу, приговаривая: «Будешь бороться с врагами Советской власти».

Что люди нужны на фронте — это правда. Что Жакупбек нежелателен эсеру — это тоже понятно, но возражать Фальковскому Жакупбек не решился: ведь тот мог обозвать его трусом.

Алма-Атинка — речка бурная. Стремительно мчатся с гор, она бьется о каменные глыбы, заполнившие русло, пенится, брызгая во все стороны. Ее шум не умолкает ни днем, ни ночью. Куда она так спешит?..

Токаш остановился на берегу, не сводит глаз с бурливой реки.

Мысли его похожи на эти стремительные потоки. Они так спешат, что иногда опережают течение жизни, предвидят новые события.

Подобно начинающему ходить младенцу, Советская власть в Верном сперва делала неуверенные шаги, теперь они становятся все тверже и смелее. Жизнь идет стремительно — день равен году. Сегодня с утра Токаш был участником многих событий. А сколько их может произойти до вечера?

Сегодня упразднили Ревком и вместо него учредили областной исполнительный комитет. Председателем хотели избрать Юрьева, но он отказался: после ранения здоровье его сильно пошатнулось. Тогда председателем исполкома избрали Гречкина — посланца из Ташкента, он прибыл с отрядом Мураева и остался в Верном. Токашу поручили возглавлять комиссариат по национальным вопросам. На этом же заседании заслушали доклад Бокина.

Жизнь, как зимняя пурга, вихрями бьет по лицу, не дает людям поднять головы. Не все понимают, откуда льется свет... И не все объяснишь — много забот. Из Китая возвращаются беженцы, снуют взад и вперед, ищут родных, ждут счастья. А тут — клевета баев... Семглавый дракон — голод...

Токаш доложил, как и чего он добился в борьбе с этим драконом.

По предложению Юрьева президиум объявил Токашу благодарность и опять направил его в аулы и села. Президиум обязал его укреплять на селе Советскую власть, отбирать у крупных баев-феодалов скот и передавать его голодающим крестьянам, размещать и обеспечивать жильем казахов, возвращающихся из Китая... Завтра Токаш должен выехать в аулы.

Это все ничего, можно сделать... Тревожит положение в городе. Вчера отправился на северный фронт Емелев,

вместе с ним питомцы Токаша — Ораз, Жакупбек и Абдулла. Для решения споров, возникших на границе с Китаем, для возвращения беженцев была создана комиссия во главе с Павлом Виноградовым, он завтра выезжает в Кульджу. Белобандиты совершили нападение на Джаркент, туда отправился с отрядом Сергей Журавлев. Саха в Пишпеке.

Верные друзья разъехались в разные стороны. Кто теперь остался? Юрьев! Он болен. Иные дни даже не приходит на работу, лежит в постели...

Опечаленный, мрачный Токаш не сводит глаз с воды... Она бежит стремительно, не зная отдыха. Только в одном месте за поворотом образовался небольшой тихий затон — вода темная, неподвижная. В ней Токаш увидел отражение коренастого, пожилого мужчины.

Токаш посмотрел на противоположный берег и узнал Махмута. Махмут смотрел на него, скаля зубы.

— Маха!.. Эй, Маха!

Молча скинув сапоги, Махмут полез в воду. Дойдя до середины речки, он споткнулся и шлепнулся в воду — бурное течение понесло его.

«Расшибет его камень» — подумал Токаш и торопливо стал раздеваться. Но Махмут сам встал на ноги, выбрался на берег.

— Маха, ты случайно не пьян?

С него стекала вода, скрученные черные усы обвисли. Маха, в обычное время державшийся непринужденно и гордо, теперь потерял прежний свой вид, сутулился и дрожал.

Петр Алексеевич говаривал, что человека можно испытать и в самом малом деле. Если верить этим словам, Махмут — не из храброго десятка, не особенно-то крепкий.

Он выжал одежду и с удрученным видом присел рядом с Токашем. Долго не мог слова вымолвить, как будто и не было прежнего веселого и словоохотливого Махмута.

— Ну, рассказывай, Маха!

— Токашжан, я... я люблю тебя, как родного сына. — Махмут не мог подобрать нужных слов, и это мучило его. Махмут набрал в себя воздуха и заговорил снова. — В городе о тебе много нехороших слухов. Бермочут: «Не любит мусульман, отрекся от веры...». Будь осторо-

жен и не говори, что сказал я. Одним словом, у тебя много врагов...

Эту «тайну» Токаш слышал десять дней тому назад. Пусть — бормочут. Собака лает, ветер носит.

— Маха, не огорчайтесь! Я не такой уж злодей, сам знаешь: разве я отказывался когда-нибудь делать добро для казахского народа? Нет! А Какенов, запятнавший себя кровью казахов, свободно ходит по земле. Не дальше, как вчера... В общем, я завтра опять выезжаю в аулы. Буду раздавать байский скот бедным.

— Как же ты раздашь? Отберешь их скот, который они выращивали годами?

— Скот выращивали не баи, а батраки-скотоводы, те, которые не имеют ничего и голодают. Ты вот сейчас поднялся на ноги, купил дом, а раньше был настоящим босяком. Помнишь, как ты пешком гонял скот Кардена на базары Оренбурга и Троицка?..

Махмут молчал, надув губы. Он не одобрял намерение Токаша.

Токаш нарисовал перед взором Махмута все богатство Кардена: в городе два дома, мануфактурный магазин, несколько лавок, торгующих кожей и кожаными изделиями. Хозяином скотного базара тоже является Карден. Это только в Верном. У него есть магазины в Джаркенте, Аулие-Ате, Чимкенте и даже в Ташкенте. Кому принадлежат косяки лошадей, гурты коров в Чемолгане и несметное количество овец, пасущихся на склонах гор? Богат и брат Кардена Адил. А разве сочтешь все, что принадлежит вчерашнему его зятю Закиру и бежавшему в Китай младшему его зятю Джайнакову? Подобно удаву, который может протолкнуть в глотку пойманную жертву толще себя, Карден обхватил Семнречье и готов был проглотить его. Почему жалеет его Махмут, перенесший от него столько обид? Этого Токаш никак не может понять...

— Он же мусульманин!

— А Карден, как мусульманин, жалел тебя? Почему ты работал на него, как раб?

Махмут не проронил ни слова. Нить разговора прервалась. Токаш разозлился: эх, Токаш, Токаш! Кого ты хочешь убедить?

Он махнул рукой и пошел домой.

Тени удлиннились. Наступила прохлада. На улицах стало тише. Дед Эрмиш подметал во дворе и перед домом.

— Два каких-то казаха ожидают тебя. Там в саду! — сообщил он.

Токаш подошел к гостям, поздоровался и ввел в свою комнату.

— Светик мой, это ты будешь сын Боки, комиссар-казах? — спросил рябой мулла с волосатым лицом в большой, как котел, чалме.

— Он самый!.. Здоров будь, Токашбай! — произнес верткий киргиз с окладистой бородой. Э, да это же Калдыбай. Он ведь жил в Токмаке, а почему оказался здесь? Говорили, что киргизскую алаш-орду опекают он и Аралбаев. Какое же дело привело его к Токашу!

— Светик мой, мы пришли к тебе по поручению народа, — начал разговор мулла, Калдыбай кивнул головой. Не упуская из виду ни одного движения, ни одной гримасы гостей, Токаш зерко наблюдал за ними.

— Поручение народа — божье поручение, Токашбай. Мы — посланцы народа, уполномочены говорить от его имени. Доброе слово — знаменье к добру. Сначала начнем с добрых слов, — проговорил Калдыбай, то и дело наклоняясь к мулле своим худошавым телом.

— Да, начнем с добрых слов. Светик мой, ты счастливая звезда казахов, истинный их сын, дай тебе, аллах, удачи! Услышав имя твое, мы радовались, узнав о делах твоих, пришли с горечью!

Токаш что-то заподозрил: «Пришли с горечью...»

— Что же случилось, мулда-еке?

— Слова хальфе — сердечная печаль народа, Токаш! — вставил опять Калдыбай, перебивая муллу. Хотя Токаш раньше слышал имя хальфе, но видеть его ему еще не приходилось. Сят говаривал, что «когти хальфе ядовиты»...

— Сын мой, все лучшие люди Семиречья обращаются к тебе с просьбой: пусть соберет нас вместе, в единое целое. У нас есть свое имя — казах и есть мусульманская вера, пусть же не дает нас в обиду неверным! — говорят они. И вот чего они хотят от тебя. — Хальфе посмотрел на Токаша в упор.

— Разве я не казахам служу?

— Говорят, что эта твоя служба идет на пользу не

казахам, а соответствует желаниям русских,— мулла погладил бороду.

— Это неправда, клевета баев!

— Первый раз слышу, что мусульмане могут быть врагами друг друга!— вставил опять Калдыбай...— Казах есть казах.

— Есть разные казахи. Об этом вы, Калдыбай, должны знать. Есть бан, вчера только мучившие народ, и есть угнетенные, босые и голодные батраки. Чьи интересы вы пришли защищать?

— Всех!— выпалил мулла.

— В таком случае я не принимаю ваше посредничество!

— Ты уходишь от народа, а куда придешь?— голос Калдыбая затрещал подобно лопающемуся стеклу. Токаш почувствовал, что послы отбросили в сторону дипломатно и перешли к открытому нажиму.

— Кучка баев не составляет казахского народа, я не пожалею, если уйду от них. Скажите прямо, что вы хотите от меня?— спросил Токаш, сурово посмотрев на «послов». Калдыбай сморщился и с недовольным видом отвернулся. Хитрый мулла заговорил льстивым, занскивающим тоном.

— Ум твой — бескрайнее море, сердце твое — сердце бесстрашного льва, народ понимает тебя так... К чему тебе раздвигать свой народ и лишать его покоя? Аксакалы крепко просили об этом. Они просили не отбирать скот у казахов — ведь русские будут богатеть за счет казахов! Еще они просят вернуть ключ комитета алаш-орды. Если будут исполнены эти два желания, мы благословим тебя всем народом и не дадим пылинке упасть на тебя. Не так ли, мирза? — мулла повернулся к Калдыбаю, тот поспешно кивнул головой.

— Благодарю за сообщение! — пронии Токаша мулла не понял, он тут же торопливо проговорил:

— Ну вот, да сопутствует тебе удача. Так и должно быть... Разве может сын казаха уйти от своих же казахов!

Мулла показался Токашу недалеким, легкомысленным человеком. Иначе он понял бы по тону, каким было произнесено слово «благодарю», что Токаш с ними не согласен. Ну, что ж, Токаш пояснит ему, надо же дать в руки слепому палку...

— Передайте аксакалам, которые послали вас: я не остался бы комиссаром и на один день, если бы оставил на голодную смерть большинство казахов. Передайте им: пусть баи добровольно раздадут свой скот батракам — тогда не трону. А ключа от помещения алаш-орды не отдам. Она закрыта навсегда.

— Значит так? — Калдыбай вскочил. Весь трясясь, проговорил сквозь зубы: — Это твое последнее слово?

— Да!

— Тогда от нас добра не жди! — погрозил он.

— Пеняй на себя, светик мой! — пропел мулла.

— Угрожаете?

— Угрожаем! Одумайся! Или назначь место встречи! Будет суд... — скрипнул зубами Калдыбай...

— Место встречи — байские аулы!

Ворча, Калдыбай выбежал из комнаты. Семена мелкими шажками, за ним поплелся мулла.

Сунув сжатые кулаки в карманы, Токаш прошелся по комнате. Враги угрожают. Теперь они не отстанут. Вот почему сегодня сокрушался Махмут! Но революционер не может сдаваться и сворачивать с избранного пути. Наоборот, нужно дать им почувствовать свою правоту и силу. Для этого следовало бы написать открытое письмо в газету, выставить врагов на суд общественности, разоблачить их...

Ночью Токаш обдумал текст письма, а на следующее утро пришел в редакцию газеты «Заря свободы». Кроме уборщицы, в редакции никого не было. Редактор ушел в исполком, секретарь — в типографию. Токаш зашел в кабинет редактора и начал писать:

«Уважаемый редактор! Прошу опубликовать в вашей газете данное открытое письмо...»

Что-то непонятное обеспокоило Токаша. В редакции было тихо. Лучи солнца, заглядывая в окно, рисовали на полу затейливые узоры. Токаш снова склонился над столом.

«...Говорю всему народу всей силой моего голоса: не боюсь запугивания баев! Никогда не сверну с избранного пути, не поддамся никаким уговорам и угрозам, до конца буду предан трудовому народу... Гнев народа подобен волнам бушующего моря, а жизнь баев — одинокая лодка, бросаемая волнами из стороны в сторону».

Токаш не успел дописать. Из сеней донесся шум. Затем в кабинет ворвались пять человек, одетых в шинели; впереди черно-рябой солдат с бельмом на глазу, он показался Токашу знакомым, у одного белобрысого молодого солдата глаз и щеку обхватывала белая марлевая повязка. Единственный открытый глаз злобно поблескивал.

— Как твоя фамилия? — спросил рябой.

— Бокни! — Токаш медленно поднялся.

— Давай, пошли! Мы тебя ищем и никак не найдем. Военный комиссар приказал привести тебя!

«Военный комиссар! Нет! Этого не может быть...».

— Где письменное распоряжение? — Токаш почувствовал неладное.

— Какое тебе распоряжение? — рябой встал позади, толкнул в спину. — Давай, пошли!

— Убери руки! — с дрожью строго проговорил Токаш. — Не пойду!

Токаш чуточку промедлил, не зная, за что хвататься — за телефон или револьвер. На него навалились, сжали руки, выволокли в сени.

Как на зло — никого из знакомых, вообще пусто на улице... Какая досада, что нельзя сообщить в исполком, даже Курышпая нет рядом, он ничего не знает. Вчера Токаш наказал ему гнать коней на выпас и привести лишь в полдень, чтобы к вечеру можно было выехать в аулы...

— Не оглядывайся! — крикнули ему и ткнули прикладом в затылок. Он споткнулся, чуть было не упал, но его удержали за руки.

Токаш понял, что попал в беду. Если бы их послал военный комиссар, они не применили бы силу. Это — исполнение угрозы... Минуя многолюдные улицы, его вели по самым глухим переулкам.

— Я не пойду! — остановился Токаш.

— Уже пришли, — злорадно хихикнул кто-то сзади.

Появилась группа людей. Они вышли со двора какого-то дома, миглом окружили Токаша.

— Попался вероотступник?!

— Натерпелись же мы от тебя!

— Бей его! — кто-то ударил по голове палкой. Кровавая возбужденная толпа набросилась на него.

— Стойте! Я комиссар! Как вы смеете?! — Токаш пытался вырваться.

— Вот тебе, комиссар! Вот!..

Его били кулаками, пинали ногами, пыхтя в свалке, сквернословя и подбадривая себя выкриками:

— Бей!

— Отплатим за все!

— Вчера я своими глазами видел, как он отбирал скот у казахов и продавал на базаре.

— Вероотступник! За насилия над мусульманами — бей!

Токаш начал терять сознание. Все тело после первых сильных ударов как-то онемело, стало бесчувственным. Что с ним делали — кололи ножом, пинали ногами, царапали и шиннали — он не знал, не ощущал боли. Лишь изредка доходили до слуха короткие злобные выкрики, и однажды — глухой голос: «Хватит! Убьете...» В минуты прояснения Токаш защищал глаза, обхватив голову руками. Этот возврат к сознанию был коротким, и снова провал в темноту, в бездну. Потом его очень удивила тишина и знакомый голос:

— Тока!... Как себя чувствуешь?

Токаш пришел в сознание — будто очнулся от тяжелого сна. Он лежал на берегу арыка, Курышпай смывал с его лица кровь. Тут же стояли солдаты, но это были не те, что ворвались в редакцию, а другие — с русскими лицами.

— Курыш, целы ли глаза? — Токаш прежде всего беспокоился о глазах. Лучше уж умереть, чем жить слепым! Один глаз отек, не открывается.

— Зажмурь правый глаз! Теперь открой левый и смотри... Что видишь?

— Палец!

— О, видишь! — и Курышпай коротко рассказал. — Только я подъехал с конями к твоей квартире, вдруг вижу — Махмут. «Ой-бой, изверги избивают Токаша!» Я сразу же помчался сюда. Приезжаю, а толпа уже разошлась. Эти русские солдаты — патруль — освободили тебя...

— Кто избивал? Поймали?..

— Разбежались. Арестовали только троих. Попался Бурнашев, еще дунганки Яшайло... Ну, как чувствуешь себя?

— Эх!левой рукой не пошевелишь. Неужели поломана?.. Так сильно болит, что душу выворачивает.

Стуча колесами, подъехала подвода.

— Везите в больницу! — Токаш услышал еще один знакомый голос, повернулся и узнал Юрьева.

• • •

Когда Юрьев вошел в палату, Токаш лежал с перевязанной рукой, весь забинтованный, открыты лишь губы — они улыбнулись — да блеснул один глаз, очень черный рядом с белой повязкой. Протянув здоровую руку, он обхватил пальцы Петра и крепко сжал их.

— Ну, как? Ну, что?.. — Юрьев был взволнован и не находил нужных слов.

Характер Токаша известен — он не любит, когда его жалеют. Но изуверство врага заставило содрогнуться Юрьева. Он был до того встревожен, что всю ночь не мог заснуть. Набросились, как волки... Если бы не наткнулся патруль, Токаша убили бы, а сами разбежались в разные стороны. Потом ищи... И пустили бы слух: «Озлобленный народ отомстил, вероотступник за все расплатился своей жизнью». И долго бы злорадствовали.

— В левом боку, видимо, перелом ребра. Не дает шевельнуться! — проговорил Токаш.

— Вчера на комитете состоялся разговор об этом событии. Выяснилось, что баи и аксакалы устроили свой суд, осудили заочно и учинили расправу. Следили за каждым твоим шагом и подкараулили одного в редакции...

— Знаю, чьих рук это дело... — сказал Токаш. — Стараются во что бы то ни стало не допустить моего выезда в аулы.

— Кто, думаешь, организовал?..

— Какенов.

Петр Алексеевич сам предполагал так. Однако Какенов не пойман на месте преступления, для привлечения к ответственности нужны свидетели, а те, задержанные, вряд ли выдадут... Расследование дела поручено Фальковскому. Юрьев сейчас возглавляет административно-гражданский отдел исполкома, на это дело сам обратит внимание. Преступники будут пойманы.

— Петр Алексеевич, я завтра выеду в аулы! — вдруг заявил Токаш.

— Оставь пожалуйста! Куда ты поедешь в таком состоянии?

— Нет, поеду. Если врач не выпишет — убегу!

— Лежи, лечись! Маленький, что ли, не понимаешь?..

— Не могу. Я рассчитаюсь с ними.

Юрьев всерьез встревожился. Действительно, Токаш может сбежать, и сгоряча перегнет там палку...

— Подумай, Токаш.

— Уже подумал! Баям нет пощады!..

Петр Алексеевич больше не возвращался к этой теме — бесполезно. И завел разговор о положении на фронте.

На реке Ленсы идут кровопролитные бои. От Емелева получена телеграмма: вступил в единоборство с отрядом Анненкова. На северный участок каждый день отправляются коммунисты.

Вошел врач. Он напомнил Юрьеву, что время посещения больного кончилось.

18

Сят отдалился от общественной жизни и сидел дома. Читал религиозные описания «Сал-сал» и «Заркум», а когда надоедали книги, ухаживал за яблонями в своем небольшом саду, копался в земле.

Чего только Сят не видел в этой жизни? Приходилось бывать в Петрограде, и в Государственной Думе довелось слушать речь Бахитжана Каратаева... Защищал белого царя и сидел в тюрьме, потому что пошел против царя. Бог сжалился над Сятом, и исполнилось его желание — он дожил до того времени, когда двуглавый орел свалился с трона. В недалеком прошлом, держась за Временное правительство, был у власти... Все это оказалось грязью, налипшей на руки. Помыл их — и стало легче. Вот уже поседели волосы и приближается смерть, а что можно сказать о своей жизни? Жизнь — мучение, богатство — не вечно.

Опершись на лопату, Сят глядел в вырытую яму. Яма? Ведь казахи говорят: если копаешь для кого-то яму, то делай ее просторнее, потому что можешь попасть

в нее сам Карден готовит яму для Токаша, это ясно. Хоть Сят и сидит дома, но он знает все. Слухи из города разными путями стекаются к Сяту.

Карден — хитрый казах. Он знает, что Сят может оказать влияние на Токаша, иначе зачем бы Кардену понадобился старый сидящий дома Сят? Вчера Карден явился сам и пригласил в гости: «Сят, мы с тобой сверстники и родные люди, дожили до тяжких времен. Принемай, порадуй меня, будь моим гостем». Мысли Кардена легко соскакивают с языка. За что бы он ни принимался, все делает тщательно обдумав. Один раз он уже свалил Токаша. Теперь хочет замести свои следы...

Сят сел на скамеечку под яблоней, вытер со лба пот. Нужно пустить воду в сад. Арык, проведенный от Чемолгана через улицу, без воды — видимо, дочь где-то перекрыла его. Степенно шагая, Сят пришел к берегу речки. Прозрачная вода с журчаньем течет и течет... Этот Чемолган такой же, каким был в те далекие времена, когда маленький Сят только начал помнить себя. Потом стал юношей и на берегу этой речки познал первую любовь — тогда объединилось журчанье воды с радостями ночи... Сят скоро женился, позже нажил состояние, стал волоостным управителем, а эта речка оставалась такой же... Жизненные силы иссякают в старческом теле, а Чемолган все течет и течет. Ты — бессмертна, река! Что в сравнении с тобой человек? Несчастное создание! Он, цепляясь за жизнь, и стараясь, как можно лучше устроить ее, трудится в поте лица, не жалеет сил. Но вот доживает свой век и теряет все, ему ничего не надо... Сят не особенно верит в полустороннюю жизнь. Как-то в самом начале восстания он разговорился с Жунусом. Удивительно упрямый и отчаянный казах этот Жунус! Его ни в чем не переубедишь, он ни с чем не соглашается. Жунус сказал Сяту: «Еще нет человека, который побывал бы на том свете и вернулся обратно. Кто знает, будем мы в раю или истлеем?» Тогда же Сят в душе согласился с этими словами. Муллы могут говорить, что угодно. Хотя Сят в ночной темноте и обращается к богу, но стоит появиться сверкающим лучам солнца, как он забывает о молитвах...

К берегу речки подошли Малике с Айгуль. В руках у них ведра.

Черная воду, Малике сообщила отцу:

— Карден пригласил к себе в гости и Айгуль вместе с ее отцом.

— Вон как!.. — Сяту теперь показалось, что он отгадал намерение Кардена. Он хочет использовать Аянбека и Сяту вместо щита против ударов Токаша.

Сят не одобряет поступка городских хулиганов, избивших Токаша. Однако он не одобряет и действий Токаша, который отбирает скот у баев и раздаст его бедным. Слишком грубо действует Токаш, хотя иные считают это справедливым. Вчера заходил к Сяту один джигит, вернувшийся из Китая. Во время восстания шестнадцатого года он показал себя храбрецом. Этот джигит сказал Сяту:

«Токаш дал нам скот. Только он один не забыл своих соратников, вместе испытавших тяжесть минувших дней. Мы довольны, и сердечные раны, нанесенные обидой, уже зажили...» Этими словами он задел и самого Сяту. Такие разговоры портят народ...

Аул Кардена расположен на противоположном берегу речки Чемолган. Восьмирешетчатая юрта — покой Кардена. Летом он живет здесь вместе со старшей женой. Скот нагуливается на летних пастбищах, а Карден, попивая свежий кумыс, ведет разговоры о мирской жизни аулов, высказывает свое веское слово. Когда скот становился упитанным, он отправлял гурты и отары на Каркаринскую ярмарку. Но последние два года Карден уже не делал этого. Ярмарка закрылась. Торговлю ведет исподтишка. Сят давно уже слышал о том, что Карден тайно отправляет и скот и мануфактуру в Синьцзян.

Сят не заметил в хозяйстве Кардена упадка. Все было, как прежде. Вокруг белой юрты, стоящей в самом центре аула, снуют слуги-работники. Одни спешат доить кобыл, другие подкладывают угольков в самовары, третьи возятся у очага и обделявают уже зарезанного барана. Юрты этих людей невзрачные, закопченные; из верхних отверстий их дым не валит клубами, не поднимается ввысь, а выползает нехотя, обдавая неприятной гарью, — кизяк, видимо, плохо горит.

В расстегнутом халате и с посохом в руке Карден стоит позади юрты, важно посматривает по сторонам. Сят и Аянбек приехали вместе, оба с дочерьми. Одновременно сойдя с повозок, они приветствовали подошед-

шего Кардена. Карден повел их в юрту. Услышав о прибытии гостей, Бикен выбежала к сверстницам. Наметанный глаз Сята сразу заметил: Бикен была выше и полнее этих девушек; Айгуль рядом с ней казалась особенно худенькой. Весело зазвенели шолпы.¹ Переговариваясь, девушки ушли в малую юрту.

Удобно усевшись на разостланные в четыре слоя шелковые одеяла, Аянбек заговорил о новостях, известных ему. Сят не сводил глаз с волостного комиссара, сидевшего пониже его, и удивлялся. Он не узнавал Аянбека-охотника, скитавшегося в горах. Теперь Аянбек был совсем другой: слова его складны, он хорошо разбирается в делах. Такое уж, видимо, время настало, что люди меняются на глазах...

— Наши единокровные братья, возвратившиеся из Китая, требуют возврата земель своих дедов. Требуют возвращения и возмещения разграбленного скота и имущества...

Сят слушал Аянбека и краешком глаз наблюдал за Карденом — лицо Кардена побледнело.

— А где же были их прежние земли? — нарочно спросил Сят.

— На летних пастбищах Акчи, ныне они принадлежат аксакалу Кардену, — без уверток ответил Ааянбек. Карден сидел молча. — А скот и имущество — у аксакала Закира. Некоторые говорят, что после его смерти все перешло в казну. Вчера из города вернулся один парень, он встречался с Токашем и от имени всех бедняков высказал ему жалобу. Токаш на это ответил: «Ключи Закира у меня, сначала поеду в аулы и верну ваши земли и скот, а потом приеду в город и раздам остальное имущество».

— Окончательно ли выздоровел Токаш? — спросил Сят.

— Наверное. Сейчас он распределяет скот в Сартаукуме и вскоре прибудет сюда.

Аянбек, кажется, не подозревал, что его слова вонзаются, как пули, в сердце Кардена, а может, делал это нарочно.

* Шолпы — серебряные украшения, которые вплетаются в косы.

Молча послушав некоторое время, Карден сказал:

— Мы с Сятом сверстники. А Аянбек моложе нас, он младший брат, выросший под нашим крылом. Сегодня же, по велению судьбы, Аянбек правит аулами. Все это хорошо — Карден начал издали. — Я хотел вам, родные, напомним об опасности, нависшей над нами, поделиться своими мыслями!..

Но он не успел высказать ни одной своей мысли. Снаружи донесся отчаянный крик: «Ой-бай, пожар! Горим!» Все повыскакивали из юрты. За аулом полыхал пожар. Огонь по траве медленно полз к юртам. Зажженный в нескольких местах, он вскоре слился в сплошное пожарище и еще шире расправлял свои страшные колышающиеся крылья.

Карден поднял невероятный крик и, взбудоражив весь аул, погнался на тушение пожара. Люди хватили в руки куски кошмы, шкуры и суматошно бежали к навдвигающемуся огню.

Наступали сумерки, валивший со стороны пожара дым окутал весь аул. А вдали вырывались языки пламени, озаряя всю окрестность зловещим блеском...

Карден вернулся к Сяту и Аянбеку, стоявшим у юрты.

— Вот вам единство! Как после этого жить в согласии? — зло произнес он, а воздух выдыхаемый им, был до того горяч, что Сят отступил от Кардена подальше.

— Вы хотите сказать, что это — поджог? — спросил Аянбек.

— Как же иначе? Грозы не было, молния не падала... Если огонь не подброшен самим дьяволом, то это сделали вернувшиеся из Китая джигиты, о которых ты только что говорил сам. Кто же кроме них?

— Если это правда, то я завтра же берусь за дело. Хватит сидеть дома! Опять поджоги аулов, опять вражда... — Сят и сам не заметил, что пришел в ярость. Он не стал ожидать угощений и вернулся в свой аул. Аянбек тоже отправился к себе. Карден не удерживал гостей. Ему очень не понравились слова Аянбека. В них слышался не призыв к согласию и единству, а угроза и стремление к разладу. Сят тоже повял так.

Незадолго до пожара девушки ушли к речке. Они разговаривали мирно обо всем, как будто Бикен была подругой детства и Айгуль и Малике.

— Отцы наши, наверно, потеряли нас и беспокоятся. Пойдемте в аул!— Айгуль потянула за руку Малике, которая сидела на берегу и не хотела трогаться с места. Айгуль пыталась поднять ее за руку, та упиралась и кончилось это тем, что обе упали с веселым смехом.

Бикен смотрела на Айгуль с завистью, следила за каждым ее движением и старалась оценить каждый поступок. Хотя и неуместен был сейчас смех, но голос Айгуль прозвучал приятно для слуха. «Правда ли что Токаш любит ее?» Эта ревнивая мысль возникла вчера и мучила сегодня. Побывавший в ауле Аянбека джигит привез неутешительную для нее новость: «Токаш собирается жениться на Айгуль, скоро свадьба». Кто такая Айгуль, оказавшаяся лучше Бикен? Если Токаш любит ее, она должна быть лучше Бикен. Три года тому назад ей приходилось однажды видеть Айгуль. Но тогда девушка была слишком молода, и Бикен к ней внимательно не присматривалась. До сих пор она считала, что в этой округе нет девушки лучше ее. И вдруг: «Токаш собирается жениться на Айгуль...». Беспокойство соперницы заставило ее подсказать отцу: «И Сят и Аянбек близкие Токашу люди, не мешает пригласить их в гости. Вместе с ними позовем и дочерей...». Всегда считавшийся с мнением Бикен и веривший в ее благоразумие, Карден и на этот раз не возразил. На следующий день к Сяту он поехал сам, а к Аянбеку послал человека. И вот Айгуль здесь...

Бикен ревниво следила за своей соперницей, невольно любовалась ее движениями и всерьез завидовала. Весь облик этой юной девушки: тонкая талия, белое лицо, черные глаза — был обаятельным, а слова и голос — особенно нежными. Не найдя в себе этих качеств, Бикен растерялась.

Заметив отсвет пожара, они встревожились и побежали к аулу. Но пожар был скоро потушен. Остался только густой, едкий дым — он долго не рассеивался в вечерние часы безветрия.

— Маликеш, посмотри-ка, не ваша ли повозка по-

ехала? Не разыскивают ли они нас? — высказала предположение Айгуль.

Бикен внимательно посмотрела в ту сторону.

— Правда! — Бикен замахала рукой.

— Ау, а-у! — приложив ладони к губам, закричала Айгуль нежным и озорным голосом. Крик перешел в смех. И этой веселой непринужденности тоже позавидовала Бикен.

Повозка не остановилась, девушки вернулись в аул. Оказалось, что их никто и не думал разыскивать. У отцов расстроилось угощение — видимо, из-за пожара, — но дочерей это не коснулось. В малую юрту собрались девушки со всего аула. После угощений они пели песни. Первая очередь спеть традиционных шесть куплетов песни была предоставлена Бикен. Что ж, Бикен покажет и в ауле свое искусство, которым восхищаются в городе. Пусть знает эта соперница, чем ее превосходит Бикен!

Мелодия песни «Тель коныртай» как раз соответствовала душевному состоянию Бикен. Слова: «След лежит, но нет его, моего милого! — она посвятила Токашу. Неужели он оставил такой же «след» в сердце этой соперницы?.. Бикен посмотрела на Айгуль — та слушала, охваченная радостью, губы ее чуть раскрылись, кажется, она готова подбодрить поющую Бикен поощряющим восклицанием.

Довольно же наконец, чего это Бикен восхищается этой девушкой?! Чем она лучше Малике? Бикен пела давно заученную песню, ее мысли то и дело отвлекались от песни и возвращались к Айгуль. Припев подхватывали все, и звонкие, прозрачной чистоты голоса раздвигали ночную мглу, разгоняли сон аула.

Айгуль с нетерпением ожидала своей очереди. Быстро взяв домбру из рук Бикен, она стремительно заиграла, заставив четко говорить две тоненькие струны. То нежно улыбаясь, то делая красивые движения руками, она сразу же привлекла всеобщее внимание. Только Бикен смотрела на нее неприязненно. Кажется, эта Айгуль вздумала состязаться с Бикен в искусстве. Фи-и! Умение играть на домбре — не искусство, домбра — не роаяль...

Знает ли Айгуль, что Бикен любит Токаша? Если знает, то она подлая... И даже виду не подает — вот харак-

тер! А Бикен не может скрыть обжигающую сердце ревность — от нее бледнеет лицо, горят глаза... Так бы зажала ее поющий рот!

Мучительное для Бикен веселье закончилось в полночь, и три девушки легли рядом под одно одеяло.

Бикен решила добиться от Айгуль признания. Обняв ее, Бикен шептала теплые слова, которые открыли путь к сердцу Айгуль.

— Айгульжан, правда, что скоро твоя свадьба?

Сердце Айгуль, плотно прижавшейся к Бикен, начало стучать сильнее прежнего. Значит, правда...

— У нас с давних пор жива клятва, она гласит: «Когда наступят лучшие дни, — устроим свадьбу»... Недавно сообщил, что скоро приедет... — Айгуль не назвала имени. — Отец еще не знает о свадьбе.

— Да? А может быть, Айске против?

— Нет, нет. Отец догадывается. Он согласен. Но откровенно еще не говорили.

— А... ты его любишь? Может быть, из-за его высокого положения?

— Ради него я готова отдать свою жизнь. Вот уже два года я ни днем, ни ночью не забываю о нем ни на минуту. Думаю и все время беспокоюсь. Иногда мысленно встречаюсь с ним, говорю о своей тоске...

Бикен отодвинулась подальше, она не ожидала от Айгуль такого ответа. Ясно, любит до самозабвения... Бикен считала, что так любить способна только она.

— А что, если он любит другую девушку? — повернулась Бикен.

Теперь отодвинулась Айгуль. Показалось, что в темноте сверкнули ее большие черные глаза.

— Тогда выходит, что он обманывает меня?

— Выходит так.

— Кто она?

— Увидишь в свое время.

— Вы о ком говорите? — спросила задремавшая Малике.

— О ком думает Айгуль...

— О Токаше?

— Да. Я просто предупреждаю тебя, Айгуль, мы ведь единокровные, у тебя судьба такая же, как и у меня. В городе ходят слухи, что этот человек стал вероотступником и продан русским, но я не верю этому. А та

девушка сама мне говорила, что провела с ним одну ночь...

Айгуль уткнулась в подушку, приглушенно разрыдалась. «Так ей и надо!»— Бикен отомстила этой девчонке, считавшей себя счастливой, она унизила ее!

— Обманывать девушек — удел мужчин. Позор за это падает не на Токаша и не на Айгуль, а на ту девушку, которая оставила его ночевать у себя,— заключила Малике.

Бикен до боли прикусила губы.

19

Пообедав у матери в Акчи, Токаш под вечер поехал в соседний аул к Аянбеку. Должно быть, здесь уже слышали о прибытии комиссара. Навстречу ему—кто пеший, кто верхом—вышла большая толпа, впереди—недавно вернувшийся с фронта из-под Минска кастекский джигит Тлеубай. Он держал в руках красный флаг. Усы его были лихо закручены, остро торчали в стороны. Тлеубай, вероятно, видел в России, как ходят с красным флагом — он нес его, высоко подняв над головой.

Бокин увидел в этом глубокий смысл: «Люди показывают уважение не ко мне, а к Советской власти!» — решил он.

— Токаш!— Ахан, прыгая на своих костылях, выступил вперед:— Мы признаем тебя представителем новой власти, о которой мечтали и от которой ждем справедливости, поэтому вышли тебе навстречу.

Токаш соскочил с коня и с благодарностью пожал всем руки. Весело возбужденная толпа повела его в дом волостного комиссара Аянбека. Сопровождавшие Токаша десять красноармейцев, стреножив коней и оставив их пастись, тоже пошли в аул.

День клонился к вечеру. С гор иногда налетал прохладный ветерок. Аул радостно возбужден. Навстречу им зашагал широкоплечий мужчина, стоявший до сих пор между двумя белыми юртами, раскинутыми немного в стороне. Что это за важная персона, почему он не вышел встречать Токаша за аул, куда прикостылял даже Ахан? Подойдя поближе, Токаш узнал, что этой важной персоной был Аянбек. Ведь он не только волостной комиссар. Аянбек считал себя старшим потому, что скоро станет тестем Токаша.

— О Токаш-жан! Твой родной аул от всей души рад твоему здоровью, твоему счастью и с великой радостью встречает тебя!

После взаимных приветствий Аянбек ввел сопровождающих Токаша красноармейцев в меньшую юрту, а Токаша и других гостей пригласил к себе в большую.

Токаш глазами ищет Айгуль. Ее не видно. Не стеснявшаяся раньше и открыто встречавшаяся с ним девушка теперь не показывается на глаза. Токашу это показалось загадкой. Не от того ли она чувствует себя неловко, что в ауле узнали об их уговоре?

— Кое-что уже слышали о злодеяниях врагов. Лишь бы обошлось благополучно... Видно, они готовы были пойти на худшее,— произнес Ахан, указывая на перевязанную руку Токаша.

— Кто же они? Поймали хоть одного?— спросил Аянбек.

— Попались настоящие главари. Один оказался сыном городского богача Бурнашева.

— Мы слышали, что все это дело рук Кардена. Вчера кто-то поджег его аул. Народ обозлен... — Аянбек задумался, он смотрел на узоры кошмы, лежавшей перед ним, и по его виду можно было подумать, что он ведет разговор об узорах на кошме.

Это сообщение заставило задуматься и Токаша. Чувство радости сменилось сожалением, затем перешло в негодование. Кто устроил пожар? Аулы поддерживают Токаша, в этом он убедился. Но такой метод борьбы — поджог аула — ему не нравится, это один из старых видов межродовой борьбы, от которой страдают безвинные вместе с виновными. Вражда аулов смазывает классовое расслоение, помогает баям объединять всех аульчан, держать в своих руках. Нет, с классовым врагом так бороться нельзя!

— Дома не пострадали?— спросил Токаш Аянбека.

— Нет, к счастью.... — и, помолчав, сообщил:— Карден злой.

Токаш удивился. Злой? Вот как! Что же с ним будет завтра, когда раздадут его скот вот этим джигитам? Может быть, лопнет от злости?

Слова Аянбека вызвали беспокойство у джигитов, они переглянулись между собой.

— Токаш, я вчера видел нескольких джигитов вер-

нувшихся из Китая. Спрашивают тебя...— проговорил Аянбек.

Токаш знает о нуждах возвратившихся казахов. Отдать этих людей во власть голодной смерти да еще на родной земле — подлость. Зачем тогда называться представителем Советской власти? Эту мысль Токаш и высказал людям. Он сообщил:

— Недавно из Семиречья в Кульджу выехал уполномоченный. Он должен решить спорные вопросы с Китаем и возвратить остальных казахов. Наша обязанность — не дать им погибнуть с голоду. В тех аулах, где я побывал, возвратившихся джигитов — единицы. Их я устроил..

— Да, лучше посмотреть своими глазами и узнать, в чем они нуждаются! — заключил Аянбек.

Аул накрыла ночь. Кое-где поблескивали огни. Вокруг потухающих очагов толпились женщины, они разговаривали тихо — детям пора спать.

Токаш постоял у двери, наблюдая за наступлением ночи в ауле.

— Курьш, ты не видел Айгуль?

— Нет. Что, умираешь от нетерпения?

Пальцем Токаш шелкнул по морщинистому красному носу Курьшпая.

— Брось шутить... Лучше узнай, где она. Даже не зашла поздороваться. Может, она нездорова. Передай, что после ужина я выйду...— наказал он и ушел в соседнюю юрту.

Красноармейцы от нечего делать шлепали картами — играли в «подкидного дурака».

Увидев Токаша, они растерялись — спрятать карты не успели.

— Покудин! Я ведь вчера тебе давал газету, чтобы ты прочитал ее всем.

— Вот, вот она, товарищ комиссар!—Иван вынул из-за пазухи измятую газету и развернул перед собой — Теперь будем читать.

— Газета «Заря свободы». Я читал ее. Там есть ваша статья, товарищ комиссар, — проговорил второй красноармеец по фамилии Вдовин. — Называется она «Мои врагам!».

К Токашу подвинулся красноармеец Чечелев:

— Товарищ комиссар, у меня есть сообщение... Я вчера докладывал, что задержал одного подозрительного

возле вашего дома, он слонялся с ружьем и назвался охотником.

— У него рассечена губа,— добавил Прокудин.

— Да я его только что видел здесь,— закончил Челев.

— На ночь нужно выставить охрану! Хоть это и родной мне аул, однако будьте осторожнее!— наказал Токаш и ушел в большую юрту.

После ужина народ разошелся по домам. Токаш ждал Айгуль. Она пришла, но, кажется, только затем, чтобы приготовить постели, она была скучной, в больших черных глазах заметна тень боли. Может быть, в самом деле нездорова?

— Айым моя! Что с тобой?

Токаш прижал ее к груди. Девушка не оказывала сопротивления, но отвечала на поцелуй невесело, сдержанно.

Свет луны падал через раскрытый верх юрты. Лицо Айгуль казалось неживым — бледное с синеватыми тенями.

— Скажи, Айым, почему ты сегодня такая мрачная? Я стосковался и вот приехал к тебе... Никогда раньше тоска так не мучила меня, как теперь, это хуже, чем больница...

— Не верю,— тихо произнесла Айгуль обиженным тоном.

— Не веришь?.. Если так, то завтра же обвенчаемся!

Айгуль, решительно взглянув на него, сказала:

— Один человек задал мне загадку, она касается вас... Уже второй раз я слышу эту загадку. Но тогда слова Курыша я приняла за шутку,— он ведь шутник, а этот человек говорил серьезно, он заботится обо мне.

— Кто это?

— А, значит, правда?

Токаш все понял. Но что он мог ответить? Это не было сплетней. Это был необдуманный поступок молодости. Но он не нарушил своей клятвы. Подобно сновидению, незаметно мелькнула в его жизни та одна единственная почвь... Больше он не возвращался к ней и ни разу не думал о ней. Токаш ни на кого не променяет свою Айгульжан. Не надо ревновать, моя Айгуль!

Сначала он не собирался высказывать вслух этих мыслей, но потом решился и рассказал... Девушка мол-

чала, но лицо ее начало светлеть. Потом она чуть слышно засмеялась. Радуюсь, он продолжал говорить.

Старый мир рушится до основания. За один день наступила весна в жизни людей. Вместе с наступлением этого лучшего времени года расцвело и сердце Токаша. Он дал себе клятву больше не разлучаться с Айгуль. Пережито много. Самое тяжелое позади—бури и невзгоды. Разве мог расцвести цветок любви в свирепую пургу? К тому же Токаш старался не подвергать опасности жизнь Айгуль. Если бы она случайно оказалась мишенью для вражеской пули, разве смог бы он простить себе такое? Давным-давно Токаш пожертвовал своей молодостью ради достижения поставленной цели. Сегодня он видит то, к чему стремился. Победа достигнута, и теперь он вместе с Айгуль займет подобающее место в жизни... Прошло время, когда не было крова над головой и куска хлеба на столе. Наступили ясные дни! Теперь время и для свадьбы.

Большие смородиновые глаза Айгуль светились радостью. Улыбались тонкие ее губы. Всей своей доверчивой душой хотелось войти в эту жизнь, испытать счастье вместе с ним сейчас же, сию минуту...

Токаша разбудил голос пастуха, выгоняющего скот. Он открыл глаза и увидел Айгуль, лежащую рядом. Как глубоко и спокойно она спала! Щеки зарумянились, губы ярко блестели. Токашу нестерпимо захотелось ее поцеловать, но побоялся разбудить.

А что если войдет отец? Нехорошо получилось!... Токаш осторожно поднялся и, бесшумно ступая, вышел наружу.

Аул выгонял скот. Мычали коровы, блеяли овцы. Поднималась пыль.

Вслед за стадом Токаш пришел на берег речки. У большого валуна сидел мальчик с удочкой в руках. Токаш присел рядом, тихо спросил рыбака:

— Клюет, или сидишь напрасно?

Мальчик солидно ответил:

— Ведь не зря говорят, агай: терпенье свое возьмет. Надеюсь, что не напрасно сижу.

Токашу понравился такой серьезный ответ мальчика. Чей же это сын? Трудно Токашу узнать подростков, они так вытянулись за последние три-четыре года!

— Однако ты настойчив,— продолжал шутливо Токаш.— Не думаешь ли разбогатеть на рыбе.

— Ха, разбогатеть!.. Богатство мы уступили баю Кардену; нам оно не по плечу.— Мальчик говорил, видимо, подражая старшим, слова которых повторял сейчас.— Если власть перешла в руки бедных, разве это не богатство?

В это время поплавок дрогнул, дернулся, пуская круги по воде, и исчез. Мальчик резко потянул удочку — на поверхности воды плеснулась рыбина, серебристо блестя в воздухе и упала на берег.

Вся серьезность исчезла с лица мальчика, он радостно закричал:

— Ага! До сих пор такая рыба мне не попадалась. Это на ваш счастливый приход. Возьмите! Я еще поймаю.

Мальчик был умен, добр, уважал старших. Ключ жизни в будущем перейдет в руки вот таких ребят. Они вырастут, но их надо учить. Если отправить этого мальчика в Верный и дать ему книгу и хлеба, из него несомненно выйдет большой человек. Токаш непременно займется вот такими ребятами, как только разместит возвратившихся из Китая беженцев и закончит войну с голодом. Он узнал, что мальчику двенадцать лет, он сирота. Отец погиб во время восстания, мальчик живет вдвоем с матерью. Плохо живут, даже не имеют дойной коровы.

— Чем же питаетесь?

— Вон!— мальчик показал рукой вдоль берега—там паслись телята.— Я их пасу. За это получаю молоко. У нас рассказывали, что будет организован «котел», но почему-то пока нет его.

— Что значит «котел»?

— Говорили, что соберут в одно место дойных кобыл, и кумыс будет для всех. заколют баранов, и все получают мясо из общего котла.

— Кто это сказал?

— Аябск! Прошел слух, что Токаш-агай устраивает в бедных аулах «общие котлы». Вот вы и приехали... Теперь, наверное, что-нибудь будет.

К речке приковылял Ахан, услышав разговор о «котлах», он живо включился в беседу. Видимо, «общие котлы» занимали всех в ауле.

— Своим появлением ты ободрил приунывших людей,— сказал Токашу Ахан.— Ну, расскажи, как ты организовал эти «котлы» в других аулах?

Первым долгом Токаш рассказал о причинах, задержавших его приезд в родной аул. Положение в соседних волостях тяжелее, чем здесь, в Чемолгане. Там погибают от голода целыми семьями. Голод особенно свирепствует в киргизских окраинах Пишпекского и Токмакского уездов, а также в десяти волостях Верненского уезда и в некоторых волостях Капальского уезда. Токаш объехал все эти уезды. Положение в городе тоже известно. Не хватает хлеба. Живут одним днем, покупая крохи в казачьих станциях. Недавно было опубликовано обращение Токаша «К казахским и киргизским трудящимся».

Как организуются «котлы» для голодающих? Отобранных у баев коров и кобылиц доят в одном месте, а молоко и кумыс раздают всем жителям аула. Мясо варят в общих котлах, его получают семьи, не имеющие кормильца, а также вдовы и сироты. А те, кто может трудиться, получают скот и пользуются им в своем хозяйстве.

— Это хорошее дело! — одобрил Ахан.— Вот за речкой, по соседству с аулом Кардена, остановилось около ста семей, вернувшихся из Китая. Вчера они посылали человека, чтобы разыскать тебя...

— Тогда я в первую очередь съезжу к ним. Ты, Ахан, поезжай вместе с Аянбеком в аул Кардена, опишите весь скот и имущество бая. Смотри, чтобы он не скрыл ни одной головы скота. Приготовь к моему приезду все!..

Когда они вернулись в аул, солнце уже поднялось довольно высоко. Возле юрты, где ночевал Токаш, стояли готовые в поход красноармейцы. После чая Токаш пригласил весь свой небольшой отряд в юрту. Тут же были Аянбек с женой и Айгуль. Разговор начал Токаш.

— Дорогой Аяке, в тяжкие дни жизни мы с вами рука об руку выступили против кровавого царя. Тогда я восхищался вашим мужеством и меткой стрельбой. Вы с заряженным каргечью ружьем задержали карателей из отряда атамана Малышева и спасли много казахов, пропустив их через границу. Я знаю об этом подвиге. Вы тоже знаете меня. С малых лет я рос на ваших гла-

зах. У меня была единственная мечта — помочь родному народу стать счастливым. Эта мечта сбылась. Теперь мне кажется, что вместе с этим взошло солнце и моего личного счастья. Я хочу сегодня сказать об этом. Я и Айгуль идем в новую жизнь. Но, не нарушая прежних традиций, мы хотим испросить вашего благословения. Я люблю Айгуль, Айгуль любит меня. Три года тому назад мы дали друг другу клятву: «Если останемся живыми,—навек соединим свои судьбы!» Пришла пора исполнить эту клятву...

Щеки Аяибека стали темно-красными — то ли он устыдился того, что «зять сам выступает за свата», или жалеет дочь? Кто его знает. Подкрутив усы, он посмотрел по сторонам: как отнеслись к словам Токаша окружающие — с насмешкой или с одобрением?

Следя за движением взгляда Аяибека, Токаш тоже обошел глазами лица всех присутствующих. Некоторые красноармейцы недоумевали, не понимая по-казахски. Но среди них были русские, выросшие среди казахов. Они поняли все и ждали слова Аяибека. Неужели он не отдаст Айгуль? Разве найдет Айгуль мужа лучше Токаша? Токаш доказал, что он сохранил чистую любовь. Уже одно то, что Токаш ездил в Китай и благополучно вернул Айгуль в родные края, является доказательством верной его любви.

Собравшись с духом, Аяибек заговорил дрожащим голосом:

— Милый Токаш! О том, что ты уважаешь Айгуль, я знал давно. Ведь и у меня есть сердце... Ты — орел, взвившийся к высотам Ала-Тау...— он откашлялся, помедлил, видимо, оттягивая решительное слово.— Если ты действительно любишь Айгуль и Айгуль согласна с тобой, бери ее под свое крыло. Благословляю вас, дети мои, дай вам аллах доброго пути, и живите счастливо!— Аяибек поцеловал дочь в щеку.

Токаш посмотрел на сидящих вокруг красноармейцев. Теперь его слова были обращены к ним.

— У меня много врагов и в городе и в аулах. Сплетни падают на меня, как снег зимой. Поэтому прошу вас быть свидетелями... Айгуль-жан, скажи сама, принуждал ли я тебя стать моей женой?

Глаза Айгуль улыбались, щеки разругались, она ответила весело и смело:

— Мое сердце принудил бог, а подтолкнул к вам ангел!

— Хорошо... Теперь скажи, ты дала согласие стать моей женой по своей воле или под влиянием своего отца? — Токаш решил, если уж на то пошло, выяснить все до конца.

— Стать вашей женой велело мое сердце. Три года тому назад я дала клятву, что умру вместе с вами!

— Товарищи красноармейцы, слышите? Кто не понял?

— Слышали!

— Будем свидетелями!

— Свидетельство наше прочно! — ответили Курышпай и Иван.

Все дружно засмеялись.

* * *

Аянбек не затеял тоя со скачками и множеством людей. Токаш не разрешил делать этого. Неуместно устраивать тоя, когда в народе голод. Свадьбу решили справить скромно. Токаш послал нарочного за матерью, который привез Акбалтыр. Некоторые слова, сказанные матерью наедине, не обрадовали Токаша.

— Все слышала, Токашжан! — сказала Акбалтыр с какой-то особой интонацией, Токаш насторожился. — Была одна девушка, очень приглянулась мне по душе, но она не понравилась тебе. Она была свалившимся с неба кладом, но ты взял да отвернулся.

Она намекала на Бикен, и так некстати...

— Мама, разве Айгуль вам не по душе? — рассердившись, Токаш решил подстронить матери ловушку — пусть попадется на слове. Ведь Акбалтыр знает Айгуль с давних пор, до встречи с Бикен восхваляла Айгуль. В таком случае, чем же лучше Бикен? Наверное, «кладом» мать называет ее богатство. Но насчет Айгуль Акбалтыр не нашлась что сказать.

— Просто так обмолвилась, к слову пришлось, сынок мой! Дай бог вам долгих лет жизни!

Акбалтыр еще не успела высказать всех пожеланий, как кто-то подъехал к юрте. Слышался звонкий смех, и звенели шолпы. Мужской голос приветствовал вновь прибывших. В юрту вошли Бикен и Айгуль, за ними сунул-

ся и кучер бая Кардена. Акбалтыр растерялась. Смущенно поглядывая то на Бикен, то на Айгуль, она обеих усадила около себя. Токаш остался стоять в стороне со сложенными руками на груди. Непонятно: откуда взялась Бикен? Как она познакомилась с Айгуль? Вероятно, Бикен — это и есть тот человек, который недавно «проявлял заботу об Айгуль и намекал ей на что-то».

— Я узнала, что апа здесь, и приехала, чтобы пригласить ее в гости! — с наигранным весельем говорила Бикен.

— Спасибо, милая! — отозвалась наивная Акбалтыр. Токаш удивлялся: Бикен дружит с матерью... Может быть, не случайна их встреча в этом ауле?

Токаш бросил на Айгуль мимолетный взгляд. Какая досада, эта Бикен опять может растревожить душу Айгуль! Откуда ее принесло?

Токаш вышел из юрты. Его догнал кучер Кардена.

— Токаш-тюре! У меня есть одно поручение...

Токаш посмотрел сурово — чего они никак не отстанут!

— Простите, я хотел наедине передать вам послание одного человека.

— Говорите!

— Бикен просила... вам в руки вот это письмо.

Токаш медленно, украдкой протянул руку. Он насильно принудил себя к этому. Взял письмо и ушел в юрту к красноармейцам — одни из них спали, другие чистили оружие и приводили в порядок седла. Токаш присел у входа и развернул листок. Письмо было написано по-арабски, грамотно и довольно складно.

«Тока, оказывается, человек не является хозяином своего сердца! Я пишу последний раз, за смелость прошу прощения. Может быть, вы за глаза будете смеяться надо мной, может, даже пожалеете и назовете «бедной». Согласна на все. Разве я когда-нибудь не соглашалась? Тогда вы оскорбили меня и больше не повернули даже головы в мою сторону. И за это я не в обиде. Виновата сама. До сих пор была надежда, я ею жила, но услышав, что сегодня собираетесь устроить «той», я чуть не сошла с ума. Вы окончательно потушили искорку надежды, тлевшую до сих пор в глубине моего сердца!

Еще раз прошу прощения,— но я не могла не приехать сюда...»

Токаш разорвал письмо на мелкие клочки. С Бикен покончено, давно уже покончено и навсегда!

20

Фальковский вернулся на квартиру поздно, пришел усталый, осунувшийся. В последние дни многое у него не кленлось, и он измотался вконец. Не было рядом верного человека, равного по способностям соратника, с которым можно было работать и идти рука об руку. Вообще верных людей стало меньше. Пришлось посоветовать Пимену пересечь в село Благовидное под Пишпекком. Пока он там совет себе гнездо и найдет надежных людей, пройдет немало времени. Сотников отправился в Джаркент, поближе к границе. Судя по сообщениям, дела у него идут успешно, он подобрал подходящих людей, установил связь с Любой в Кульдже. Еще в письме, доставленном Яшайло, Люба намекал, что найдутся и боеприпасы и оружие, были бы руки, способные держать его... Значит, оружием Люба обеспечит.

Главная неудача — задержалось наступление атамана Анненкова. Его войска потеряли первоначальный темп продвижения и застряли возле села Черкасского. Эта неудача очень беспокоит Фальковского. Пока дождешься Анненкова, Бокин схватит за шиворот — тогда конец. Одно время Валентин Робертович надеялся, что казахи и киргизы, взяв дубины и пики, выступят против Советов, но жизнь не оправдала этих надежд. Бокин обеспечил голодных хлебом, голых — одеждой, бездомных — кровлей, а людям этого и надо, они довольны, восхваляют и возносят Бокина и Советы. В исполкоме на сообщение Фальковского о том, что на Бокина много жалоб, Юрьев отозвался издевкой: пусть Валентин Робертович тщательно проверит, соберет все жалобы, и... построят из них шалаши.

Физически уничтожить Бокина не удалось. Кое-кому может показаться странным, что Бокин не стал заниматься теми, кто его избивал, не потребовал срочно суда. Но Фальковскому это понятно: Бокин действует по своему правильно. Он не хочет шума и разговоров о «ве-

роотступничестве», не хочет разных пресудов на тему о религии — тут много найдется охотников почесать язык. Он продолжает делать главное—заботится о голодных и этим завоевывает их. Но придет время, и он отомстит тем, кто поднял на него руку...

В окно кто-то постучал. Фальковский вздрогнул. Кто может прийти прямо на квартиру в полночь? Много он сделал разных предположений, пока решился открыть дверь. Оказывается — ничего страшного: пришел Какенов. Эх, нервы, сдавать начинают!..

— Прошу извинить, Валентин Робертович, но очень срочное дело... — торопливо проговорил Какенов, оглядевшись по сторонам.

— Пойдемте лучше сюда,— Фальковский показал на соседнюю комнату, которая была его спальней,— глухая комнатка без единого окна.

Какенов сел в старинное кресло, начал рассказывать:

— Бокин допытывается, кто вы и откуда... Он спрашивал у многих лиц, так что разговор дошел и до меня. Об этом же мне говорил Салимгерей Бурнашев.

— Но ведь Бурнашев в тюрьме?

— Да. Он переслал мне письмо. Там тоже много разговоров о вас. Не забыли выстрела в Закира...

Положение было скверным. До сих пор среди мусульман распространялось мнение, что Закира убил Бокин, он был в это время возле тюрьмы. И Фальковский уж начал надеяться на поддержку мусульман. А теперь ясно, что они ненавидят его. Он снова задумался и долго ничего не мог сказать Какенову.

— Если вы согласитесь, у меня есть предложение...— Какенов вывел его из задумчивости.— Надо прекратить дело Бурнашева и Яшайло и выпустить их на свободу. Эти люди нам очень нужны. Основание для освобождения—политического преступления нет, налицо простое хулиганство. Мы пошлем их в аулы, пусть раздлаются с ним...

Предложение было заманчивым, но Фальковский не был так глуп, чтобы поступать опрометчиво, он опасался объяснений в исполкоме. Хорошо обдумав все, он решил пойти на некоторый риск.

— Бурнашева выпустить нельзя,— сказал он Какенову.— Юрьев узнает и сразу начнет: «Почему, зачем!» Бурнашев — слишком заметная в городе фигура. А

Яшайло выпустим. Бокин его наверняка не знает. Арестован несправедливо: случайный прохожий, оказался в толпе хулиганов... Вы одновременно с Яшайло тоже отправляйтесь в аул. Нужны жалобы, что Бокин раздает скот только своим родственникам, а те торгуют на базаре, спекулируют. Если дело оформить правдоподобно, то под закон легко подвести. В облисполкоме, чтобы защитить честь мундира, не станут заступаться за Бокина, хотя он и комиссар, член исполкома, они отдадут его нам в руки...

Развивая свои предположения, Фальковский хотел воодушевиться, запятать подальше страх и поэтому не смотрел в глаза Какенову: ведь если Какенов угадает, что у него на душе, то разуверится в нем, и тогда он не помощник.

— Вы не видели Махмута? Где он пропадает? — как можно спокойнее спросил Фальковский.

— Разве вы не знаете? Он уехал в Джаркент. Говорят, совсем, но дом пока не продал.

— Вот как! — откровенно удивился Фальковский. — Выходит, он пожалел Бокина, решил махнуть на мое поручение! Сволочь какая!.. — Он до хруста сжал костистый кулак. — Ну нет... Из моих рук не вырвется. Завтра же будет арестован!

...На следующий день Яшайло был выпущен на свободу. Переодевшись по-казахски, он отправился в аул Кардена. Какенов поехал в те аулы, где уже побывал Бокин, — там спокойно, не понадея ему на глаза, можно собирать «жалобы».

* * *

Ночь. Ярко светит луна. Вдали дремлет Ала-Тау. В тишине переливчато журчит Чемолган. На левом берегу темно-зеленая лужайка. Трава мокрая от росы. Цветы спрятались в темноте, но очень сильно чувствуется их влажный густой аромат.

Бикен наклонилась над водой, она увидела красивое печальное лицо и совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, — лунный диск. Эти два отражения чем-то родственны, они близки, печальны и холодны, они одиноки.

Почему Токаш отвернулся от Бикен? Чем лучше Айгуль? Он даже не ответил на письмо. — Не броситься ли

с берега в воду, разбиться о камни и утонуть? Нет, еще рано... Может быть, Токаш не ответил потому, что еще не решился ответить. Пройдет время, немного времени, и орел прилетит и сядет к ней на руку. Она написала ему обо всем, что было на сердце — пусть подумает. Подумает и прилетит... Бикен сумела положить в душу Айгуль маленький обжигающий уголек, он будет долго тревожить болью, терзать сердце ревностью и обидой...

Темные пятна на луне вдруг обозначились резче, лицо Бикен искажилось страхом. Она вскочила на ноги и осмотрелась, прижимая руки к груди, прислушалась. Что ее так испугало? Волки? Их в это время здесь не бывает. Вокруг — тишина. Со стороны аула изредка доносится собачий лай да слышится однообразное журчание воды. Темнота сгустилась, навалилась на Бикен и пугала ее...

Не будет тревожить душу Айгуль обжигающий уголек ревности... Бикен дала в руки Исмаила Яшайло деньги, и эти руки, может быть, уже тянутся к шее сидящей Айгуль... А если рядом с ней Токаш? Нет, он уехал к тем казахам, что недавно вернулись из Китая. Яшайло знал, где будет в это время Токаш, и почему-то долго не соглашался выполнить поручение Бикен.

Неужели Исмаил хотел убить и Токаша? Нет, нет, этого не может быть. Исмаил уверял, что он не тронет Токаша. Но можно ли верить Яшайло, который из-за денег пойдет на все?

Вдали зашуршала трава. Бикен лихорадочным взглядом стала всматриваться в темноту. Что-то чернеет. На краю обрыва показался силуэт человека. Может быть, это Токаш? Нет, красноармейцы и днем не оставляют его одного. Это — Исмаил, он возвращается из аула Аянбека. Бикен не хочет больше встречаться с Яшайло! Кого же она ждала здесь? Ведь они условились...

Не в силах победить страха, Бикен побежала в сторону своего аула. Ноги путались в мокрой траве, она несколько раз падала, а поднявшись, оглядывалась назад — черный силуэт человека двигался за ней неотступно. Бикен побежала во всю силу, человек — за ней, он нагоняет. Вот уже совсем близко, слышно его дыхание. Бикен взвизгнула и упала, закрывая лицо руками...

Она открыла глаза и увидела себя лежащей в маленькой юрте. Горит лампа. Возле постели сидят отец, Яшайло

и мулла. Губы муллы шевелятся, он читает молитву. Что это значит? Неужели она заболела? Отец печален, Яшайло улыбается, подмигивая, как заговорщик — нет, он моргает и шурится по привычке, не желая показывать приметное бельмо на глазу...

21

Из аула под Каскеленом, где остановились большим табором приехавшие из Китая джигиты, Токаш возвращался очень поздно. Немного позади следовали Курышпай и красноармейцы, не мешая Токашу думать. Перед его глазами все еще стояли картины, одна другой безотраднее. Голые, голодные, истощенные, больные люди лежат на берегу речки, под телегами, под деревом в тени. Живут тем, что принесут дальние родственники из других аулов, — а те сами бедны, могут выделить только крохи. Этим не проживешь долго. А что дальше? Но люди, перенесшие столько страданий и мучений, все же не отчаиваются: их души согревает сознание того, что наконец-то они увидели свою родину, ходят по ее земле, дышат ее воздухом. «Нет других желаний, кроме одного, — умереть на родине», — говорят они. И улыбаются иссохшими губами, светлеют лицами. Никто не пал духом, никто не умирает. Вот что значит — Родина!

Нет, Токаш не оставит их в беде, он завтра же раздаст им скот бая Кардена, затем вернется в город и раскроет склады Закира — вот вам, берите, это ваше добро, его отнял у вас Закир в дни восстания!..

Что такое сегодня с сердцем? Все стучит и стучит тревожно. И аппетита совсем не было. То и дело вспоминалась Айгуль, и сейчас Токаш подумал о ней с беспокойством. Не случилось ли чего? Она слаба и нежна, как цветок степей Семиречья, ее надо беречь...

На востоке занималась предрассветная заря. Блестящая луна вынырнула из-за облаков, красуясь последний час — скоро наступит день.

Токаш взмахнул нагайкой, серый конь пошел рысью. На обочине дороги вспархивали ночевавшие тут птицы и улетали подалее в степь. Впереди надрывно залаяли собаки. Люди спят — крепко предрассветный сон аула! Токаш не будет тревожить Айгуль.

Тихо сошел он с коня; осторожно ступая, заглянул в юрту, поставленную для него с Айгуль. Белый занавес над постелью опущен. Токаш приподнял легкое полотно. Айгуль лежала лицом вниз, она не пошевелинулась. Крепко спит! Токаш откинул одеяло, нагнулся. Видимая часть лица показалась темной..

— Айгуль!

Никакого ответа, ни малейшего движения.

— Айкеш?! — Токаш вздрогнул всем телом, голос его охрип. Айгуль не двигалась. Он приложил руку к лицу — оно было холодным; отбросив одеяло, повернул Айгуль и приложил руку к сердцу — оно не билось. И все тело, как лед...

Кровь хлынула Токашу в голову, в глазах потемнело и все пошло кругом. Он заревел, как смертельно раненный, и повалился на холодный труп..

* * *

С вершин Ала-Тау сползла густая черная туча и лавиной быстро понеслась над степью, будто подгоняемая неведомой силой. Но дождя не было — упали, подобно слезинкам, только редкие капельки. Гудел ветер, поднимая пыль, она затмила все — и землю, и юрты. Буря срывала шапки и тюбетейки и уносила в бурлящий поток реки. В загонах бесновались кони, обреченно мычали коровы, дрожаще блеяли овцы. Люди попрятались.

В просторной восьмирешетчатой юрте Кардена образовав полукруг, сидят аксакалы. Все слушают и смотрят на Жунуса. Слова его беспощадны и метки, как стрелы, выпущенные с близкого расстояния.

— Что творится на белом свете?! Враги совершают одно злодеяние за другим — чуть не убили Токаша, задушили его жену. А вы — живете с ним рядом и вместо того, чтобы удержать и отвести злодейскую руку, молча киваете головами, будто одобряете эти злодеяния. Когда об этом заходит речь, вы делаете невинный вид, отмахиваетесь руками и ногами. Так поступают виновные, которые хотят выйти сухими из воды. Но вот сегодня пришлось вам туго — и слышен разговор о родственных чувствах, вы дрожите, не зная куда спрятать свои души..

Жунус сидел, подогнув под себя ноги, на коленях лежала толстая нагайка. Его голубые глаза злобно блестя. Жунус повернулся к Кардену:

— Что я вам говорил тогда в городе? Я предупреждал вас...

Ответил не Карден, а его брат Адил:

— У нас нет вины, мы чисты, как молоко,— этому свидетель сам аллах!

— Где Сят? Что он скажет?— Жунус обвел всех взглядом, отыскивая Сята.

— Он не пришел, — ответил кто-то тихо.

— Я посылая человека, я приглашал...— Карден был бледен, виновато поглядывал по сторонам.

— Если Сят не прибыл, значит, ждать добра нечего, — сказал Жунус с сожалением.

Баи и аксакалы боялись вступать в разговор. Они потели, иногда кто-нибудь проводил рукой по мокрому лбу и тут же наклонялся к чашке с кумысом. Пришлось нарушить молчанье баю Исе, который считал себя умным человеком, умеющим сказать последнее слово.

— Жуке, мы не желаем беспорядков в народе. Мы послали вам сообщение и пригласили сюда. В это проклятое время мы надеемся на вашу помощь.

Жунус не ответил; взял свою толстую нагайку и вышел из юрты. Ему надо было встретиться с Токашем. Ветер немного стих, можно садиться на коня. Зоркие глаза Жунуса разглядели Курышпая, который не спеша ехал по аулу.

— Эй, Курышпай!

Узнав Жунуса, Курышпай остановился, спрыгнул с коня.

— Эге-ге! Сколько лет, сколько зим не виделись, Жуке?!

— Почему же не заглядываешь в наши края? — спросил Жунус.

— Ой, Жуке, что мне делать на небесах, если на земле нахожу все, что ищу! — рассмеялся Курышпай. — А вы как оказались здесь? Не уменьшилось ли у вас скота?

— Брось свои глупости и найди мне Токаша.

— Он только что зашел вон в ту черненькую юрту, — показал камчой Курышпай. — До свидания, Жуке, — у меня дело...

Когда Жунус вошел в бедную черненькую юрту, Токаш сидел там, склонившись над больным джигитом. Жунус не узнал больного: он был страшно худ, оброс бородой и походил на старика. На миг всплыл в памяти далекий образ и сразу же исчез, вспугнутый видом этого несчастного человека.

— Кто это?

— У вас, Жуке, глаза жиром заплыли. Смотрите лучше. Помните того стрелка, который ранил коня Гейцига?

— О родной мой Даулбек! — Жунус опустился на колени и поцеловал больного в лоб.

Сухие серые губы несчастного шевельнулись, напрягая силы, он произнес:

— Лежу, жду смерти...

Токаш не разрешил ему больше говорить — очень уж слаб, — сказал Жунусу:

— Вот — был герой, а теперь болен, голоден... Нет ничего, кроме чашки кумыса из общего котла. Ваш родственник Карден имеет тысячи голов скота, но не даст и одной этому вчерашнему герою. А вы, Жуке, печетесь о нем, приехали сюда, взмылив коня своего. Я знаю, зачем вы приехали...

Токаш с самого начала этой встречи разговаривал с Жунусом явно непочтительно. Жунус пока терпел: нельзя спорить при больном. А Токаша лихорадило, он сильно изменился, похудел, глаза ввалились — тяжело переживал он смерть своей жены.

Но как только вышли из юрты — сразу же схватились. Жунус не привык никому уступать, а Токаш не мог сейчас считаться ни с кем, не мог удержать себя. Но начал Жунус:

— Гнев, известно, предшествует разуму. Не ты один заботишься о судьбе нашего народа. — Он смотрел на Токаша в упор.

— А ты заботишься? Вот — твой старый соратник, он умирает от голода, а что ты сделал для него? — Токаш злобно взглянул на Жунуса.

— Не злись, Токаш!

— Не нужны мне твои советы.

— Кто ты такой, что не нужны?..

— А ты сам кто такой? Я болею душой за бедных джигитов, которые недавно шли за тобой и подставляли

свои головы под пули, защищая свой народ. Ты бросил их, а я — с ними. Теперь их власть!

— Нет, не их.

— Чья же тогда? — наступал Токаш, они сошлись вплотную, грудь к груди.

— Не их, — стоял на своем Жунус. — Не видал я такой власти...

— Если не видел, так сегодня увидишь.

— Нет, уж лучше умру, чем видеть такую власть, которая позволяет шакалам терзать казахский народ! — Жунус резко отвернулся.

— Не теряй сам в гневе разума, умей распознавать, где друг, а где враг. Тот, кто хватается за борта двух лодок, тонет первым:

Жунус, сделав два шага, остановился:

— Это твое последнее слово?

— Да!

— В таком случае, если я буду тонуть, можешь не подавать руки. Будешь тонуть ты — не надейся на меня. Было время, когда мы шли вместе; теперь наши дороги разошлись. До свидания! Кто выйдет на одну и ту же дорогу первым, пусть тот и получает приветствия.

Жунус отвязал своего коня, стоявшего возле юрты Кардена, взобрался в седло и поехал. Токаш долго смотрел ему вслед.

* * *

После полудня туча унеслась, небо прояснилось, ветер стих. Началась раздача скота. Народ собрался за аулом, около загонов. Скот держали тут с утра под охраной красноармейцев, он был голоден, беспокоился — лошади лягались и кусались, коровы бодались, стуча рогами. Беднота — сироты, вдовы, инвалиды — подступила вплотную к загонам, смотрит на лошадей и коров с затаенной радостью. Поодаль от бедноты — другая толпа: бан и аксакалы со своими семьями. Впереди — Карден с дочерью. Исманил Яшайло прятался в задних рядах, боясь показать слишком приметное свое лицо. Бикен неузнаваема: лицо бледное, будто всю кровь высосали пиявки, глаза настороженные, беспокойные, на ней простенькое ситневое платье.

Между этими двумя лагерями, алая лампасами,

ходит Токаш. Он без фуражки, короткие черные волосы торчат ежиком. Энергично взмахивая здоровой рукой, он отдает распоряжения красноармейцам, охраняющим скот: без приказа никого не подпускать, следить за порядком...

Все готово. Аянбек достает список. Бедняки повернулись к нему, напряженно ждут.

— Рысбеков Байсерке!

Хромой старик с палкой в руке вышел из толпы бедняков, приложив руку к груди, поклонился.

— Одну корову и одну лошадь, — громко и отчетливо прочитал Аянбек.

Весь трепеща от радости, со слезами на глазах, старик подошел к загону. Иван Покудин вывел лошадь и подал ему в руки повод. Два красноармейца выгнали корову. Подержав повод и осмотрев лошадь, старик обратился к Покудину:

— Если разрешишь, сынок, дай я сам выберу себе коня. С тех пор как убили моего бегунца в шестнадцатом году, я еще не садился на лошадь.

— Вот гад! — скрипнул зубами Карден. В толпе баев зашумели.

— Нахальный старик!

— Дай коня на выбор — смотри какой!..

Из толпы бедняков ответили:

— Его время..

— Да сбудутся его мечты!

Токаш распорядился: пусть выберет сам. Старик обрадовался еще больше.

— Спасибо! Наконец-то я дождался! — и пошел в загон.

Бедняки удивлялись, поглядывая на Кардена.

— Как он терпит, не лопнет?

— Бывало, издохнет паршивый козленок, поднимал такой скандал, что все прятались по углам, а тут молчит...

Но Карден не молчал. Он тихо ругался и плевался, с опаской посматривая на Токаша:

— Проклятый Байсерке, как у него язык поворачивается? Неблагодарный, подлец! Ездил же, пользовался моими лошадьми...

— Разве есть у него совесть? — вторили Кардену аксакалы. — Он украдет и продаст саван своего отца.

— Разорит меня сын Боки,— шептал, дрожа, Карден, — погубит окончательно.

— И на него найдется управа! — тихо проговорил Яшайло.

Старик выбрал себе коня — он облюбовал бойкого жеребчика бархатисто-вороной масти с круглым крупом. Байсерке по-молодому вскочил на коня и с места пустил в галоп. Старуха повела на веревке корову.

— Молодец старик! — одобрил Покуднн.

— Видать, натерпелся, бедный.

— Казах без коня, что птица без крыльев.

Аянбек вызвал следующего по списку счастливица, тот получил свою долю, не задерживая очередь. Постепенно напряжение прошло, чаще слышались шутки. Голос Аянбека начал хрипнуть.

— Рахим, сын Байжарыса, двенадцати лет. Отец погиб в дни восстания.

Аянбек посмотрел по сторонам.

— Выдаты!

— Знаем! — кричала беднота.

Но сирота Рахим не показывался. Аянбек снова выкрикнул его имя. Мальчик вышел и остановился, переминаясь с ноги на ногу. Токаш узнал его: это был юный рыболлов, серьезно рассуждавший о «котлах». Токаш напомнил ему о том разговоре шуткой:

— Ты же говорил, что тебе скот не нужен.

— Мне не нужен, но матери... — пробормотал мальчик и опустил глаза.

— Дать! — закричали бедняки.

— Четыре овцы и одну корову, — объявил Аянбек.

Из загона вывели красную с лысиной безрогую корову и вытолкнули четырех овец. Рахим боязливо посмотрел на Кардена — он не решался гнать скот домой. Токаш подошел и погладил мальчика по голове.

— Не бойся, это твое и земля твоя. Никто тебя не тронет.

Мальчик схватил хворостину и погнал овец и корову.

— Милые мои коровушки, разошлись по рукам! — тяжело вздохнул Карден. Бикен успокаивала его:

— Пусть! Не отчаивайтесь, отец! Это откуп за наши уцелевшие жизни. Хоть бы те лошади остались целы...

Послышался топот множества копыт, налетело облако пыли, и люди не сразу поняли, кто едет сюда на ло-

шадях. Может быть, это казачья сотня? Люди забеспокоились, всматривались в облако пыли, строили догадки. Только Токаш стоял спокойно и поигрывал нагайкой.

Вскоре показался огромный косяк лошадей. Это были породистые аргмаки вороной масти. Их гнали Курышпай и еще два джигита, с куруками в руках.

— Что это за лошади?

— Ой-бой-ой, да ведь это бархатно-воронье Кардена!

— Значит, нашли их. Карден в горах прятал...

— Ну и Курышпай, настоящий джигит!

— Доконали теперь изверга...

Группа Кардена задвигалась, стала расползаться. Оттолкнув дочь, бай с поднятыми руками кидался из стороны в сторону:

— Лучше умереть, чем терпеть это! Дайте мне нож! Его пробовали успокоить, он не хотел никого слушать.

— Чтоб вы провалились со своим родством! Теперь я голый бедняк. Что мне делать, что делать? Боже ты несправедливый!..

На него не обращали внимания.

Неприрученные кони боялись людей, не шли в загон. Вдруг, повернувшись все разом, они помчались в сторону гор.

— Росли дико, разве дадут поймать?

— Если заарканить вороного жеребца, остальные пойдут за ним, — сказал Аяибек.

Курышпай помчался вдогонку за жеребцом, он ловко забросил на шею курук. Жеребец, всхрапнув, стал на дыбы, рванулся, но Курышпай не отпустил его. Почувствовав твердую руку, жеребец присмирел. Его повели в поводу, за ним тихо последовал весь косяк бархатисто-вороних. Люди не могли налюбоваться красотой аргмаков: все они были сильными, упитанными — горные луга очень хороши для нагула.

— Самых лучших отправьте в город, — сказал Токаш Аяибеку. — Остальных раздадим здесь. Бери список, читай дальше.

К Токашу подошел хромой русский мужик в старой солдатской шинели, в стоптанных сапогах.

— Товарищ Бокин, я пришел сюда из Каскелена. Ги-

* Курук — длинная палка с петлей для ловли лошадей.

бель мне, товарищ Бокин. Коня нет, посеять не могу. Дети умрут с голоду. Дайте ради их лошады!

Токаш посмотрел на Аянбека.

— Знаешь его?

— Знаю. Солдат правду говорит.

— Запиши фамилию и дай одного коня. — Токаш посмотрел на лошадей, отыскивая глазами нужную для русского солдата лошадь и увидел Курышпая. Тот уже сменял своего конька на бархатистого вороного и сидел сейчас на нем. Взгляды их встретились. «Оставь мне», — просил глазами Курышпай. «Ты не самовольничай», — ответил взглядом Токаш и сказал громко: — Отдай этого коня!

Карден и все вокруг него замерли. Когда Курышпай соскочил с вороного жеребца и с неохотой протянул повод русскому мужику, группа Кардена завопила в один голос:

— Сын Боки отдает скот мусульман неверным! Позор для всех мусульман!

Бедняки молчали. Только Курышпай с завистью сказал мужику:

— Счастливый ты! Ну, садись...

Солдат ухватился за холку и легко прыгнул на круп жеребца. В этот момент подбежал Карден.

— Милые мои лошадушки, — причитал он. — Самый лучший из коней перешел в руки неверного. Прощай, мой вороной!

Он обнял шею коня, нагнулся... Все подумали, что Карден подошел проститься с конем, и не хотели мешать. Вдруг Карден выхватил из-за полы кинжал и пырнул в пах жеребца. Жеребец пронзительно взвизгнул. Шарахаясь из стороны в сторону, он сбросил седока и помчался к горам. Дикие лошади в загоне разногласно заржали, перемахнули через низкую изгородь, и весь косяк умчался за жеребцом.

Карден рассвирепел. Три красноармейца насилу отобрали у него кинжал, при этом одного из них он ранил в плечо. Карден не сдавался. Он выхватил у джигита, приехавшего вместе с Курышпаем, курук и ударил палкой Токаша по голове, сшиб его с ног. Бросившийся на Кардена Курышпай тоже получил удар и отскочил прочь. Карден кинулся на Аянбека, но тут красноармейцы наконец повалили Кардена и скрутили ему руки.

Токаш лежал без сознания. Он очнулся, когда Бикен стала смывать кровь и накладывать повязку. Узнав ее, Токаш вскочил на ноги и тут же пошатнулся — его поддержали красноармейцы. Бикен протягивала руки, чтобы поправить повязку на голове, Токаш оттолкнул ее и медленно повел тяжелым помутневшим взглядом вокруг. Он был страшно бледен, из-под взлохмаченных черных волос пробивалась кровь, она тремя ручейками стекала по щеке, часто капала на чистую гимнастерку песочного цвета и скоро соединилась с красным лампасом на брюках. Токаш не обращал внимания на это. Морщась от боли, он здоровой рукой сжимал предплечье недавно покалеченной руки — вероятно, при падении он повредил ее и рана открылась. Покудин сильнее стянул повязку на голове, хотел было посмотреть руку, но Токаш не дал, он подозвал Аянбека.

— Пиши! — приказал Токаш.

Люди молчали и стояли не двигаясь. Аянбек порылся в карманах и достал карандаш, приготовился писать на обратной стороне листа со списком, который не удалось дочитать до конца.

— Пиши! — хрипло повторил Токаш. — Именем революции: за оказанное сопротивление, которое привело к кровопролитию, за контрреволюционные действия бай Кардена Маркжабев приговаривается к расстрелу!

И группа Кардена, и бедняки стояли молча и слышали каждое слово Токаша, все замерли, словно онемевшие. Тихо и потерянно ахнула Бикен, зашумела группа Кардена. Токаш посмотрел на бедняков: вероятно, он хотел узнать их мнение о приговоре, но они молчали. Только Аянбек попытался сказать что-то, Токаш движением руки остановил его. В шуме со стороны Кардена слышался дрожащий голос Бикен: она плакала и умоляла заступиться за отца. Но все только ахали и не двигались с места. Бикен плакала и злилась: неужели у всех каменные сердца? Неужели так никто и не осмелится подойти к Токашу и сказать слово в защиту? Может быть, все считают приговор справедливым?

Бикен подошла к Токашу.

— Токаш-жан, прости отца, он совершил ошибку.

Токаш — неузнаваемый, с кровавыми полосами на белом лице — не сказал ни слова, он отыскивал глазами

Курышпая. Бикен опустилась перед ним на колени. Токаш взял ее за руку, поднял.

— Встаньте, Бикен. Так нельзя!.. — проговорил он твердо. — Кто против революции, тому пощады не будет! — и отвернулся.

Бикен закинула руки, схватила свои косы и начала рвать их. Ее обступили женщины, поднялся вой и причитания.

Токаш подозвал Курышпая и Покудина.

— Приказываю немедленно привести приговор в исполнение.

Карден сидел на земле, руки его были связаны, голова опущена. Курышпай и Покудин подняли его и повели к обрыву над рекой. Он пошел, медленно переступая ногами, потом остановился, повернул голову. Бикен кинулась к нему, обхватила за плечи, забилась в припадке. Им дали проститься.

— Прощай, дочь моя! Прощай Бикен! Теперь ты одна... Кто же отомстит за меня? — в голосе Кардена звучала злоба и тоска. Курышпай толкнул его в спину. Бикен упала в песок, разметав косы, закрыв лицо руками...

* * *

Токаш шел берегом речки — один под звездами наступившего вечера. Аул еще не спал. Слышались голоса. Дневные события долго не дадут в эту ночь уснуть...

Взошла луна, стало светлее. Звезды поднялись, поблекли, некоторые совсем исчезли. Налетал слабый ветерок, он ласково касался щек, обдувал раскрытую грудь. Токаш не останавливался, шел все дальше и дальше от аула.

Перед его глазами все еще стоит Карден, подталкиваемый Курышпаем к обрыву. Карден идет быстро, он спотыкается, спешит. А куда спешит? Бикен осталась позади, она катается по земле, рвет волосы, рыдает и кричит что-то...

Сердце Токаша сжалось. Нет, это не жалость, это усталость от потери крови, это переутомление нервов. Кардена жалеть не надо. Карден — гнилой дуб. Если не повалить его, он будет закрывать солнце и не давать расти молодым побегам. Карден — не только гнилье, он злобный враг. Жалеть его — значит показать свое бесси-

лие. Кинжалом он мог убить красноармейца и палку он схватил не для того, чтобы погладить Токаша по голове. Он не стал бы жалеть и никогда не жалел Токаша. Это понятно: сейчас кто кого...

Луна поднялась выше. Токаш все еще идет. Аул где-то далеко позади, еле доносится редкое побрехивание собак, голоса людей стихли — одолел-таки их сон. А Токаш идет. Кулаки сжаты. Сердце не хочет покоя, толкает и толкает: «И-ди, и-ди!..» Под ногами — темно-зеленый ковер. Цветы... Удивительно красивые цветы. При лунном свете розы Семиречья приняли огненно-красный оттенок, они клонятся к земле, тяжелые, влажные, будто пропитанные кровью.

Перед Токашем — бугорок свежей земли. Могила... Да ведь это могила Айгуль! Токаш удивлен: как он нашел ее? Кажется, мысли не было идти сюда. Это сердце привело, оно подталкивало: «И-ди, и-ди!»

Токаш бросился на бугорок земли, обнял его.

Смерть Айгуль осталась загадкой. Жизнь, почему ты такая сложная, запутанная? Не услышать теперь звонкого веселого смеха Айгуль, не увидеть ее глаз. О, безжалостная неверная судьба!

22

Узнав о смерти Кардена, Габдулла Какенов ночью прибыл в город. Фальковский ожидал его с нетерпением. Валентин Робертович рассказал о подробностях события и закончил словами: «Плод созрел, теперь он сам упадет в руки. Лишь бы не упустить удобный случай и подхватить его».

Утром Бурнашев был выпущен из тюрьмы.

Тело Кардена перевезли в город. Для его омовения Какенов пригласил самых знатных аксакалов, ходжей и мулл. Из приглашенных не явились лишь два человека — Жунус и Сят. А самым первым прибыл хальфе из Кастека. «О родной мой!»... — возопил он над трупом Кардена, и люди, толпившиеся во дворе, завывали на разные голоса. Затем хальфе на протяжении получаса читал молитву «Ясин».

Мусульманская знать с ревом и причитаниями похоронила бая на мусульманском кладбище «Карамола».

Устроили трехдневные поминки, они слились с семидневными. Во многих домах под железными крышами оплакивали Кардена. «Наш Карден — шиит, его грехи искуплены. Он погиб от руки вероотступника. Проклятье, проклятье вероотступнику!»

Какенов радовался. Он изо всех сил старался разжечь религиозные страсти фанатиков. Припомнились все прежние сплетни о Бокине; политые злобной желчью, они потекли по городу сплошным потоком лжи и клеветы.

«Разбойничал в аулах, грабил народ, вырывал бороды аксакалам!»

«Торговал отобранном скотом, отдавал его кафирам».

«Крещенный, еще в Петербурге окрестился!»

«Насиловал казахских девушек!»

«Собирался жениться на русской и задушил свою невесту!»

Какенов слышал выкрики озлобления и потирал руки, довольный.

Обо всех этих разговорах знали и в исполкоме. Фальковский и его друзья-эсеры постарались, они повторяли сплетни и злобные измышления многозначительно покачивая головами, старались создать впечатление, что все мусульмане — против Бокина.

«Кажется, плод созрел», — радовались Фальковский и Какенов. Габдуллу печалила только мысль о Бикен. После смерти отца она заболела эпилепсией, с ней случались припадки. Бикен исхудала, она не выходила из дому. Какенов несколько раз навещал ее и все время неудачно — как раз во время страшного эпилептического припадка.

Сегодня он тоже пошел к Бикен, надеясь застать ее здоровой и поговорить чистосердечно обо всем. Над городом ползли тучи, брызгал надоедливый дождь.

Жизнь человека стала не дороже копейки. Карден не знал покоя, по копейкам наживал богатство и за многие годы стал наконец богатым — вот и вся его вина. Разве богатство — преступление? Бедность — не порок, но разве порок — богатство? Может ли быть хорошая жизнь, рай на земле без богатства? Никогда! Одна мысль о богатстве доставляет радость. Бокин — сын бедняка, его предки веками знали только нужду. Он завидует имущим, ненавидит их, хочет превратить всех в бедняков. «Все люди должны быть равными» — говорит он. Как только

подумает об этом Какенов, злоба опять охватывает его до дрожи в руках.

Бикен лежала в своей комнате на кровати. Около нее сидели Салимгерей, двоюродная сестра Ляйли, старшая сестра — жена Закира и еще две подруги Бикен. Они рассказывали что-то смешное, стараясь развлечь больную. Увидев Какенова, Бикен закрыла лицо руками и заплакала. Габдулла опустился на колени, поцеловал руку девушки. На его глаза навернулись слезы. Поднявшись, он сказал:

— Не сокрушайся, Бикен! Если будем живы, отомстим за вашего отца.

Бикен провела ладонями по лицу, вытерла слезы. Голубые глаза ее не сняли, их заволокла мгла. Щеки были бледны, губы сухи. Не было прежней Бикен с яркой вызывающей красотой. У Габдуллы сжалось сердце, он не мог усидеть. Стиснув кулаки, он подошел к окну. Во дворе какая-то женщина в жаулыке пыталась затопить печь, раздувая огонь. В сыром воздухе дым не поднимался, а стлался по земле. Сыро и стесненно было в душе Какенова.

К нему подошел Салимгерей. Габдулла спросил:

— Он своей рукой расстрелял? — Какенов знал от Фальковского, как было дело, но он сам распространял слух, что Бокин застрелил Кардена сам, без всякого объявления приговора.

— Яшайло был там, он знает, — сказал Бурнашев. — Исмаил где-то во дворе, помогает по хозяйству. Сейчас позову.

Бурнашев вышел и скоро вернулся вместе с Яшайло, который почтительно поздоровался с Какеновым.

— Правда, что Бокин своими руками расстрелял Кардена?

Яшайло покосил глазами на Бикен.

— Как бы там ни было, а факт, что расстреляли, — и понизил голос до шепота: — Зачем напоминать об этом Бикен. Давайте выйдем в гостиную.

Втроем они вышли и присели к столу.

— Говорят, Бокин был злой, он три дня ничего не ел — все из-за невесты, — сказал Салимгерей.

— Брось молоть чепуху, — прервал его Какенов. — Разве есть у него сердце! Он сам задушил невесту, не так ли, Исмаил? Ты был в ауле и знаешь.

— Бросьте вы... — отмахнулся Яшайло. — Я был там, куда вы послали, в ауле Кардена.

— Брось и ты, Исмаил!.. Разве не веришь нам? — усмехнулся Габдулла. — Мы хотим знать правду, отчего умерла невеста Бокина.

— Одни говорят — разрыв сердца, другие — он сам задушил. Будто собирался жениться на русской...

— Вот именно. Ты, Исмаил, хорошо знаешь правду. Подбери людей, которые могут заявить, что Бокин сам убил свою невесту. Надо собрать больше заявлений, с каким зверством убивали Кардена.

— Бикен хотела написать, — сказал Салимгерей.

— Пойдем к ней.

Яшайло остался: в дом то и дело заходили посетители почтить память бая — Исмаил встречал их и выпроваживал.

Вернувшись к Бикен, Салимгерей спросил:

— Где твое заявление, Бикен? Ты писала его вчера.

Глаза Бикен напряженно уставились в одну точку на потолке. Она долго молчала.

— Ну, говори же!

— Порвала.

— Почему?

— Зачем оно?

Салимгерей в досаде хлопнул себя по боку, удивленно посмотрел на Габдулла.

— Что теперь скажешь? Простила кровь отца, эх ты!.. — Салимгерей, не сдержавшись, выругался по-татарски.

Какенов пытался уговорить Бикен:

— Нужно защищать свою честь, Бике-жан!

— Честь у меня чиста. Как отомстить Бокину, это я знаю сама, — проговорила Бикен, все так же напряженно всматриваясь в какую-то видимую только ей одной точку на потолке.

Разговор пришлось прекратить. За дверь кто-то шумел, выкрикивал угрозы. Габдулла и Салимгерей поспешили туда. Один из чемолганских баев, давний знакомый Какенова, показывая на Яшайло, говорил брату Кардена Адилу:

— Вот он, проклятый!.. Я узнал его. Это он вырвал пучок из моей бороды и отдал мне в руки.

Адил повернулся к Яшайло, сказал грозно:

— Уходи из этого дома, злодей!

Яшайло, сжав зубы, злобно поглядывал на чемолганца, взгляд его говорил: «Ну, подожди у меня!..» Сейчас он не был похож на того плута Яшайло, который ходил тихо, как кошка, и умел скрывать мысли; вежливость и обходительность, приобретенные в торговых городах Афганистана, Индии и Китая, осыпались, как позолота с фальшивого кольца, он ощетинился, готовый вступить в драку.

Какенов поспешил вмешаться в разговор.

— Как же так получилось, Исмаил?

Какенов мог выручить из неприятного положения, и Яшайло рассказал.

— Я пришел, а он плачет. Чего плачешь? «Бокин отобрал весь скот!» Я говорю: пиши жалобу. И добавь, что избил... А этот чудак: «Он меня не бил. Зачем я буду писать?» Говорю ему: вы лжете, аксакал! Бокин выдрал вам бороду... Взял да и протянул ему клочок бороды.

— Ты выдернул у меня, злодей! — завизжал чемолганец и потянулся рукой к нахальной роже Яшайло. Какенов оттолкнул его.

— Продолжай, Исмаил.

— Ну, вот показал клочок... А этот глупец поднял шум!

Салимгерей стоял позади Какенова и давился от смеха. Габдулла старался сдерживать себя. Он сказал чемолганскому баю:

— Если хотите знать правду, аксакал, то все равно Бокин является виновником того, что ваша борода побавилась. Бокин довел до такого отчаяния народ! При чем тут вот этот правоверный мусульманин? Садитесь и пишите жалобу, аксакал: «Я похвалил новую власть, а Бокин избил меня за это...»

Только что гневно кричавший на Яшайло Адил поддержал Какенова.

И в тот же день в следственную комиссию Какенов принес сразу три заявления. Первое — от Бикен. В припадке отчаяния она написала. «Отец не отдавал меня Бокину в жены, и за это он расстрелял моего отца». Вторую жалобу нацарапал Яшайло: «Я, как и многие, знаю, что Бокин задушил казахскую девушку Айгуль»; тре-

тью — чемолганский бай, чья борода пострадала от руки Яшайло.

Во время вечерней молитвы хальфе прочитал проповедь. Желавшие послушать ее не вмещались в просторную уйгурскую мечеть, Какенов еле протиснулся, чтобы услышать проповедь. На хальфе — невзрачного, низенького, рябого — можно было и не смотреть, но слышать его слова надо. Какенов остался доволен проповедью; хальфе говорил долго и складно, понятно для всех, без арабских выражений.

— Мусульмане! — его визгливый голос слышали даже те, что не смогли попасть в мечеть и слушали при открытых дверях на улице. — Правоверные мусульмане! Наша молитва сегодня — за аксакала Кардена, ставшего теперь шиитом. Карден — истинный мусульманин, на том свете он будет на самом почетном месте в раю.

— Амниш, амины! — прогудела переполненная мечеть. Хальфе продолжал:

— Смерть Кардена оплакивает все мусульманство. Плачут даже маленькие дети. Если бы все эти слезы сожаления соединить воедино, то образовались бы речные потоки. И это неудивительно. Вспомним — каким был наш незабвенный Карден? Он был смиренным рабом божьим, никому не только зла не сделал, но даже и обидного слова не сказал. — Откашлявшись и прочистив горло, хальфе четко продолжал проповедь: — в Таурухе произошло точно такое же злодеяние, но тогда грешники получили должное наказание. Если вы забыли, я напомню об этом.

Один из верных пророку, а именно, хазрет Гумар, прибыл из Медины в Мекку, чтобы совершить вечернюю молитву. Собрались все сахабы Мекки. В середине молитвы кто-то неизвестный спустился с минарета, в руках его был кинжал о двух лезвиях. Молитва продолжалась. Неизвестный подошел к хазрету Гумару и вонзил в него кинжал. Ни один сахаб не произнес ни слова и не сдвинулся с места. Никто не имел права, несмотря ни на что, прерывать молебен, потому что хазрет Гумар не окончил молитвы и не произнес «аминь»! Через некоторое время хазрет пришел в себя и сказал: «Аминь»! Тогда сахабы с шумом поднялись и бросились ловить кафира-убийцу. Мухамед, старший сын Абу-Бакир-сафы догнал

неверного, не дал добраться до шумного, многолюдного базара и отрубил ему голову.

Вы, мусулмане, очень терпеливы. Не будем говорить, совершая молитвы о Кардене, «аминь», пока не придет должное время...

За спиной Какенова кто-то шумно вздохнул и произнес:

— Ух ты, как здорово!..

Габдулла обернулся. Рядом стоял Яшайло.

Молебен кончился. Яшайло, высоко подняв голову и расправив плечи, легко пошел к дверям. Он будто сразу же сбросил с себя всю тяжесть грехов...

23

Юрьев остановился у волостного комиссара Аянбека. Бокин был в отъезде, на Курдайской стороне. За ним послали нарочного с наказом немедленно возвратиться. В ожидании Токаша Петр Алексеевич занялся расследованием смерти Кардена.

Аянбек за эти дни сильно сдал, он поседел и постарел. Все сразу резко отразилось на нем — и смерть Айгуль, умершей беспричинной и непонятной смертью, и волнения в день расстрела Кардена, и предчувствия чего-то страшного, неотвратимо надвигающегося. Он потерял былое самообладание и говорил при всех, что считает себя соучастником убийства Кардена, сожалел, что не вмешался и не остановил Токаша. Но когда Юрьев начал его спрашивать, как все это произошло, Аянбек заплакал навзрыд.

— Это было неудачным делом... Беда! А беда никогда не приходит одна, она ведет за собой и другие беды.

Бывало не раз — в родовой вражде казахи избивали друг друга, проливали кровь, но это не считалось бедой и грехом. Но расстреливать, особенно казаху казаха, было и оставалось величайшим грехом и несправедливостью. Это — тяжелое преступление. Казах не должен погибнуть от пули, он боится ее. А Карден убит пулей, он погиб от руки казаха. Это и мучило Аянбека.

Юрьев оставил полусумасшедшего волостного и стал вести разговоры с людьми аула наедине, чтобы выяснить всю правду. Бедняки были откровенными. Петр Алексеевич узнал их нужду, их мысли: у кого что болит —

тот о том и говорит. Обычно грубоватый, хромой Ахан высказал удовлетворение действиями Бокина. «Токаш — наше бедняцкое счастье, он — долгожданная звезда, загоревшаяся наконец над нашей улицей».

Юрьев по лицу много повидавшего в жизни Ахана видел, что хромой джигит говорит от души, а цветистые образные слова — это народная похвала Токашу, она неизменно передается из уст в уста.

На следующий день, когда приехал Токаш, Петр Алексеевич начал с ним разговор с этих слов Ахана, вернее — не Ахана, а народных, ставших легендой слов о «яркой звезде», об истинном сыне своего народа. Юрьев сидел на сундуке для бумаг волостного правления, говорил и посматривал на Токаша. А Токаш с худым почерневшим лицом ходил нервно и стремительно, не находя себе места.

— Скажите прямо, без намеков, — бросил он Юрьеву.

— Если сказать прямо...

— Да, прямо!

— Ты совершил ошибку, дорогой Токаш. — Юрьеву было жаль друга, он видел, как всего перевернуло Токаша, как он изменился: и раньше был горяч, а сейчас будто все перегорело внутри и лицо отливало угольной чернотой. Токаш, верный товарищ, был дорог, но правда была дороже.

— Я не совершал никакой ошибки, — резко ответил Токаш, продолжая ходить. — Вы намекаете на Кардена, ну и говорите прямо. Я тоже скажу: этот бай справедливо приговорен к смерти.

— Неправильно.

— Нет, правильно. Спросите у народа, у бедноты, как они думают.

Петр Алексеевич тоже возвысил голос:

— Ты не имел права расстреливать. Нужно было арестовать и отправить в город. Анархия!..

Токаш остановился перед ним, сунул руки в карманы.

— Формальности, болтовня, товарищ Юрьев. Это не те слова, которые вы должны были сказать. Отправь в город, отдай в руки Фальковского, а он завтра выпустит его на волю, как выпустил тех, кто меня избивал на улице этого города. Нашли слабовольного и полоумного!.. Здесь задушили мою жену! Избивали меня на гла-

зах народа — и все должно сойти с рук. Нет, к черту такую гуманность! Отъявленному врагу революции заслуженная плата. Только так! Иного не хочу слушать. Не один Юрьев — солдат революции. Я такой же солдат! Скажите лучше, какие приняты меры к байским сынкам, что избивали меня? Разобрались вы, кто сидит в этой следственной комиссии?

Токаш сорвался с места, заметался по комнате.

Юрьев встал, сказал строго и внушительно:

— Бокин, я хорошо знаю тебя. Мы достаточно испытывали друг друга в тяжкие дни. Но пойми: революционер должен быть кристально чистым. Запомни это!

Вошел испуганный Аянбек и протянул Токашу записку, которую только что передал нарочный из областного исполнительного комитета. Токаш быстро пробежал глазами по строчкам и передал записку Юрьеву.

Исполком срочно вызывал Бокина в город.

* * *

Вечернее солнце садилось за горы. Над горизонтом пылали пушистые облака. Красноватый свет лился по склонам и потухал в ущельях — оттуда выступала тьма.

Токаш с непокрытой головой стоял над могилой Айгуль. Сожаление, гнев, горе — все слилось вместе и терзало его сердце. Руки судорожно вздрагивали.

Смерть Айгуль... История с Карденом — она, видать, не кончилась. Токаш не раскаивается, хотя Юрьев сказал «неправильно». Если не показать всем, чья теперь власть и как тверды руки, взявшие ее, то потом будет хуже — власть в аулах опять перейдет к баям. Нет, не для того совершалась революция, чтобы мы подставляли свои головы под удары! Эх, товарищ Юрьев, как нехорошо! Ты пристально заглядывал в глаза, стараясь обнаружить какой-то злой умысел. Нехорошо! Надо пристальнее следить за действиями врага, он коварен. Охотники заранее расставляют сети и потом гонят туда свою добычу. Даже лев не сможет вырваться из них, он запутывается все больше и больше и попадает в руки охотников. Из истории с Карденом приготовлена сеть, как бы ты, Токаш, не попался в нее...

Он склонился над могилой и посадил в свежую, еще

не уплотнившуюся землю любимый цветок Айгуль — розу.

Прощай, Айгуль!..

24

Они приехали в город ночью. Курышпай с разрешения Токаша посхал ночевать к своей Халимаш.

Рано утром в дверь сильно постучали. Курышпай окликнул раннего гостя и по голосу узнал Махмута.

— Что случилось, Маха? Ты так нетерпеливо стучишь, что можно подумать — пожар. — Курышпай был недоволен, что его крепкий сон нарушен. А Махмут, кажется, был удивлен, увидев Курышпая.

— Э, разве тебя не арестовали?

— Какой арест? Ты шутишь?

— Кажется, ночью арестовали Токаша вместе с его отрядом. Разве ты не слышал об этом?

— Токаша?! Ты в своем уме, Маха?

Махмут был в своем уме.

— Этой ночью я вернулся из Джаркента. Не по своей охоте. Вызвала следственная комиссия. И там я собственными глазами видел, как привели Токаша. Арестовали весь отряд — такой шел разговор в этой комиссии. Ну, я и подумал, что ты тоже попал... Когда меня отпустили, я прямо сюда, чтобы сообщить Халиме.

— Вот тебе на! Опырай, что же теперь делать? — Курышпай растерялся и вопросительно посмотрел на Махмута.

— Слишком уж вы ретивы стали, дорогой мой. Зачем было трогать баев? Все равно у них будут деньги, и нет ни одного человека, которого нельзя купить за деньги.

— О чем ты болтаешь? — Курышпай почесал себе затылок и начал одеваться. Остатки сна улетучились окончательно. Хлопнув дверью, Курышпай со всех ног помчался по улице.

Плохие вести не залеживаются, город уже знал о случившемся ночью. Курышпай слышал обрывки разговора прохожих о Токаше, и они подхлестывали Курышпая.

— Ай-ай, Токаш-жан! Что теперь будет? — Курышпай любил Токаша, как сына, как брата, он берег его. Нель-

зя было отходить от Токаша ни на шаг! Уже второй раз получается так: как только Курышпай отлучится — с Токашем случается беда. Но как могли арестовать Токаша из-за Кардена? Карден — враг, и хорошо, что с ним покончено. Ведь это Карден устроил так, что молодой джигит, весельчак, певец-домбрист Курышпай за одну только песенку против царя угодил в Сибирь. Карден сделал так, конечно, не только из почтения к белому царю, а еще и от обиды. Однажды Курышпай в своей песенке необдуманно высмеял Кардена, бай припомнил все вместе, да еще назвал Курышпая конокрадом — и все, засудили джигита... Хотелось отомстить за годы мучений. Совсем недавно, когда Курышпай здесь, в городе, встретился ночью с Карденом один на один, очень хотелось пристрелить ненавистного бая. Но Курышпай удержался, понимая, что революция — не для сведения личных счетов. Он удовлетворился тем, что видел обомлевшего от страха Кардена и взял сапоги. О, если бы знать, что случится наперед, то лучше бы прикончить Кардена еще тогда. Зато теперь не случилось бы этой истории. Ах, Токаш-жан!

Курышпай прибежал на квартиру Сахи, но напрасно: Саха был в Пишпеке. Пошел искать Ораза — оказалось, он на фронте. В горде не осталось прежних друзей, с кем можно бы посоветоваться, что же делать. Подумав, Курышпай пошел в городской Совет к Виноградову. Секретарь ответил: «Виноградов — в Кульдже, должен скоро вернуться». Курышпай перебрал в памяти всех близких товарищей Токаша. Емелев и Журавлев находились на фронте. Вот положение!.. Оставался один Юрьев. Петр Алексеевич вчера был в Чемолгане, он уже разговаривал с Токашем о расстреле Кардена. Разговор был не очень-то дружественным. Неужели Юрьев поддержал арест Токаша? Нет, этого не может быть. Юрьев был немножко раздражен, он нервничал. Он был болен — это заметил Курышпай. Петр Алексеевич почувствовал себя неважно и вынужден был уехать в город на день раньше Токаша и Курышпая.

Курышпай пошел в исполком, Юрьева там не оказалось. «Сегодня не вышел на работу, вероятно, болен», — сказал заведующий общим отделом.

Оставалось одно — идти на квартиру Юрьева.

Петр Алексеевич лежал в постели. Голова его была

замотана полотенцем. В глазах — боль и страдание, кожа на лбу в морщинах, губы искривлены.

— Садись! С чем пришел? — Он указал на табуретку, но Курышпай не сел. — Кажется, все болезни, какие есть, свалились на меня, — с болью в голосе продолжал Юрьев. — Стоит только поволноваться, начинается ныть рана и выматывает всю душу. Голова раскалывается... Врач говорит: нервы... Ну, какие новости?

— Товарищ комиссар, как вы можете говорить сейчас такие пустяки, когда другие сидят в тюрьме, и кто знает, чем это может кончиться? — Курышпай не очень-то церемонился, полагая, что если Юрьев не способствовал аресту Токаша, то знать об этом все-таки должен.

— Кто сидит в тюрьме? Говори толком, — Петр Алексеевич приподнялся на кровати.

— Токаш Бокин.

— Токаш? Ты в своем уме? — глаза Юрьева не мигая смотрели в упор на Курышпая; полотенце сползло на щеку, Петр Алексеевич отбросил его в сторону.

— То же самое я говорил Махмуту. Весь город уже знает об аресте Токаша, вы не могли не знать...

— Когда арестовали?

— Ночью. Вместе со всем отрядом.

Отбросив одеяло, Юрьев соскочил с кровати, стал одеваться. В дверях показалась женщина в белом халате — видимо, сиделка из больницы.

— Петр Алексеевич, куда вы? Врач приказал не выпускать вас.

Юрьев не слушал ее. Курышпай почувствовал себя неловко. Было видно, что Петр Алексеевич ничего не знал, он с вечера, как лег, так и не вставал с постели, и ни в малейшей степени не причастен к аресту Токаша. Курышпай потревожил очень больного и одинокого человека, которому нужен покой и рядом — близкий человек. Но, с другой стороны, серьезная опасность грозит и Токашу, ради него Курышпай может поднять на ноги кого угодно.

Раненая рука Юрьева не сгибалась, мешала одеваться. Сиделка, помня наставления врача, отказывалась помогать, протестовала. Курышпай помог Петру Алексеевичу натянуть сапоги, гимнастерку и, поддерживая его за здоровую руку, вывел на улицу. Здесь Ку-

рышпай остановил казаха, ехавшего на подводе, и привез Юрьева в исполком.

Добравшись до кабинета, Юрьев жадно глотнул воды из графина и снял трубку телефона.

— Товарищ Фальковский? Срочно зайдите ко мне! — положив трубку, Петр Алексеевич сказал Курышпаю: — Пройди в соседнюю комнату и подожди там.

Курышпай и сам не хотел попадаться на глаза Фальковскому. Если арестован весь отряд, то уж Курышпаю место, конечно не здесь, а в тюрьме. Он ушел в соседнюю комнату, предусмотрительно оставив дверь чуть-чуть открытой.

Юрьев, оказывается, молодец! Как мог Курышпай заподозрить его? Ведь Петр Алексеевич — старый революционер, на него можно положиться. Сейчас он возьмет в оборот Фальковского...

Но Курышпай плохо знал Фальковского, вернее — совсем не знал. Клыки у Фальковского оказались трехвершковыми. С ходу он сцепился с Юрьевым и не отступал. Курышпай слышал весь жаркий и громкий спор. Если сегодня Токаша выпустят, будет что рассказать...

— Бокин — член исполкома, комиссар, вы знаете об этом. Как вы смели! Чтобы арестовать члена исполкома, нужно решение президиума. Где у вас это решение?

— Решения нет. Но есть разрешение. От прокурора, от начальника трибунала, наконец, от председателя исполкома.

— Нужно решение президиума, понимаете вы? — а не единоличное разрешение. Сейчас же освободите Бокина! Ни единой минуты не имеете права держать его под арестом.

— Не могу освободить.

— Я комиссар административного отдела, приказываю вам!

— Бокин — политический преступник, опасный враг, весь народ против него. Он арестован правильно, чтобы успокоить народ, особенно мусульман, обозленных его провокационными действиями. Мы действуем в интересах советской власти. Я добьюсь приказа Чека из Москвы. Вы не знаете, кто такой Бокин.

— Это все клевета. Мы знаем Бокина. Он коммунист, большевик. Да, он совершил ошибку, но о ней будет судить партийная организация, наша большевистская ор-

ганизация, а не вы. Мы не побоимся сказать народу правду. Бокин должен быть немедленно освобожден из-под ареста! Я приказываю вам...

— Ваше единоличное распоряжение для меня не обязательно.

— О вас я поставлю вопрос на президиуме.

— Воля ваша. Как бы не пришлось вам краснеть...

Вы больны, товарищ Юрьев, у вас температура, вам вредно горячиться. Советую лечь в постель, отдохнуть, подумать.

Фальковский вышел. Курышпай приоткрыл дверь, Юрьев, наклонив графин, пил воду из горлышка. По лицу его разливались большие пятна нездорового румянца, нос и губы побледнели.

— Слышал? — передохнув, спросил Петр Алексеевич.

— Слышал. Что теперь будем делать?

— Бороться!

25

Скандал, устроенный Юрьевым, не поколебал уверенности Фальковского в том, что дела идут успешно. Горный барс попался в сети, теперь ему не выпутаться. Только бы не совершить ошибки. Если дело будет шито белыми нитками, на президиуме это заметят, и тогда Фальковский погиб. На своих людей Валентин Робертович мог положиться: в следственной комиссии подобраны надежные, преданные работники. Единственный, кому нельзя было доверяться, — Жакупбек — предусмотрительно отправлен на фронт. Остальные сделают все, что им прикажут. Только бы не допустить ошибки самому Фальковскому.

Валентин Робертович знал все законы. В шестнадцатом году через его руки прошло немало судебных дел. Но Фальковский никому не говорил об этом. Прошлую деятельность надо скрывать, лучше забыть о ней самому. Но она дала опыт, а опыт забывать не следует, он пригодится и теперь. Фальковский раньше был следователем по важнейшим делам военной прокуратуры, он умел подготавливать дела так, что обвиняемый не мог оправдаться, песенка его была спета.

«Бокин — враг своего народа. Как в этом убедить народ? Вернее всего — признанием самого Бокина, надо

чтобы он написал собственноручно. Заставить написать!» — решил Фальковский.

Он приказал привести Бокина на допрос. Токаша привезли в крытом «черном вороне», пряча от глаз народа; под охраной провели в кабинет председателя следственной комиссии. Фальковский указал на табуретку в углу, сам встал за письменный стол и демонстративно положил перед собой браунинг. Охрана вышла за двери.

Валентин Робертович долго изучающим взглядом смотрел на Бокина. Вот ты какой стал — горный барс, степной орел! Изменился, и не в лучшую сторону. На висках появилась седина, глаза воспалены, щеки впали. Щегольски сшитая гимнастерка песочного цвета в пыли, измята, ремня нет; брюки с красными лампасами вытерлись, с колен свисают мешками. «Теперь-то ты не уйдешь из моих рук», — подумал Валентин Робертович и склонился над бумагами, разложенными на столе. Он перебирал их, то и дело передвигая с места на место вороненый браунинг. Каждое движение должно оказывать болезненное воздействие на психологию заключенного — таков старый, проверенный метод.

Фальковский сел в кресло, снова посмотрел на Бокина.

— Мы считали вас звездой казахского народа, — с наигранным сожалением сказал он.

— Кто это «мы»? — быстро спросил Токаш.

— Мы, коммунисты.

— И вы коммунист?

— Да.

— Ха-ха! — рассмеялся Токаш. — Ты — змея, которая заползла...

— Но, но! — грозно поднялся и шагнул к нему Фальковский. Ноздри его крючковатого носа раздулись, глаза остеклянели. — Не забываетесь. За оскорбление — ответите. Давайте лучше поговорим о деле, для которого я вас вызвал.

— Я с такой гадиной разговаривать не хочу, — сверкнул глазами Токаш и отвернулся.

Фальковский не выдержал.

— Будешь! На тебе!.. — и жестким ребром ладони наотмашь ударил по шее, точно по сонным артериям. Токаш свалился на пол, как мертвый.

Широко расставив длинные ноги, Фальковский ждал,

когда он придет в сознание; достал папиросу, закурил. Через минуту-две Токаш повернулся на спину, открыл глаза. Взгляд остановился на Фальковском затуманенный болью взгляд, мучительно напоминающий что-то. Губы дрогнули.

— А я вспомнил тебя, ваше благородие, господин...

Вдруг Бокин протянул руку, схватил табурет за ножку и швырнул его в Фальковского. Тот дернулся в сторону, и табурет грохнулся о стену. Распахнув дверь, вбежали охранники.

— Увести! Посадить в одиночную камеру, не выпускать никуда! — приказал Фальковский.

Бокина взяли под руки, увели.

Фальковский посмотрел вокруг себя с беспокойством. «Узнал. Он должен умереть раньше, чем сумеет сказать кому-либо, что знает меня. Тут легко допустить неправильную ошибку, но этого не будет. Теперь ясно — от Бокина ничего не добьешься». И Фальковский крикнул в дверь:

— Вызвать свидетелей!

* * *

В коридоре было несколько человек, вызванных свидетелями. Возле стены стояла женщина, одетая вся в черное. Увидев Токаша, она метнулась тенью и остановилась перед ним — глаза выпученные, губы дрожат. Токаш с трудом узнал ее.

— Что я сделала тебе плохого, зачем ты принес мне такое несчастье? — жестко не своим голосом спросила Бикен. — Разве я виновата, что так полюбила тебя?

Охранники подталкивали Токаша, и надо было идти. Да и что мог сказать он Бикен?

— Молчишь, отворачиваешься? — Бикен шла рядом, заглядывая Токашу в лицо. — Ты нанес мне незаживающую рану, ты убил моего отца. Но и я тебе отомстила. Я убила Айгуль, задушила вот этими руками! — она показала скрюченные пальцы. — Тебе тоже будет смерть. Я похороню собственными руками, не позволю никому прикоснуться...

Токаш вздрогнул, остановился. От черной одежды Бикен, от ее искаженного лица веяло едва уловимым запахом тлена.

— Она сумасшедшая,— сказал кто-то в коридоре.— Зачем вызывать такую...

«Неужели она убила Айгуль? — думал Токаш, выходя на улицу, — нет, это неправда. Да, она сошла с ума».

* * *

Прокурор предупредил Фальковского, чтобы он поспешил. Вечером будет заседание президиума исполкома, к этому времени весь материал по делу Бокина должен быть готов.

Фальковский, по совету Какенова, вызвал Махмута. Махмут вошел в кабинет, не поднимая глаз. Он смотрел на ковер под ногами. То был старый ковер с вытершимся ворсом; много людей ходило по нему, много тайн осталось в этом доме...

— Махмут, ты вышел из бедняков,— сказал ему Фальковский,— ты надежный человек и можешь получить хорошую должность, я поговорю в облисполкоме.

— Правильно,— пробормотал Махмут, сам не зная, к чему это.

— Я тебя вызвал вот по какому делу: ты, конечно, помнишь то заявление, которое подписал сам.

Махмут кивнул: он подписывал много бумаг, мог подписать и еще одно заявление.

— Подтвердишь его на очной ставке с Бокиным.

Вот уж этого никак не хотелось Махмуту. Зачем встречаться с Токашем? Махмут не сможет взглянуть ему прямо в глаза.

Он не успел открыть рта, Фальковский грозно напомнил:

— Иначе ты выложишь золото, и все узнают о твоих прошлых делах.

Махмут опустил голову, сказал с обидой:

— Ты же говорил, что заявление нужно лишь для суда и меня вызывать туда не будут.

— Несчастный трус! — брезгливо бросил Фальковский.

Неожиданно пришел сам прокурор — вероятно, ему не давало покоя «дело Бокина». Это был пожилой человек, с суровым лицом, всегда недовольный чем-то.

Фальковский вытянулся перед ним в струнку; сделал поклон головой, приступил к докладу. Он показал целый ворох бумаг.

— Вот сколько жалоб и заявлений! Разве можно подумать, что все они написаны одним человеком! Из этих вырванных бород можно связать шарф, ха-ха! Ненавидел бороды, как Петр первый... А податель вот этого заявления сидит перед вами, — Фальковский показал прокурору одну из бумаг.

На лбу у Махмута выступил холодный пот.

Прокурор прочитал заявление Махмута, написанное почему-то красными чернилами, подумал и сказал:

— Надо вызвать Бокина.

Фальковскому этого не хотелось делать при прокуроре — он боялся Бокина. Но он с готовностью отдал распоряжение, и вскоре два красноармейца ввели Бокина. Махмут, заметив печальные глаза Токаша, отвернулся. Бокина он считал раньше другом. Как же теперь говорить против него? О, аллах!..

Токаша посадили так, что он оказался за спиной Махмута. Махмут чувствовал его горящий взгляд — даже затылку стало жарко.

Прокурор начал с прямого вопроса:

— Бокин, вы Махмута знаете?

— Знаю. Еще как знаю! Даже бывали заодно...

Махмут задрожал. Ой-бой! Лучше бы отпирался, говорил, что не знает, тогда, может быть, и выкрутился бы...

— Это правда, что вы говорили Махмуту: возьмем власть в свои руки, создадим свое государство. И призывали активно помогать достижению этой цели.

Тишина. Было слышно как жужжит и бьется об оконное стекло оса. Токашдохнул в затылок Махмута.

— Правда.

Боже ты мой! Что он говорит? Сам себе роет яму... Махмут чуть не выкрикнул: «Ложь» и даже повернулся к Токашу.

— Что вы сказали, Бокин? — прокурор, кажется, встревожился: такой ответ осложнял дело. Фальковский не зря настойчиво добивался ареста Бокина. Сегодня в исполкоме прокурор по-существу признал свою ошибку, сказав, что поступил необдуманно и обещал сегодня же разобраться с делом, Бокин будет освобожден.

Зато Фальковский, чрезвычайно довольный, облегченно вздохнул и сел на свое место за письменным столом. Он сказал:

— Да, действительно говорил...

— Однако это было сказано мною год назад, в период Временного правительства, — заявил твердо Токаш. — Я скрывался от белоказаков, которые хотели меня арестовать. Я ускользнул ночью в аул. Тогда я и говорил Махмуту эти слова.

— Нет, это вы говорили недавно, — упираясь руками о стол, Фальковский поднялся, он смотрел не на Токаша, а на Махмута. — Вы открыто призывали к свержению советской власти.

Токаш рассмеялся, процедил сквозь зубы:

— Выходит, что я собирался свергнуть власть, в установлении которой сам же принимал участие? Смешно, не так ли, «ваше благородие»?

— Оставьте шутки. Вам сейчас докажут.

У Махмута замерло сердце, все нутро охватили колики.

— Скажите, Махмут, вы Бокина знаете? — спросил прокурор.

— Знаю, — нерешительно ответил Махмут, поджимая живот. Он не знал, как вести себя, на чью сторону встать: намерения Фальковского были ясны, но настроения прокурора он не разгадал.

— Действительно Бокин агитировал вас выступать против советской власти?

Напряжение достигло наивысшего предела. Махмут не смел взглянуть на Фальковского, боялся повернуться к Токашу. Что ответить? Откажись от своего заявления — Фальковский завтра же расправится с ним — Махмут у него в руках, Фальковский знает о том, что Махмут выдал Березовского.

Прокурор повторил вопрос, и теперь Махмут ясно различал, что в голосе его звучит ирония: прокурор сам не верит в это.

— Ложь, — сказал Махмут и впервые взглянул прямо на Токаша — у того на щеках появился румянец, губы улыбнулись.

Фальковский сердито пристукнул рукой по столу.

— Кто писал это заявление? Разве не твоя там подпись?

— Да, Бокин говорил, — Махмут уже смелее посмотрел на прокурора, — говорил — создадим свое государство... Но говорил это год тому назад.

— Кто писал заявление? — спросил прокурор.

— Я.

— Зачем писал неправду?

— Принудил... — Махмут взглянул на Фальковского и потупился. Фальковский и Бокин вскочили одновременно.

— Подлец, негодяй! — стрелял Фальковский глазами в Махмута.

— Гадюка! — процедил Бокин с ненавистью Фальковскому. — Я тебя знаю...

* * *

Оставшись наедине с прокурором, Фальковский сказал: — Есть еще свидетели. Дочь Кардена... Разрешите вызвать?

Прокурор посмотрел на часы, сказал недовольно:

— Сегодня поздно. У меня уже нет времени... Завтра разберусь во всем сам. Бокина сегодня же освободить. За него поручились Юрьев и Виноградов.

— Виноградова же нет здесь.

— Вернулся.

Прокурор вышел. Фальковский долго сидел, склонившись над столом. Потом решительно крутнул ручку телефона, вызвал комиссара тюрьмы.

— Дело Бокина еще не закончено, — сказал он тоном приказа. — Если кто потребует выпустить, отвечайте: «Уже поздно, освободим завтра». Понял? То-то...

Над городом сеял мелкий дождь, вечер наступал рано. Вершины Ала-Тау проступали тускло, серыми бесформенными массами.

Фальковский почувствовал озноб, пошел быстрее. «Он меня узнал, надо действовать без промедлений! Нельзя допустить ошибки, она будет роковой...»

Какенов оказался дома.

— Отрекся! — сообщил Фальковский о поступке Махмута.

— Ух, и свинья же! — Какенов выругался. — Но он из наших рук не уйдет... Что теперь будем делать?

— Сегодня ничего не вышло. Завтра будет поздно.

Надо действовать ночью. — И Фальковский рассказал, что надо делать ночью.

Заседание президиума было назначено на шесть. Оставалось тридцать минут, прокурор, которому предстояло докладывать о деле Бокнина, не появлялся. Это беспокоило Юрьева. За окном лил сентябрьский дождь, чернела и лоснилась грязная улица. По дорогам ни пройти, ни проехать. Пока удалось вызвать членов исполкома на неотложное заседание, пока они приехали с фронта, прошло немало времени. Петр Алексеевич очень обрадовался, когда узнал, что Виноградов вернулся из Кульджи.

Какой-то красноармеец, здоровенный, мокрый с головы до ног отворил дверь и попросил разрешения войти. Его большие сапоги оставляли грязные липкие следы на чистом полу. Юрьев неодобрительно посмотрел на сапоги, поморщился. Пожелал вытереть, медведь этакий!. Петр Алексеевич, любивший чистоту и опрятность, хотел было сделать замечание красноармейцу, но тот, видать, и характер имел под стать своему телосложению — тяжелый, размашистый. Красноармеец неуклюже подвинулся к столу и загудел грозно:

— Сидите тут за бумажками, а живой человек хоть пропади, до него дела нет...

У Юрьева была привычка улыбаться, когда кто-нибудь сердился. Он смотрел на красноармейца, не мешая ему ворочать слова-булыжники и пока не понимая, с чем тот пришел. Красноармеец сердито грохнул грязным кулачищем и замолк, шумно дыша. Гнев из него под тихим улыбочивым взглядом Юрьева вышел весь. Так внезапно прекращается проливной дождь, хлынувший вслед за грозным разрядом.

— Я не могу понять ваших слов и огорчен этим, — спокойно и с улыбкой проговорил Юрьев. — Может, вы приняли меня за другого человека?

Красноармеец понял, что горячился напрасно, и стал объяснять уже спокойнее и вразумительнее.

— Я секретарь партийной ячейки полка. Мы узнали, что Бокин тут посажен в тюрьму. Он настоящий коммунист, как же так? Мы давно знаем его, потому и вы-

брали в Ревком. Наши бойцы были в его отряде, и все они арестованы вместе с Бокиным.

Юрьев не успел ничего казать: открылась дверь, и, не спрашивая разрешения, в комнату ввалились три аульных казаха. С их рваной и мокрой одежды на пол налилась сразу целая лужа воды. От дальней дороги, от скверной погоды и еще от чего-то лица их были злы.

— Кто Юрьев? — спросил джигит с загорелым лицом и кривыми зубами.

— Я.— Петр Алексеевич поднялся со стула.

— Мы не жалели своих коней и загнали их. Мы ехали ночь и день. Нас трое — из Каскеленской, Кастекской и Узын-Агачской волостей. Вот что мы привезли.— Джигит полез за пазуху, пошарил там и осторожно извлек толстую шершавую бумагу. — Протест. Подписало пятьсот человек.

Юрьев взял лист желтоватой оберточной бумаги, посмотрел и ничего не смог разобрать: написано было по-арабски.

— О чем это?

Подвинулся другой, постарше, снял шапку, волосы его торчали во все стороны, как курай.

— Зачем Бокин тюрьма? Мы все, бедняки говорим: неправильно. Токаш глаза нам открывал, Токаш человеком бедняка делал. Зачем тюрьма? Бай снова не дает жить: Бокин тюрьма, давай обратно скот!.. Правильно это? Совсем неправильно. Бокин сидеть тюрьма нельзя. Освободи, жолдас Юрьев.

По-русски он говорил плохо, но Петр Алексеевич все понял. Было уже начало седьмого. Он пригласил с собой красноармейца и казахов, повел их в кабинет председателя исполкома, объяснил ему, что это делегаты от трех волостей и от полка.

Председатель исполкома Гречкин, с широкой, спадающей на грудь бородой, был сравнительно новым человеком в Верном. Широкоплечий, с виду настоящий богатырь, в открытом бою храбрец, но вот в таких спорных делах старался обходить острые углы и твердых решений не принимал; он был доверчив и к тому же испытывал непонятную робость перед работниками следственных органов. Он не смог противиться прокурору и председателю следственной комиссии и согласился с их требованием на арест Бокина. Он чувствовал свою вину и сейчас

скрывал ее, хмурясь и низко наклоняя голову над столом.

Заседание президиума началось. Первым обсуждался вопрос о Бокине, поставленный Юрьевым.

Прострелянная рука болела, Петр Алексеевич чувствовал себя плохо, но виду не подавал. Он рассказал, что узнал сам в Чемолгане, сообщил о многочисленных протестах против ареста Бокина.

— Положение кажется ясным. Озлобленные бан преследуют Бокина, хотят расправиться с ним. Они обнаглели. Почему они так распоясались? Да потому, что они чувствуют поддержку. Они опираются на алаш-ординцев и их главу Какенова. А во-вторых... Подозрительные действия председателя следственной комиссии им тоже очень на руку. Кто такой Фальковский? Кто знает? — Юрьев окинул взглядом членов президиума, все молчали. — Никто не знает. Откуда он явился? За то, что он застрелил арестованного бая Закира, его сразу же повысили, доверили ответственный пост в следственной комиссии, отдали полноту власти над нашими головами. Бокин приказал расстрелять бая Кардена, но он действовал не так, как Фальковский по отношению к Закиру. Карден с оружием в руках сопротивлялся мероприятиям советской власти, оказался озверевшим контрреволюционером, пролил кровь наших друзей. Я не оправдываю целиком поступка Бокина. Но почему Фальковский — сторонник самых крайних мер к нему? Это странно...

Юрьева слушали в молчании. Для некоторых в его речи было немало нового, неожиданного, а кое-кто, вероятно, был напуган ропотом и клеветническими измышлениями против Бокина, считал арест Бокина оправданным — эти посматривали на Юрьева неодобрительно. Петр Алексеевич угадывал таких и говорил, главным образом, для них.

— Многое кажется странным, но есть и такое, что без ошибки можно назвать враждебными действиями. Фальковский выпустил из тюрьмы байских сынков, которые учинили самосуд над Бокиным. Одного из главрей алаш-орды Какенова он устроил переводчиком в трибунал. Как он смел арестовать Бокина? Верненские большевики давно знают Токаша, успели узнать его и вы, товарищ Гречкин. Бокин — верный сын революции, а его арестовывают. И кто? Фальковский, которого ни-

кто из нас не знает. Я получил от Бокина письмо из тюрьмы: он пишет, что встречал раньше Фальковского, что этот Фальковский раньше работал следователем; жаль, что никак не может вспомнить его настоящую фамилию.

Петр Алексеевич предложил немедленно освободить Бокина и выяснить, кто такой Фальковский.

Прокурор пришел с опозданием, но суть речи Юрьева для него была ясна по выводу. Председатель исполкома сказал:

— Прокурор сам занимался делом Бокина. Пусть доложит.

— Многое в деле Бокина неправдоподобно, — сказал прокурор. Есть явная клевета. Я не успел сегодня все выяснить. Общий вывод — работа следственной комиссии запущена, нет порядка... Я дал распоряжение освободить Бокина.

Усталый, с воспаленными от бессонных ночей глазами Виноградов пожимал плечами:

— Я был страшно удивлен, когда узнал об аресте Бокина. И сразу же позвонил товарищу прокурора и попросил освободить Токаша под мою ответственность.

— Я уже дал распоряжение.

— Держать под арестом члена исполкома без решения на то президиума — вопиющее безобразие, — добавил с места Юрьев. — Предлагаю создать комиссию для проверки работы следственной комиссии.

Президиум квалифицировал арест Бокина как произвол следственной комиссии, решил организовать проверку ее деятельности и привлечь к ответственности виновных. Гречкин обратился к делегатам, сидевшим у двери:

— Вы поняли, что решил исполком?

— Спасибо, рахмет! — казахи поднялись надели шапки.

— Сейчас же поеду в полк, — сказал красноармеец. — Обрадую ребят.

Президиум обсуждал много вопросов. Юрьев, почувствовал озноб, отпросился с заседания и поехал домой, чтобы лечь в кровать. Виноградов, измученный тяжелой дальней дорогой, еле пересиливал дермоту. Поздно, уже часов около одиннадцати, когда заседание кончилось, прокурор тут же, из кабинета председателя, позвонил на

квартиру Фальковского и спросил, выполнено ли распоряжение об освобождении Боккина. Фальковский ответил, что выполнено, и Боккин, вероятно, уже отдыхает у себя на квартире.

— Ну, вот, — облегченно вздохнул Гречкин, — Боккин завтра утром будет с нами.

Емелев и Журавлев, не задерживаясь ни минуты, отправились на фронт — обстановка требовала быть там.

27

Токаш сидел погруженный в глубокие раздумья. Жизнь, к которой он вчера протягивал руку и стремился всем сердцем, исчезла из глаз.

Тишина — не слышно звука шагов и человеческого голоса. Токаш посмотрел в решетчатое окно. В каждой клетке решетки ему чудились злобные рожи с налитыми кровью глазами. Вот эти, гневно сверкающие косые глаза, похожи на глаза Кардена, а те, льющие взгляд холодной ненависти, напоминают Какенова...

Всего два дня и две ночи Токаш в тюрьме, но как тяжелы эти дни и ночи! В шестнадцатом году он просидел восемь месяцев, но тогда было много легче. Отчего это? Может быть, оттого, что рядом были друзья и каждый день он получал передачи? Но мать, если бы она знала о несчастье, принесла бы передачу и теперь. Дело не в передаче. Отчего же теперь невыносимо тяжело переносить тюрьму?

В шестнадцатом году враги вели с ним борьбу открыто. Токаш хорошо знал, в чьи руки попал, знал, за что страдает. А теперь? Как это горько — при своей власти, за которую сражался, не жалея жизни, сидеть в той же тюрьме, что и в шестнадцатом году! Кто его заточил сюда? И за что? Разве человек может быть сам себе врагом? Токаш действовал правильно, в интересах новой власти, для бедного народа, а ему говорят, что он не прав, и вот... Так могли сделать только прежние враги.

Ах, если бы друзья помогли скорее выйти на свободу! Тогда бы он рассказал все, о чем думает здесь, он бы немедленно включился в борьбу.

Токаш вздрогнул — ему снова почудились в окне

злорадствующие глаза. Нет — по-прежнему темнота и тишина. Какая тревожная ночь!.. Она подобна голодному волку, выступившему из мглы на дорогу перед прохожим.

Тяжесть на душе — не от страха смерти. Адское мучение испытывает Токаш потому, что враги торжествуют, а он не может бороться с ними. Но он верит, что друзья выручат его. Он еще будет сражаться и готов умереть в борьбе с врагами, но только не здесь, в тюрьме.

Кто такой Фальковский? Он не власть, а председатель следственной комиссии. Он примазавшийся к революции попутчик, нет — хуже, он враг, пролезший в наши ряды... Неужели Фальковский — тот же Марков? Повадки и приметы Маркова, но лицом не похож. Надо хорошо все вспомнить...

В шестнадцатом году Бокина допрашивал военный следователь, высокий, пучеглазый, с крючковатым носом. Он допытывался о камче Закира. Это была улика против Токаша, стрелявшего в атамана Малышева. Еще следователь хотел знать, кто такой Столяров. Токаш все отрицал. Если бы он признался, его бы сразу же расстреляли, и не только его, но и Юрьева, потому что Столяров был петроградским большевиком, давним другом Юрьева. Пучеглазый следователь сажал Токаша на треугольный стул и заставлял долго сидеть с опущенными вниз кистями рук. Руки затекали, разбухали, ныли, и страшно вздувались переполненные вены.

— Кто такой Столяров? — спрашивал следователь.

— Не знаю.

— Как не знаешь! А откуда у тебя этот адрес?

— Адрес?.. Я познакомился в пути с одним человеком, он был фотограф.

— Ложь! Расскажи всю правду сам, будет лучше.

Токаш молчал. Следователь прочитал бумагу: «Столяров участвовал в революции 1905 года, большевик...»

— Что теперь скажешь, опять будешь отрицаться?

— Он мне не рассказывал о своей жизни.

— Он вовлек тебя в организацию социал-демократов. Узнаешь эту бумагу?

Токаш узнал почерк Столярова. Письмо было перехвачено на почте. Токаш пожал плечами, показывая, что видит эту бумагу впервые. Следователь прочитал вслух: «Как идут дела? Помни, будет большим достижением, если сумеешь за день разъяснить хоть одному

человеку... Не ленись! Буря близка, осталось ждать недолго...».

— Ну, господин Бокин, говорите! Что это за буря?

— Не знаю. По-моему, тут говорится о науке, о просвещении людей.

Пучеглазый следователь сухо рассмеялся.

— Я тебе покажу науку! Признавайся!

Токаш молчал. И снова удар ребром ладони по артериям... Когда он очнулся, пучеглазый прорычал:

— А ну, докажи, что ты не верблюд! Тогда я поверю твоим словам.

...Потом Токаш узнал фамилию следователя: Марков!

Фальковский очень похож на Маркова. Только теперь он изменился лицом — небольшие, как две кисточки, усики и круглая бородка, но глаза — стеклянные, навывкате — прежние и крючковатый нос — тот же...

Токаш прошелся по камере. Мысли продолжали крутиться вокруг Фальковского, как конь, привязанный к столбу. Выходит так, что вчерашний офицер, каратель, поступил «на службу» советской власти, чтобы исподтишка продолжать свое черное дело. Как же Токаш не мог раскусить его раньше? Бурное время мчало вперед, не давая оглянуться вокруг...

А может быть, Токаш совершил ошибку? Иначе, разве позволили бы арестовать его? Может быть, Токаш своими неправильными действиями дал повод своему давнему врагу свести теперь окончательно счеты?

Спокойно, Токаш, подумай и пересбери в памяти свои дела и поступки, оцени их сам!

Расстрел Кардена! — сразу же напомнил внутренний голос. Токаш не считал это ошибкой. Карден — бай, купец, ярый противник революции, душитель бедноты. Он служил царю как сыщик. Аресту и казни Бекболата Ашекеева помогли Закир, Ибраим и Карден. Это — отъявленные враги. Карден организовывал травлю Токаша, не без его рук байские сынки устроили самосуд. А в ауле Карден ранил красноармейца и самого Токаша. Нет, с ним разговор короткий. Юрьев говорил: «Надо было арестовать и передать органам власти, а не расстреливать. Может быть, Юрьев прав? Нет, революции не нужна жалость по отношению к врагам. В самый разгар борьбы

нужна решительность, и Токаш действовал именно так. Он не считает расстрел Кардена ошибкой.

Какие еще обвинения предъявлены ему? Выдирал бороды, выбивал зубы... Фальковский показывал пучки волоса. Все это подстроено, клевета! Токаш не гладил баев по головам, но и не хватал за бороды. Он отбирал у них скот и раздавал беднякам. Он действовал как представитель советской власти. Так почему же его посадили в тюрьму!?

Токаш подошел в двери и начал настойчиво стучать кулаками. Только гул эхом отдавался в коридоре тюрьмы. Шагов не слышно, как будто во всей тюрьме не было ни одной живой души.

Сколько же сейчас времени? Должно быть, уже за полночь. Токаш сел на нары, стиснул руками голову. Где же друзья? Неужели забыли о нем? Неужели они поверили клевете врага?

Может быть, прав Жунус? Он говорил: «Ты, Токаш, обогнал свой караван, и окажешься в одиночестве...». Жунус и теперь может сказать так: ведь Токаш не среди друзей, он в одиночной камере...

Жаль, что многого не удалось доделать до конца. Надо всех казахов вернуть из Китая на родину. Многие бедняки в аулах все еще голодают, не имеют скота, а у баев его несметное число. На севере Семиречья идут бои. С Сергиополя наступает Анненков. Почему же держат Токаша здесь?!»

Мысли путались. Порой Токашу казалось, что он один попал в каратюбинскую пещеру и блуждает в ней, забыв, где выход. Но мысль об Айгуль снова вернула его к действительности.

Бикен сказала: «Это я убила Айгуль». Бикен, кажется, не в своем уме. Айгуль задушили мужские руки. Это мог сделать такой человек, как Яшайло. Он тогда околачивался в ауле Кардена, об этом говорил Курышпай. Яшайло был подкуплен. Кем? Самим Карденом или его дочерью — все равно. Как тяжело!..

Токаш поднял голову и увидел, что в решетчатое окно упали первые проблески утренней зари. Начидало светать.

В коридоре послышались шаги. Торопливо шли несколько человек. Приблизились к двери камеры, о чем-то говорят, отрывисто, коротко. Кто это? Может быть, сей-

час выпустят.. Но почему так рано? Что-то не похоже на освобождение. Зачем это перешептывание возле двери? Лязгнул замок...

Первым в камеру вошел военный, один глаз его закрывала черная повязка, за ним человек пять-шесть, тоже в военной форме. В густом сумраке Токаш не мог разглядеть их лица.

— Токаш Бокин, собирайся, — сказал военный с черной повязкой, в руках у него была какая-то бумага.

— Зачем? — Токаш почувствовал что-то неладное — очень рано пришли эти люди, такие подозрительные..

— Прокурор вызывает на допрос.

— Он еще не верит!..

— Айда, пошли быстрее, — говорили по-казахски и Токаш уловил один знакомый голос.

Его вывели в коридор. Заметив надзирателя, Токаш сказал ему:

— Вы меня не отдавайте им, это не красноармейцы.

— Заткните ему глотку! — приказал военный:

— Товарищи помощи... — Токаш не успел крикнуть, ему зажали рот, замотав чем-то жестким, подхватили на руки и понесли.

Во дворе стояла парсконная повозка. На допрос Токаша возили обычно в «черном вороне». Было совершенно ясно, что он попал в руки врагов.

Токаш изловчился, ударил одного в живот ногой, хотел вырваться, но на него навалились сразу четверо, ремнем стянули руки, положили на повозку вниз лицом, сели на спину и на ноги, поскакали.

Куда везут? Неужели это конец? Грудь придавили так, что дыхнуть нельзя. Токаш прохрипел:

— Звери! Неужели нельзя убить по-человечески? Дайте сесть, я не убегу..

Кони мчались во весь дух, повозка подсакакивала на колдобинах. Сидевшие на Токаше переговаривались:

— Надо, чтоб не задохнулся.

— Мертвый там не нужен..

— Он задохнется, говорю вам.

Его, держа за руки, посадили. Город уже кончился.

Сквозь серый рассвет проступали очертания гор. Ни одного встречного человека...

Палачи посменвались. Один накинул Токашу на непокрытую голову платок и захохотал:

— Невесту везем.

— А жених где?

— Там... Давно дожидается. Сейчас обвенчаем.

— Сколька калыма уплатил?

— Столько, сколько стоит один человек.

— Ха-ха!..

Токаш догадался: намекают на Кардена.

Кони мчались в горы. Утро начиналось хмурое, с сырой осенней прохладой. В садах, раскинувшихся по склонам, показались люди. Это были старики-садоводы, они спешили заняться своим делом. Токаш с завязанным ртом не мог крикнуть, а люди не обращали внимания на быстро мчавшуюся повозку. Мало ли кто может ехать! Вокруг города идут бои, жизнь беспокойная — все это окончательно надоело, скорее бы установился мир. Садовники очень любят тишину.

Токаш один в цепких безжалостных руках врагов. Друзья ничего не знают — в этом он уверен. «Ты на каждой улице должен иметь своего верного друга, защитника», — кто-то советовал ему. У Токаша много друзей, но классовый враг перехитрил его...

Ах, и красивы же вы, горы Ала-Тау! Вы покрыты буйной зеленью, богатой даже в эту пору.

У казахов зеленый цвет — цвет молодости; напутствуя, они говорят: да будет зелена твоя жизнь!

Сегодня — девятнадцатое сентября. Осень... Но не видно багрянца на деревьях. Ряды тополей — зеленых великанов, выйдя к дороге, провожают Токаша, они стоят молча, возвысив остроконечные кроны. В горах появился только один-единственный желтый, увядающий листок — это жизнь Токаша...

Взмыленные кони мчат на подъем, горы раскрывают свои объятия.

Прощайте, недоступные снежные вершины! Смерть не страшит Токаша. Жаль только, что лучшие мечты остались неосуществленными. Да, одному человеку это не под силу. Дело Токаша доведет до конца молодежь — Саха, Ораз, Жакупбек.

Повозка въехала в долину. Возле дачи бая Медеу она

свернула в сторону и остановилась у Алмасайских пещер. Тут ее ожидали Габдулла Какенов, брат Кардена Адил, еще один человек — Токаш сначала не узнал его, но скоро припомнил. то был мулла, который приходил к нему на квартиру с ультиматумом от аксакалов — его все называют «хальфе».

— Вот невеста! — смеясь, проговорил человек с перевязанным глазом. Он сбросил повязку, отодрал приклеенные усы и оказался Салимгереем Бурнашевым.

— Развяжите ему рот! — приказал Какенов.

Токашем занялись двое, освободили рот, развязали затекшие руки. Он узнал и этих — одни из них, чернобородый, был Яшайло, другой, хромой, с желтизной на белках глаз — Кихтенко, известный своей кровожадностью городской бандит, видимо, нанятый в палачи.

С кораном в руках выступил вперед хальфе.

— В виду того, что ты, сын Боки, продался кафирам и отрекся от своей веры, мы вынесем тебе приговор, согласно шариату.

По бокам Токаша стояли Яшайло и Кихтенко, вырваться и бежать невозможно. Он решил: пришла смерть, надо держаться мужественно. И сказал, с презрением оглядев всех:

— Мне судьи не вы, а народ.

— Мы — представители народа! — дрожащим от ненависти голосом быстро проговорил Какенов.

— Вы — выродки! Выкрали из тюрьмы и собираетесь убить тайком. Если вы такие сильные, то почему же не выступите на открытом суде? Я не боюсь суда, я не боюсь и смерти, бандиты!

— Эй, до каких пор вы будете позволять ему лаяться? — крикнул Бурнашев. — Надо кончать...

— Заткни глотку! — Яшайло ударил Токаша по лицу, из носа хлынула кровь.

— Подожди! — строго остановил хальфе. — Пусть сын Боки перед отпращиванием на тот свет вернется к мусульманской вере, там — он показал рукой на небо, — не будет мучиться. Зачем сопротивляться? Это — предначертание самого аллаха.

— Я не буду исповедываться перед вами, — ответил Токаш. — Ваше злодеяние не сегодня, так завтра будет раскрыто, а не завтра так через год, пусть даже через сорок лет, народ все равно узнает. Из вас же кто-нибудь

проболтается. Вот Бурнашев — он мальчишка, расхвастается и скажет кому-нибудь... А ты, Какенов, не уйдешь от расплаты. Народ ненавидит тебя. Ты был сыщиком царского правительства, истязал людей, замучил не одного казаха, презрительно называя «галка», «черныш»...

— Бей! — крикнул, не выдержав, Какенов. Яшайло опять ударил по лицу. Токаш плюнул в Какенова — вместе с кровью вылетели два зуба.

— Подожди! — снова вмешался хальфе, он поднял коран: — Сын Боки, не отказывайся, что ты раб божий. Будет плохо...

— Я никому рабом не буду. Я слуга народа.

— Сознаешь себя плотью пророка?

— Я плоть своего народа, мулла.

— Послушайте, хальфе, зачем напрасно тратить время! — закричал вышедший из терпения Какенов. — Лучше спроси, знает ли он, кто такой Фальковский.

— Не вмешивайся в святые дела, дорогой мой. Мне шарият повелевает поступить так. Возможно, этот несчастный забыл законы шарията, моя обязанность напомнить.

Токаш не слушал муллу, Какенов заставил его подумать о Фальковском. Да, это Марков. Кровожадный двуногий волк...

— Ты шиит или сунит? — спрашивал хальфе, подождая ближе. — К кому из мусульман ты причислишь себя?

— Я революционер, коммунист, ленинец! — громко ответил Токаш.

— Бей! — взревел Какенов.

Яшайло отступил, засучивая рукава и приготавливаясь. Широко ставя кривые ноги, он приблизился, размахнулся. Токаш, пригнув голову, резко ударил лбом в подбородок. Икнув, Яшайло закинул голову и упал навзничь. Кихтенко и Какенов с воем набросились на Бокина. Бурнашев выхватил кинжал:

— Отойдите, я его прикончу.

Очнувшийся Яшайло поднялся, сказал с кровавым хрипом в горле:

— Постой, я теперь сам его убью.

— Яшайло, прекрати! — подняв руку, проговорил до сих пор молчавший Адил. — Сначала вынесем приговор. Какой будет приговор?

— Разрубить на части! — крикнул Бурнашев.

— Выколоть глаза, сжечь, сжечь! — брызгал слюной Какенов.

Адил повернулся к мулле.

— Пусть приговор вынесет хальфе.

— Шарнат не разрешает рубить на части, — хальфе покачал головой. — Это будет надругательством над телом. Грех... — Он поднял руку и, опуская, задержал ее, показывая на Токаша. — Сжечь!

Кихтенко, видимо, знал, каков будет приговор. Как только хальфе произнес последнее слово, бандит нырнул в пещеру и появился с ведром керосина. Токаша привязали к каменному выступу горы. Кихтенко облил Токаша керосином, Яшайло чиркнул спичку. Огонь сразу же обхватил Токаша всего, взметнулся ввысь. Токаш продолжал стоять, почти невидимый в золотистом буйном и упругом пламени, которое плыло без треска, с тихим гудением и шелковым шумом. Оно поднималось все выше, и казалось — горящий человек спустился с вершины Ала-Тау и над головой его бился и трепетал длинный яркий алый стяг...

Мглистое небо раннего утра просветлело; показалось солнце. Белые лучи его хлынули ярким потоком в ущелье. И долго еще в солнечном свете билось, извивалось, устремляясь ввысь, золотисто-алое полотнище знамени...

29

Акбалтыр добралась до города только к вечеру. Ее спутник, мальчик-подросток, устал подгонять измученного коня. Акбалтыр, хватаясь за седые волосы, выползавшие из-под жаулыка, всматривалась в тревожную улицу. Сколько раз она бывала в городе, и все не может привыкнуть к нему. Все улицы похожи одна на другую.

— Вправо, Рахим, — говорила Акбалтыр мальчику, и он поворачивал вправо, а через несколько минут, на перекрестке улиц, показала рукой: — Теперь влево.

Она сама не знала, правильно ли указывает. Надо было ехать и ехать скорее, потому что сердце не давало покоя, готово было разорваться от горя. Целый день она ничего не ела и не думала о еде. Глаза и щеки ее

не высыхали от слез. Ужасная весть пришла из города в аул...

Вот беда: никак не разыщут дом Курышпая! Акбалтыр спрашивала каждого встречного. Одни, отрицательно покачав головой, шли дальше своей дорогой, спешили по своим делам, другие, тоже не знавшие, где живет Курышпай, сочувствовали их положению: уже вечер, где старушка и мальчик найдут себе приют на ночь?

Из-за угла вывернул верховой казах в бобровой шапке. Акбалтыр окликнула его, помахала рукой. Тот поравнялся и придержал коня. Кажется, это Нурмагамбет, двоюродный брат того Ибраима-мирзы, что сбежал в Китай? Он самый. На губах — усмешка. С чего это он?..

— Светик мой, что ты знаешь о моем сыне Токаше?

Акбалтыр нетерпеливо ждала ответа. Нурмагамбет не спешил. Уперся черенком камчи в луку седла, нагнулся, сощурил глаза.

— Ай, мамаша! Разве вы не слышали? Токаш отправился в дальний путь... Пять дней тому назад его вызвали в Петроград. Не горюйте, мамаша, ведь он сын не только ваш, но и всего народа.

— Спасибо за хорошие слова, миленький! В ауле я услышала совсем другое — страшную весть! И вот поспешила в город.

— Возвращайтесь в аул. Вам тут делать нечего. — Нурмагамбет улыбнулся и помахал нагайкой. — Я слышал, что Курышпай тоже нет в городе. Возвращайтесь! Счастливого пути.

Ехидная улыбка Нурмагамбета снова заставила Акбалтыр почувствовать недоброе. Такой же, видать, подлый, как и Ибраим — в одном уголке рта мед, а в другом яд.

— Как это так — «возвращайтесь в аул»? Я приехала, чтобы узнать всю правду, — сказала Акбалтыр.

Нурмагамбет нахмурился, хлестнул коня плетью и поскакал прочь.

Мальчик дернул вожжи, и повозка двинулась дальше по улице. Акбалтыр окликнула еще одного встречного. Это был мужчина в войлочном колпаке, он остановился, широко расставив ноги, грудь — нараспашку.

— Светик мой, не знаешь ли, где живет Курышпай?

— А кто такой Курышпай?

— Дружок Токаша.

— Токаша Бокина? Этого вероотступника?

— Замолчи! — гневно крикнула старуха. — Что ты мелешь, негодный! Токаш — мой сын.

— Сумасшедшая старуха, — пробормотал мужчина в колпаке и сказал громче: — Твоего сына уже нет... Теперь и костей не найдешь. Он творил тут зло. Его покарали русские солдаты.

— Не может этого быть! — в отчаянии закричала Акбалтыр. — Не поверю. У тебя язык ядовитый. Вижу тебя — ты злодей, один из тех, что совершают подлости. Чтоб ты остался одиноким в безлюдной степи! Чтоб ты не видел добра! Покарай тебя бог, чтобы ты зарыдал так, как рыдаю я. — Она, склонив голову, залилась слезами.

Войлочный колпак исчез в сумраке вечера. Вокруг плачущей Акбалтыр стали собираться люди.

— Что случилось, мамаша?

— Кого вы разыскиваете?

Эти слова немного успокоили Акбалтыр.

— Не знаем куда ехать, дорогие мои. Разыскиваем Курышпая...

Никто не знал, где живет Курышпай. Выручил старик, вышедший в одной рубашке и без шапки закрыть ставни своего низенького домика. Он подошел к повозке.

— Вас тоже, наверно, привела плохая весть о Токаше Бокине? — спросил он.

Акбалтыр потянулась к нему руками.

— Скажи, дорогой, что с ним? Не томи душу... Как ты угадал, зачем мы приехали?

Старик, должно быть, понял, что это мать Токаша. Ответил путанно:

— Я точно не знаю. Видно, беда приключилась... Вот уже который день казахи толпами валят из аулов в город, спрашивают о Бокине, разыскивают Курышпая.

— Откуда эти казахи, дорогой?

— Из Токмака, Капала, Кастека, с берегов Или. Очень много людей... А Курышпай — это тот, с красным носом?

— Он самый.

— Тогда поезжайте по этой улице в сторону сенного

базара. Он живет в самом конце, с правой стороны второй дом от края.

Акбалтыр поблагодарила старика. Повозка тронулась, люди молча расступились. К Акбалтыр постепенно вернулась надежда, что она увидит своего сына. В аул пришли две вести, опережая одна другую: говорили, что Токаша посадили в тюрьму, и говорили, что он пропал, нигде не могут найти — вероятно, убит... Если он в тюрьме, то Акбалтыр еще обнимет своего сына. Вон сколько людей приехало из аулов, они защитят Токаша. А если правда, что его нет в живых? О горе, о несчастная судьба матери!..

Рахим соскочил с подводы и постучал в окно дома почти в самом конце кривой улицы. Вышла Халима и, узнав Акбалтыр, с плачем бросилась к ней. Вышли из соседних домов и другие женщины. По слезным причитаниям их Акбалтыр поняла, что свершилось самое страшное, о чем она боялась услышать. Мать задрожала и обессиленно повисла на руках женщин. В обморочном состоянии ее внесли в дом. Курышпай, припав к руке Акбалтыр рыдал, как ребенок. Халима, вскипятив чай, кое-как привела в чувство Акбалтыр, но она так и не смогла подняться с постели.

Узнав о приезде матери Токаша, пришли Аянбек, хро- мой Ахан и другие близкие люди. Аянбек был бледный, осунувшийся, сухой, как хворост: он потерял двух детей — Айгуль и Токаша.

— Такая уж судьба — кому смерть приходит рано, кому — поздно, такая уж судьба... — сокуршался Курышпай. — Но слишком рано закатилась звезда, взошедшая на наше счастье... Мы не смогли уберечь его! — и заплакал.

— Мы были голыми и босыми и только при нем узнали счастье, — сказал Ахан.

Аянбек молчал, опустив голову. Пришел еще Кырбай, старый друг Токаша, и два пожилых казаха из Капала.

— Родные познаются после разлуки, а герой — после смерти, — сказал Кырбай, приблизившись к Акбалтыр. — Мы не умели ценить Токаша при его жизни. А баи и манапы, муллы и купцы знали его, боялись и ненавидели. Вся эта нечисть объединилась — и вот конец... Но мы им не простим Токаша!

Убитая горем мать не смогла запомнить всего сказанного. Она знала одно: все эти люди — друзья Токаша, они и есть народ, которому ее сын хотел счастья.

А люди все приходили и приходили, маленький домик Курышпая и Халимы был переполнен. Не только горе и сожаление высказывали они, многие, особенно молодежь, распалились ненавистью, грозили завтра же до конца разгромить гнездо алаш-орды, отобрать скот у всех баев, как это делал Токаш.

— Спокойнее, ребятки! — сказал Курышпай, — спокойнее! У нас есть власть. Ее устанавливал Токаш. Советская власть осталась, она накажет врагов. Двухногий волк Какенов уже посажен в тюрьму. Председатель следственной комиссии, который арестовал Токаша, куда-то скрылся, но его разыскивают и найдут. Врагам от расплаты не уйти. Нам надо вот что сделать... — Он посмотрел на Акбалтыр, та лежала не шевелясь, прикрыв глаза, дышала она спокойно; вероятно, сейчас мать с закрытыми глазами видела своего сына, слышала его голос. Курышпай заговорил тише: — Мне сказал Юрьев, мой друг и лучший друг Токаша, он велел передать всем так: на Токаша наклеветали враги, и многие, не зная, на что способны враги, поверили этой клевете. Надо рассказать людям, что Токаш делал для народа только хорошее, он хотел ему счастливой жизни. Все остальное — клевета врагов. Вот что надо рассказать людям, и те, кто хоть сколько-нибудь верили до сих пор баям и мулам, перестанут им верить совсем, они будут с нами, и власть Советов станет крепче. Так говорил наш друг Юрьев.

— Курышпай, а почему не видно Махмута? — подняв голову и оглянувшись, спросил вдруг Аянбек.

Курышпай помрачнел, украдкой посмотрел на Халиму и, помолчав, сказал недовольно:

— Шайтан ездит на нем... Махмут спешно, говорят, за бесценок продал свой новый дом и куда-то уехал. Я думаю, неспроста уехал. Как бы он не оказался в числе тех, что подстроили Токашу такую пакость...

— Курыш! — взмолилась Халима. — Опомнись. Мой брат был другом Токаша.

— Другом? — зло усмехнулся Курышпай. — Настоящие друзья Токаша — вот они. Был бы здесь Махмут,

мы кое-что вытрясли бы из него... Не зря он наведывался к этому Фальковскому — так люди говорят.

Халима присела возле Акбалтыр и заплакала. Старуха не шевельнулась, только дрогнули прикрытые веки глаз.

— И еще — мы должны разыскивать тело Токаша, — продолжал Курышпай. Мы должны похоронить его и поставить памятник. Враг где-то спрятал его тело, он хочет лишить его доброго имени. Мы не допустим этого.

— Славному имени нет смерти, — тихо сказал Аяубек.

* * *

Утром Акбалтыр поднялась с постели. Оставив ее на попечение Халимы и Рахима, Курышпай пошел в исполком, чтобы повидать Саху — говорят, он приехал из Пишпека. Там он увидел Виноградова с воспаленными глазами и Юрьева. Петр Алексеевич еще больше похудел и постарел, но он не выглядел больным, подавленным свалившимся несчастьем. Наоборот, у него, кажется, прибавилось энергии, глаза светились здоровым беспокойством. Может быть, оттого, что гибель Токаша остро напомнила, какая жестокая и сложная идет борьба.

Здесь же Курышпай увидел Саху Сагатова. Саха не мог удержаться от слез.

— Потеряли мы, друг, своего старшего брата, — сказал он, обняв Курышпая. Потом сообщил: — Меня переводят из Пишпека сюда, на партийную работу. Ты сейчас куда?

— Зашел повидаться. Сейчас пойду в горы, буду искать Токаша... Надо похоронить. Мать приехала... — Курышпай отвернулся, махнул рукой и пошел.

Весь день он лазил по скалам, спускался в долины, заглядывал в расселины и пещеры. Вслушивался в тишину и улавливал чутким ухом только монотонный гул горных потоков; подходил к Алма-Атинке и осматривал огромные камни, забившие русло.

Горы с вечными снегами на вершинах, в дикой заросли кустарников, обставленные высокими тянь-шаньскими елями, молчали, они знали много тайн и не выдавали их...

Берегом речки, осматривая каждый изгиб и выступ,

каждый камень, он вернулся в город. По слухам, Токаш был убит за головным арыком в районе Песчаника. Курышпай вчера осмотрел там всю местность и не нашел никаких следов... Завтра надо будет подняться дальше в горы, к даче бая Медсу и продолжить поиски. Курышпай будет искать до тех пор, пока не найдет...

Вечером он и Саха стояли на Пугасовом мосту и смотрели на горы. Над вершинами их, как светлячки, зажигались звезды. Огромная тень напознала на Ала-Тау, затушевывала выступы и расселины, горы вырисовывались сейчас, как один огромный могильный холм, над ним печально светились звезды.

А на севере алел отблеск пожара. Там шли бои. Семиречье было в огневом кольце фронтов.

Берегом реки, согнувшись, тихо шла женщина. Она была в черной шали и в черном халате. Иногда женщина останавливалась и подолгу смотрела на бурливую воду, наклонялась к камням, вздыхала и шла дальше. Под длинным халатом не было видно ног, и она, вся черная, двигалась, как тень.

— Кто это? — спросил Саха.

— Это Бикен, — ответил Курышпай.

— Пойдем посмотрим.

— Не надо. Она стала страшной. Сумасшедшая. Я вчера видел ее здесь. Она тоже ищет Токаша. Сумасшедшая! — повторил Курышпай.

Черная тень медленно удалялась...

К о н е ц

Редактор Н. Ровенский. Художник Н. Лебедев
Худож. редактор Н. Гаев. Техн. редактор П. Вальчук
Корректор В. Масленникова

Сдано в производство 28/VI-60 г. Издат. № 221. Подписано к печати 5/IX-60 г.
Бумага 84 × 108 1/32 = 11,75 печ. листа — 19,27 усл. печ. листа (Уч.-изд. 20,84 л.).
Тираж 20 000 экз. Цена 7 р. 30 к (с 1 I 61 г. цена 73 к)

Алма-Ата, Типография № 1 Главиздата Министерства культуры
Казахской ССР. Заказ № 1639.

С 1/1 1961 г. цена 73 к.

7 р. 30 к.